

«Лучший друг немецкого народа»: культ Сталина в Восточной Германии (1945–1961 гг.)

АЛЕКСЕЙ ТИХОМИРОВ

АЛЕКСЕЙ ТИХОМИРОВ

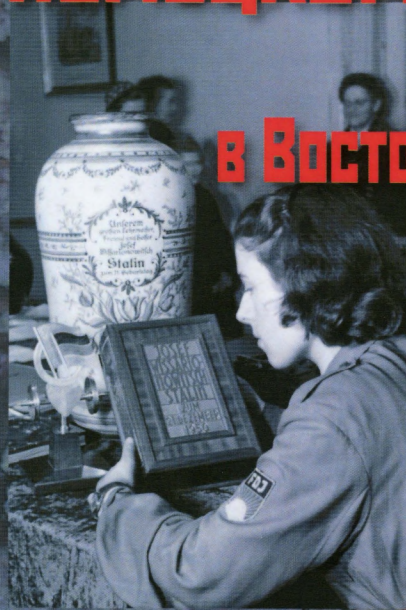

ИСТОРИЯ
СТАЛИНИЗМА

«ЛУЧШИЙ ДРУГ НЕМЕЦКОГО НАРОДА»

КУЛЬТ СТАЛИНА
В ВОСТОЧНОЙ ГЕРМАНИИ
(1945–1961 гг.)

**Уполномоченный по правам человека
в Российской Федерации**

**Совет при Президенте Российской
Федерации по развитию гражданского
общества и правам человека**

**Государственный архив
Российской Федерации**

**Российский государственный архив
социально-политической истории**

Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина»

**Издательство
«Политическая энциклопедия»**

**Международное историко-просветительское,
благотворительное и правозащитное
общество «Мемориал»**

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН**

Редакционный совет серии:

- Й. Баберовски (*Jörg Baberowski*),
Л. Виола (*Lynn Viola*),
А. Грациози (*Andrea Graziosi*),
А. А. Дроздов,
Э. Каррер д'Анкосс (*Hélène Carrère d'Encausse*),
В. П. Лукин,
С. В. Мироненко,
Ю. С. Пивоваров,
А. Б. Рогинский,
Р. Сервис (*Robert Service*),
Л. Самуэльсон (*Lennart Samuelson*),
А. К. Сорокин,
Ш. Фицпатрик (*Sheila Fitzpatrick*),
М. А. Федотов,
О. В. Хлевнюк

АЛЕКСЕЙ ТИХОМИРОВ

**ИСТОРИЯ
СТАЛИНИЗМА**

«ЛУЧШИЙ ДРУГ НЕМЕЦКОГО НАРОДА»:

**КУЛЬТ СТАЛИНА
В ВОСТОЧНОЙ ГЕРМАНИИ
(1945 - 1961 гг.)**

РОССПЭН

Москва
2014

GERDA HENKEL STIFTUNG

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Германского исторического института в Москве,
а также Фонда Герды Хенкель

“Gedruckt mit Unterstützung der Gerda Henkel Stiftung, Düsseldorf”

В оформлении обложки использованы иллюстрации из Bildarchiv
im Bundesarchiv (Koblenz) и Archiv der sozialen Demokratie
der Friedrich Ebert Stiftung (Bonn)

Тихомиров А. А.

T46 «Лучший друг немецкого народа»: культ Сталина в
Восточной Германии (1945–1961 гг.) / Алексей Тихомиров. –
М.: Политическая энциклопедия, 2014. – 310 с. : ил. – (История
сталинизма).

ISBN 978-5-8243-1861-6

«Сталин – лучший друг немецкого народа!» Как ни парадоксально звучал данный восточногерманский лозунг пропаганды для современников после 1945 г., он отражал исторические реалии складывания нового политического порядка в послевоенной Европе и являлся результатом процесса советизации территории бывшего врага. После победы Советского Союза во Второй мировой войне экспорт культа Сталина в страны социалистического блока превратился в эффективный инструмент идеологической экспансии Центра (Москвы) на Периферию (Восточную Германию), обучая население говорить, действовать и чувствовать по-советски. Настоящая книга рассказывает читателю о процессе становления, расцвета и забвения культа Сталина в Восточной Германии в период с 1945 по 1961 г. О том, как происходил идеологический трансфер из СССР в советскую оккупационную зону и как онемечивались советские репрезентации власти в чужом политическом пространстве, какую роль сыграл культ Сталина в мобилизации населения и утверждении диктатуры СЕПГ, как рядовые немцы реагировали на предложение нового «фюрера» в лице советского лидера и переделывали себя из «врагов» в «друзей» Сталина речь идет в этой книге.

Книга предназначена для специалистов-историков и для широкого круга читателей, интересующихся историей России и СССР, историей Восточной Германии (ГДР) и других обществ советского типа в Восточной Европе после 1945 г.

УДК 94(430)"1945/1961"
ББК 63.3(4)

ВВЕДЕНИЕ

18 февраля 1943 г. Берлинский дворец спорта заполнила многотысячная аудитория. У микрофона стоял Йозеф Геббельс – нацистский министр пропаганды. Ему предстояло выполнить непростую задачу – поднять дух нации после сокрушительного поражения в Сталинградской битве и вдохновить массы на продолжение войны. Для мобилизации всех ресурсов и укрепления пошатнувшейся веры в фюрера – Гитлера Геббельс представил сложившуюся ситуацию на фронте в качестве вопроса о жизни и смерти не только для немецкой нации, но и всей европейской цивилизации. Геббельс призывал нацию к тотальной борьбе с «варварской, еврейско-большевистской угрозой», лицом и воплощением которой являлся Иосиф Сталин:

Большевизм всегда открыто провозглашал свою цель: принести революцию не только в Европу, но и во весь мир и свергнуть его в большевистский хаос. Эта цель была очевидна с самого рождения большевистского Советского Союза; она была идеологической и практической целью политики Кремля. [...] Это прямая угроза существованию всех европейских держав. Не стоит думать, что большевизм остановится на границах Рейха, если он победит. Цель его агрессивной политики и агрессивных войн – это большевизация всех стран и народов в мире. [...] Как бы то ни было, немецкий народ не желает склоняться перед лицом этой опасности. Позади приближающихся советских дивизий мы видим еврейские отряды по уничтожению, а позади них – террор, призрак массового голода и полную анархию. Международное еврейство – это дьявольская разлагающая закваска, которая получает циничное удовлетворение от того, что она ввергает мир в глубочайший хаос и разрушает древние культуры, в создании которых она не принимала никакого участия. [...] С горячим сердцем и холодной головой мы преодолеем нелегкие проблемы этой стадии войны. Мы на пути к окончательной победе. И победа эта покоится на нашей вере в Фюрера. В этот вечер я хочу еще раз напомнить всему народу о его долге. Фюрер ждет, что наши будущие поступки затмят

все, что мы делали до сих пор. Мы не хотим обмануть его ожиданий. Так же, как мы гордимся им, он должен гордиться нами¹.

1 декабря 1949 г. в газете «Нойес Дойчланд» – центральном печатном органе СЕПГ – была опубликована статья под заголовком «Дружба со Сталиным навсегда». Публикация дала старт официальной кампании в связи с празднованием 70-летнего юбилея советского лидера в Восточной Германии. Одновременно руководители ГДР – *государства пропаганды*², созданного по советскому образцу, – пытались перечеркнуть нацистские стереотипы восприятия Сталина в сознании немцев и утвердить новый образ «друга, учителя и гаранта мира». После поражения во Второй мировой войне объектом национальной гордости объявлялся не *свой* фюрер, а *чужой* государственный лидер:

21 декабря 1949 г. генералиссимусу Сталину, вождю народов Советского Союза, величайшему государственному деятелю нашего времени исполняется 70 лет. Все миролюбивые и сознательно мыслящие немцы с особо теплыми чувствами принимают участие в столь праздничном дне. Никакой другой иностранный политический деятель в прошлом и настоящем не воспринимал интересы немецкого народа так близко к сердцу и не защищал их так, как это делает генералиссимус Сталин. [...] Пусть же немецкий народ после многих и оплаченных кровью заблуждений осознает, что означает дружба Сталина и тем самым Советского Союза во всей ее исключительности! Ибо в Сталине воплощаются те могучие, прогрессивные общественные силы, которые уже сегодня определяют судьбу многочисленных государств и во все более возрастающем масштабе всего мира. Дружба со Сталиным означает дружбу с могущественным Советским Союзом, с народно-демократическим Китаем, народно-демократическими республиками Европы, со всем большим лагерем мира и прогресса. [...] Дружба со Сталиным – это гарантия победы, мира и будущего. [...] В этом духе мысли и надежды бесчисленного количества немцев устремляются 21 декабря на Сталина, который помогает нам построить жизнь свободы и счастья в единой, демократиче-

¹ Геббельс Й. «Воспрянь, народ, и пусть грянет буря!» Речь о тотальной войне, произнесенная 18 февраля 1943 г. См.: <http://hedrook.vho.org/library/goebbels4.htm> (Дата обращения: 16 апреля 2012 г.)

² Kenez P. The Birth of the Propaganda State: Soviet Methods of Mass Mobilization, 1917–1929. Cambridge, 1986.

ской и миролюбивой Германии. Да здравствует вечная дружба со Сталиным – истинным другом Германии!¹

Точно двадцать лет спустя, после утверждения культа Сталина в Советском Союзе в 1929 г., мы наблюдаем расцвет культа советского лидера к 70-летию «вождя» в самом сердце Европы – в Восточной Германии. Кто бы мог подумать, что на бывшей территории Третьего рейха немцы будут поклоняться своему «заклятому врагу»? За четыре года с момента окончания войны имидж Сталина кардинально изменился. Визуальный ряд изображений Сталина в виде «дьявола», «красного царя» и «кроважного тирана» (ил. 1) сменяется репрезентациями «лучшего друга немецкого народа» в образе генералиссимуса и гаранта мира в Европе (ил. 2). В официальном публичном дискурсе Сталин из «врага» эволюционирует в «фюрера», занимая тем самым глубоко символическую позицию национального лидера, которая еще несколько месяцев назад – вплоть до момента капитуляции Германии 8 мая 1945 г. – была оккупирована персоной Гитлера. Появление нового выражения в послевоенном политическом лексиконе – «фюрер Сталин», то есть в переводе с немецкого «вождь Сталин» – стало показателем глубокой семантической перестройки сферы символической политики и репрезентаций власти.

Приведенные мной две цитаты из нацистской и советской пропаганды сталкивают нас с интригующей ситуацией. С одной стороны, Восточную Германию после 1945 г. принято считать репрезентативным примером советизации стран Центральной и Восточной Европы и типичным членом блока социалистических государств². В ГДР на-

¹ Freundschaft für immer mit Stalin! Aufruf der Provisorischen Regierung der Deutschen Demokratischen Republik zum 21. Dezember, in: Neues Deutschland, 1. Dezember 1949. Nr. 281. S. 1–2.

² О процессах советизации Центральной и Восточной Европы см.: Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф., Покивайлова Т. А. Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа (1949–1953): Очерки истории. М., 2002; Петров Н. В. Формирование органов немецкого самоуправления и советизация Восточной Германии // СВАГ и немецкие органы самоуправления, 1945–1949 / отв. ред. и отв. составитель Н. В. Петров. М., 2006. С. 15–56; Байрау Д. Выходцы из советского инкубатора: советская гегемония и социалистический строй в Центрально-Восточной Европе // Ab Imperio. 2011, № 4. С. 203–235; Bonwetsch B. Die Sowjetisierung Osteuropas: Moskaus Politik im Interpretationswandel, in: Schmidt-Hartmann E. (Hg.). Kommunismus und Osteuropa. Konzepte, Perspektiven und Interpretationen im Wandel, München 1994; Jarausch K., Siegrist H. (Hg.). Amerikanisierung und Sowjetisierung in Deutschland 1945–1970. Frankfurt a. M., 1997; Naimark N., Gibianskii L. (ed.). The Establishment of Communist Regimes in Eastern Europe, 1944–1949. Boulder, Colorado, 1997; Lemke M. (Hg.). Sowjetisierung und Eigenständigkeit in der SBZ/DDR (1945–1953). Köln, 1999; Connolly J. Captive University: the Sovietization of East German, Czech, and Polish Higher

ряду с прочими социалистическими странами произошло становление политической системы по советскому образцу – оформление однопартийной диктатуры через террор и репрессии к инакомыслящим наряду с пропагандой счастливого будущего коммунизма и идеалов нового человека. С другой стороны, Восточная Германия представляет собой *особый* случай в общем контексте социалистических государств. Данная уникальность ГДР заключалась в исключительности сложившейся ситуации в контексте послевоенной европейской политики. Во-первых, немцы и русские являлись вчерашними врагами. Германия проиграла, а СССР выиграл войну. И после наступления мира двустороннее восприятие стран определялось негативными стереотипами и образами врагов, обнажавших конфликт конгруэнтности между советским и немецким мирами. Во-вторых, присутствие войск Красной армии в советской зоне оккупации закреплялось международными соглашениями между союзниками и являлось, по их мнению, одним из гарантов перевоспитания немцев в целях окончательного искоренения нацистской идеологии из сознания населения. И, наконец, в условиях холодной войны ГДР оказалась на границе капиталистической и социалистической конкурировавших систем, символизируя в блоке социалистических государств идеологическую линию фронта между *миром добра* (страны народных демократий) и *миром зла* (капиталистические страны) (ил. 3). Советская сторона поддерживала репрезентации ГДР в качестве «витрины социализма», «оплота, стража и границы мира» ради предотвращения новой войны, угроза которой якобы исходила из западной – американизированной – части земного шара. Все вместе эти факторы создавали уникальную ситуацию формирования и восприятия культа Сталина в Восточной Германии. Подобный анализ Восточной Германии как общего и особого случая в ходе советизации Центральной и Восточной Европы после Второй мировой войны позволяет рассмотреть стратегии и механизмы формирования советского влияния, логику и сбой советского культурного трансфера, закономерное и случайное в культе Сталина на территории бывшего врага¹.

Education, 1945–1956. Chapel Hill, 2000; Creuzberger S. Gleichschaltung unter Stalin? Die Entwicklung der Parteien im östlichen Europa 1944–1949. Paderborn, 2002; Apor B., Apor P., Rees E. A. (ed.). The Sovietization of Eastern Europe: New Perspectives on the Postwar Period. Washington, 2008; Applebaum A. Iron Curtain. The Crushing of Eastern Europe 1944–1956. London, 2012.

¹ Passeron J.-C., Revel J. Penser par cas. Raisonner à partir de singularités, in: Passeron J.-C. Revel J. (ed.). Penser par cas. Paris, 2005. P. 9–44.

Цели и задачи исследования

Цель настоящего исследования заключается в комплексном анализе культа Сталина в Восточной Германии в хронологических рамках с 1945 по 1961 г. Поставленную цель можно условно подразделить на три блока задач: 1) реконструкция политического, социального и эмоционального портретов Германии после поражения во Второй мировой войне и влияние амбивалентной послевоенной ситуации на трансфер и адаптацию советской пропаганды о Сталине к немецким условиям; 2) исследование агентов, механизмов и содержания пропаганды культа Сталина на волне советизации, а также специфики процессов забывания советского лидера после 1956 г. в ходе транснационального процесса десталинизации; 3) анализ модальностей восприятия культа Сталина в широком спектре социальных акторов, социальных групп, поколений, а также в публичных и частных пространствах жизни восточногерманского субъекта.

Каждый блок задач включает следующие вопросы.

1. Как немецкое общество переживало поражение во Второй мировой войне, означавшее для значительной части населения крах мировоззрения, потерю ориентиров в настоящем и отречение от планов на будущее? Как опыт капитуляции и память о жизни в Третьем рейхе повлияли на восприятие пропаганды Сталина? Какие факторы послевоенной повседневности определили модальности мнений о Сталине, способствуя отторжению его образа, с одной стороны, и принятию – с другой? В чем заключалась привлекательность культа Сталина для общества проигравших? Что предлагала и чем заманивала пропаганда советского лидера *чужое* – несоветское – население? Насколько эффективной была советская пропаганда, апеллировавшая к *морали* немецкого общества и чувствам вины за развязывание общемировой катастрофы? Являлся ли культ Гитлера серьезным конкурентом и символическим барьером для большевистской пропаганды? Каким образом культ Сталина способствовал тотальной перестройке системы публичного символизма – публичного пространства и официальных сфер, представлений о времени – интерпретаций прошлого, настоящего и будущего, забыванию старых символов кайзеровской Германии и Третьего рейха на фоне утверждения новых репрезентаций власти? Удавалось ли режиму СЕПГ политизировать частное пространство жизни индивида, подчиняя приватную зону государственным и партийным интересам? И, наконец, как большевистский проект культа Сталина определил политический сценарий развития в Восточной Германии – территории, превратившейся после 1945 г.

в периферию послевоенной советской империи и передовую линию фронта в системном конфликте холодной войны?

2. Каким образом советский культ Сталина переносился, подготавливался и адаптировался к немецким послевоенным условиям? Каким содержанием наполнялись ритуалы, мифы и практики культа личности в ГДР? Какие усилия и методы работы применяли немецкие и советские чиновники для утверждения культа Сталина в чужой культурной среде? Какие роли и значения доминировали в пропаганде образа Сталина? Какие техники власти использовались государством пропаганды для проникновения в сознание субъекта и программирования представлений о морали с ключевым вопросом о том, как избавиться от чувства вины за соучастие в военных преступлениях нацистов и создать *нормальные* условия жизни на стороне победителей? Каким образом восточногерманская политическая элита использовала трансфер культа вождя для формирования послевоенного политического порядка, установления патронажа Кремля и получения доступа к политическим, экономическим, военным и символическим ресурсам Центра в целях стабилизации собственной власти? Каким образом советские оккупационные власти в сотрудничестве с СЕПГ пытались сконструировать смысл легитимности создаваемого политического порядка в условиях его очевидной непопулярности среди населения? Какую роль трансфер культовых знаний и практик в Восточную Германию сыграл в сталинизации СЕПГ? Каким образом советские репрезентации лидера инкорпорировались в систему публичного символизма Восточной Германии и удалялись из нее после 1956 г.? Как массмедиа влияли на вовлечение населения в культ Сталина и какие медиа являлись наиболее успешными в работе аппарата пропаганды?

3. Как культ Сталина повлиял на социальную структуру, закрепление классовой идентичности и оформление послевоенных поколений? Какие социальные акторы вели переговоры об основах сосуществования с *государством рабочих и крестьян*, а кто был исключен из поля политической коммуникации? Как немцы переживали поражение в войне – как национальную катастрофу или освобождение от фашизма? Как расколотое и удрученное поражением немецкое общество воспринимало советизацию и реагировало на образ Сталина в роли «освободителя» и «друга»? Каким образом официальная риторика вины за развязывание Второй мировой войны определила не только официальные дискурсы, но и социальные практики повседневного поведения субъекта? Какую роль культ Сталина выполнял в процессах политической мобилизации населения, его индоктринирования, производства лояльности и подчинения, обеспечивавших

стабильность послевоенного советизированного порядка? Как кампании пропаганды интерпретировались населением сквозь призму «коричневого» прошлого и острой потребности в нормализации настоящего? Какими пространствами и возможностями обладало население для выражения популярных и альтернативных мнений о Сталине? Как властные структуры отслеживали, контролировали и наказывали носителей *других* мнений? Каким образом культ Сталина проникал в пространства повседневности и включал частное в дискурс власти? Отвечая на перечисленные вопросы, я заинтересован в анализе значения культа Сталина в формировании и легитимировании субалтерных послевоенных обществ советского типа, зависимых от Москвы, а именно: как культ Сталина закреплял имперскую иерархию властных отношений, определял функционирование диктатуры и поддерживал жизнеспособность закрытых обществ?

Источники и уровни анализа

Источниковой базой исследования стали документы из российских и немецких архивов. Весь корпус источников можно условно разделить на два блока. Главная особенность первого блока – документов Советской военной администрации в Германии (СВАГ), партийных органов КПСС и СЕПГ – заключается в том, что эти институты власти создавали дискурсивный порядок легитимности и стабильности режима СЕПГ. Они инсценировали популярность режима и его поддержку со стороны широких масс. В данных источниках Сталин – «лучший друг, учитель и отец немецкого народа». Наоборот, все действия против установления советского порядка в Восточной Германии характеризовались в данных документах в терминах «криминальных преступлений», «вражеской деятельности» и «фашистской реакции». Восточногерманские и советские властные структуры призывали активно бороться с «внешними и внутренними врагами» для поддержания дискурсивной чистоты инсценируемого общества социального консенсуса, отличительной характеристикой которого пропагандировалось гармоничное сосуществование государства и населения в виде подчинения частных интересов целям и задачам партии.

Данный блок источников показывает, как Восточная Германия, превратившись в периферию послевоенной советской империи, забывала язык Третьего рейха, училась говорить «по-большевистски» и демонстрировала собственное подчинение Центру, воспроизводя советские риторические шаблоны о классовой борьбе с врагами на-

рода в официальных публичных сферах¹. Языковая политика диктатур современности являлась составной частью процесса социальной инженерии, нацеленной на изменение мышления индивида и воспитание лояльности к идеалам государства пропаганды. Язык являлся формой осуществления власти и инструментом формирования одномерной социальной реальности, в которой индивиду было необходимо адаптироваться, приспособливаться и находить смыслы жизни в условиях диктатуры. Язык диктатуры репрезентировал властные отношения и воспроизводил власть, так как превратился в публичный ритуал и стал социальной практикой в социалистической повседневности². Язык являлся индикатором принадлежности и включенности, сигнализируя о политической лояльности граждан. Источники первого блока описывают тоталитарного субъекта, лишённого автономности и полностью контролируемого государством и партией, участника официальных ритуалов и носителя социалистической морали.

Второй блок источников составили отчеты Восточного бюро СДПГ из Архива фонда имени Фридриха Эберта в Бонне (ФРГ)³. Они представляют западный взгляд на пропаганду Сталина в ГДР. Данные источники использовали альтернативный, по сравнению с первым блоком, язык описания социальной реальности, отражавшей непопулярность СЕПГ и, как следствие, высокий уровень оппозиционной активности и сопротивления диктатуре, прежде всего среди рабочих на промышленных предприятиях и в индустриальных центрах ГДР. Отчеты Восточного бюро СДПГ формировали дискурс нелегитимности власти в Восточной Германии, рассказывая о ее несостоятельности в глазах рядовых граждан. Данные источники создают впечатление о существовании либерального субъекта, ко-

¹ Клемперер В. LTI. Язык Третьего рейха: записная книжка филолога. М., 1998; Kotkin S. Magnetic Mountain. Stalinism as Civilization. Berkeley: Los Angeles; London, 1995.

² Jessen R. Diktatorische Herrschaft als kommunikative Praxis. Überlegungen zum Zusammenhang von "Bürokratie" und Sprachnormierung in der DDR-Geschichte, in: Lüdtker A., Becker P. (Hg.) Akten. Eingaben. Schaufenster. Die DDR und ihre Texte. Berlin, 1997. S. 57–78. О взаимосвязи языка и политического порядка в XX веке см. также: Steinmetz W. (ed.). Political Languages in the Age of Extremes. Oxford, 2011.

³ Восточное бюро СДПГ было основано в 1946 г. после насильственного объединения КПГ с СДПГ. Его задача заключалась в организации нелегальной работы СДПГ в Восточной Германии и поддержке оппозиционной активности населения к режиму СЕПГ. Одна из важных задач бюро состояла в сборе информации о политике, экономике и обществе в Советской оккупационной зоне / ГДР и составлении отчетов об оппозиционных настроениях населения. Первоначально штаб находился в Западном Берлине, а в июне 1951 г. был перенесен в Бонн, где в настоящее время находится архив Восточного бюро СДПГ в фонде имени Ф. Эберта. См.: Bärwald H. Das Ostbüro der SPD, 1946–1971. Kampf und Niedergang. Krefeld, 1991.

торый, несмотря на насилие и контроль диктатуры, обладал храбростью сопротивления и трезвым рассудком по отношению к нормам и идеалам тоталитарной власти. По моему мнению, комплексное использование двух блоков источников позволяет избежать взаимоисключающих мнений и биполярных оценок о жизни субъекта в условиях диктатуры. Комбинированный анализ источников «западного» и «советского» происхождения позволяет понять гибридность поведения советизированного субъекта, который в условиях диктатуры мог подчиняться и приспосабливаться, вести переговоры и сопротивляться режиму власти *одновременно* в зависимости от ситуации, места и времени или факта пребывания в той или иной публичной/частной сфере и предполагаемых норм поведения в ней¹.

Анализ источников осуществлялся на двух уровнях².

1. Первый уровень анализа охватывает *сферу партийно-государственных посланий и репрезентаций*. Это место монополии государства и партии над определением, распространением и контролем за нарративами и имиджами советского лидера. Это сфера идеальных представлений о «лучшем друге немецкого народа», транслируемых сверху вниз органами пропаганды и учебными заведениями, массовыми организациями и массмедиа. Это уровень партийно-государственного дискурса о Сталине, что и определило привлечение официальных источников. Анализ протоколов заседаний политбюро ЦК СЕПГ был необходим для восстановления механизмов принятия решений относительно становления культа Сталина в ГДР и роли политической элиты Восточной Германии в утверждении культа через выстраивание патерналистских отношений со структурами и представителями СВАГ, ЦК КПСС и не в последнюю очередь лично со Сталиным. Для исследования каналов экспорта образа «вождя» в Восточную Германию были использованы документы ВОКС (в ГА РФ), которые следует анализировать в сочетании с материалами Отдела пропаганды и агитации при ЦК КПСС (в РГАСПИ) и документами из референтуры по Германии в архиве Министерства

¹ Тихомиров А. Приспосабливаться, договариваться, сопротивляться: к вопросу о стратегиях жизни человека советского типа // *Власть и общество в условиях диктатуры: исторический опыт СССР и ГДР, 1945–1965* / под ред. Р. Болдырева. Архангельск, 2009. С. 259–274.

² В качестве основы для анализа культа Сталина в Восточной Германии я опираюсь на коммуникативную модель исследования социалистических героев, предложенную С. Сатюков и Р. Гриз. См.: Satjukow S., Gries R. Zur Konstruktion des "sozialistischen Helden". Geschichte und Bedeutung, in: Ders. (Hg.). *Sozialistische Helden. Eine Kulturgeschichte von Propagandafiguren in Osteuropa und der DDR*. Berlin, 2002. S. 15–34.

иностранных дел РФ. Для реконструирования механизмов и содержания пропаганды на региональном уровне привлекались акты местных представительств СЕПГ и документы отдела партийных органов при ЦК СЕПГ по работе с региональными ячейкам в провинциях и землях ГДР. Привлечение документов из фондов Общества германосоветской дружбы (ОГСД) и Союза свободной немецкой молодежи (ССНМ), хранящихся в федеральном архиве ФРГ, позволило реконструировать кампании пропаганды, чтобы понять механизмы мобилизации, индоктринирования и подчинения восточногерманского общества с помощью создаваемого культа Сталина. Архивные документы были дополнены опубликованными источниками: наряду с литературой органов пропаганды для анализа привлекались материалы социалистической печати, мемуары и воспоминания сотрудников СВАГ, а также работников партийно-государственного аппарата режима СЕПГ, отчеты о поездках в Советский Союз представителей массовых организаций. В отдельную подгруппу следует выделить аудиовизуальные источники, которые позволили проанализировать иконографию режима и проникнуть в «официальное настроение» восточногерманского общества конца 1940-х – начала 1950-х гг.

2. Второй уровень анализа охватывает *сферу интерпретаций и реакций* на пропагандируемый образ Сталина в широком спектре социальных акторов. Это пространство повседневности восточных немцев, являвшихся потребителями и реципиентами пропаганды Сталина. Это сфера жизни исторического субъекта, вовлеченного в сложную сеть коммуникаций с государством и партией, в официальные ритуалы и организованные публичные сферы. Данный уровень анализа намерен показать, как нарративы пропаганды и представления о социалистической морали, о дружбе и любви к Сталину интерпретировались населением и каким образом большевистская пропаганда интегрировалась, перерабатывалась или отторгалась в повседневности после войны. Для реконструкции мира мнений восточных немцев о Сталине привлекались политические донесения СВАГ, отчеты Штази, отчеты международной информации СВАГ по Германии, сводки Восточного Бюро СДПГ наряду с мемуарами и воспоминания очевидцев событий. Данные документы описывают широкий диапазон практик восприятия и адаптации, эмоций и реакций на образ советского лидера, исходя из памяти и опыта представителей различных поколений, возрастных и профессиональных групп. Безусловно, данные источники тенденциозны и рассказывают нам в гораздо большей степени о конструируемом самим режимом политическом порядке, чем об истинных мнениях граждан или об обще-

ственном мнении в условиях диктатуры¹. Тем не менее их использование позволяет частично реконструировать популярные мнения среди населения и сделать выводы о динамике границ толерантности режима СЕПГ к риторике и поведению населения в обществе советского типа.

Терминология: «культ личности» или «культ Сталина»?

В настоящей книге термины «культ вождя», «культ личности» и «культ личности Сталина» используются в качестве синонимов, тем не менее необходимо определить различия между ними. После секретного доклада Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС происходит отождествление термина «культ личности» с персоной Сталина. Уже после смерти советского лидера в марте 1953 г. преемники начинают говорить о «культе личности», связывая с данным термином абсолютную власть Сталина, увенчанную террором и репрессиями. Д. М. Фельдман отмечает, что после доклада Хрущева под «культом личности» стали понимать «индивидуализм в своем крайнем проявлении, доходящий до абсолютного произвола»². «Культ личности», таким образом, превратился в метафору, характеризующую сталинскую эпоху и сталинский стиль власти.

Однако изучение истории самого понятия «культ личности» показало, что термин использовался и до 1956 г. в марксистской традиции и социал-демократическом движении, а также в партийной риторике коммунистов³. Исследователи акцентируют внимание на традиционно негативных коннотациях понятия о чрезмерном возвеличивании политических деятелей, не соответствовавшего истинному положению дел. Как правило, понятие использовалось в целях дискредитации той или иной личности и инструментализировалось в практиках доноса. В политической культуре сталинизма, делает вывод Б. Апор, понятие «культ личности» употреблялось в качестве главного осуж-

¹ О возможностях и границах использования сводок и политических донесений при анализе культа Сталина в ГДР см. настоящую книгу, § 1.3. «Границы диктатуры дискурса: пути формирования единого дискурсивного поля сталинизма».

² Одесский М. П., Фельдман Д. М. Поэтика «оттепели»: материалы к изучению пропагандистской модели XX съезда КПСС. Идеологема «культ личности» // Нестор. Технология власти. 2005. № 7. СПб. С. 374–402, здесь с. 384.

³ Там же; Plamper J. Introduction: Modern Personality Cults, in: Heller K., Plamper J. (ed.). *Personality Cults in Stalinism – Personenkulte im Stalinismus*. Göttingen, 2004. P. 22–33; Cohen Y. The Cult Number One in an Age of Leaders, in: *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 8, No. 3. (Summer 2007). P. 597–634.

дающего термина в процессе компрометирования не угодных режиму лиц и их причисления к *врагам народа*¹. Активируя данное понятие в политическом лексиконе эпохи десталинизации, преемники Сталина прекрасно осознавали смысл использования термина с намерением очернения авторитета вождя. Они обращали внимание на «негативный» капитал понятия для приписывания всей вины за террор лично Сталину в противовес категории «коллективного руководства», которая вбирала в себя значения оживления принципов партийной демократии и возвращения к ленинским нормам партийной жизни, символизировала отказ от террора и необходимость реабилитации жертв политических репрессий. Термин использовался вплоть до разрушения блока социалистических государств для дискредитации первых лиц государства и партии в блоке социалистических государств. До настоящего времени термин чрезвычайно политизирован в связи с обвинениями в адрес российской власти в установлении культа личности лидеров государства². С этим связаны сложности использования понятия в качестве категории научного анализа. Не случайно современные исследователи предлагают более нейтральные термины «культ вождя» или «культ номер один», а в заголовок настоящей книги вынесено менее эмоционально нагруженное понятие «культ Сталина»³.

Историография проблемы

Историография изучения диктатур XX столетия в последние десятилетия концентрировалась на изучении двух ключевых вопросов: как действительно функционировала диктатура и каким образом обеспечивалась жизнеспособность закрытого общества?⁴ Новые

¹ Apor B. Communist Leader Cults in Eastern Europe: Concepts and Debates, in: Spectrum Hungarologicum. Vol. 4. P. 51.

² См.: Cassiday J. A., Johnson E. D. Putin, Putiniana and the Question of a Post-Soviet Cult of Personality, in: Slavonic and East European Review. Vol. 88. No. 4. October 2010. P. 681–707.

³ См., например: Cohen. The Cult of Number One.

⁴ Для ГДР см.: Meuschel S. Legitimation und Parteiherrschaft. Zum Paradox von Stabilität und Revolution in der DDR, 1945–1989. Frankfurt a. M., 1992; Mühlberg F. Bürger, Bitten und Behörden. Geschichte der Eingabe in der DDR. Berlin, 2004; Fulbrook M. The People's State: East German Society from Hitler to Honecker. New Haven, 2005. Для СССР см.: Inkeles A., Bauer R. A. The Soviet Citizen. Daily Life in a Totalitarian Society. Cambridge, Mass., 1961; Fainsod M. How Russia is Ruled. Cambridge, Mass., 1967; Yurchak A. Everything Was Forever, Until it Was No More. The Last Soviet Generation. Princeton, 2005. Сравнительный анализ исследования диктатур см.: Kershaw I.,

исследования показали, что в осуществлении власти диктатуры XX столетия опирались не только на репрессии и террор. Это были диктатуры соучастия, сотрудничества и сопереживания, стимулировавших вовлечение широких слоев населения в сферу политического и навязывавших индивиду комплекс официальных смыслов для интеграции в авторитарные системы жизни¹. Анализ всей сложности взаимоотношений между государством и населением, множественных форм, каналов и медиа их коммуникации повлекли критику теории тоталитаризма и возникновение ревизионистской парадигмы «за тоталитаризмом»². В рамках данной тенденции внимание историков все более сосредоточивается на *повседневности власти* – пространства каждодневной встречи государства и гражданина, в котором власть многократно манифестировалась и подтверждалась, принималась и ставилась под сомнение, отклонялась и по-новому выторговывалась. В повседневности, резюмирует М. Сабров, власть переводилась в социальные практики, а социальные практики являлись воплощением власти и отражением властных отношений³.

Культ личности политических лидеров традиционно относился к классическим признакам тоталитарной природы власти в обществах советского типа⁴. Персонафикация власти являлась центральной стратегией легитимации диктатуры, передачи идеологического содержания в массы и важным инструментом реализации символической политики в целях политической мобилизации населения. Вождь представлялся органами пропаганды центральным идентификационным символом режима – спасителем, учителем и отцом. В символиче-

Lewin M. (ed.). *Stalinism and Nazism. Dictatorships in Comparison*. Cambridge, 1997; Russo H. (ed.). *Stalinism and Nazism. History and Memory Compared*. London, 1999; Corner P. (ed.). *Popular Opinion in Totalitarian Regimes: Fascism, Nazism, Communism*. Oxford, 2009; Postoutenko K. (ed.). *Totalitarian Communication. Hierarchies, Codes and Messages*. Bielefeld, 2010; Merl S. *Politische Kommunikation in der Diktatur. Deutschland und die Sowjetunion im Vergleich*. Göttingen, 2012.

¹ Например, см.: Fulbrook. *The People's State*; Klimo A.v., Rolf M. (Hg.). *Rausch und Diktatur. Inszenierung, Mobilisierung und Kontrolle in totalitären Systemen*. Frankfurt; New York, 2006.

² Geyer M., Fitzpatrick Sh. (ed.). *Beyond Totalitarianism. Stalinism and Nazism Compared*. Cambridge 2009. О критике теории тоталитаризма относительно исследования диктатуры СЕПГ см.: Ross C. *Zwischen politischer Gestaltung und sozialer Komplexität – Überlegungen zur Debatte über die Sozialgeschichte der DDR*, in: *Jahrbuch für Historische Kommunismusforschung*, 2003. S. 140–164.

³ Sabrow M. *Herrschaft und Alltag in der DDR*, in: *Parteidiktatur und Alltag in der DDR. Aus den Sammlungen des Deutschen Historischen Museums*. Berlin, 2007. S. 10–19, hier s. 14.

⁴ Friedrich C. J., Brzezinski Z. K. *Totalitarian Dictatorship and Autocracy*. Cambridge, Mass., 1965.

ской системе координат вождь являлся высшей моральной инстанцией, в компетенции которого находилось право прощать грехи целых наций. Он – центральная фигура, в руках которого была сконцентрирована абсолютная власть. Персона вождя выполняла важную интеграционную функцию, нацеленную на производство социального консенсуса, лояльности и подчинения. Культ Сталина представлялся сакральным центром послевоенной советской империи, нацеленной на интеграцию различных наций и государств в единое культовое общество, связанное воедино унифицированными нарративами, ритуалами и практиками почитания советского лидера.

В последние годы возрастает интерес к исследованию культов личности. Ученые не останавливаются исключительно на изучении классических диктатур XX столетия – культа Муссолини в фашистской Италии⁵, культа Гитлера в нацистской Германии⁶, культа Ленина⁷ и Сталина в Советской России⁸. В настоящее время наблюдается географическое и временное расширение в изучении культов вождей. Так, исследование культов личности заняло прочное место в глобальной истории коммунизма. Стоит упомянуть работы о культе первого президента Северного Вьетнама Хо Ши Мина и культе генерального секретаря Бразильской коммунистической партии Луиса Карлоса Престес, культе Мао Цзэдуна в Китае и культе Фиделя Кастро на Кубе⁹. Данная географическая и темпоральная экспансия исследований культов лидеров указывает на глобальную парадигму

⁵ Например, см.: Falasca-Zamponi S., *Fascist Spectacle: The Aesthetics of Power in Mussolini's Italy*. Berkeley, 1997.

⁶ Например, см.: Bühmann H. *Der Hitlerkult. Ein Forschungsbericht*, in: Heller, Plamper. *Personality Cults in Stalinism*. P. 109–157.

⁷ См.: Великанова О. В. *Образ Ленина в массовом сознании // Отечественная история*. 1994. № 2. С. 177–185; Ennker B. *Leninkult und mythisches Denken in der sowjetischen Öffentlichkeit 1924*, in: *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 44 (1996). S. 431–455; Ennker B., *Die Anfänge des Leninkults in der Sowjetunion*. Köln, 1997.

⁸ Например, см.: Хлевнюк О. В. *Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры*. М., 2010; Плампер Я. *Алхимия власти. Культ Сталина в изобразительном искусстве*. М., 2010; Gill G. *Symbols and Legitimacy in Soviet Politics*. Cambridge, 2011; Ashirova A. *Stalinismus und Stalin-Kult in Zentralasien. Turkmenistan 1924–1953*. Stuttgart, 2009; Löhmann R. *Der Stalinmythos. Studien zur Sozialgeschichte des Personenkultes in der Sowjetunion (1929–1935)*. Münster, 1990.

⁹ См.: Santana M. A. *Re-Imagining the Cavalier of Hope: the Brazilian Communist Party and the Images of Luiz Carlos Prestes*; Quinn Judge S. *Ho Chi Minh: Creator or Victim of Vietnamese Communism? Special Issue "Communism and the Leader Cult"*, in: *Twentieth Century Communism*, 1 (May 2009); Hung C. *The Cult of the Red Martyr: Politics of Commemoration in China*, in: *Journal of Contemporary History*. 2008. Vol. 43. No. 2. P. 279–304; Leese D. *Mao Cult. Rhetoric and Ritual in China's Cultural Revolution*. Cambridge, 2011; Gonzalez S. *The Secret Fidel Castro. Deconstructing the Symbol*. Oakland, 2001.

персонализации политического, уходящей своими корнями к культу монархов и культу героев на волне образования государств и наций¹. Как показывают исследования о конструировании, пропаганде и восприятии образов власти в механизмах легитимации господства в раннее новое время, культ личности не являлся исключительно продуктом секуляризации и модерности. Его истоки обнаруживаются как минимум в эпохе позднего средневековья и были обусловлены взаимосвязанными процессами становления массовой политики и массмедиа, национализации масс и расцвета монархических дворов с разветвленным административным аппаратом, ростом неформальных клиентельских сетей и манифестацией инсигний и практик символической политики².

С падением железного занавеса и окончанием холодной войны стали доступны ранее закрытые архивы как в бывшем СССР, так и в странах Восточной Европы. Первым важным достижением обращения к новым документам стало детальное изучение процессов послевоенной советизации Центральной и Восточной Европы. В результате культ Сталина в европейских обществах советского типа

¹ Например, см.: Asch R. G., Freist D. (Hg.). *Staatsbildung als kultureller Prozess. Strukturwandel und Legitimation von Herrschaft in der Frühen Neuzeit*. Köln, Weimar, Wien, 2005. Исследования, относящиеся ко второй половине XIX – началу XX в., см.: Eriksonas L. *National Heroes and National Identities*. Scotland, Norway and Lithuania. Bruxelles, 2004; Wolf Ch. *Monarchen als religiöse Repräsentanten der Nation um 1900*. Kaiser Wilhelm II, Königin Viktoria und Kaiser Joseph im Vergleich, in: Haupt H.-G., Langewische D. (Hg.). *Nation und Religion in Europa: mehrkonfessionelle Gesellschaften im 19. und 20. Jahrhundert*, Frankfurt a. M., 2004. S. 153–172; Gerwarth R. *The Bismarck Myth: Weimar Germany and the Legacy of the Iron Chancellor*. Oxford, 2005; Riall L. Garibaldi. *Invention of a Hero*. New Haven, London, 2007; Gerwarth R., Riall L. *Fathers of the Nation? Bismarck, Garibaldi and the Cult of Memory in Germany and Italy*, in: *European History Quarterly*. Vol. 39. No. 3. 2009. P. 388–413; Todorova M. *Bones of Contention. The Living Archive of Vasil Levski and the Making of Bulgaria's National Hero*. Budapest, New York, 2009.

² См.: Mosse G. L., *The Nationalization of the Masses: Political Symbolism and Mass Movements in Germany from the Napoleonic War through the Third Reich*. New York, 1975; Wilentz S. (ed.). *Rites of Power. Symbolism, Ritual, and Politics Since the Middle Ages*. Philadelphia, 1985; Kantorowicz E. H. *Die zwei Körper des Königs: eine Studie zur politischen Theologie des Mittelalters*. München, 1994; Wortman R. *Scenarios of Power. Myth and Ceremony in Russian Monarchy*. Vol. 1. Princeton, 1995; Vol. 2. Princeton, 2000; Paulmann J. *Pomp und Politik: Monarchenbegegnungen in Europa zwischen Ancien Régime und Erstem Weltkrieg*. Paderborn, München, Wien, 2000. О патронажных отношениях в российской политической культуре см: Афанасьев М. Н. *Клиентелизм и российская государственность*. М., 1997; Orlovsky D. T. *Political Clientelism in Russia: the Historical Perspective*, in: Rigby T. H., Harasymiw B. (ed.). *Leadership Selection and Patron-Client Relations in the USSR and Yugoslavia*. London, 1983. P. 174–199; Ransel D. L. *Character and Style of Patron-Client Relations in Russia*, in: Maçzak A. (ed.). *Klientelsysteme im Europa der Frühen Neuzeit*. München, 1988. P. 211–231; Hosking G. *Patronage and the Russian State*, in: *Slavonic and East European Review*. 78, 2000, 2. P. 301–320.

наряду с культами региональных партийных и государственных лидеров, прозванных в народе «учениками Сталина» или «маленькими сталинскими», утвердились как поле работы исследователей¹. Они пишут культурную историю обществ советского типа на основе изучения культов лидеров в процессах производства, стабилизации и легитимации авторитарных режимов власти. Как следствие, в центре внимания историков оказались вопросы идеологического трансфера из СССР в страны социалистического блока государств, стратегии адаптации советских норм к местным реалиям периферийных обществ и их реакций на *чужую* – советизированную – повседневность². Все чаще исследователи обращаются к изучению символической политики как центрального ключа для анализа процессов социальной интеграции и дезинтеграции, механизмов включения и исключения, выработки социального консенсуса и толерантности к социалистическим режимам власти, несмотря на их слабую легитимность и явную непопулярность среди населения. Для объяснения феномена социального консенсуса и прояснения причин толерантности населения к авторитарным режимам власти нам необходимы дальнейшие исследования о проникновении политического в менее политизированные пространства и частные ниши жизни индивида, например в сферу работы и свободного времени, туризма и досуга, потребления и гендерных отношений³. Эти сферы являлись местом встречи власти и индивида. Они служили пространством контроля, мобилизации и индоктринирования субъекта. В то же время они ста-

¹ Apor B., Behrends J. C., Jones P., Rees E. A. (ed.). The Leader Cult in Communist Dictatorship: Stalin and the Eastern Bloc. Basingstoke, 2004; Special Issue “Communism and the Leader Cult”, in: Twentieth Century Communism, 1 (May 2009); Special Issue “Cultic Revelations: Studies in Modern Historical Cult Personalities and Phenomena”, ed. by A. Halmesvirta, in: Spectrum Hungarologicum. Vol. 4. 2010; Ennker B., Hein-Kircher H. (Hg.). Der Führer im Europa des 20. Jahrhunderts. Marburg, 2010.

² Например, см.: Jaraus, Siegrist. Amerikanisierung und Sowjetisierung in Deutschland 1945–1970; Apor, Apor, Rees. The Sovietization of Eastern Europe; Leach N. (ed.). Architecture and Revolution: Contemporary Perspectives on Central and Eastern Europe. London; New York, 1999.

³ См.: Merkel I., Utopie und Bedürfnis. Die Geschichte der Konsumkultur in der DDR, Köln, Weimar, Wien 1999; Badstübner E., Befremdlich anders. Leben in der DDR, Berlin 2000; Crowley D., Reid S. E. (ed.). Socialist Spaces: Sites of Everyday Life in the Eastern Bloc, Oxford, New York, 2002; Gorsuch A., Koenker D. P. (ed.). Turizm: The Russian and East European Tourist under Capitalism and Socialism, Ithaca, 2006; Betts P., Pence K. (ed.). Socialist Modern: East German Everyday Culture and Politics, Ann Arbor 2008; Siegelbaum L. H., Cars for Comrades. The Life of the Soviet Automobile, Ithaca, 2008; Crowley D., Reid S. E. (ed.). Pleasures in Socialism. Leisure and Luxury in the Eastern Bloc, Evanston, IL, 2010; Giustino C. M., Plum C. J., Vari A. (ed.). Socialist Escapes: Breaking Away from Ideology and Everyday Routine in Eastern Europe, 1945–1989. New York, 2013.

новились площадкой для переговоров, в процессе которых шел поиск компромиссов, разворачивались конфликты и конкуренция, происходила притирка и «заключались» договоры об основах совместного сосуществования¹.

В российской научной литературе культ Сталина не изучался вплоть до перестройки. Вскоре после секретного доклада Н. С. Хрущева в 1956 г. образ советского диктатора был сначала деполитизирован, то есть доступен для критики, а затем вновь сильно политизирован, превратившись в запретную тему для общественных дискуссий². Во второй половине 1960-х и на протяжении 1970-х гг. советское государство превращается в «диктатуру воспоминаний» («*Erinnerungsdiktatur*»), используя память о великих достижениях эпохи сталинизма – победы во Второй мировой войне и создании основ социалистического строительства – в качестве главных стратегий регенерации доверия масс к режиму³. На фоне очередной героизации сталинского прошлого осквернение имени Сталина становилось негласным табу, так как могло обернуться криминализацией антисоветских действий, ставивших под сомнение легитимность советского строя. Прерогатива определения объема знания о Сталине была закреплена исключительно за ЦК КПСС, один из секретарей которого Б. Н. Пономарев на заседании Политбюро по поводу публикации юбилейной статьи к 90-летию «вождя» заметил: «Это очень сложная фигура – Сталин в истории, и с ним нужно быть осторожным»⁴. Этого принципа и придерживалась советская историография. Как следствие, официальная информация о советском лидере ограничивалась лаконичными и сухими описаниями в энциклопедических изданиях с перечислением должностей, титулов и наград⁵.

Начало перестройки способствовало росту общественных дискуссий о природе сталинизма, политике насилия и террора по отношению

¹ См.: Koleva D. (ed.). *Negotiating Normality. Everyday Lives in Socialist Institutions*, New Brunswick, London 2012.

² Jones P. (ed.). *The Dilemmas of De-Stalinization. Negotiating Cultural and Social Change in the Khrushchev Era*. London; New York, 2006. –

³ См.: Merl, *Politische Kommunikation in der Diktatur*. S. 53, 114–120. Аналогичная логика анализа встречается в работе: Jones P., *Myth, Memory, Trauma: Rethinking the Stalinist Past in the Soviet Union, 1953–1970*, New Haven, London, 2013. P. 239–257.

⁴ «В спокойном тоне дать статью». Лидеры партии об оценке Сталина // *Источник*. 1996. № 4. С. 145–151, здесь с. 149.

⁵ Например, см. статьи «Сталин» в следующих изданиях: Большая советская энциклопедия / гл. ред. Б. А. Введенский. Т. 40. М., 1957. С. 419–424; Энциклопедический словарь / гл. ред. Б. А. Введенский. Т. 2. М., 1964. С. 422; Советская историческая энциклопедия / гл. ред. Е. М. Жуков. Т. 13. М., 1971. С. 780–785.

к рядовым гражданам¹. Ревизионистские работы Д. А. Волкогонова, Р. А. Медведева, А. В. Антонова-Овсеенко, Ф. Д. Волкова осветили преступную сторону деятельности советского руководителя, ранее мало известную широкой общественности². В этих трудах, основанных на рассекреченных архивных источниках, впервые были представлены документальные свидетельства о роли Сталина в политических репрессиях, о методах борьбы во внутрипартийном руководстве и с оппозицией, о конфликтных взаимоотношениях Ленина и Сталина, стратегических ошибках командования Красной армией во время Второй мировой войны. Разоблачая Сталина, исследователи впервые обратились к анализу трагического влияния личности советского вождя на ход российской истории и подняли комплекс вопросов о моральной ответственности за совершенные преступления³. Наиболее драматично влияние параноидальной личности Сталина на эскалацию насилия в ходе утверждения сталинской диктатуры и культа личности диктатора продемонстрировано в работе Й. Баберовски⁴.

Изучение механизмов конструирования образа и мифа о «вожде» было начато в работах слависта М. Вайскопфа, российского историка Е. С. Громова, французского психиатра и психоаналитика Д. Ранкур-Лаферриера. Данные авторы обратились к анализу структур психики Сталина, повлиявших на реальную политику тоталитарного государства. Выходя на уровень трактовки сталинизма как определенной системы идеологических норм, психологических установок и поведенческих нормативов, исследователи охарактеризовали Сталина как «режиссера и постановщика» политического спектакля в Советском Союзе, в котором самому «вождю» была отведена главная роль⁵. В работах Л. Баткина, Л. Гозмана, А. Эткинда, Л. Седова заложены

¹ Подробный анализ дискуссий о сталинизме времен перестройки и постсоветского периода см.: Hagen M.v. Stalinism and the Politics of Post-Soviet History, in: *Stalinism and Nazism: Dictatorships in Comparison*. P. 285–310.

² Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия. Политический портрет И. В. Сталина: В 2 кн. М., 1990; Медведев Р. А. О Сталине и сталинизме. М., 1990; Волков Ф. Д. Взлет и падение Сталина. М., 1992; Антонов-Овсеенко А. В. Сталин без маски. М., 1990; Он же. Театр Иосифа Сталина. М., 1995.

³ Вождь. Хозяин. Диктатор: Сборник / сост. А. М. Разумихин. М., 1990; Квинтэссенция: Философский альманах / сост. В. И. Мудрагей, В. И. Усанов. М., 1990; История и сталинизм / сост. А. Н. Мерцалов. М., 1991.

⁴ Baberowski J. *Verbrannte Erde. Stalins Herrschaft der Gewalt*. München, 2012.

⁵ Ранкур-Лаферриер Д. Психика Сталина. Психоаналитическое исследование. М., 1996; Громов Е. С. Сталин: власть и искусство. М., 1998; Колесов Д. В. И. В. Сталин: загадки личности. М., 2000; Он же. И. В. Сталин: Право на власть. М., 2000; Вайскопф М. Писатель Сталин. М., 2001; Бим-Бад Б. М. Сталин: исследование жизненного стиля. М., 2002.

основы социально-психологического измерения образа Сталина, позволившего по-новому подойти к пониманию механизма управления сознанием масс и выработки социального консенсуса в обществах советского типа за счет эмоционального менеджмента населения и максимального использования ресурсов пропаганды¹. Я. Плампер заострил наше внимание на важности изучения продуцентов культуры вождей (интеллектуальной и творческой элиты) и их культурной продукции в работе органов пропаганды и утверждения режимов личной власти².

Другим важным результатом открытия российских и зарубежных архивов стало обращение исследователей к изучению популярных мнений на базе отчетов и сводок о настроениях населения³. В более широком контексте это труды по изучению образов власти и имиджей политических лидеров в массовом сознании⁴. В 1997 г. свет увидела книга британского историка С. Дэвис, положившей начало дискуссии о целесообразности использования сводок для реконструкции популярных мнений среди населения и изучения формирования советской субъективности. Дэвис впервые отметила центральное место Сталина в партийных и государственных документах о настроениях населения⁵. В российской историографии данные источники впервые широко были использованы Е. Ю. Зубковой, М. Р. Зезиной и О. В. Великановой⁶. Е. Ю. Зубкова одна из первых подняла комплекс

¹ Баткин Л. Сон разума. О социокультурных масштабах личности Сталина // Осмыслить культ Сталина. М., 1989. С. 9–53; Гозман Л., Эткинд А. Культ власти. Структура тоталитарного сознания / Там же. С. 337–371; Седов Л. И жрец, и жнец. К вопросу о корнях культа вождя / Там же. С. 429–447.

² Плампер. Алхимия власти.

³ Подробный анализ механизма сбора и подготовки сводок и политдонесений о настроениях населения, в которых Сталину отводилось центральное место, смотри в § 1.3.

⁴ В последние годы вышла целая серия работ, затрагивающих сюжеты репрезентации и восприятия власти в различные исторические эпохи. Например, см.: Лобачева Г. В. Самодержец и Россия: образ царя в массовом сознании россиян (конец XIX – начало XX века). Саратов, 1999; Лукин П. В. Народные представления о государственной власти в России XVII века. М., 2000; Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры Российской революции 1917 года. СПб., 2001; Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. От Петра Великого до смерти Николая I. М., 2002.

⁵ Davies S. Popular Opinion in Stalin's Russia: Terror, Propaganda and Dissent, 1934–1941. Cambridge, 1997.

⁶ Зубкова Е. Ю. «Двуликий Янус»: общественное мнение в условиях диктатуры (1945–1953) // Россия в XX веке: проблемы изучения и преподавания. М., 1999. С. 127–129; Zubkova E. Öffentliche Meinung und Macht im Nachkriegsrußland 1945–1953, in: FORUM für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte, 2 (1998). S. 227–252; Зезина М. Р. Шоковая терапия: от 1953-го к 1956 году // Отечественная история. 1995.

вопросов, связанных с существованием общественного мнения в тоталитарных обществах. Анализируя отчеты и сводки о настроениях населения, автор обратилась к миру мнений советского общества после Второй мировой войны, в котором персона советского лидера выступала одновременно и как носитель надежд и ожиданий, и как объект для проекций общественных претензий и недовольства. Пропаганда и террор являлись, согласно Е. Ю. Зубковой, главными инструментами социального контроля для дисциплинирования настроений общества; они были призваны работать на повышение авторитета власти и создавать впечатление единства власти с народом¹. С одной стороны, советский образ «вождя» являлся для режима антикризисным инструментом создания ощущения уверенности и стабильности советского строя. С другой стороны, анализ сводок позволил выявить множественность восприятия Сталина среди различных социальных, национальных и возрастных групп советского общества². С тех пор историки не перестают спорить о возможностях и границах влияния пропаганды на язык и поведение рядовых граждан³.

Новый взгляд на старый вопрос о силе воздействия пропаганды на сознание и психику индивида предлагает использование микроисторического подхода в изучении культов личности. Данная исследовательская перспектива позволяет показать, как политическое отражается в индивидуальном и индивидуальное в общественном. Так, Г. Игиджиан проанализировал историю болезни психически больной женщины в Советской оккупационной зоне Германии⁴. Автор пришел к выводу, что такие медицинские источники, как истории болезни пациентов, рассказывают историкам гораздо больше, нежели *традиционные* партийно-государственные документы. Они отража-

№ 2. С. 121–135; Она же. Из истории общественного сознания периода «оттепели» // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1992. № 6; Velikanova O. The Public Perception of the Cult of Lenin Based on Archival Materials. Lewiston, 2001.

¹ Зубкова Е. Ю. Мир мнений советского человека. 1945–1948 гг. // Отечественная история. 1998. № 4. С. 99–108; она же. Общество, вышедшее из войны: русские и немцы в 1945 году // Отечественная история. 1995. № 3. С. 90–100; Она же. Общество и реформы, 1945–1964 гг. М., 1993; Она же. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953 гг. М., 1999.

² Zubkova E. Russia after the War: Hopes, Illusions, and Disappointments, 1945–1957, trans. Hugh Ragsdale. Armonk, NY, 1998.

³ См.: Velikanova O. Popular Perceptions of Soviet Politics in the 1920s: Disenchantment of the Dreamers. Basingstoke, 2013.

⁴ Eghigian G. Der Kalte Krieg im Kopf. Ein Fall von Schizophrenie und die Geschichte des Selbst in der sowjetischen Besatzungszone, in: Historische Anthropologie, 11 (2003) 1. S. 101–120.

ют нормы публичной культуры и социального контекста, определяющих крахом национал-социалистического мировоззрения, пропагандой германо-советской дружбы и усилением конфликта холодной войны. Изученный автором случай душевнобольной шизофренией, разговаривавшей с призраком Сталина в параноидальном бреде, демонстрирует, насколько глубоко опыт поражения и символические персоны пропаганды могли проникать в структуры психики субъекта и разрушать их. Через анализ психической патологии автор реконструирует нормы советизированной реальности и индивидуальный опыт травмы от советской оккупации. Данная перспектива указывает на открытие оригинальных источников и методологических подходов из истории медицины, истории научного знания и истории эмоций, позволяющие по-новому взглянуть на силу воздействия культа Сталина на сознание, мораль и совесть индивида¹.

Исследование культа Сталина в Восточной Германии поднимает вопрос об отношении рядовых немцев к советскому лидеру, представленного нацистской пропагандой воплощением «еврейско-большевистской угрозы». В более широком контексте это вопрос о массовом сопротивлении «второй немецкой диктатуре», то есть отклонении немецким населением режима СЕПГ. В современной, особенно немецкой, историографии о ГДР существует тенденция объяснять антиправительственные акции индивидов и групп в терминах «сопротивление диктатуре», «оппозиционная активность», «сохранение очагов гражданского общества», противопоставляемых кровавой и беспощадной государственной машине (советского) террора и насилия. Являясь отголоском теории тоталитаризма времен холодной войны, эта тенденция указывает на желание представить западного либерального субъекта в послевоенной Германии (автономного, рационального и свободного) в противовес тоталитарному субъекту в сталинской России (атомизированного, репрессированного и полностью подчиненного режиму)².

Например, народное восстание 17 июня 1953 г. в Восточной Германии описывается, как правило, в терминах триумфа «народно-

¹ См.: Jensen U., Morat D. (Hg.). *Rationalisierungen des Gefühls: zum Verhältnis von Wissenschaft und Emotionen 1880–1930*. München, 2008; Frevert U. *Emotions in History – Lost and Found*. Budapest, New York, 2011; Steinberg M. D., Sobol V. (ed.). *Interpreting Emotions in Russia and Eastern Europe*. DeKalb, IL, 2011; Plamper J. *Geschichte und Gefühl. Grundlagen der Emotionsgeschichte*. München, 2012; Brückweh K., Schumann D., Wetzell R. F., Ziemann B. (ed.). *Engineering Society. The Role of the Human and Social Sciences in Modern Societies, 1880–1980*. New York, 2012.

² Ср.: Krylova A. *The Tenacious Liberal Subject in Soviet Studies*, in: *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 1, 1 (Winter 2000). P. 119–146.

го сопротивления тоталитарной системе»¹. По моему мнению, данная интерпретация является односторонней и не отражает всей сложности взаимоотношений власти и общества, системы и индивида в авторитарных режимах власти. На мой взгляд, данные оценки отражают историографический рефлекс компенсировать отсутствие широкого сопротивления в Третьей рейхе на фоне массового принятия нацистского режима, показав критическое коллективное дистанцирование к диктатуре СЕПГ². Данные исследования имплицитно указывают на тяжесть «коллективного чувства вины» и стремление продемонстрировать «немецкую способность» сопротивления диктатуре.

Мой собственный анализ иконоборческих практик в отношении культов вождей показывает, что в иконоборческих жестах по отношению к символам власти речь шла не столько об антисоветских или антиправительственных коннотациях подобных выступлений. Зачастую движущими силами подобных акций становились жажда мести и чувство ущемленного достоинства, стремление восстановить поврежденную коллективную и индивидуальную честь вследствие поражения во Второй мировой войне и территориальных потерь, волны насилия солдат Красной армии к гражданскому населению и/или бегства от чувств вины и стыда за военные преступления нацистов. В иконоборческих жестах субъекты спонтанно реагировали на происходившие события и суровую повседневность, пытались примириться с «коричневым прошлым» и жить в послевоенную советизированную реальность, донести свое видение послевоенных трансформаций до властных инстанций и сбросить накопившиеся негативные эмоции.

Вместо парадигмы «сопротивление диктатуре», сводящейся к столкновению «автономного» общества и «репрессивного» государства, все более прочное место в актуальных исследованиях занимает концепция переговоров и торга³. В центре ее внимания оказываются вопросы о том, как политический и социальный порядок выторговыв-

¹ Например, см.: Neubert E. *Geschichte der Opposition in der DDR 1949–1989*. Berlin, 1998. S. 86; также см.: Kowalczyk I.-S. 17. Juni 1953. München, 2013.

² Например, см.: Browning Ch.R. *Ordinary Men: Reserve Police 101 and the Final Solution in Poland*. New York, 1992; Welzer H. *Täter: Wie aus ganz normalen Menschen Massenmörder werden*. Frankfurt a. M., 2005; Kühne Th. *Belonging and Genocide: Hitler's Community, 1918–1945*. New Haven, 2010; Fulbrook M. *A Small Town near Auschwitz: Ordinary Germans and the Holocaust*. Oxford, 2012; Keller S. *Volksgemeinschaft am Ende. Gesellschaft und Gewalt 1944/45*. München, 2013.

³ Например, см.: Meggle-Freund M. *Zwischen Altbau und Platte: Erfahrungsgeschichte(n) vom Wohnen. Alltagskonstruktion in der Spätzeit der DDR*. Jena, 2004; Johnston T. *Being Soviet. Identity, Rumour, and Everyday Life under Stalin 1939–1953*. Oxford, 2011.

вался в ходе коммуникации между властью и обществом? Каким образом в поле коммуникации протекали процессы политизирования и деполитизации различных дискурсов и социальных практик? Какие ресурсы и стратегии использовались акторами для выстраивания продуктивной коммуникации с властью для оптимизации собственных жизненных перспектив? Какие границы политического в поле этих переговоров устанавливало государство и партия, которые простым обывателям было запрещено переходить? Как исчерпывался лимит толерантности, что провоцировало прекращение переговоров и переход к физическому насилию как легитимному средству провозглашения претензий на власть и утверждения власти? Поиск ответов на данные вопросы позволит сформировать более дифференцированное представление о содержании, формах и стратегиях социальных практик принятия и договаривания, дистанцирования и сопротивления внутри политического порядка и показать гибридность поведения тоталитарного субъекта, действия которого в современной историографии преимущественно редуцируются к общему знаменателю «антиправительственных выступлений», «сопротивления диктатуре» и «оппозиционной активности населения».

Однако вернемся к обсуждению непосредственно историографии о культе Сталина в ГДР. В последние годы появился ряд работ, посвященных отдельным аспектам изучения культа советского лидера в Восточной Германии. М. Азарьяху¹ и К. Клотц² предложили концепцию социалистического пантеона вождей и национальных героев восточногерманского государства, в котором Сталину с 1945 по 1956 г. была отведена одна из главных ролей. В то время как Клотц отметила решающую роль традиции культа вождя в немецком коммунистическом и рабочем движении 1920-х гг., Азарьяху обратил внимание на инструментализацию пропаганды Сталина в символической политике легитимации ГДР и в оформлении культа В. Ульбрихта. Я. Плампер усматривает корни восточногерманского культа Сталина в общеевропейской традиции культа личности, усиленной представлениями о вожде в среде немецких коммунистов³. Я. Берендс реконструирует общую динамику германо-советской дружбы, персонифи-

¹ Azaryahu M. Von Wilhelmplatz zu Thälmannplatz: politische Symbole im öffentlichen Leben der DDR. Gerlingen, 1991.

² Klotz K. Führerfiguren und Vorbilder. Personenkult in der Ära Ulbricht, in: Parteauftrag: ein neues Deutschland. Bilder, Rituale und Symbole der frühen DDR / Hrsg. von D. Vorsteher. Berlin, 1996. S. 322–336.

³ Plamper J. "The Hitler Come and Go...", the Führer Stays: Stalin's Cult in East Germany, in: Heller, Plamper. Personality Cults in Stalinism. S. 301–329.

цированным воплощением и гарантом которой являлся советский лидер¹. Для Берендса главный источник культа Сталина локализуется в Москве, являясь показателем зависимости немецких коммунистов от Кремля и результатом советизации Восточной Германии.

Исследователи сходятся во мнении, что массмедиа выполняли центральную роль в конструировании советизированной реальности в ГДР². Вопросы репрезентации образа Сталина на восточногерманском радио, на телевидении и в иллюстрированных журналах получили освещение в работах немецкого историка Й.-У. Фишера³. Анализируя официальный дискурс о советском лидере, исследователь дифференцировал каналы целенаправленной трансляции пропагандистского мифа различным адресатам с учетом возрастных, гендерных, профессиональных и социальных характеристик аудитории. Более широко исследования медийной инсценировки культа Сталина велись на советском материале, затрагивая сюжеты драматизации образа Сталина в кино⁴, печати⁵, литературе⁶, на массовом советском

¹ Behrends J. C. Exporting the Leader. The Stalin Cult in Poland and East Germany, in: *The Leader Cult in Communist Dictatorship*. P. 161–178; Ders., *Die erfundene Freundschaft. Propaganda für die Sowjetunion in Polen und der SBZ/DDR (1944–1957)*. Köln, Weimar, Wien, 2005.

² Например, см.: Holzweißig G. "Die schärfste Waffe der Partei": eine Mediengeschichte der DDR, Köln, Weimar, Wien, 2002; Ross C., K. C. Führer (ed.). *Mass Media, Culture and Society in Twentieth-century Germany*. Basingstoke, 2006; Lindenberger Th. (Hg.). *Massenmedien im Kalten Krieg. Akteure, Bilder, Resonanzen*. Köln, 2006; Münkler D., Seegers L. (Hg.). *Medien und Imagepolitik im 20. Jahrhundert. Deutschland, Europa, USA*. Frankfurt a. M., 2008.

³ Fischer J.-U. Stalins Geburtstag im ostdeutschen Rundfunk (1945–1956). in: *Rundfunk und Geschichte*, 21 (1995) 4. S. 247–253; Ders., *Illustrierte Trauer – staatliche Totenfeiern: Symbolische Inszenierung der Trauer in der DDR–Illustrierten*, in: *SOWI: DDR–Bilder: Staat–Stadt–Heimat*. 1 / 2004. S. 35–44.

⁴ Bulgakowa O. Herr der Bilder – Stalin und der Film, *Stalin im Film*, in: *Agitation zum Glück: sowjetische Kunst der Stalinzeit*. Bremen, 1993. S. 65–96; Ders., *Der Man mit der Pfeife oder das Leben ist ein Traum: Studien zum Stalinbild im Film*, in: Loiperdinger M., Herz R., Pohlmann U. (Hg.). *Führerbilder: Hitler, Mussolini, Roosevelt, Stalin in Fotografie und Film*. München, 1995; Hülbush N. *Im Spiegelkabinett des Diktators: Stalin als Filmheld im sowjetischen Spielfilm (1937–1953)*. Alfeld, 2001.

⁵ Brooks J. *Thank you, Comrade Stalin! Soviet Public Culture from Revolution to Cold War*. Princeton, 2000.

⁶ Добренко Е. Метафора власти. Литература сталинской эпохи в историческом освещении. Мюнхен, 1993; он же. Между историей и прошлым: писатель Сталин и литературные истоки советского исторического дискурса // *Соцреалистический канон*. Сб. статей под общ. ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб., 2000. С. 639–672; Гюнтер Х. Тоталитарное государство как синтез искусств // Там же. С. 7–15; он же. Архетипы советской культуры // Там же. С. 743–784; Кларк К. Положительный герой как вербальная икона // Там же. С. 569–584; Юстус У. Возвращение в рай: соцреализм и фольклор // Там же. С. 70–86.

празднике¹ и в фольклоре², на выставках и в музейных экспозициях³. Репрезентации культа Сталина в общественном пространстве – составная часть комплекса исследований о публичном символизме и монументализации политических лидеров и национальных героев через памятники, мемориалы и создание специальных мест памяти⁴.

Уязвимым местом существующих работ о культе Сталина в Восточной Германии является то обстоятельство, что при рассмотрении образа советского лидера исследователи концентрировались преимущественным образом на двух сюжетах – его 70-летнем юбилее и траурных церемониях в связи со смертью «вождя» в марте 1953 г. Данное обстоятельство ведет к статичной картине восприятия и отсутствию видимой динамики становления, развития и разрушения образа советского лидера в ГДР. Особенно вопросы о деконструкции мифа о «вожде» и табуировании коллективных воспоминаний о нем являются малоизученными аспектами десталинизации, которые могут пролить свет на феномен *культурного забывания* как социальной практики изгнания травматичного опыта поражения и последующей советской оккупации⁵. В связи с этим дальнейших разработок требует анализ силы воздействия культа Сталина на послевоенное немецкое общество и восприятия культа вождя простыми гражданами. По-

¹ Рольф М. Советский массовый праздник в Воронеже и Центрально-Черноземной области России (1927–1932). Воронеж, 2000; Petrone K. Life Has Become More Joyous Comrades: Celebrations in the Time of Stalin. Bloomington, 2000; Rolf M. The Leader's Many Bodies: Leader Cults and Mass Festivals in Voronezh, Novosibirsk and Kemerovo in the 1930s, in: Heller, Plamper, Personality Cults in Stalinism. P. 197–206.

² Боров Ю. Б. Сталиниада. М., 2003; Miller F. Folklore for Stalin: Russian Folklore and Pseudofolklore of the Stalin Era. New York, 1990.

³ Например, см.: Devlin J. Visualizing Political Language in the Stalin Cult: The Georgian Art Exhibition at the Tretyakov Gallery, in: Steinmetz, Political Languages in the Age of Extremes. P. 83–102; Kivelitz Ch. Die Propagandaausstellung in europäischen Diktaturen. Konfrontation und Vergleich: Nationalismus in Deutschland, Faschismus in Italien und die UdSSR der Stalinzeit, Bochum, 1999.

⁴ Например, см.: Koselleck R., Jeismann M. (Hg.). Der politische Totenkult: Kriegerdenkmäler in der Moderne, München 1994; Tacke C. Denkmal im sozialen Raum. Nationale Symbole in Deutschland und Frankreich im 19. Jh., Goettingen 1995; Fowkes R. The Role of Monumental Sculpture in the Construction of Socialist Space in Stalinist Hungary, in: Crowley, Reid, Socialist Spaces. P. 65–84; Rausch H. Kultfigur und Nation. Öffentliche Denkmäler in Paris, Berlin und London 1848–1914, München, 2006; Tikhomirov A. Symbols of Power in Rituals of Violence: The Personality Cult and Iconoclasm on the Soviet Empire's Periphery (East Germany, 1945–1961), in: Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History, Vol. 13. No. 1 (Winter 2012). P. 47–88.

⁵ См.: Halbwachs M. Das Gedächtnis und seine sozialen Bedingungen, Frankfurt a. M. 1985; Günter M., Butzer G. (Hg.). Kulturelles Vergessen: Medien – Rituale – Orte. Göttingen, 2004; Esposito E. Soziales Vergessen. Formen und Medien des Gedächtnisses der Gesellschaft. Frankfurt, 2006.

прежнему малоизученным остается аспект о влиянии официальной риторики культа личности на мышление, поведение и конструирование идентичности советизированного субъекта, с одной стороны, и инструментализации языка культа личности в поисках личных смыслов жизни индивида в условиях диктатуры – с другой¹. Обращение исследователей лишь к наиболее ярким аспектам представленной темы при игнорировании анализа рутины функционирования культа в ГДР, концентрация внимания на уровне производства официального знания о Сталине, слабое привлечение одновременно российских и немецких источников в научной литературе делают необходимым проведение комплексного анализа культа Сталина в Восточной Германии. Он поможет нам глубже понять ресурсы и механизмы политической мобилизации населения в субалтерных режимах власти в контексте послевоенной советской империи. Настоящая попытка предпринимается в книге, которую читатель держит в руках. Кроме того, настоящая работа представляет собой вклад в исследование истории сложных немецко-русских отношений «короткого XX столетия», затрагивая малоизученный до настоящего времени аспект трансфера и адаптации советского культа Сталина в послевоенную повседневность Восточной Германии². Дальнейшее изучение образов «врагов» и «друзей» или, точнее сказать, вопроса о переделке «врагов» в «друзей» позволит нам развенчать сформированные советской и нацистской машинами пропаганды, а также холодной войной мифы, создаст твердую почву для реального сближения русских и немцев.

Методология исследования

Бум развития социальной, гендерной и культурной истории, истории повседневности и ментальности, казалось бы, поставил под

¹ Например, см.: Kotkin, *Magnetic Mountain*. P. 198–237; Halfin I. *Terror in My Soul: Communist Autobiographies on Trial*, Cambridge Mass., 2003; Hellbeck J. *Revolution on My Mind: Writing a Diary Under Stalin*. Cambridge Mass., 2006; Kämper H. *Telling the Truth: Counter-Discourses in Diaries under Totalitarian Regimes (Nazi Germany and Early GDR)*, in: Steinmetz. *Political Languages in the Age of Extremes*. P. 215–241.

² Например, см.: Koenen G. *Der Russland-Komplex: Die Deutschen und der Osten 1900–1945*. München, 2005; Zarusky J. (Hg.). *Stalin und die Deutschen. Neue Beiträge der Forschung*. München, 2006; Satjukow S. *Besatzer. "Die Russen" in Deutschland 1945 bis 1994*. Göttingen, 2008; Beyrau D. *Mortal Embrace. Germans and (Soviet) Russians in the First Half of 20th Century*, in: *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 10, 3 (Summer 2009). S. 423–439; Satjukow S. *Befreiung? Die Ostdeutschen und 1945*. Leipzig, 2009; David-Fox M., Holquist P., Martin A. M. (ed.). *Fascination and Enmity. Russia and Germany as Entangled Histories, 1914–1945*. Pittsburgh, 2012.

сомнение необходимость самого существования политической истории. «Традиционная политическая история – труп», – провозгласил в 1981 г. Жак Ле Гофф, призывая историков к написанию «новой политической истории»¹. Ле Гофф критиковал одностороннее центрирование историков на реконструкции хронологии политических событий и описании работы государственных/партийных структур, на биографиях великих личностей и их поступках, на истории идей и политической мысли. Не секрет, что в советской и российской историографии долгое время доминировала «сильная» история – традиционная политическая история, тематика которой о биографиях выдающихся личностей, репрессиях и терроре, насилии и жертвах является признанной и уважаемой, воспринимаемой в качестве серьезного предмета исследования в глазах большинства историков (преимущественно мужчин) в противовес «слабой» истории – гендерной и социальной истории, истории эмоций и субъективности, исторической антропологии и культурной истории, которые менее признаны, менее авторитетны, более маргинальны и обычно дискриминируются по гендерному признаку, так как они являются «не мужским» занятием, а, как правило, участием женщин².

Тем не менее наше представление о политической истории и путях ее написания кардинально изменилось в последние десятилетия³. Историки все чаще говорят о *культурной истории политического*, которая положена в основу методологического подхода настоящей книги⁴. Благодаря «культурно-антропологическому повороту» гума-

¹ Ле Гофф Ж. Является ли все же политическая история становым хребтом истории? // THESIS, 1994. Вып. 4. С. 177–192, здесь с. 190.

² На подобные размышления о «сильной» и «слабой» истории меня натолкнула статья С. Зайдель-Менки об историографической дихотомии в области написания истории семьи и брака в раннее Новое время. См.: Seidel Menchi S. Storia alta, storia sommersa. Dicotomia della ricerca e storia della famiglia, in: Bellavitis A., Chabot I. (ed.). Famiglie e poteri in Italia tra medioevo ed eta moderna. Rome, 2009. P. 17–31.

³ Эволюцию традиционной политической истории к культурной истории политического подробно анализирует У. Фреверт. См.: Frevert U. Neue Politikgeschichte, in: Eibach J., Lottes G. (Hg.). Kompass der Geschichtswissenschaft. Göttingen, 2006. S. 152–164. См. также: Бессмертный Ю. Л. Некоторые соображения об изучении феномена власти и о концепциях постмодернизма и микроистории // Одиссей. Человек в истории. М., 1995; Барлова Ю. «Новая политическая история» в современной историографии // Актуальные проблемы всеобщей истории: дипломатия и безопасность, коммуникация и политическая культура, гендер. Ярославль, 2003. С. 51–58; Кром М. М. Новая политическая история: темы, подходы, проблемы // Новая политическая история: Сборник научных работ. СПб., 2004. С. 7–17.

⁴ См.: Mergel Th. Überlegungen zu einer Kulturgeschichte der Politik, in: Geschichte und Gesellschaft, 28 (2002) 4. S. 574–606; Landwehr A. Diskurs-Macht-Wissen. Perspektiven einer Kulturgeschichte des Politischen, in: Archiv für Kulturgeschichte,

нитарного знания политическая история становится интегральной частью культурной истории¹. История политического, а не политики оказывается предметом исследовательского интереса. Главное отличие политического от политики заключается в том, что «оно фиксируется не в формальных институтах власти, а там, где речь идет об обосновании, отклонении и защите неравных социальных отношений» и выработке социального консенсуса, гарантирующего стабильную повседневность и легитимность политического порядка². Новая политическая история занимается, по выражению М. Крома, «буднями власти и секретом ее успеха (или неуспеха) у населения»³. Тем самым политическая история открывает ранее чуждую ей сферу повседневности, занимаясь поиском ответа на ключевой вопрос о том, «как функционировала власть в определенном социокультурном контексте»⁴. В результате возрастает интерес историков к исследованию проникновения политического в микромиры, социальные практики и риторику отдельных групп, поколений и индивидов, с одной стороны, и влияние этих акторов на определение, содержание и динамику политического – с другой.

Исследование политического подразумевает анализ власти и властных отношений. Анализ феномена власти, трактующий ее как форму осуществления «легитимного насилия», уступает место работам, рассматривавшим феномен власти как социальную практику⁵. Центральный тезис данной тенденции заключается в том, что господство основывается не только на насилии – «на логике приказаний и послушания», но в гораздо большей степени на взаимосвязи и взаимозависимости между властью имущими и зависящими от власти. Таким

85 (2003) 1. S. 71–117; Nicklas Th. Macht-Politik-Diskurs. Möglichkeiten und Grenzen einer politischen Kulturgeschichte, in: Archiv für Kulturgeschichte, 86 (2004) 1. S. 1–25.

¹ Bachmann-Medick D. Cultural Turns. Neuorientierungen in den Kulturwissenschaften. Hamburg, 2006.

² Das Politische als Kommunikationsraum in der Geschichte. SFB (Sonderforschungsbereich) 584, Bielefeld, 2000. S. 26; Steinmetz W. Neue Wege einer historischen Semantik des Politischen, in: Ders. (Hg.). "Politik": Situationen eines Wortgebrauchs im Europa der Neuzeit. Frankfurt a. M., 2007. S. 9–40.

³ Кром. Новая политическая история. С. 13.

⁴ Там же. С. 13. (Курсив автора. – А. Т.)

⁵ См.: Lüdtke A. Einleitung: Herrschaft als soziale Praxis, in: Ders. (Hg.). Herrschaft als soziale Praxis. Historische und sozialanthropologische Studien. Göttingen, 1991. S. 9–63; Lindenberger Th. Die Diktatur der Grenzen. Zur Einleitung, in: Ders. (Hg.). Herrschaft und Eigen-Sinn in der Diktatur. Studien zur Gesellschaftsgeschichte der DDR. Köln. Weimar. Wien, 1999. S. 21–23; Fitzpatrick Sh. Politics as Practice: Thoughts on a New Soviet Political History, in: Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History, Vol. 5. No. 1 (Winter 2004). P. 27–54.

образом, власть и границы политического предстают результатом торга, переговоров и выработки компромиссов, направленных на поиск консенсуса. Власть является непрерывным процессом выторговывания социального договора между «верхами» и «низами» об основах совместного существования, результатом кредита доверия и установления радиуса толерантности, за пределами которого находится сфера насилия и произвола. Результатом коммуникации многочисленных акторов в поле политического становится установление границ между политическим и неполитическим, частным и публичным, моральным и аморальным, властью и безвластием. Конструирование этих границ превращает политическое в «арену социальных, экономических и культурных конфликтов», составляющих сущность и содержание политического¹. Анализ процессов, механизмов и агентов установления, определения и пересмотра перечисленных границ власти и власти границ должен стать предметом исследования, а также движущей силой модернизации политической истории².

В новой политической истории власть рассматривается в качестве семантической системы, закодированной в символах, мифах и ритуалах режима³. Исследователи используют реконструкцию символов, мифов и ритуалов власти для анализа культов личности⁴. Символы, мифы и ритуалы являются структурами культа, с помощью которых власть апеллирует к публике, индоктринирует и мобилизует массы, устанавливает правила и табу о том, что может быть сказано публично, а что нет. Они превращаются в структуры социального порядка, определяя стандарты публичной риторики и социального поведения как индикаторов принадлежности к культовому сообществу⁵. Так, символы культа вождя – портреты и плакаты, бюсты и памятники – являлись концентрированными артефактами власти, визуализируя

¹ Стоун Л. Будущее истории // Теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1994, № 4. С. 173.

² Frevert. Neue Politikgeschichte. S. 164.

³ Например, см.: Myers Feinstein M. State Symbols. The Quest for Legitimacy in the Federal Republic of Germany and the German Democratic Republic, 1949–1959. Boston, Leiden, 2001; Sherlock T. Historical Narratives in the Soviet Union and Post-Soviet Russia. Destroying the Settled Past, Creating an Uncertain Future. Basingstoke, 2007; Gill. Symbols and Legitimacy in Soviet Politics.

⁴ Hein H. Der Pilsudski-Kult und seine Bedeutung für den polnischen Staat 1926–1939. Marburg, 2002.

⁵ Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London, 1983. О конструировании воображаемого культового сообщества в послевоенной советской империи см.: Tikhomirov A. The Stalin Cult between Center and Periphery: the Structures of the Cult Community in the Empire of Socialism, 1949–1956 – the Case of GDR, in: Ennker, Hein-Kircher, Der Führer im Europa des 20. Jahrhunderts. P. 297–321.

ее в публичном пространстве диктатуры. Миф о «вожде» содержал в себе космологический нарратив о происхождении, задачах настоящего и будущей миссии воображаемого культового сообщества¹. Он отражал коллективные пространственно-временные представления и определял матрицу коллективной памяти, перепрограммируя старые и создавая новые традиции². Ритуалы способствовали переводу мифа в социальную практику, используя символы власти для конструирования публичного пространства. Таким образом, анализ культа Сталина рассказывает нам о символической природе легитимности власти, показывая механизм функционирования диктатуры и общества советского типа в Восточной Германии как периферии послевоенной советской империи с 1945 по 1961 г.

Через анализ восприятия мифов, символов и ритуалов населением мы получаем возможность реконструировать репрезентации власти, с помощью которых субъекты интерпретировали окружающий мир, формировали жизненные смыслы и получали комплекс знаний о возможностях и границах публичной риторики и поведения³. «Молчаливые» в традиционной политической истории «низы» предстают не пассивной безликой массой, послушно смиряющейся со своей судьбой, а социальными агентами, «имеющими свое лицо и историю»⁴. Как следствие, внимание обращено на социальные практики и повседневность акторов, их опыт и память, комплекс представлений о прошлом, настоящем и будущем⁵. На данном уровне анализа задача исследователя заключается в реконструкции часто не столь очевидных на первый взгляд связей между государством и индивидом, между системой знаков и социальной реальностью,

¹ См.: Anderson. *Imagined Communities*; также см.: Eliade M. *Myth and Reality*, New York 1963; Cassirer E. *Der Mythos des Staates. Philosophische Grundlagen politischen Verhaltens*. Frankfurt a. M., 1985; Dörner A. *Politischer Mythos und symbolische Politik. Sinnstiftung durch symbolische Formen am Beispiel des Herrmannmythos*. Opladen, 1995; Voigt R. (Hg.). *Des Staates neue Kleider. Entwicklungslinien moderner Staatlichkeit*. Baden-Baden, 1996; Bizeul Y. (Hg.). *Politische Mythen und Rituale in Deutschland, Frankreich und Polen*. Berlin, 2000; Hein-Kircher H., Hahn H. H. (Hg.). *Politische Mythen im 19. und 20. Jahrhundert in Mittel- und Osteuropa*. Marburg, 2006.

² Hobsbawm E. *Introduction: Inventing Traditions*, in: *Ibid.*, Ranger T. (ed.). *The Invention of Tradition*. 21st edition, Cambridge, 2013. P. 1–14.

³ См.: Baberowski J. *Was sind Repräsentationen sozialer Ordnungen im Wandel? Anmerkungen zu einer Geschichte interkultureller Begegnungen*, in: Ders. (Hg.). *Arbeit an der Geschichte. Wie viel Theorie braucht die Geschichtswissenschaft*. Frankfurt a. M., 2009. S. 7–18.

⁴ Gries R. *Propagandageschichte als Kulturgeschichte. Methodische Erwartungen und Erfahrungen*, in: *Deutschland Archiv*, 33 (2000) 4. S. 558–570, hier S. 567.

⁵ См.: De Certeau M. *The Practice of Everyday Life*. Berkeley, 1984; Davis B., Lindenberger Th., Wildt M. (Hg.). *Alltag, Erfahrung, Eigensinn: historisch-anthropologische Erkundungen*. Frankfurt a. M., 2008.

между макро- и микроуровнями организации повседневности¹. Речь идет об эмоциональных связях населения и государства, доверии и недоверии, гражданских правах и обязанностях, которые устанавливаются и артикулируются, реализуются и оспариваются в поле политического.

Продуктивным для анализа пропаганды и восприятия культа Сталина в Восточной Германии представляется взгляд на послевоенное немецкое общество сквозь призму истории поколений². Различные поколения и когорты являются носителями определенных ценностей, представлений и идентификационных признаков, зафиксированных в пространстве и времени. Людей объединяет в поколение коллективное «чувство мы», которое базируется на особой духовной сплоченности его представителей единым видением мира, единым комплексом ожиданий и надежд, единым способом разрешения конфликтов и алгоритмами коммуникации с властью. Принадлежность к тому или иному поколению одновременно означает определенные шансы и возможности, табу и ограничения, чувства и эмоции, механизмы включения и исключения, процессы воспоминания, забывания и замалчивания прошлого. При создании портретов поколений нельзя забывать, что они состоят из отдельных личностей. Вопрос о том, как официальный сценарий власти преломлялся в жизни отдельного индивида, с одной стороны, и какими ресурсами влияния на мир большой политики обладал *маленький человек* – с другой, должен утвердиться как предмет исследования в новой политической истории. В данном свете политическая история получает новый шанс больше не слыть «становым хребтом», а вернуть авторитет настоящего «ядра» истории³.

Структура книги

Книга состоит из пяти глав. В основу их содержания положен проблемно-хронологический принцип. В первой главе анализируются причины, методы и акторы оформления послевоенной советской

¹ Schlumbohm J. Mikrogeschichte – Makrogeschichte: zur Eröffnung einer Debatte, in: Ders. (Hg.). Mikrogeschichte – Makrogeschichte: komplementär oder inkommensurabel? Göttingen, 1998. S. 7–32.

² Например, см.: Mannheim K. Das Problem der Generationen, in: Ders., Wissenssoziologie. Hrsg. von K. H. Wolf. Berlin, 1970. S. 509–565; Schüle A., Ahbe Th., Gries R. (Hg.). Die DDR aus generationengeschichtlicher Perspektive. Eine Inventur. Leipzig, 2006.

³ Ле Гофф Ж. Является ли все же политическая история становым хребтом истории? С. 190.

империи, сфера влияния которой распространяется вследствие падения Третьего рейха на территорию Восточной Германии. Во второй главе рассматриваются факторы и сферы эволюции образа Сталина в советской оккупационной зоне Германии: от негативного имиджа «красного тирана» при национал-социализме к позитивному образу «лучшего друга немецкого народа» к моменту образования ГДР. В третьей главе внимание сосредоточено на риторических, ритуальных и эмоциональных структурах культа вождя, нацеленных на формирование воображаемого культового сообщества, создание репрезентаций сплоченности с Москвой и политизацию послевоенной повседневности. Четвертая глава предлагает новый подход к анализу силы воздействия и восприятия пропаганды культов личности среди населения с помощью анализа иконоборческих практик, их семантики и форм в контексте публичного символизма. В пятой главе анализируются политика и практики десталинизации, спровоцировавшие кризис символической политики сталинизма в ГДР, процессы забывания и табуирования воспоминаний о советском лидере со стороны государства и партии наряду с одновременным поиском антикризисных репрезентаций власти. В заключении делаются основные выводы по проведенному исследованию.

Благодарности

Настоящая книга возникла на основе диссертационного исследования «Образ Сталина в общественном мнении Восточной Германии (1945–1956 гг.)», которая была выполнена под научным руководством профессора А. С. Ходнева в Ярославском государственном педагогическом университете им. К. Д. Ушинского. Моим бывшим коллегам Л. М. Архиповой, А. Афанасьевой, Ю. Барловой, Н. Колгушовой, А. Б. Соколову, А. Хмельцову, А. Еремину, А. М. Ермакову, А. Тихомировой и А. С. Ходневу спасибо за создание стимулирующей рабочей атмосферы и дружескую помощь.

Исследование поддерживали различные фонды и научные центры Европы. Благодаря Фонду им. Роберта Боша мне посчастливилось целый год вести курс по истории и культуре России в университете Карлсруэ и начать сбор материала для диссертации. Затем последовали стипендии Института европейской истории в Майнце и Германского исторического института в Москве, стипендия министра-президента Тюрингии в Йенском университете, гранты фонда Герды Хенкель в Институте восточноевропейской истории и страноведения Тюбингенского университета и фонда Херти в университете Хемниц.

Работа над манускриптом была завершена в Школе славянских и восточноевропейских исследований Университетского колледжа Лондона. Руководителям перечисленных институтов и их сотрудникам, а также персоналу архивов и библиотек выражаю искреннюю благодарность за поддержку и помощь в реализации исследовательского проекта.

На разных этапах написания книги для меня были важными и стимулирующими диалоги с Д. Байрау, С. Барк, К. Бартлитц, А. Ватлиным, М. Гибас, Р. Гризом, В. Деннигхаусом, А. Дорониным, Г. Духхардтом, Е. Зубковой, Т. Линденбергером, Э. Маурер, Г. Мельвилем, Ш. Мерлем, К. Ноаком, Б. Нойсс, Я. Плампером, С. Сатюков, Я. Фойтциком, А. Филитовым, К. Шарфом, И. Ширли, В. Шперлингом, А. Шуманн и Б. Эннкером.

Издательские гранты фонда Герды Хенкель (Дюссельдорф) и Германского исторического института в Москве сделали публикацию книги реальностью. Отдельное спасибо директору издательства «Политическая энциклопедия» И. Д. Кантемировой за включение монографии в серию «История сталинизма».

Искренне благодарю моих родителей и родных за поддержку в открытии «большого мира» за пределами моей «малой родины». Все это время меня поддерживала, помогала и никогда не сомневалась Чечилия. Ей посвящается настоящая книга.

*Лондон – Франкфурт-на-Майне
Май 2013*

Глава 1. ИМПЕРИЯ СТАЛИНИЗМА: СССР И ВОСТОЧНАЯ ГЕРМАНИЯ ПОСЛЕ 1945 г.

1.1. Культ Сталина между Центром и Периферией: советизация как символическая политика

В июне 1950 г. в Восточном Берлине в присутствии официальной советской делегации состоялась торжественная премьера киноэпопеи «Падение Берлина». Заключительная сцена фильма демонстрирует посадку самолета в Берлине перед Рейхстагом во время празднования дня победы в мае 1945 г. Дверь самолета открывается и перед ликующей массой предстает сам Сталин в форме генералиссимуса – белом парадном мундире с эполетами и орденом. Толпа с многочисленными портретами «вождя» между развивающимися флагами приветствует победителя и освободителя мира от фашизма бурными овациями¹. Кажется, что именно в этой сцене экранизированы слова сталинского биографа Анри Барбюса: «Он [Сталин] и есть центр, сердце всего того, что лучами расходится от Москвы по всему миру»². Фильм представляет зрителю новый сакральный центр власти и нового «вождя». Сама сцена прибытия Сталина из Москвы в Берлин символизирует пришествие культа Сталина из Центра на Периферию вследствие советизации стран Центральной и Восточной Европы после 1945 г.

Экспорт культа Сталина³ в страны социалистического блока стал символическим инструментом идеологической экспансии Центра на

¹ Hülbusch N. Dzugavili der Zweite. Das Stalin-Bild im sowjetischen Spielfilm (1934–1953), in: Heller, Plamper. Personality Cults in Stalinism. P. 207–238, here p. 232–233.

² Барбюс А. Сталин. Человек, через которого раскрывается новый мир. М., 1935. С.15.

³ О советском культе Сталина см.: Плампер. Алхимия власти; The Leader Cult in Communist Dictatorship: Stalin and the Eastern Bloc; Ennker B. Führerdiktatur – Sozialdynamik und Ideologie. Stalinistische Herrschaft in vergleichender Perspektive, in: Vetter M. (Hg.). Terroristische Diktaturen im 20. Jahrhundert: Strukturelemente der nationalsozialistischen und stalinistischen Herrschaft. Opladen, 1996. S. 85–117; Ennker B. Politische Herrschaft und Stalinkult 1929–1939, in: Plaggenborg S. (Hg.). Stalinismus: neue Forschungen und Konzepte. Berlin, 1998. S. 151–184.

Периферию¹. Расширение границ послевоенной советской империи оправдывалось глобальной «цивилизаторской миссией» Центра: помощи в строительстве социализма и коммунизма для достижения светлого будущего, укрепления мира во всем мире, а в эсхатологическом значении – спасении западноевропейской цивилизации от варварства фашизма². Пропагемы «дружбы народов» и «единой братской семьи» перешагнули границы Советского Союза, легитимировав собиравшие верных социалистической идее государств в единую империю – культовое сообщество с интеграционным центром вокруг Сталина³. Пропаганда представляла Москву эталоном для подражания. Здесь работал вождь. Здесь вершилась мировая политика и принимались важнейшие решения, оказывавшие влияние на судьбы миллионов людей. Здесь строилось будущее. В имперском метанарративе Центр – это сокровищница символического капитала: хранитель опыта и знаний, кодекса чести и морали, источник материальных и властных ресурсов.

За пределами СССР советизация базировалась не столько на манипуляции чувством страха и терроре, сколько на приемах символической политики – пропаганде новых интеграционных нарративов, символов и имиджей империи⁴. Встреча вчерашних большевикореволюционеров с европейскими политическими культурами заставила изменить тактику утверждения коммунистических режимов в Европе. Отныне ставилась задача «завоевать сердца и умы,

¹ Тихомиров А. Экспорт культа Сталина в Восточную Германию с 1945 по 1956 г. // Послевоенная история Германии. Российско-немецкий опыт и перспективы / под ред. Б. Бонвеча, А. Ватлина. М., 2007. P. 83–96; Behrends. Exporting the Leader.

² Abusch A. Ein neuer “Retter” der abendländischen Kultur, in: Neues Deutschland. 3. Dezember 1948. P. 3; также см.: Behrends J. C. Vom Panslavismus zum “Friedenskampf”. Außenpolitik, Herrschaftslegitimation und Massenmobilisierung im sowjetischen Nachkriegsimperium (1944–1953), in: Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, 56 (2008) 1. S. 27–53.

³ Под «пропагемой» понимаются долговременные, постоянно циркулирующие в средствах массовой коммуникации официальные нарративы, визуальные образы и символы, передающие социальным акторам идеологическую информацию в целях индоктринирования и мобилизации населения в интересах власти. Подробнее об определении термина см.: Gries R. Zur Ästhetik und Architektur von Propagamen. Überlegungen zu einer Propagandageschichte als Kulturgeschichte, in: Gries R., Schmale W. (Hg.). Kultur der Propaganda. Bochum, 2005. S. 9–35. О ключевых пропагемах советской империи см.: Clark K. The Soviet Novel. History as Ritual. Bloomington, 2000; Dobrenko E., Naiman E. (ed.). The Landscape of Stalinism. The Art and Ideology of Soviet Space. Seattle, 2003; Dobrenko E. Political Economy of Socialist Realism. New Haven & London, 2007.

⁴ О СССР как цивилизации насилия см.: Baberowski J. Zivilisation der Gewalt, in: Historische Zeitschrift 281 (2005). S. 59–102; Ders., Der rote Terror. Die Geschichte des Stalinismus. München, 2003.

любовь и доверие» гражданского населения к СССР при сохранении главной цели – построения унифицированных и контролируемых из Москвы обществ советского типа. Оформление единого дискурсивного пространства социализма, введение нового цикла партийно-государственных ритуалов и праздников, появление новых национальных мифов и историй, интегрированных в теорию марксизма-ленинизма, концепцию классово-борьбы и нарративы сталинской биографии, повлекли за собой гомогенизацию идеологического ландшафта и синхронизацию политической жизни империи. Культ личности вождей и прежде всего культ Сталина стал главным ядром символической политики сталинизма. К 1949 г. в связи с транснациональной кампанией подготовки 70-летнего юбилея Сталина страны восточного блока окончательно осваивают советские репрезентации культа личности, воспроизводившиеся в официальных церемониях, в публичном пространстве городов и деревень, в контролируемых средствах массовой информации. Большевикское государство пропаганды превратилось в империю сталинизма, образ которой легитимировался в метафорах «дружной семьи народов» со Сталиным в роли «отца»¹.

Конструирование имперских репрезентаций за счет пропаганды культа советского «вождя» преследовало цель создания впечатления единства, унифицированности, стабильности и нерушимости связи между Центром – Москвой и Периферией – Восточной Германией. Однако при более детальном децентрализованном подходе к анализу культа Сталина обнаруживается, что в различных национальных государствах восточного блока он не являлся тождественным. Москва предлагала периферии лишь единый сценарий культа Сталина, который на окраинах империи подвергался символическому переводу на национальные языки и инкорпорации в национальные символические системы: накладывался на региональные традиции и репрезентации прошлого, учитывал местные модели коллективной памяти и опыт населения, продолжал существующие формы коллективной жизни и структуры повседневности. Центр выстраивал многовари-

¹ Gaßner H. (Hg.). *Agitation zum Glück. Die sowjetische Kunst der Stalinzeit*. Bremen, 1994; Behrends J. C. *Freundschaft zur Sowjetunion, Liebe zu Stalin. Zur Anthropomorphisierung des Politischen im Stalinismus*, in: Bösch F., Borutta M. (Hg.). *Die Massen bewegen. Medien und Emotionen in der Moderne*. Frankfurt a. M., 2006. S. 172–192; Plamper J. *Georgian Koba or Soviet “Father of Peoples?” The Stalin Cult and Ethnicity*, in: *The Leader Cult in Communist Dictatorship*. P. 123–140. При использовании понятия «послевоенная советская империя» я опирался на следующие работы: Doyle M. W. *Empires*. Ithaca & London, 1986; Plaggenborg S. *Experiment Moderne. Der sowjetische Weg*. Frankfurt & New York, 2006. S. 245–249.

антные стратегии коммуникации с окраинами, в результате которой получался унисон национальных полифоний культа Сталина. Результатом данной политики в Восточной Германии стала пропаганда культа советского «вождя» под лозунгом «Сталин – лучший друг немецкого народа».

Процесс присоединения Периферии к Центру напоминал по своей семантике средневековый ритуал создания вассальной зависимости, базировавшейся на принципе взаимных обязательств: установление покровительства патрона в обмен на обещание преданности и верности со стороны клиентелы¹. На данном патерналистском принципе строилась имперская иерархия отношений между Сталиным и восточногерманскими лидерами. Для укрепления данного мужского союза употреблялась риторика «кровной связи» в совокупности с аргументами использования единого кодекса чести, а также наличия общего опыта революционного и коммунистического прошлого². Все вместе данные доводы были призваны создать репрезентации «политического родства», предлагавшего для европейских обществ советскую метафору «большой семьи народов» в качестве модели создания послевоенного порядка: имидж СССР в роли «старшего брата» легитимировал зависимость и неопытность «младших братьев», от которых требовались послушание, верность и лояльность³. Данная символическая политика сталинизма была выгодна обеим сторонам. Благодаря ей лидеры Восточной Германии получали экономическую, военную и политическую помощь со стороны Советского Союза. Без этих ресурсов существование ГДР было просто невозможно. Для Кремля символическая политика оправдывала московское вмешательство в европейскую политику, предоставляя рычаги установления влияния в государствах Центральной, Восточной и Южной Европы.

Кульτ Сталина стал индикатором тотальной зависимости восточногерманской политической элиты от Кремля и показателем роста послевоенных имперских амбиций Советского Союза. Данный симбиоз обнаруживается наиболее ярко в стихотворении «Благодарность», написанного одним из самых известных интеллектуалов Восточной Германии Й. Бехером в связи со смертью Сталина в марте 1953 г.⁴

¹ Muir E. Ritual in Early Modern Europe. Cambridge, 1997. P. 29–31.

² О маскулинной природе власти в целом см.: Bourdieu P. Die männliche Herrschaft. Frankfurt a. M., 2005; также см.: Baberowski. Der rote Terror. S. 15; Easter G. M. Reconstructing the State. Personal Networks and Elite Identity in Soviet Russia. Cambridge, 2000.

³ Clark. The Soviet Novel. P. 114–115.

⁴ Например, см.: «Es wird ganz Deutschland einstmals Stalin danken. / In jeder Stadt steht Stalins Monument. / Dort wird er sein, wo sich die Reben ranken, / Und dort in Kiel

Согласно данному тексту, для ГДР культ Сталина обещал решение германского вопроса – воссоединение государства и нации под эгидой советского «вождя», а для СССР – распространение сферы советского влияния не только в Восточной Германии, но и за ее западными границами¹. Таким образом, восточногерманская культурная продукция о культе Сталина демонстрирует, что сама Периферия подпитывала и была заинтересована в имперских настроениях Центра. Для Восточной Германии культ советского лидера стал инструментом легитимации авторитарного режима власти. Для советской стороны культ Сталина превратился в глобальный проект символической политики, главная идея которого заключалась в потенциале безграничного экспорта сталинизма на новые территории.

1.2. Восточная Германия как лаборатория социализма: диктатура как социальная практика

В июле 1952 г. в местечке Зангерхаузен состоялся конгресс садоводов-любителей земли Саксония-Ангальт. Отличительным признаком столь неполитического на первый взгляд мероприятия стала радикальная политизация всех заседаний и рассматриваемых на них вопросов. Если на решение профессиональных задач не оставалось времени, то для обсуждения политических вопросов регламент не устанавливался. Конгресс завершился принятием коллективного «благодарственного письма» в адрес Вильгельма Пика и Сталина. В начале письма выражалось полное доверие к политике СЕПГ. Основная же часть была посвящена перечислению угроз, исходивших от Запада, а именно план Маршалла и создание НАТО, нарушение границ и активная подрывная работа врагов. Сообщалось, что в приграничном с Западной Германией местечке Харпке западные агенты пытались похитить у крестьян экскаватор. В Тюрингии

erkennt ihn ein Student. / [...] Dort wirst du, Stalin, stehn, in voller Blüte / Der Apfelbäume an dem Bodensee, / Und durch den Schwarzwald wandert seine Güte, / Und winkt zu sich heran ein scheues Reh..." Полный текст стихотворения см.: Caspar G. (Hg.). *Du Welt im Licht. J. W. Stalin im Werk deutscher Schriftsteller*, Berlin 1954. S. 219–223; также см.: Rybakov A. "Es wird ganz Deutschland einstmals Stalin danken". Johannes R. Becher Stalin-Oden und die Strukturen der totalitären "Kultur", in: *Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte*, 8 (2004). <https://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/Netwerk/Dateien/RybakovBecher.pdf> (Дата обращения: 10 марта 2009 г.)

¹ Об очаровании феноменом Сталина на Западе см.: Busse M.-C.v. *Faszination und Desillusionierung. Stalinismusbilder von sympatisierenden und abtrünnigen Intellektuellen*. Pfaffenweiler, 2000.

западный агент попытался отобрать у детей колорадских жуков, которые были собраны ими в ходе кампании по борьбе с насекомыми-вредителями, и снова разбросать их по картофельным полям. В Восточном Берлине бдительная школьница обнаружила автоматический карандаш, который в случае использования мог бы взорваться. Перечень опасностей завершался выводом о необходимости охраны социалистической родины и потребности в формировании собственных вооруженных сил для борьбы с внутренними и внешними врагами. После открытого голосования письмо было отправлено в Берлин и в Москву на имя «вождей».

Настоящий пример симптоматичен для ранней ГДР. Он описывает лишь одно из тысячи мероприятий, цель которых сводилась к политизации всех уровней жизни индивида, тотальной индоктринации и мобилизации общества в интересах власти. Вся страна, начиная от садоводов-любителей до высших партийных функционеров, должна была принимать участие в формировании единой и гомогенной публичной сферы сталинизма, а именно проговаривать официальную партийно-государственную риторику и участвовать в инсценируемых ритуалах, публично демонстрировать энтузиазм и верность идее строительства социализма, выискивать и разоблачать врагов. При этом государство и партия являлись главным цензором поведения субъекта. Они конструировали социокультурную систему диктатуры – создавали комплекс официальных знаний, значений и координат, целеустановок и ценностей, норм и правил, призванных унифицировать и интегрировать общество единой целью построения социализма. Заключение индивида в институциональные пространства диктатуры – от детского сада и школы до партийных кабинетов и залов суда, от пионерского лагеря и спортивного кружка до массовых организаций и красных уголков в честь классиков марксизма-ленинизма – создавало условия для политической социализации в течение всей жизни¹. Ежегодный круговорот партийно-государственных праздников и ритуалов являлся важным каналом передачи идеологии в массы, механизмом перевода сухих наррати-

¹ О структуре публичных сфер в условиях диктатур см.: Saldern A. v. Öffentlichkeiten in Diktaturen. Zu den Herrschaftspraktiken im Deutschland des 20. Jahrhunderts, in: Heydemann G., Oberreuther H. (Hg.). Diktaturen in Deutschland – Vergleichsaspekte. Strukturen, Institutionen und Verhaltensweisen. Bonn, 2003. S. 442–475; Rittersporn G. T., Rolf M., Behrends J. (Hg.). Zwischen partei-staatlicher Selbstinszenierung und kirchlichen Gegenwelten: Sphären von Öffentlichkeit in Gesellschaften sowjetischen Typs. Frankfurt a. M., 2003; Gibas M. Die "einheitliche öffentliche Meinung". Zur Kampagnenpolitik und Kommunikationspraxis, in: Barck S., Langermann M., Lokatis S. (Hg.). Zwischen "Mosaik" und "Einheit": Zeitschriften in der DDR. Berlin, 1999. S. 540–549.

вов в практику – эмоционально переживаемое событие¹. В данных сферах публичной жизни проходила советизация индивида, или его подгонка под идеал «нового человека» – верного носителя партийной идеологии, образца партийной дисциплины, активного участника пропагандистских кампаний, беспрекословного исполнителя приказов сверху.

В одномерном сценарии социально-политической жизни обществу отводилась роль послушного, а зачастую и пассивного зрителя, способного по сигналу и в нужный момент проголосовать единогласно или разразиться «бурными аплодисментами, переходящими в овации»². Политика превратилась в ритуал инсценировки общества социального консенсуса – без социальных конфликтов, классовых противоречий, иллюзорной общности абсолютного взаимопонимания и согласия. Фарс консенсуса достигался за счет заключения «большой сделки»: когда послушные режиму члены общества получали в качестве поощрения за активность, поддержку или же за лояльность к режиму материально-символические ресурсы улучшения своего положения и статуса – привилегированные возможности образования и отдыха, карьерный рост, а также квартиры, машины, дачи³. Для маленького человека данный уровень интеграции в систему путем приспособления означал стремление к уютному, бесконфликтному и беспроблемному существованию, обернувшееся на практике отходом в частные или мало политизированные ниши частной жизни. А. Людтке говорит о «маленьком счастье» человека, переживаемом во встречах с друзьями, на даче, в семейном кругу и с родственниками, которые означали не только дистанцию с публичной жизнью, но и способствовали укреплению внешней лояльности к системе, созда-

¹ См.: Глебкин В. В. Ритуал в советской культуре. М., 1998; Rytlewski R., Detlev K. Politische Rituale in der Sowjetunion und der DDR, in: Aus Politik und Zeitgeschichte. 87, 1987, B3. S. 33–48; Rolf M. Das sowjetische Massenfest. Hamburg, 2006; Danyel J. Politische Rituale als Sowjetimporte, in: Jarausch, Siegrist, Amerikanisierung und Sowjetisierung in Deutschland. S. 67–88; Gries R. Dramaturgie der Utopie. Kulturgeschichte der Rituale der Arbeiter-und-Bauern-Macht, in: Hübner P., Kleßmann Ch., Tenfelde K. (Hg.). Arbeiter im Staatssozialismus. Ideologischer Anspruch und soziale Wirklichkeit. Köln, 2005. S. 191–214.

² Ср.: Edelman M. Politik als Ritual. Die symbolische Funktion staatlicher Institutionen und politischen Handelns. Frankfurt a. M., 1976; Дубин Б. Всеобщая адаптация как тактика слабых. Риторика власти – установки приобщенных – настроения масс // Неприкосновенный запас. 2006, № 6 (50); Kenez P. The Birth of the Propaganda State: Brooks. Thank you, Comrade Stalin!

³ Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941 гг. М., 1998; Восленский М. Номенклатура: господствующий класс Советского Союза. М., 2005. С. 275–366.

вая впечатление коллективного принятия режима¹. Одновременные процессы политизации и приватизации публичной жизни субъекта стимулировали массовый конформизм и обеспечивали стабильность диктатуры.

Для анализа механизмов пропаганды и восприятия культа Сталина в Восточной Германии я использую термин «диктатура дискурса»². Во-первых, употребление термина акцентирует внимание на монопольном праве однопартийной диктатуры в производстве репрезентаций власти – официальных знаний и текстов, символов и визуальных образов, публичных сфер и пространств. Государство и партия узурпировали право интерпретации действительности, а следовательно, создания самой реальности – социального и политического порядка, в котором культ «вождя» являлся составной частью публичной жизни и социалистической повседневности. Во-вторых, создаваемый порядок каждодневно передавался населению через сеть официальных партийно-государственных публичных сфер, а именно: средства массовой информации, искусство и культуру, государственные праздники и ритуалы, массовые организации и учебные заведения. В них инсценировалась идеология, обретавшая временное, пространственное, эмоциональное измерения. Интенсивная работа органов пропаганды и террора обеспечивала поддержание границ данной системы, цель которой заключалась в политизации индивида: от активного сторонника режима до лояльного и послушного обывателя. В-третьих, использование термина указывает на жесткий контроль над официальным дискурсом о Сталине сверху, но отнюдь не исключает многоликости социальных акторов. Население являлось активным политическим игроком, руководствовавшимся не только стратегией безоговорочного принятия партийной линии, но и обладавшим (пусть ограниченными и скудными) ресурсами для интерпретации, переосмысления и отказа от официальной идеологии³.

В современных исследованиях историки все чаще отказываются от ранее нормативной теории тоталитаризма применительно к анализу диктатур современности. Данная тенденция коснулась в первую очередь исследований восточногерманской диктатуры. Развитие со-

¹ Lüdtke A. Die DDR als Geschichte. Zur Geschichtsschreibung über die DDR, in: *Aus Politik und Zeitgeschichte*. B36/98. S. 1–16, hier S. 13.

² Термин использует немецкий историк М. Сабров для анализа ведущей роли государства и партии в формировании официальной исторической памяти в ГДР. См.: Sabrow M. Einleitung. *Geschichtsdiskurs und Doktriningesellschaft*, in: Ders. (Hg.). *Geschichte als Herrschaftsdiskurs: Der Umgang mit der Vergangenheit in der DDR*. Köln, Weimar, Wien, 2000. S. 9–34.

³ Tikhomirov. *Symbols of Power in Rituals of Violence*.

циальной и культурной истории способствовало постановке вопросов о причинах стабильности и жизнеспособности авторитарных режимов власти, о механизмах построения социального консенсуса и о причинах толерантности населения к власти. В поиске ответов на них историки получили абсолютно иную перспективу исследования: под диктатурой понимают не столько территорию тотального контроля и вездесущего террора, сколько пространство повседневной жизни и социального опыта индивида. Диктатура интерпретируется в качестве социальной практики – пространства интенсивной политической коммуникации социальных акторов со структурами власти и друг с другом, которая нацелена на выработку и защиту индивидуальных, групповых, гендерных, субкультурных интересов и смыслов, на поиск и конструирование гибридной идентичности субъекта в пространстве политического¹. Диктатура как социальная практика указывает на потребность субъектов, коллективов и целых поколений жить *нормальной* жизнью и вырабатывать для достижения ощущения этой *нормальности* разнообразные стратегии сотрудничества, договаривания и сопротивления государству, несмотря на тотальную пропаганду и всеохватывающий террор². С одной стороны, границы и правила игры внутри данной культурной системы устанавливались государством и партией, пытавшимися навязать индивиду жестко заданную матрицу публичной риторики и поведения. «Диктатура границ»³ пыталась ограничить активность индивида при одновременном стремлении получить его поддержку и опору в осуществлении власти. С другой стороны, несмотря на доминирование политического в публичных и даже частных нишах социальной жизни, субъект сохранял ограниченные ресурсы автономности, то есть обладал способностью перерабатывать предлагаемую сверху идеологию сквозь призму собственных интересов и потребностей, страхов и ожиданий и тем самым находил свои смыслы жизни в условиях диктатуры – свой *Eigen-Sinn*⁴. Другими словами, человек превращал диктатуру в

¹ О толковании диктатуры в качестве социальной практики см.: Plaggenborg S. Stalinismusforschung; wie weiter?, in: Ders. (Hg.). Stalinismus. Neue Forschungen und Konzepte. S. 443–452, hier S. 446; Fitzpatrick. Politics as Practice; Studer B., Haumann H. (Hg.). Stalinistische Subjekte: Individuum und System in der Sowjetunion und der Kómintern. 1929–1953. Zürich, 2006.

² Тихомиров. Приспосабливаться, договариваться, сопротивляться; Fullbrook M. (ed.). Power and Society in the GDR, 1961–1979: The “Normalisation of Rule”? Berghahn, 2009.

³ Lindenberger. Die Diktatur der Grenzen.

⁴ Lüttke. Einleitung; Herrschaft als soziale Praxis; Lindenberger Th. Alltagsgeschichte und ihr möglicher Beitrag zu einer Gesellschaftsgeschichte der DDR, in: Bessel R., Jessen R.

социальную практику, переводя макропроцесс построения нового общественного порядка на микроуровень повседневности каждого отдельного индивида.

В свете данных работ ГДР предстает диктатурой соучастия и сотрудничества, которая в осуществлении власти была вынуждена опираться на поддержку населения, создавать пространства и ниши вовлечения индивида в пространство политического¹. Настоящий подход открывает ряд новых исследовательских горизонтов, позволяя избавиться от распространенных клише и закрепившихся в историографии стереотипов. Во-первых, в современной российской и западной историографии наблюдается освобождение от кальки описания обществ советского типа в терминах молчаливого, пассивного и бездействующего. В противовес теории тоталитаризма признается, что индивид не являлся легко манипулируемым винтиком государственной машины, а также частью безликой массы². Даже в жестких рамках диктатуры общество сохраняло способность не просто следовать партийно-государственным призывам, но и переосмысливать, критически мыслить и реагировать на мобилизационные лозунги сверху. Дифференцированный анализ множества социальных акторов доказал, что общества советского типа не являлись гомогенными, а сохраняли пестроту социального состава³. Во-вторых, дихотомичное описание социалистического общества в черно-белых категориях «палачи» и «жертвы», «сторонники» и «противники» режима, деление на тех, кто «за», и тех, кто «против», требуют более детализированного анализа исходя из того, что простой маленький человек в условиях диктатуры мог приспособливаться, вести переговоры и сопротивляться режиму власти *одновременно*, гибко меняя стратегии поведения в зависимости от ситуации, места и времени или в зависимости от пребывания в той или иной публичной/частной сфере и предполагаемых норм поведения в ней. В-третьих, тезис теории тоталитаризма о безграничной власти однопартийной дикта-

(Hg.). Die Grenzen der Diktatur. Staat und Gesellschaft in der DDR. Göttingen, 1996. S. 298–325; также см.: Krylova. The Tenacious Liberal Subject in Soviet Studies.

¹ Fulbrook. The People's State; Sabrow M. Sozialismus als Sinnwelt. Diktatorische Herrschaft in kulturhistorischer Perspektive, in: Potsdamer Bulletin für Zeithistorische Studien. H. 40/41. 2007. S. 9–23; Pence K., Betts P. (ed.). Socialist Modern. East German Everyday Culture and Politics. Ann Arbor, 2008.

² См.: Jessen R. DDR-Geschichte und Totalitarismustheorie, in: Berliner Debatte Initial. 5 (1995). 4. S. 17–24.

³ Например, см.: Pollack D. Die konstitutive Widersprüchlichkeit der DDR. Oder: War die DDR-Gesellschaft homogen?, in: Geschichte und Gesellschaft. 24 (1997). S. 110–131.

туры подвергается сомнению. Обращение к опыту, памяти и культурным практикам населения позволяет реконструировать границы воздействия диктатуры на общество, обозначив микрониши и пространства ограниченной, но все же социальной автономии индивида, в которых подавление низов верхами не срабатывало, сталкивалось с препятствиями.

Учитывая гибридный характер менталитета человека в условиях диктатуры – его многоликость, множественность форм поведения и сотрудничества с государством, часто используемое в исторических исследованиях противопоставление понятий «власть» и «общество» как антагонистов или конкурирующих начал лишается смысла. Интериоризируя правила риторики и поведения в партийно-государственных сферах жизни, акторы способствовали превращению диктатуры в форму повседневной жизни. Общество вращалось в структуре власти, репродуцируя и используя их для нормализации социалистической повседневности. Государство нуждалось в поддержке и доверии граждан для стабилизации и легитимации системы, а общество использовало эту потребность для оптимизации жизненных планов. Рутинизация власти привела к феномену взаимозависимости: невозможности существования диктатуры без общества и общества без диктатуры. Анализ данного симбиоза – ключ к пониманию феномена стабильности, жизнеспособности и воспроизводства авторитарных режимов власти.

1.3. Границы диктатуры дискурса: пути формирования единого дискурсивного поля сталинизма

С приходом Красной армии в Германию начинается не только экспорт советских метанарративов, символов и ритуалов, но и становление механизмов контроля над репрезентациями власти – форм организации знаний и опыта, коллективной идентичности и моделей поведения, с помощью которых организовывался, интерпретировался и конструировался социально-политический порядок послевоенной жизни¹. Освободители принесли свои представления и эталоны устройства мира и попытались их воплотить на немецкой по-

¹ Baberowski J. Selbstbilder und Fremdbilder: Repräsentation sozialer Ordnung im Wandel, in: Baberowski J., Kaelbe H., Schriewer J. (Hg.). Selbstbilder und Fremdbilder. Repräsentationen sozialer Ordnung im Wandel. Frankfurt, New York, 2008. S. 9–13; Chartier R. Die Welt als Repräsentation, in: Middel M. (Hg.). Alles Gewordene hat Geschichte. Die Schule der Annales in Ihren Texten. Leipzig, 1994. S. 320–347.

чве. 9 июня 1945 г. маршал Г. К. Жуков объявил о создании Советской военной администрации в Германии (СВАГ), ставшей высшим исполнительным, законодательным и судебным органом в советской оккупационной зоне¹. В соответствии с договоренностью союзников по антигитлеровской коалиции СВАГ выполняла роль арбитра в исполнении Потсдамских соглашений в Восточной Германии². Красная армия получила официальный статус «Группы советских оккупационных войск в Германии». В действительности создание новых структур власти, призванных, согласно официальным документам, содействовать демократизации послевоенной Германии, обернулось поступательной советизацией всех сфер жизни и созданием благоприятных условий для утверждения «диктатуры дискурса».

Одной из типичных черт советского стиля власти, проявившейся на немецкой земле в полной мере, стало стремление к тотальному контролю над информационным пространством³. Всеохватывающая система контроля и надзора устанавливала фактические и символические границы «диктатуры дискурса», заточавшего субъекта в риторические и поведенческие тиски несвободы. Ключевую роль в формировании механизма подчинения населения Восточной Германии правилам жизни по-советски сыграло Управление пропаганды СВАГ. Оно было создано по приказу от 18 августа 1945 г. № 29 при политическом отделе СВАГ⁴. Новое подразделение возглавил С. И. Тюльпанов.

¹ Указ о создании Советской военной администрации в Германии был издан 6 июня 1945 г. Советом Народных Комиссаров СССР. См.: Broszat M., Weber H. (Hg.). SBZ-Handbuch: staatliche Verwaltungen, Parteien, gesellschaftliche Organisationen, und ihre Führungskräfte in der Sowjetischen Besatzungszone Deutschlands 1945-1949. München, 1990. S. 49.

² Центральное управление СВАГ разместилось в пригороде Берлина в районе Карлсхорст. Приказ СВАГ от 9 июля 1945 г. № 5 предусматривал учреждение пяти земельных управлений Советской военной администрации в Бранденбурге, Мекленбурге, Саксонии-Ангальт, Саксонии и Тюрингии. Главами региональных управлений были назначены командующие размещенных там войск. Представительства СВАГ или военные комендатуры существовали на всех региональных уровнях: в административных управлениях округов, городов, районов. См.: Fait B. Landesregierungen und Verwaltungen. Einleitung, in: Broszat, Weber. SBZ-Handbuch. S. 73.

³ Ср.: Зубкова Е. Ю. Мир мнений советского человека, 1945-1948 годы. По материалам ЦК ВКП(б) // Отечественная история. 1998, № 3. С. 25-39 и № 4. С. 99-108; Измозик В. С. Глаза и уши режима. Государственный и политический контроль за населением Советской России в 1918-1928. СПб., 1995.

⁴ Foitzik J. Inventar der Befehle des Obersten Chefs der Sowjetischen Militäradministration in Deutschland (SMAD) 1945-1949. München, 1995. S. 68. Кроме этого, решение о создании Управления пропаганды было принято Советом Народных Комиссаров СССР 5 октября 1945 г. См.: Материалы по истории советской военной администрации в Германии в 1945-1949 гг. Научно-справочное издание. Вып. 1 (Политические структуры СВАГ). М., 1998. С. 72.

В январе 1947 г. ЦК ВКП(б) рекомендовал переименовать данный орган в Управление информации, так как, по сообщениям с мест, термин «пропаганда» вызывал среди немецкого населения негативные ассоциации с министерством Геббельса¹. Среди историков существует точка зрения, что благодаря самому крупному структурному нововведению² Управление пропаганды смогло не только выстраивать единую идеологическую линию, но и проводить самостоятельный политический курс в советской зоне³. Однако заметим, что данный курс предполагал с самого начала работы Управления пропаганды тесное сотрудничество с Управлением пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). Источники указывают, что все шаги немецкого подразделения в обязательном порядке согласовывались, координировались и направлялись секретарями ЦК ВКП(б). В Москве утверждались списки литературы⁴, кинофильмов⁵, лекций⁶ и выставок⁷, направлявшихся в советскую зону и призванных сформировать позитивный имидж Советского Союза у немецкого населения.

Стремление СВАГ к всеохватывающему контролю над источниками информации отразилось уже в самых первых мероприятиях: изъятии нацистской литературы, взятии на учет печатных тиражирующих средств, выстраивании системы цензурирования печатной продукции. Приказ начальника гарнизона и военного коменданта Берлина от 30 апреля 1945 г. № 1 предписывал всем владельцам типографий, пишущих машинок и прочих тиражирующих устройств за-

¹ Проект записки комиссии ЦК ВКП(б) И. В. Сталину о работе Управления пропаганды СВАГ (ранее 25 декабря 1946 г.) // СВАГ. Управление пропаганды (информации) и С. И. Тюльпанов. 1945–1949. Сборник документов / под. ред. Б. Бонвеча, Г. Бордюгова, Н. Неймарка. М., 1994. С. 197.

² По данным Н. Неймарка, в течение зимы 1945–1946 гг. и весны 1946 г. Управление пропаганды сильно увеличилось: оно состояло из 10 отделов, в которых работало 1500 советских сотрудников. См.: СВАГ. Управление пропаганды. С. 11.

³ Stenogramm der Bemerkungen des ZK-Sekretärs A. Kuznecov zur Arbeit der Propagandaverwaltung der SMAD auf der Sitzung des Sekretariats des ZK der KPdSU vom 9. Dezember 1946, in: Bonwetsch B., Bordjugov G., Naimark N. (Hg.). Sowjetische Politik in der SBZ. 1945–1949. Dokumente zur Tätigkeit der Propagandaverwaltung (Informationsverwaltung) der SMAD unter Sergej Tjulpanov. Bonn, 1998. S. 252–255.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. О. 132. Д. 225. Л. 1–2.

⁵ Например, см.: Список фильмов, рекомендованных Представительству «Сов-экспортфильм» в Германии для включения в репертуар фестиваля, посвященного 30-летию советской кинематографии // РГАСПИ. Ф. 17. О. 132. Д. 250. Л. 103.

⁶ Например, см.: Тематика лекций, чтение которых желательно организовать в Доме Культуры СССР в Берлине и клубах Общества по изучению культуры СССР силами лекторов, присланных из СССР // РГАСПИ. Ф. 17. О. 132. Д. 108. Л. 11.

⁷ Например, см.: Тематика выставок, которые желательно получить от ВОКС'а для клубов Общества по изучению культуры СССР // Там же. Л. 12.

регистрироваться у военных комендантов, без ведома которых запрещалась печать, хранение и распространение каких-либо материалов¹. Из библиотек и книжных магазинов подлежала изъятию «нацистская и милитаристская литература», представлявшая угрозу искажения положительного образа СССР и советских вождей². С 18 августа 1945 г. функции цензуры сосредоточиваются в секторе пропаганды и цензуры при политическом отделе СВАГ³. Ни одна даже самая малая заметка не могла быть опубликована, если на ней отсутствовала виза советского цензора. Контролировалась не только вся печатная продукция, типографии, киностудии и кинотеатры, немецкие информационные агентства, театры и кабаре, но и каналы распространения информации – телефонно-телеграфная связь и радио⁴. Уже первоначальные меры СВАГ по установлению надзора за потоками и источниками информации обозначили тенденцию фильтрации курсировавших знаний с целью формирования исключительно позитивного имиджа Советского Союза.

Цензура оттачивала дискурсивный регистр власти – набор метафор, риторических правил, допущений и запретов, которыми предписывалось руководствоваться как средствам массовой информации, так и населению всей советской зоны. Языковая политика советской оккупационной власти налагала табу на тематизирование в печати и на радио целого комплекса проблем: критики приказов СВАГ, чрезмерного восхваления Красной армии, темы «беженцев с востока» и сравнений послевоенного развития Восточной Германии с западными зонами, упоминаний о демонтаже промышленных предприятий и репарациях. СВАГ настоятельно рекомендовала следить за правильным написанием фамилий и званий вождей, а также руководителей СВАГ. Сообщения о женских и молодежных организациях допускались исключительно в рамках освещения антифашистской работы среди населения. Напротив, рекомендовалась публикация писем от бывших военнопленных, содержащих описа-

¹ Приказ начальника гарнизона и военного коменданта г. Берлина № 1 о регулировании политической и социально-экономической жизни города от 30 апреля 1945 г. // Политика СВАГ в области культуры, науки и образования: цели, методы, результаты. 1945–1949: Сборник документов. М., 2006. С. 85–87.

² Приказ СВАГ № 39 об изъятии нацистской и милитаристской литературы от 8 сентября 1945 г. // Политика СВАГ в области культуры. С. 92–93.

³ Приказ СВАГ № 29 о работе сектора пропаганды и цензуры Политического отдела СВАГ, 18 августа 1945 г. // Политика СВАГ в области культуры. С. 90–91.

⁴ Например, см.: Письмо начальника УСВА федеральной земли Тюрингия И. С. Колесниченко президенту земли доктору Р. Паулю о порядке использования немецкими органами самоуправления телефонно-телеграфной связи // СВАГ и немецкие органы самоуправления. С. 279–280.

ния положительного опыта в советском плену. Подобным образом СВАГ стремилась успокоить население и отодвинуть решение вопроса о полном освобождении немецких военнопленных на неопределенную перспективу¹.

Оформление жестких правил использования публичной риторики привело к тому, что нарушения дискурсивного порядка диктатуры криминализировались. Удивительно, но жертвами политики «учись говорить по-советски» становились даже сотрудники СВАГ. Приведу лишь один пример. Вследствие допущенных цензорских ошибок, в том числе «извращения в антисоветской форме цитаты из высказываний товарища Сталина», с должности начальника отделения цензуры Отдела пропаганды по провинции Мекленбург и Западной Померании был снят Л. И. Новик². Также для рядовых немцев нарушения риторических и поведенческих правил сопровождались практиками исключения – арестами, высылками, административными наказаниями, а также трудно документируемыми формами давления, запугивания и угроз вплоть до случаев бесследного исчезновения людей³. В замыслах власти цензура публичного пространства должна была превратиться во внутренний регулятор поведения тоталитарного субъекта, сократив до минимума отступления от дискурсивного регистра диктатуры.

27 ноября 1946 г. в газете «Теглихе Рундшау» было опубликовано сообщение об отмене предварительной цензуры в советской зоне. Однако контроль над средствами массовой информации с советской стороны по-прежнему сохранялся. С. Тюльпанов пояснил, что «речь идет только об изменении форм контроля над прессой», но не об окончательном отмене надзора⁴. Отныне после личных бесед с цензорами СВАГ редакторы немецких газет и радио принимали письменные обязательства использовать исключительно проверенные материалы из Бюро информации СВАГ и ТАСС. Созданное в октябре 1946 г. новостное агентство «Альгемейне Дейтче Нахрихтендинст» пресле-

¹ Указание исполняющего обязанности начальника Отдела пропаганды УСВА федеральной земли Тюрингия В. С. Бабенко начальникам отделений пропаганды о правилах цензуры газет от 28 ноября 1945 г. // Политика СВАГ в области культуры. С. 103–105.

² Политика СВАГ в области культуры. С. 132–133.

³ Например, см.: AdsD (Archiv der sozialen Demokratie der Friedrich-Ebert-Stiftung). SPD–PV–Ostbüro 0349 A/B, unpag.; 0383 H–K, unpag.; 0362 I, unpag.

⁴ Указание начальника Управления пропаганды СВАГ С. И. Тюльпанова начальнику Отдела пропаганды УСВА федеральной земли Саксонии А. П. Ватнику и начальникам отделений пропаганды округов об изменении форм контроля прессы от 27 февраля 1947 г. // Политика СВАГ в области культуры. С. 157–161, здесь с. 158.

довало ту же цель унификации дискурса власти в советской зоне¹. Сохранялась цензура и в работе типографий, в которых публикация материалов разрешалась строго по лицензии СВАГ. За счет использования и тиражирования унифицированной информации «диктатура дискурса» стремилась монополизировать право интерпретации действительности для конструирования монолитного политического пространства и собственного режима «правды».

Практики цензуры стали составной частью медийной политики советских оккупационных властей². Ее главная цель заключалась в формировании положительного имиджа Советского Союза в Германии. В августе 1946 г. С. Тюльпанов заявил: «...необходимо, наряду с решительной борьбой против каждой отдельной антисоветской вылазки, систематически пропагандировать Советский Союз, доказать немецкому народу и внедрить в его сознание, что СССР самая мощная держава в мире, что только в ней он имеет надежного защитника и гаранта от возможного повторения катастрофы, в которую Германия была ввергнута в результате обеих мировых войн»³. В своем выступлении он призывал региональных начальников Управления пропаганды «заставить редакции немецких газет и радио вести систематическую пропаганду Советского Союза»⁴.

Для реализации заданного курса Управление пропаганды установило надзор за работой Информационного бюро и издательства СВАГ⁵, берлинского отделения внешнеторговой организации

¹ См.: Holzweilig. "Die schärfste Waffe der Partei". S. 33–35.

² Ср.: Kenez. *The Birth of the Propaganda State*; Brooks. *Thank you, Comrade Stalin!*; Lence M. *Closer to the Masses. Culture, Social Revolution, and Soviet Newspapers*. Cambridge, 2004; Pike D. *Censorship in Soviet-Occupied Germany*, in: Naimark, Gibianski. *The Establishment of Communist Regimes in Eastern Europe*. P. 217–241.

³ О пропаганде Советского Союза в немецкой печати и радио, 24 августа 1946 г. // ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 194. Л. 21–22.

⁴ Там же.

⁵ По данным одного из отчетов на август 1948 г., издательством СВАГ было издано свыше 2,5 млн учебников по русскому языку, в которых помещалось большое количество статей о Советском Союзе, стихотворений русских авторов и материалов о вождях, истории и государственном устройстве СССР. В 1947 г. издательство выпустило серию книг под названием «Советская страна». Каждый том серии был призван отразить многогранные успехи социалистического строительства под руководством Сталина. Эти материалы использовались в преподавании русского языка, который на август 1948 г., по советским данным, изучало свыше 700 тысяч детей в школах советской зоны. См.: Kaprinskij W. A. *Die Gesellschafts- und Staatsordnung der UdSSR. (Das Sowjetland – 3)*. Berlin, 1947; Minz I. I., Rasgon I. M., Sidorov A. L. *Der große vaterländische Krieg der Sowjetunion. (Das Sowjetland – 4)*. Berlin, 1947; Michajlow N. N. *Die Weiten und Reichtümer des Sowjetlandes. (Das Sowjetland – 5)*. Berlin, 1947; также см.: ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 37. Л. 217.

«Союзинторгкино» и редакции газеты «Теглихе рундшау», радиостанций и Дома германо-советской дружбы в Берлине. В компетенцию Управления пропаганды входило цензурирование радиопрограмм, журналов и газет, а также программ театра и кино¹. Согласно одному из московских отчетов, только по состоянию на декабрь 1946 г. Управление пропаганды контролировало 37 газет, 5 радиостанций и 52 журнала². За счет установления глушителей для западного радио СВАГ пыталась исключить альтернативные источники информации из дискурсивного поля Восточной Германии³. Стремление к всездущему контролю над информацией дошло до того, что в приказе СВАГ земли Мекленбург от 12 июня 1946 г. предписывалось взять под наблюдение все голубеводство и станции почтовых голубей. Советские чиновники опасались обмена информацией между немецкими оккупационными зонами через воздушную почту⁴. «Диктатура дискурса» должна была обладать надежно охраняемыми границами и на небе, и на земле.

Тем не менее в Восточной Германии была особенно проблемная зона – приграничная территория с Западной Германией – поле конкурировавших и взаимоисключающих дискурсов капитализма и социализма. Несмотря на принятие директивы Контрольного совета «О межзональном обмене печатными материалами и фильмами» от 25 июня 1947 г. № 55, СВАГ использовала все возможные каналы влияния для закрытия внешней границы советской зоны, через которую проникали западные газеты, журналы и книги⁵. Опасаясь их отрицательного влияния на настроения населения, СВАГ оказывала давление на крупных оптовиков, которые в свою очередь блокировали розничную торговлю, отсылали крупные партии газет обратно на

¹ СВАГ. Управление пропаганды. С. 137–142. О механизмах цензуры в Восточной Германии см.: Barck S., Langermann M., Lokatis S. "Jedes Buch ein Abenteuer". Zensur-System und literarische Öffentlichkeit in der DDR bis Ende der sechziger Jahre. Berlin, 1997; Holzweißig G. Zensur ohne Zensor. Die SED-Informationsdiktatur, Bonn, 1997; Strunk P. Zensur und Zensoren. Medienkontrolle und Propagandapolitik unter sowjetischer Besatzungsherrschaft in Deutschland. Berlin, 1996; Barck S. The Fettered Media: Controlling Public Debate, in: Jahrausch K. (ed.). Dictatorship as Experience. Towards a Socio-Cultural History of the GDR. New York, 1999. P. 213–240.

² СВАГ. Управление пропаганды. С. 195.

³ Например, см.: Указание начальника Управления пропаганды СВАГ С. И. Тюльпанова начальнику Отдела пропаганды УСВА провинции Бранденбург Я. И. Мильхикеру о развитии трансляционной радиосети и обеспечении тщательного контроля радиопередач // Политика СВАГ в области культуры. С. 108.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-7103. Оп. 1. Д. 21. Л. 292.

⁵ Например, см.: Донесение о политических настроениях населения Берлинского округа, 28 декабря 1945 г. // ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 181. Л. 82–83.

Запад, объясняя свои действия отсутствием спроса среди населения¹. Отговариваясь отсутствием договоренностей в осуществлении межзональных расчетов, СВАГ запрещала прием подписки на периодические издания. Подписку приказывалось приостановить, а вырученные деньги вернуть подписчикам или предложить им подписаться на газеты советской зоны². С осени 1948 г. СВАГ переходит к открытой политике запрета печатных изданий, произведенных на Западе или же опубликованных не по советской лицензии³. Стремление к полному удалению альтернативных знаний привело к зачистке информационного пространства: проверкам книжных магазинов и киосков, залов парикмахерских и публичных библиотек, взятию под наблюдение привокзальных газетных киосков, буфетов и ресторанов, а также созданию групп криминальной полиции по наблюдению за деятельностью почтовых отделений, железнодорожных и речных вокзалов, за межзональным движением автомобильного транспорта. Взятие под охрану приграничных территорий, пунктов и мест потенциального контакта с западными зонами отражало намерение СВАГ унифицировать дискурсивное пространство за счет укрепления и закрытия внешних границ «диктатуры дискурса».

Однако непосредственное соседство двух немецких государств неизбежно оборачивалось нарушением гомогенности информационного пространства Восточной Германии. Приведу примеры. Однажды летом 1952 г. в одном из приграничных районов были разбросаны листовки с лозунгами против режима СЕПГ. Местные власти привлекли для их сбора военных, полицию и рабочих. При этом рабочим было сделано предупреждение, что в случае сокрытия листовок с целью последующего распространения им грозят строгие административные штрафы. На обратном пути в каждой машине находился полицейский-наблюдатель, а при выходе из машины участники

¹ Докладная записка начальника Отдела информации УСВА земли Саксония-Ангальт Н. С. Родионова начальнику Управления информации СВАГ С. И. Тюльпанову о распространении газет западных зон от 29 декабря 1947 г. // Политика СВАГ в области культуры. С. 224–225.

² Письмо начальника Управления связи СВАГ Н. А. Борзова президенту Главного управления почт и связи НЭК В. Шредеру о подписке на периодические издания, выходящие в западных зонах оккупации Германии, и о предложении населению подписаться на издания, выходящие в Советской зоне от 29 апреля 1948 г. // Политика СВАГ в области культуры. С. 240–241; также см.: ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 192. Л. 210.

³ Докладная записка заместителя Главного начальствующего СВАГ по политическим вопросам А. Г. Русских секретарю ЦК ВКП(б) М. А. Сулову и начальнику Главного политического управления ВС СССР И. В. Шикину о мероприятиях по изъятию из продажи печатной продукции западных зон Германии, 20 октября 1948 г. // Политика СВАГ в области культуры. С. 271–273.

акции по зачистке территории подвергались личному досмотру¹. В другом случае в приграничном местечке Харц член СЕПГ попытался блокировать западные контакты местных жителей. На одном из митингов он рассказывал об успехах строительства социализма, сообщая о растущем голоде, дефиците и безработице в западных зонах. Но публика встретила его пропагандистский рассказ гневными криками неприятия. Как выяснилось позже, близость к Западной Германии позволяла каждому из присутствовавших не раз пересекать границу для закупки продуктов питания и предметов быта, формируя собственное представление о позитивных тенденциях развития в соседней зоне². Данные примеры демонстрируют, что дискурсивные границы империи сталинизма не принимались населением особенно в приграничных с Западной Германией регионах, так как не соответствовали опыту и ожиданиям населения.

Другим инструментом формирования «диктатуры дискурса» стала практика составления сводок и политдонесений о настроениях населения. 30 ноября 1945 г. С. И. Тюльпанов подписывает приказ о составлении регулярных политических сообщений для всех земель и округов, которые должны отражать распространенные мнения немецкого населения по актуальным вопросам³. 8 апреля 1946 г. следует приказ о подготовке ежемесячных, ежеквартальных и годовых отчетов для гражданских структур власти. Чтобы контролировать соблюдение данного распоряжения в земельных и окружных управлениях создавались «отделы информации». Возглавлять их могли исключительно члены КППГ⁴. Как правило, данные органы обрабатывали первоначальные сводки районных и окружных председателей политических партий, массовых организаций и органов местного управления, органов безопасности и бургомистров⁵. Затем обработанная информация поступала в региональные отделения Управления информации при военных комендатурах и только после этого попадала в центральное бюро в Карлсхорсте⁶. Копия каждого сообщения в обязательном порядке поступала в оперативный сектор Министерства

¹ AdsD, SPD–PV–Ostbüro 0361 I, unpag.

² Reiseeindrücke aus der russischer Zone. 26.06.1949, in: AdsD, SPD–PV–Ostbüro 0361 I, unpag.

³ СССР и германский вопрос. 1941–1949: документы из Архива внешней политики Российской Федерации: В 3 т. Т. II.: 9 мая 1945 г. – 3 октября 1946 г. / сост. Г. П. Кынин и Й. Лауфер. М., 2000. С. 24.

⁴ Broszat, Weber. SBZ–Handbuch. S. 216.

⁵ Например, см.: ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 31. Л. 63.

⁶ Колесниченко И. С. Битва после войны. М., 1987. С. 11.

внутренних дел и НКВД для расследования «особо опасных дел»¹. Таким образом, сводки являлись не только инструментом сбора мнений, но и механизмом контроля и борьбы с носителями отличных от официальных мнений.

Вопрос об отношении восточногерманского населения к Сталину занимает одно из центральных мест в информационных сообщениях и политдонесениях². Однако можно выделить несколько поводов, когда власть особо интересовалась отношением немцев к советскому лидеру, а именно: по случаям пропагандистских кампаний к дням рождения вождя, популяризации сталинских трудов и интервью советского лидера иностранным журналистам. В таких случаях СВАГ (с октября 1949 г. СКК) давала специальные заказы-поручения на изучение общественных умонастроений. Такие «заказные» опросы, как правило, предполагали «ожидаемые» результаты, которые были призваны подтвердить успех работы пропаганды с населением. В 1950 г. руководителям профсоюзов на предприятиях Йены предписывалось заполнить анкеты Общества германо-советской дружбы по следующим вопросам: «Были ли подготовлены соревнования в честь дня рождения Сталина? Были ли приняты индивидуальные и групповые обязательства? Были ли отправлены поздравительные телеграммы в Советский Союз? С каким успехом прошло оформление предприятий и рабочих мест?»³.

Отчеты предписывалось предоставить «строго пунктуально» к 22 декабря в секретариат бургомистра, то есть уже на следующий день после завершения праздничных мероприятий. Рутинизация кампании наблюдается годом позже уже по всей Германии, но с более широким перечнем интересовавших власть вопросов: «Сколько мероприятий и с каким числом участников были проведены; сколько коллективных и индивидуальных писем было послано Сталину; сколько было принято коллективных и индивидуальных обязательств в связи

¹ Однако разработанная схема сбора и анализа мнений среди населения далеко не всегда действовала отлаженно. Показательный пример конкуренции за право сбора популярных мнений между различными советскими инстанциями в Германии – оперативной группой НКВД и военной комендатурой в г. Косвиг см.: Рапорт военного коменданта г. Косвиг В. Н. Гордиенко начальнику комендантской службы СВА провинции Саксония Г. Д. Мухину о противозаконных действиях работников местной опергруппы НКВД в отношении работников военной комендатуры и аппарата бургомистра, 31 октября 1945 г. // СВАГ и немецкие органы самоуправления. С. 290–295, особ. с. 294.

² Как правило, информационные сводки (“Informationsberichte”) составлялись гражданскими органами власти, а политические донесения (политдонесения) – органами Советской военной администрации в Германии.

³ Stadtarchiv Jena. В III IIIh Nr. 5, unpag.

с 72-летием Сталина; сколько сталинских уголков и выставок было организовано; сколько дискуссий по обсуждению трудов советского лидера было проведено»¹. Составители опросника просили переслать примеры лучших писем и поздравлений, рисунков и подарков. Таким образом власть создавала ожидание успеха пропагандистской кампании в виде высоких показателей, призванных подтвердить и доказать СЕПГ положительный сдвиг в восприятии Сталина от «врага» к «лучшему другу немецкого народа».

С открытием ранее секретных архивов в России и Германии в 1990-е гг. исследователи ведут дискуссию о достоверности и целесообразности использования сводок и донесений в качестве исторического источника². В настоящей работе я придерживаюсь принципов методологии социального конструктивизма³. Это предполагает, что сводки рассказывают нам не столько об истинном мире мнений населения, сколько о самой власти и создаваемой властью реальности. Речь идет о воспроизводимых авторами донесений репрезентаций власти – официальных представлений об устройстве государства и общества, о классах и социальных иерархиях, о «друзьях» и «врагах» режима, об официальном понимании прошлого, настоящего и будущего. В сводках и донесениях государство и партия конструировали мир мнений населения, легитимируя создаваемый ими политический порядок диктатуры⁴. С одной стороны, сводки инсценировали общество консенсуса – гармоничного единства мнений СЕПГ и населения. С другой стороны, сводки одновременно устанавливали дискурсивные границы дозволенной риторики и поведения для населе-

¹ Richtlinien für die Berichterstattung des 72. Geburtstages J. W. Stalin. Dresden, den 14.12.1951, in: Staatsarchiv Dresden. LRS. Ministerium für Volksbildung Nr. 195, unpag.; также см.: Thüringisches Hauptstaatsarchiv Weimar. Land Thüringen – Ministerium für Volksbildung Nr. 1485. Bl. 72.

² Более подробные материалы к дискуссии об использовании сводок и обзоров общественных настроений в исторических исследованиях см.: Davies. *Popular Opinion in Stalin's Russia*; Holquist P. "Information is the Alpha and Omega of Our Work": Bolshevik Surveillance in Its Pan-European Context, in: *Journal of Modern History*, 69:3 (September 1997). P. 415–450; Velikanova O. *Berichte zur Stimmungslage. Zu den Quellen politischer Beobachtung der Bevölkerung in der Sowjetunion*, in: *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 47 (1999) 2. S. 227–243; Vihavainen T. (ed.). *The Soviet Union – a Popular State? Studies on Popular Opinion in the USSR*. Sankt Petersburg, 2003; Plamper J. *Beyond Binaries: Popular Opinion in Stalinism*, in: *Corner. Popular Opinion in Totalitarian Regimes*. P. 64–80.

³ См.: Berger P. L., Luckmann T. *Die gesellschaftliche Konstruktion der Wirklichkeit*. 20. Auflage, Frankfurt a. M., 2004.

⁴ Например, см.: *Stimmen zum Stalin-Interview vom 21.12.52. Sonderbericht*, in: BStU (Der Bundesbeauftragte für die Unterlagen des Staatssicherheitsdienstes der ehemaligen Deutschen Demokratischen Republik). AST Erfurt, AS 42.

ния, выход за которые грозил клеймом врага народа и врага Сталина, а также оборачивался исключением из единого дискурсивного поля культового сообщества в виде арестов и административных взысканий. Таким образом, сводки и политдонесения являлись не только продуктом, но и генератором дискурса власти.

Например, цензорские заметки на полях сводок предоставляют уникальную возможность заглянуть в мироощущение сотрудников СВАГ и понять те категории, которыми им приходилось руководствоваться в повседневной работе. Так, в одном из донесений о настроениях населения в провинции Мекленбург и Западной Померании напротив мнения жителя деревни Вальтерсдорф о будущей расправе со всеми пособниками русских было приписано слово «террорист». А негативные высказывания жителя Грайфсвальда, бывшего члена КПГ, с критикой немецких коммунистов, репарационной политики советских властей на фоне симпатий к жизни в западных зонах были охарактеризованы как «предательство» и «сволочь»¹. Слово «провокация» было написано напротив мнения священника города Позевальк, озвучившего в беседе с членом КПГ сомнение в популярности и правильности курса коммунистической партии². А мнение владельца типографии города Гадебуш о вывозе хлеба в Советский Союз сопровождалось комментарием «врет сволочь»³.

Наоборот, напротив положительных мнений в адрес КПГ и СВАГ писались слова «хорошо» и «правильно». Цензор отметил положительный эффект опровержения провокационных слухов в беседах бывшего в английском плену немца с населением деревни Цитов Шверинского района: «Я вернулся бы домой еще летом, но боялся, так как в Англии был пущен слух, что русская армия грабит всех людей, насилует женщин, а кто протестует, того расстреливают, всех здоровых людей отправляют в Сибирь. Несмотря на это, я все же вернулся домой и убедился, что это вранье»⁴. Данные заметки на полях подтверждают намерение СВАГ сформировать собственный режим «правды» – комплекс официальных знаний и репрезентаций действительности, легитимировавших пребывание советских солдат и политику СВАГ в послевоенной Германии. Одновременно устанавливались приграничные зоны толерантности новой власти к «не-

¹ Докладная записка о настроении немецкого населения по провинции Мекленбург и Западной Померании от 22 ноября 1945 г. // ГА РФ. Ф. Р-7103. Оп. 1. Д. 10. Л. 96.

² Там же. Л. 96–97.

³ Там же. Л. 99.

⁴ Там же. Л. 97.

правде» – альтернативным мнениям, нарушавших советский порядок представлений о «правде», а потому приписываемых исключительно «реакционерам» и «фашистам», «врагам» и «сволочам», «империалистам» и «милитаристам»¹.

Структура сводок в Восточной Германии отражала советскую практику составления донесений, опираясь на принцип классовой борьбы и биполярного устройства мира². Их главная цель заключалась в репрезентации «всенародной поддержки» политического порядка, призванной подтвердить легитимность оккупационных властей, а с октября 1949 г. – диктатуры СЕПГ. Первая часть включала голоса восторга, одобрения, поддержки действий оккупационного режима. Как правило, авторы отчетов приписывали положительные мнения о власти представителям рабочих и крестьян, которым в рамках идеологии марксизма-ленинизма отводилась роль главной социальной опоры «рабоче-крестьянского государства». Именно данная группа общества наряду с членами партии и массовых организаций называлась «друзьями Сталина». Вторая часть сводок приводила примеры антиправительственных настроений. Здесь представители интеллигенции, домохозяйки и пенсионеры имели гораздо больше шансов оказаться в выборке негативных, или «вражеских», мнений. Форма их выражения простиралась от высказывания критических замечаний и постановки провокационных вопросов на собраниях, от антиправительственных выкриков и слухов до заметок о фактах иконоборчества и вандализма в отношении официальной иконографии режима.

Но особо опасной социальной группой для «нового антифашистского демократического порядка» в политдонесениях представлялись бывшие члены НСДАП, которым вследствие «темного прошлого» автоматически навешивался ярлык подстрекателей и вредителей, саботажников и поджигателей войны, скрытых пособников главной угрозы – империалистического и капиталистического Запада³.

¹ Использование ругательной и оскорбительной лексики советскими управленческими кадрами в Германии по отношению к немцам наблюдалось в повседневной работе военных комендатур. См., например: Донесение начальника отделения пропаганды УКВ Берлинского округа Л. Л. Колосса начальнику Отдела пропаганды УСВА провинции Бранденбург Я. И. Мильхикеру «Об отношении военного коменданта города и участка Ораниенбург майора Хамидова к руководителям местных органов самоуправления и партийных организаций», 6 декабря 1945 г. // СВАГ и немецкие органы самоуправления. С. 308–310.

² Ср.: Зубкова Е. Ю. Мир мнений советского человека. С. 28; Behrends. Die erfundene Freundschaft. S. 238–240.

³ Gibas M. “Bonner Ultras”, “Kriegstreiber” und “Schlotbarone”. Die Bundesrepublik als Feindbild der DDR in den fünfziger Jahren, in: Satjukow S., Gries R. (Hg.). Unsere Feinde. Konstruktionen des Anderen im Sozialismus. Leipzig, 2004. S. 75–106.

Государство стремилось исключить носителей данных мнений из поля социальной мобильности и политической активности, прибегая к ограничениям гражданских прав, криминализации и репрессиям в отношении этой группы населения. Не случайно уже с 1946 г. СВАГ требует составления отчетов с указанием личных данных носителей тех или иных мнений, а именно: имени, пола, возраста, места жительства, партийной принадлежности, профессии и социального статуса. Обладание данной информацией позволяло СВАГ объективировать дискурсивные конструкции «друзей» и «врагов» режима в реальном историческом субъекте. Таким образом, механизм сбора мнений позволял поддерживать чистоту дискурсивного поля сталинизма за счет маргинализации и криминализации не угодных режиму лиц, групп и целых поколений¹.

Несмотря на заданность и тенденциозность сводок и донесений, именно работа с негативными мнениями открывает возможность узнать о пространствах и возможностях артикулирования населением популярных – «истинных» – мнений. В пивных и столовых, в очередях и на автобусных остановках, на железнодорожных станциях и вокзалах – в более анонимных и безличных пространствах население ощущало ослабление контроля, позволяя себе более свободные высказывания². Зачастую в неформальных пространствах коммуникации важной информационной единицей являлись слухи, в том числе о Сталине. Слухи конструировали параллельное информационное поле, конкурировавшее с официальным дискурсом власти. Они сигнализировали о дефиците доверия общества к источникам односторонней партийно-государственной информации. С одной стороны, постоянное циркулирование слухов указывало на попытку формирования альтернативной коллективной идентичности, нацеленной на дистанцирование к риторике и ритуалам режима СЕПГ. С другой стороны, слухи отражали желание вжиться в послевоенные реалии за счет поиска моделей интерпретации действительности, выражения разочарований, тревог и надежд перед новой властью. Распространение слухов свидетельствовало о желании нормализации повседневности за счет поиска ответов на открытые информационные дыры, провоцировавшие некомфортные чувства беспокойства и нестабильности.

¹ О практике репрессивного преследования в Восточной Германии см.: Gieseke J. Der Mielke-Konzern. Die Geschichte der Stasi 1945–1990. München, 2006. S. 28–39.

² Например, см.: AdsD, SPD–PV–Ostbüro 0287 A I, unpag.; также см.: Plamper J. "Die Hitler kommen und gehen..", der Führerkult aber bleibt bestehen. Der Stalinkult in der SBZ / DDR, in: Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, 5, 2007. S. 435–456, hier s. 440–441; Rossman J. Worker Resistance under Stalin: Class and Revolution on the Shop Floor. Cambridge, Mass., 2005.; Зубкова. Общество и реформы.

Так, накануне региональных выборов в Саксонии распространялись слухи, что, если не проголосовать за СЕПГ, власти урежут и без того скудный рацион питания, сократят продовольственные нормы, а военнопленные еще дольше будут задержаны в русском плену¹.

Без сомнения, следует отметить высокий мобилизационный потенциал слухов, которые обладали ресурсами мгновенного провоцирования социальных волнений и паники. Власть опасалась слухов, приписывая их «нацистским элементам, которые распространяют фашистскую пропаганду»². Так, слухи о сокрытии продуктов питания и их перепродаже советскими военными стали причиной волны «голодных бунтов», прокатившихся по всей Восточной Германии в первые годы после завершения войны³. В другом случае в мае 1951 г. жителям Сталинштадт делались анонимные звонки с призывом бежать на Запад, если они хотят сохранить жизнь и избежать внезапных арестов. Источник звонков остался неизвестен, но информация мгновенно облетела город и посеяла панические настроения⁴. Именно спонтанность в распространении слухов, невозможность их контроля и трудность в установлении источников происхождения доставляли власти наибольшее беспокойство. К сожалению, исследователям до настоящего времени очень мало известно об инструментализации слухов государственными структурами в целях эмоционального управления коллективами на пути построения «диктатуры дискурса»⁵.

Несмотря на анонимность и приватность истинных мнений, артикулировавшихся в неформальных нишах межличностной коммуникации, власть узнавала о них благодаря созданию разветвленной сети информантов⁶. В народе их именовали «стукачами»⁷. В совет-

¹ AdsD, SPD–PV–Ostbüro 0350, unpag.

² ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 181. Л. 83.

³ Например, см.: Спецдонесение начальника Отдела пропаганды УСВА федеральной земли Саксония А. П. Ватника начальнику Управления пропаганды СВАГ С. И. Тюльпанову о провокациях в г. Дрездене и его пригородах во время первомайских праздников // Политика СВАГ в области культуры. С. 170.

⁴ AdsD, SPD–PV–Ostbüro 0349 A/B, unpag.

⁵ Например, см.: Eisenfeld B. Gerüchteküche DDR – Die Desinformationspolitik des Ministeriums für Staatssicherheit, in: Werkstatt Geschichte, 15, 1996. S. 41–53.

⁶ По данным Б. Айзенфельд, к 1988 г. в ГДР насчитывалось 173 тыс. неофициальных сотрудников Министерства государственной безопасности. См.: Eisenfeld. Gerüchteküche DDR. S. 46. Об организации агентурно-осведомительной сети органами НКВД в Восточной Германии рассказывает Н. В. Петров. См.: Петров Н. В. Формирование органов немецкого самоуправления и советизация Восточной Германии // СВАГ и немецкие органы самоуправления, 1945–1949. С. 22.

⁷ См., например: Lütke A., Fürmetz G. Denunziation und Denunzianten: Politische Teilnahme oder Selbstüberwachung?, in: SOWI, 27 (1998) 2. S. 80–86; Altendorf G. Denunziation im Hochschulbereich der ehemaligen DDR, in: Jerouschek G., Marbolek I.

ской зоне СЕПГ стала одной из первых инстанций, требовавших сообщения партии о «распространении подозрительной и провокационной информации». «Каждый член партии должен знать, что ты говоришь партии и партии надо сказать всю правду», – сформулировал на одной из партийных школ мелкий восточногерманский бюрократ¹. В первую очередь членам партии рекомендовалось сообщать об услышанных «опасных» разговорах в кругу семьи и родственников, друзей и знакомых или подслушанных в общественном транспорте и в очередях, в гостиницах и на вокзалах². В начале января 1950 г. руководитель отдела партийного обучения при Правлении СЕПГ Курт Хагер призвал на страницах «Нойес Дойчланд» поставить принцип «повышенной бдительности» во главу партийной учебы³. Реагируя на сигналы из центра, на окружном собрании партийных функционеров СЕПГ принимается решение о формировании в каждой деревне общины Хальденслебен «верных линии партии групп из 20–25 человек, которые бы могли вести наблюдение за населением и немедленно сообщать о проявлениях негативного отношения к режиму СЕПГ»⁴.

С образованием Министерства государственной безопасности – «Штази» – в феврале 1950 г. в ГДР создается четко отлаженный механизм надзора и борьбы с оппозиционными мнениями. Для проникновения в самые интимные сферы жизни работает сеть агентов, в задачу которых входило доносить о всех отклонениях от официальной линии партии. Они были призваны стать «глазами и ушами» режима, чтобы наблюдать, разоблачать, принимать оперативные меры против «врагов народа». Так, с 1950 по 1952 г. число завербованных «секретных осведомителей» и «секретных сотрудников» достигло 30 тыс. человек⁵. Сеть информантов должна была охватить все соци-

Röckelein H. (Hg.). Denunziation: historische, juristische und psychologische Aspekte. Tübingen, 1997. S. 183–206; Fitzpatrick Sh., Gellately R. Introduction to the Practices of Denunciation in Modern European History, in: Journal of Modern History, 68 (1996). P. 747–767.

¹ Цит. по: Steglitz O., Thonfeld Ch. Denunziation als Medium des kulturalistisch erweiterten Diktaturvergleichs. Thüringen im Nationalsozialismus, unter sowjetischer Besatzung und in der frühen DDR, in: Werkstatt Geschichte, 38, 2004. S. 77–89, hier S. 83. (Курсив автора. – А. Т.)

² Например, см.: AdsD, SPD–PV–Ostbüro 0287 A1, unpag.; SAPMO–BARch (Stiftung Archiv der Parteien und Massenorganisationen der DDR im Bundesarchiv). DY 30 / IV 2 / 9.02 / 44, unpag.

³ Gieseke. Der Mielke-Konzern. S. 27.

⁴ AdsD, SPD–PV–Ostbüro 0361 I, unpag.

⁵ Gieseke. Der Mielke-Konzern. S. 58. По данным исследователей, в октябре 1989 г. численность официальных сотрудников Штази составляла около 91 тыс. че-

альные группы и поколения, включая детей. Так, один из учеников третьего класса, разбивший стекло и имевший несколько опозданий, был приглашен к секретарю Союза свободной немецкой молодежи для беседы: в обмен на еженедельные отчеты о дискуссиях среди одноклассников ему предлагалось заслужить официальное прощение за совершенные проступки¹. О нарушениях дискурсивной чистоты политического пространства ГДР должны были сообщать члены массовых организаций и полиции. Например, во время карнавала в Лейпциге полицейские намеренно надевали костюмы и маски, чтобы в ходе шествия и народных гуляний подслушивать антиправительственные шутки и высказывания населения².

Другим каналом доступа к миру мнений населения стала практика перлюстрации частных писем³. В Восточной Германии она проводилась органами военной цензуры НКГБ. Попытки военных комендатур проводить досмотр частной переписки произвольно пресекались и наказывались со стороны СВАГ⁴. Обязательной перлюстрации подвергалась почта в западные зоны. Отдел военной цензуры СВАГ составлял на основе просмотренных писем тематические сводки, документировавшие антиправительственные мнения. Согласно одному из сообщений СДПГ, на главном почтампе в Потсдаме был оборудован секретный кабинет для цензуры писем, где с 8 часов утра до 10 часов вечера, включая воскресенье, работали преимущественно женщины под надзором русского офицера. По результатам работы писались отчеты о содержании писем. Особое внимание в них уделялось критическим мнениям, направленным против СЕПГ и Красной армии, против ВКП(б) и СВАГ⁵.

люлек, а цифра неофициальных сотрудников достигала 174 тыс. человек. См.: Müller-Enbergs H. Zum Verhältnis von Norm und Praxis in der Arbeit mit Inoffiziellen Mitarbeitern des Ministeriums für Staatssicherheit, in: Suckut S., Süß W. (Hg.). Staatspartei und Staatssicherheit. Zum Verhältnis von SED und MfS. Berlin, 1997. S. 56–76, hier S. 56.

¹ AdsD, SPD–PV–Ostbüro 0383 H–K, unpag.

² AdsD, SPD–PV–Ostbüro 0361 III, unpag.

³ О практике перлюстрации в Советской России см.: Измозик В. Перлюстрация в первые годы советской власти // Вопросы истории. 1995. № 8. С. 26–35.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 13. Л. 374.

⁵ Potsdam – Geheime Postzensur, den 17.02.51, in: AdsD, SPD–PV–Ostbüro 0362 I, unpag.; также см.: Спецсообщение «По письмам с отрицательными высказываниями немецкого населения о поведении отдельных военнослужащих Красной Армии на территории Мекленбургской провинции» от 30.11.1945 г. // ГА РФ. Ф. Р-7103. Оп. 1. Д. 10. Л. 120–122; Письмо начальника Оперсектора НКВД СССР по провинции Мекленбург Д. М. Никитина начальнику УСВА провинции М. А. Скосыреву о недопустимости привлечения немцев-антифашистов к цензурированию немецкой почтовой корреспонденции, 6 марта 1946 г. // СВАГ и немецкие органы самоуправления. С. 321–322.

Партийные собрания являлись другой формой коммуникации партии и общества, которая позволяла СЕПГ не только узнавать мнения населения, но и открывала возможность их формирования за счет разъяснения и популяризации властного дискурса. Собрания представляли собой пространства притирки, диалога и конкуренции социальных акторов и власти. Для населения собрания открывали возможность тематизировать проблемы, негативный опыт и собственное видение перспектив германского развития¹. После каждого собрания организаторам предписывалось заполнить анкету с указанием числа участников, характере дискуссий и задаваемых вопросов, особых происшествий². Например, на одном из собраний рабочий спросил, каким образом совмещаются разговоры о восстановлении и прогрессе в ГДР, если у его внуков отсутствуют ботинки, а семье не хватает продуктов питания. Агитатор мгновенно отреагировал в духе риторики «антифашистского, демократического государства»: «Товарищ, Вы не правильно формулируете вопрос! Вопрос должен звучать по-другому: почему в 1939 г. Гитлер начал войну и напал в 1941 г. на миролюбивый Советский Союз»³. Как мы увидим и позже, игра на коллективном чувстве вины немцев за развязывание Второй мировой войны использовалась СВАГ для блокирования критического восприятия послевоенных реалий, принуждения к молчанию и безоговорочного подчинения оккупационным властям. Несмотря на частое отсутствие консенсуса в обсуждаемых вопросах, собрания заканчивались нормативным ритуалом принятия всеобще одобренной резолюции, выражавшей доверие к власти и поддержку действий правительства. Подобным образом власть постоянно преследовала главную цель – подтверждение репрезентаций легитимности и стабильности политического режима СЕПГ.

Подводя итог, необходимо сказать, что с самого начала своей работы СВАГ приступает к формированию режима границ «диктатуры дискурса» – разветвленной паутины взаимопересекавшихся, дополнявших и дублировавших друг друга правил и норм, запретов и табу, механизмов контроля и подчинения, объединенных единой целью поддержания дискурсивной чистоты и однородности политического пространства Восточной Германии. По аналогии с Советским Союзом ГДР превращается в государство пропаганды, которое использовало

¹ Например, см.: ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 194. Л. 20.

² Например, см.: Berichtsbogen für Versammlungen und Veranstaltungen // ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 192. Л. 213; также см.: Thüringisches Hauptstaatsarchiv Weimar. Ministerium des Inneren. Nr. 124. Bl. 2.

³ AdsD, SPD–PV–Ostbüro 0322 I, unpag.

большевистские методы цензуры и медийной политики, агитационной работы и сбора мнений для заключения субъекта в охраняемую «дискурсивную тюрьму» (М. Сабров) империи сталинизма¹. Тотальная пропаганда дискурса власти должна была охватить и мобилизовать все общество: от детей до стариков, от рабочих до домохозяек, а также беременных и больных². При этом органы пропаганды делали ставку на установление личных доверительных отношений между государством и каждым отдельным человеком. Агитаторам рекомендовалось проникать и политизировать приватные ниши жизни индивида за счет оформления лестничных площадок домов плакатами и лозунгами, создания красных уголков с социалистической литературой и газетами. Партия настойчиво советовала посещать семьи на дому, проводить беседы с домохозяйками и беременными женщинами, убеждая их в правильности курса СЕПГ. Осторожность новой власти проявилась лишь в предостережении агитаторов о недопустимости проведения домашней пропаганды в ранние утренние часы с оговоркой, что «население не любит пускать чужих людей в неприбранную квартиру»³.

В своей работе пропаганда руководствовалась большевистской концепцией «единого общественного мнения», исходившей из принципа единства государственных, партийных и частных интересов⁴. Данная идея легитимировала формирование «диктатуры дискурса», в которой СЕПГ как самой массовой «партии рабочих и крестьян» приписывалось монопольное право производства знаний и репрезентаций власти, конструирования и интерпретации действительности. Однако фактор близости Запада создавал отличную от СССР и прочего блока социалистических государств ситуацию в Восточной Германии. Здесь постоянно читались западные книги, журналы и газеты. Радиопрограммы РИАС смело опровергали заявления советской пропаганды. Постоянное присутствие альтернативных западных дискурсов превращало большевистский проект построения социалистического общества единства и согласия не менее чем в утопию.

Но не только западные средства массовой информации нарушали однородность информационного пространства Восточной

¹ Kenez. *The Birth of the Propaganda State*.

² Über unsere Haus- und Hofarbeit. Der Agitator Nr. 2. Hrsg. vom Parteivorstand der SED, Abt. Agitation, 1951, in: AdsD, SPD-PV-Ostbüro 0322 I.

³ Ibid.

⁴ Gibas. Die "einheitliche öffentliche Meinung"; Zagatta M. Informationspolitik und Öffentlichkeit. Zur Theorie der politischen Kommunikation in der DDR. Köln, 1984. S. 11–35.

Германии. Гораздо более доверительным источником информации для восточных немцев являлась переписка с друзьями и родственниками, случайные встречи с жителями западных зон и поездки в них. Формирование *другого* опыта жизни в параллельных дискурсивных реальностях привело только в марте 1953 г., когда пропаганда пыталась создать ощущение общенационального траура немцев в связи со смертью Сталина, к бегству 58 тыс. человек из Восточной Германии на Запад¹. Даже попытка «замуровать» общество в акте строительства Берлинской стены в августе 1961 г. не принесла желаемого результата. Лишь благодаря паутине контроля, надзора и запретов, опутавшей все общество, режиму СЕПГ удавалось поддерживать хрупкие границы «диктатуры дискурса». О том, какую роль сыграл культ Сталина в процессах стабилизации и дезинтеграции политического порядка Восточной Германии, и пойдет речь в последующих главах книги.

¹ Gieseke. Der Mielke-Konzern. S. 61.

Глава 2. ОТ «КРАСНОГО ТИРАНА» К «ЛУЧШЕМУ ДРУГУ НЕМЕЦКОГО НАРОДА»: ОБРАЗ СТАЛИНА В СОВЕТСКОЙ ОККУПАЦИОННОЙ ЗОНЕ ГЕРМАНИИ (1945 по 1949 г.)

2.1. «Освободитель» вместо «победителя»: мифы начала в послевоенной Германии

13 мая 1945 г. для населения Германии было прочитано радиообращение Сталина к советскому народу в связи с завершением Великой Отечественной войны¹. «Наступил великий день победы над Германией. Фашистская Германия, поставленная на колени Красной армией и войсками наших союзников, признала себя побежденной и объявила безоговорочную капитуляцию. [...] Великие жертвы, принесенные нами во имя свободы и независимости нашей Родины, неисчислимы лишения и страдания, пережитые нашим народом в ходе войны, напряженный труд в тылу и на фронте, отданный на алтарь отечества, – не прошли даром и увенчались полной победой над врагом. [...] Три года назад Гитлер всенародно заявил, что в его задачи входит расчленение Советского Союза и отрыв от него Кавказа, Украины, Белоруссии, Прибалтики и других областей. Он прямо заявил: “Мы уничтожим Россию, чтобы она больше никогда не смогла подняться”. Это было три года назад. Но сумасбродным идеям Гитлера не суждено было сбыться, – ход войны развеял их в прах. На деле получилось нечто прямо противоположное тому, о чем бредили гитлеровцы. Германия разбита наголову. Германские войска капитулируют. Советский Союз торжествует победу, хотя он и не собирается ни расчленять, ни уничтожать Германию. Товарищи! Великая Отечественная война завершилась нашей полной победой. Период

¹ Следует отметить, что радио играло ключевую роль в символической коммуникации между населением и Гитлером в эпоху национал-социализма. Именно через радио речи фюрера достигали миллионов слушателей. Поэтому появление в немецких радиоприемниках голоса Сталина стало знаком падения Третьего рейха и символическим жестом появления нового «фюрера» – Сталина – в побежденной Германии.

войны в Европе кончился. Начался период мирного развития...» – объявил советский лидер, поставив точку в войне долгожданным словом «Победа!»¹.

Триумф победы для советских людей обернулся травмой поражения для немцев. Сталинская метафора о «поставленной на колени Германии» несла в себе семантику унижения и обесценивания противника. Риторика Сталина требовала раскаяния и стыда. Как следствие, раздавленное поражением население встречало победителей белыми и красными нарукавными повязками, вывешенными белыми и красными флагами – символами капитуляции и признания солдат Красной армии победителями². Позже, на Потсдамской конференции, Сталин продолжил риторику победителя, ответив на вопрос Черчилля о том, что представляет собой послевоенная Германия. Он сказал: «Это страна, у которой нет правительства, фиксированных границ, потому что границы определяются не нашими войсками. Германия не обладает войсками, включая пограничные войска, она разделена на оккупационные зоны. Это побежденная и разбитая страна»³. На уровне символической политики данные высказывания обесценивали суверенитет страны, на котором базируются представления о национальной чести и достоинстве государства. Риторика унижения вчерашнего врага и девальвация его статуса на международной арене делала более яркими эмоции гордости за завоеванную победу среди советских людей.

В первые послевоенные месяцы 1945 г. в Германии происходит утверждение визуальных знаков победы, преследовавших цель публичного провозглашения статусной иерархии в коммуникации между победителями и побежденными. Повсюду на территории Восточной Германии вывешивались плакаты «Высказывания товарища Сталина о Германии и немецком народе»⁴. Во все военные комендатуры были разосланы плакаты о решениях Потсдамской конференции, напечатанные общим тиражом в 210 тыс. экземпляров⁵. Одновременно население знакомилось с новым имиджем Сталина в

¹ Правда. 10 мая 1945 г.

² Leonhard W. Die Revolution entlässt ihre Kinder. 23. Auflage, Köln, 2006. S. 429–430.

³ Цит. по: Plato A. v., Leh A. (Hg.). "Ein unglaublicher Frühling". Erfahrene Geschichte im Nachkriegsdeutschland 1945–1948. Bonn, 1997. S. 11.

⁴ Из информационной справки о политической работе среди населения Германии. 5 июля 1945 г. // СВАГ. Управление пропаганды. С. 24; см. также: Stalin J. W. Ansprache an das Volk, in: Ulbricht W. Zur Geschichte der neuesten Zeit. Berlin, 1955. S. 362–363.

⁵ Справка 7-го Отделения 3-й ударной армии о работе среди населения. не позднее 21 августа 1945 г. // Политика СВАГ в области культуры, науки и образования: цели.

роли триумфатора, от воли и слова которого зависела отныне судьба немецкого народа (ил. 5). Оккупация пространства *чужими* советскими плакатами и цитатами иностранного государственного лидера закрепляла семантику поражения немцев в системе публичного символизма. Послевоенные репрезентации советской победы представляли все точки над «i» в вопросах о том, кто прав, а кто виноват. Учитель математики средней школы в Бернау отреагировал на новые визуальные знаки власти словами: «Победителей не судят за их дела. Побежденный всегда виноват и за все отвечает»¹.

Объявленное Сталиным окончание войны стало очередным официальным барьером для использования законов военного времени в мирной повседневной жизни. Победа означала отмену экстраординарного режима мобилизации мести и ненависти, в основе которого находились сформированные национал-социалистической и большевистской пропагандой образы врага². Победа означала шаг навстречу друг другу, предоставляя шанс к примирению. Однако сближение давалось нелегко. Страх перед приходом Красной армии оживлял в памяти распространенные клише об «опасной и дикой, культурно отсталой и азиатской стране», представлявшей угрозу панславизма, мировой пролетарской революции и общемирового еврейского заговора³. Нацистская пропаганда персонифицировала перечисленные стереотипы в лице Сталина, описываемого «кроважидным и бездушным тираном», «воплощением еврейско-большевистской угрозы», «олицетворением смерти, голода и разрушения», «исчадием ада и самим дьяволом»⁴. Негативные коннотации образа Сталина в совокупности с агрессивной риторикой победителей усиливали недоверие к

методы, результаты. 1945–1949: Сборник документов / отв. ред. и сост. Н. П. Тимофеева и Я. Фойтчик. М., 2006. С. 329.

¹ Докладная записка о политических настроениях среди различных слоев немецкого населения и антифашистских партий провинции Бранденбург и гор. Потсдам, связанных с решениями Берлинской конференции Трех великих держав, 30 августа 1945 г. // ГА РФ. Ф. 7077. Оп. 1. Д. 27. Л. 43.

² См.: Ganzenmüller J. “Polnischer Pan” und “deutscher Patriot”. Die nationale Komponente sowjetischer Feindbilder im Krieg, In: Satjukow, Gries, Unsere Feinde. S. 421–436.

³ См.: Вашик К. Метаморфозы зла: немецко-русские образы врага в плакатной пропаганде 30–50-х годов // Гудков Л., Образ врага. М., 2005. С. 191–229; Waddington L. L. The Anti-Komintern and Nazi Anti-Bolshevik Propaganda in the 1930s, in: Journal of Contemporary History. Vol. 42, 2007. P. 573–594.

⁴ Например, см. источники: Pase M. Stalin im Blitzlicht der Presse und Karikatur. Dresden, 1941; Windecke Ch. Der rote Zar. Genosse Stalins Weg zur Macht. Leipzig, 1932: Der Weltbolschewismus. Ein internationales Gemeinschaftswerk über die bolschewistische Wählerarbeit und die Umsturzversuche der Komintern in allen Ländern. Hrsg. von der Anti-Komintern. Mit 400 Bilddokumenten, Karten und Anschauungstafeln. Berlin; Leipzig, 1936.

советским оккупационным властям, осложняя их работу с гражданским населением.

Утверждение имиджа Сталина в роли победителя происходило на фоне массового разочарования в Гитлере, культ личности которого являлся несущей опорой политической системы Третьего рейха¹. Одной из стратегий самозащиты и рационализации поражения для немецкого общества стало критическое дистанцирование к преступлениям национал-социализма за счет приписывания всех грехов лично Гитлеру. Потеря прежнего сакрального центра власти, выполнявшего функцию социальной интеграции *Volksgemeinschaft*, обернулась ростом массовых настроений апатии и подавленности, разобщенности и депрессии². Рядовой гражданин Клаус Гербер писал: «...нас угнетало большое разочарование в том, во что мы так слепо верили, что национал-социализм был для нас единственно возможной формой господства. Постепенно мы начинали осознавать, что это не так! Это был шок: все вдруг изменилось, не было больше величественным и абсолютным, а стало преступной политической системой»³. Старый режим рухнул, а новый вызывал больше страха и недоверия, чем надежд и оптимизма.

Немецкому «обществу катастрофы» – униженному и обесцеленному – требовалась новая вера – свежая стратегия развития, освобождавшая от бремени темного прошлого, оправдывавшая трудности послевоенного настоящего и открывавшая перспективы успешного будущего. Обществу на руинах была необходима иная система координат – целей и задач, ценностей и ориентиров, тактик и стратегий, эмоций и морали, способных вывести из кризиса поражения, сплотить расколотых травматичным опытом немцев и придать им обновленное позитивное самопонимание. На данный вызов времени отреагировали в первую очередь советские оккупационные власти, приступив в тесном сотрудничестве с СЕПГ к конструированию политических «мифов начала» – официальных нарративов, призванных легитимировать оккупационный политический порядок, создать новое чувство «мы» для немцев и сформировать лояльность населе-

¹ Обзор научной литературы о культе Гитлера см.: Bühmann. Der Hitlerkult. Ein Forschungsbericht.

² Например, см.: Vieth E. Die letzte "Volksgemeinschaft" – Das Kriegsende in den Bildern einer deutschen Illustrierten, in: Hillmann J., Zimmermann J. (Hg.). Kriegsende 1945. München, 2002. S. 265–285; Welch D. Nazi Propaganda and the Volksgemeinschaft: Constructing a People's Community, In: Journal of Contemporary History. Vol. 39, 2004. P. 213–238.

³ Plato, Leh. "Ein ungläublicher Frühling". S. 208.

ния к новой власти¹. Ключевую роль в определении нового понимания восточных немцев сыграли нарративы освобождения немецкого народа солдатами Красной армии от нацизма и миф антифашизма. Вскоре данные нарративы были персонифицированы в имидже советского лидера, слившись с мифами, символами и ритуалами культа Сталина. Фактически, наброски развития Восточной Германии по советской модели свелись к поиску нового фюрера, или очередного вождя-мессии, способного повести нацию вперед к достижению намеченных целей. На этот раз бок о бок с Советским Союзом в целях строительства социализма, на этот раз в роли братьев и друзей, а не заклятых врагов. И под флагами Сталина.

Остановимся на каждом из упомянутых нарративов пропаганды более подробно.

Популяризация нарративов об освобождении Германии войсками Красной армии от ига фашизма была необходима для создания позитивного имиджа советских солдат, запомнившихся населению не освободителями, а насильниками и мародерами, ворами и убийцами в заключительный период войны². Как в Советском Союзе persona Сталина и понятие «победа» слились воедино³, так же и в официальном дискурсе Восточной Германии Сталин и «освобождение» стали синонимами. Пропаганда представляла Красную армию и лично Сталина не «оккупантами», а избавителями и спасителями немецкого народа от «ига фашизма». Более того, нарратив освобождения подразумевал не только разрыв с фашизмом, но и одновременное избавление от «кабалы капитализма». Западная Германия была объявлена врагом номер один для «новой, антифашистской, демократической Германии»: ФРГ представлялась «колонией американского империализма», «базой ремилитаризации и подготовки новой войны», «местом реставрации германского империализма и фашистского режима»⁴. Для восточногерманской пропаганды Западная Германия являлась политическим пасынком Третьего рейха. Репрезентации

¹ Gries R., Mythen des Anfangs, in: Aus Politik und Zeitgeschichte. Beilage zur Zeitung "Das Parlament" B 18 / 19 (2005). S. 12–18; Zimmering R., Mythen in der Politik der DDR. Ein Beitrag zur Erforschung politischer Mythen. Opladen, 2000; Hein-Kircher H., "Deutsche Mythen" und ihre Wirkung, in: Aus Politik und Zeitgeschichte. Beilage zur Zeitung "Das Parlament", 13–14 (2013). <http://www.bpb.de/apuz/156772/deutsche-mythen-und-ihre-wirkung?p=all> (Дата обращения: 29 апреля 2013).

² Classen Ch., Vom Anfang im Ende: "Befreiung" im Rundfunk, in: Sabrow, Geschichte als Herrschaftsdiskurs. S. 87–118; Satjukow S., Befreiung? Die Ostdeutschen und 1945. Leipzig, 2009.

³ Зубкова. Послевоенное советское общество. С. 37, 46–47.

⁴ Gibas, "Bonner Ultras", "Kriegstreiber" und "Schlotbarone".

нового врага создавали идеальный контрастный фон, необходимый для инсценировки политического режима СЕПГ в качестве *лучшей* Германии – морально более чистой, окончательно освободившейся от всех остатков нацизма (ил. 6).

Миф антифашизма нес в себе послание о том, что с приходом Красной армии произошло долгожданное освобождение, в ходе которого все фашисты, милитаристы, поджигатели войны бежали на Запад. Восточная Германия стала свободной от фашизма территорией, получив возможность написания истории с чистого листа. Как следствие, послевоенная фаза «антифашистски-демократической перестройки» получила историческую легитимацию в традиции коммунистического антифашизма, корни которой уходили в 1920-е гг.¹ Несколько позже, в 1935 г., на VII Всемирном конгрессе Коммунистического Интернационала был создан антифашистский народный фронт. Его фактическим лидером был объявлен Сталин. На одном из заседаний Вильгельм Пик – будущий президент ГДР – одним из первых публично провозгласил культ Сталина, завершив свой доклад словами: «Мы идем на борьбу – за свободу, за мир, за хлеб, за советскую власть, за социализм. Наш главный лозунг – борьба за советскую власть. Наше знамя – знамя Маркса – Энгельса – Ленина – Сталина. Наш вождь – Сталин»².

В целом, миф антифашизма выполнял ряд важных функций в формировании политической культуры Восточной Германии. Во-первых, он позволил показать единую – немецкую и советскую – традицию борьбы с общим врагом – режимом Гитлера, что автоматически оправдывало послевоенную связь немецких коммунистов с Советским Союзом и придавало здравый смысл их дальнейшему сближению с «вождем международного антифашистского движения» – Сталиным. Во-вторых, миф антифашизма стал важной предпосылкой формирования политического режима СЕПГ по советскому образцу. Антифашистский замысел денацификации заключался не только в осуждении бывших нацистов, но и таил в себе легитимность борьбы с инакомыслием в виде криминализации оппозиционных настроений и использования террора в отношении не угодных режиму лиц³. В-третьих, пропаганда мифа антифашизма предлагала населе-

¹ Faulenbach B., Die DDR als antifaschistischer Staat, in: Eckert R., Faulenbach B. (Hg.). Halbherziger Revisionismus: Zum postkommunistischen Geschichtsbild. München, 1996. S. 47–68.

² VII Всемирный конгресс Коммунистического интернационала. Коммунистическая партия Германии в борьбе против фашизма. М., 1935.

³ См.: Sowjetische Speziallager in Deutschland 1945 bis 1950. Bd. 1 und 2. Berlin, 1998.

нию возможность избавления от чувства вины за военные преступления, приветствуя политическое конвертирование немцев из «врагов» в «друзей Сталина». Миф предлагал готовые модели поведения для индивида, принимая которые субъект превращал поражение в победу. Он также предоставлял алиби от обвинений в соучастии в преступлениях нацистов. С образованием ГДР идеи антифашизма становятся составной частью государственной идеологии, подготовив почву для последующей радикализации культа Сталина.

Для популяризации самого мифа антифашизма СВАГ приступила к формированию культуры памяти о героях-антифашистах среди немецких коммунистов. Ее составной частью стало почитание борцов сопротивления, пожертвовавших собственной жизнью ради приближения освобождения. Наиболее ярким примером служит культ Эрнста Тельмана¹. Репрезентация Тельмана в качестве «вождя рабочего класса» и «лучшего друга Советского Союза» позволила восточногерманской политической элите конструировать исторические традиции и символы германо-советской дружбы. В рядах СЕПГ Тельман представлялся «вождем партии», «верным последователем национального единства и независимости Германии», «другом Ленина и Сталина», чем легитимировался трансфер советской идеологии в Восточную Германию. Факт убийства Тельмана нацистами в концентрационном лагере в Бухенвальде стал решающим аргументом, позволившем СЕПГ приступить к созданию канонизированного образа героя сопротивления и великомученика. Символический капитал фигуры Тельмана, персонифицировавшего миф антифашизма в ГДР, был интегрирован в культ Сталина и использован для повышения популярности советского вождя в роли «главного антифашиста мира» (ил. 7).

Персонификация политических мифов в Восточной Германии в образе Сталина привела к рождению дискурса благодарности Сталину. Благодарность за освобождение от фашизма стала позитивной, эмоционально насыщенной стратегией сближения с Москвой и средством завоевания доверия советского лидера. Особенно ярко данная тенденция наблюдается на рубеже 1947–1948 гг. в связи с отказом от «национального немецкого пути построения социализма»

¹ О культе Эрнста Тельмана см.: Leo A. "Stimme der Faust der Nation". Thälmann-Kult kontra Antifaschismus, in: Daniel J. (Hg.). Die geteilte Vergangenheit. Zum Umgang mit Nationalsozialismus und Widerstand in beiden deutschen Staaten. Berlin, 1995; Ders. "Deutschlands Unsterblicher Sohn..." Der Held des Widerstands Ernst Thälmann, in: Satjukow, Gries. Sozialistische Helden. S. 101–114; Börrnert R. Wie Ernst Thälmann treu und kühn! Das Thälmann-Bild der SED im Erziehungsalltag der DDR. Bad Heilbrunn. 2004.

и переходом к советизации советской зоны. Сама риторика благодарности была заимствована у Советского Союза, где все общество было ориентировано на выражение благодарности вождю и партии уже в 1930-е гг.¹ Первые ритуалы благодарности советскому лидеру можно было наблюдать к 23 февраля 1948 г. в связи с 30-летием со дня основания Советской армии. В городах района Темплин были сделаны доклады об освободительной миссии Красной армии при акцентировании внимания на «выдающейся роли товарища Сталина в руководстве Вооруженными Силами Советского Союза». В поздравительных телеграммах массовых организаций и учебных заведений, направленных в военные комендантуры, выражалась благодарность Советской армии и Сталину за освобождение от фашизма. Например, некий господин Вигельман, являясь членом Культурбунда, писал: «Я очень благодарю Советскую Армию за то, что она освободила немецкий народ, как и другие народы, от гитлеровского угнетения и за то, что она помогает нам утверждать новые демократические порядки». В другом случае господин Берндт попросил через представителей СВАГ передать пожелания «успехов и здоровья генералиссимусу Сталину»².

Таким образом, «мифы начала» предлагали новый сценарий послевоенного социального порядка, в котором персоне советского лидера отводилась одна из центральных ролей. Для разбитого общества позитивный имидж Сталина указывал стратегию национального и государственного развития, предлагал ресурсы и варианты для быстрого решения проблем, предлагая присоединиться к истории успеха и выступить на стороне победителей, а не побежденных. Один из сотрудников в администрации земли Бранденбург в разговоре с коллегами размышлял: «Теперь я хочу одного: использовать поражение и сделать его победой, в том смысле, чтобы создать крепкий и нерушимый союз с Россией. При этих условиях поражение Германии стало бы проигрышем лишь для фашизма и выигрышем для немецкого народа»³.

Послевоенная ситуация дестабилизации, дезориентации, кажущейся бесперспективности и делала образ лидера СССР привлекательным для населения советской зоны. Аппелируя к адресатам, глубоко символический образ «лучшего друга немецкого народа» пред-

¹ Зубкова. Послевоенное советское общество. С. 137.

² О праздновании 30-й годовщины Советской армии в районе Темплин, 24 февраля 1948 г. // ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 251. Л. 51.

³ Донесение о политических настроениях населения провинции Бранденбург. 19.02.46 г. // ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 198. Л. 63.

лагал выбор между прогрессом и регрессом, будущим и прошлым, решением актуальных проблем и дальнейшим хаосом существования. Позиция побежденного и рамки международного права не оставили немецкому обществу выбора, кроме как смиренно приспособливаться к послеовоенной реальности и учиться «дружить» со Сталиным. Таким образом, последующее выстраивание культа Сталина стало стратегией послевоенного выживания: не результатом фанатичной веры в нового фюрера, а рациональным выбором с целью доступа к минимально необходимыми политическим, экономическим, идеологическим ресурсам для обеспечения нормальной повседневности и стабилизации политического режима СЕПГ.

2.2. Сталин в роли гаранта мира, духовного отца и наставника: репрезентации комплекса вины и вопрос о чести немецкой нации

Немецкое население было информировано о послевоенном расцвете культа Сталина в Советском Союзе. Издаваемая СВАГ газета «Теглихе Рундшау» регулярно перепечатывала материалы советской газеты «Правда» – фотографии Сталина в форме генералиссимуса, его личные приказы и распоряжения как руководителя государства-победителя, пресс-релизы о встрече советского лидера с иностранными лидерами и телеграммы мировых лидеров в его адрес, о приемах в Кремле и парадах на Красной площади. Общий тон данных публикаций был пронизан риторикой победителя-триумфатора. Сталин представлялся лидером международного масштаба, снискавшим уважение мировой общественности. Однако для немецкого населения репрезентации Сталина в публичном пространстве напоминали о вине всей нации за развязывание Второй мировой войны. Советские материалы печати рассказывали о «потере немецкого достоинства» и «клейме национального позора». Пропаганда Сталина становится неким моральным укором, требовавшим от населения раскаяний за военные преступления на пути к единственно возможному прощению со стороны победителей. Не случайно для поддержки практик извинений среди восточных немцев создавались репрезентации советского руководителя как воплощения высшей моральной инстанции, наделенного эксклюзивным правом избавления немцев от угрызений совести за «темное прошлое» и выдачи индульгенции на освобождение от гнетущего чувства вины за причиненные советской стороне страдания и жертвы.

22 июня 1946 г. центральный печатный орган СЕПГ – газета «Нойес Дойчланд» – опубликовала речь Отто Гротеволья в связи с очередной годовщиной со дня развязывания войны нацистской Германией против Советского Союза. В статье «Символ немецкого позора» сообщалось: «Покрытые позором, испытывая глубочайшее уничижение и стыд, стоим мы сегодня перед всем миром и Советским Союзом. Нет такого аргумента, которым можно было бы объяснить это величайшее и чудовищное преступление Гитлера. [...] Каждый, кому дорога судьба Германии, обязан всеми силами стремиться к тому, чтобы Германия впредь всячески старалась жить в нерушимом мире и неразрывной дружбе с советским народом»¹. Образ Германии у позорного столба для всеобщего пристыживания, использованный Гротеволем, преследовал цель показать не политическую смерть немецкого государства и нации, а использовать риторику раскаяния за счет признания вины и взятия ответственности за преступления нацистов для нового национального и государственного возрождения немцев. Развязывание общемировой военной катастрофы с многомиллионными жертвами, факт внезапного нападения на Советский Союз и последовавшее в итоге поражение в виде безоговорочной капитуляции стали базовыми компонентами эмоций стыда и чувства вины немцев перед СССР. Если чувство вины требовало извинения перед потерпевшей и пострадавшей стороной – СССР, то артикулирование эмоций стыда апеллировало к самоосознанию вины и к раскаянию самих немцев².

«Осознание вины, – обращался Вальтер Ульбрихт к членам КПГ, – является предпосылкой для того, чтобы наш народ окончательно покончил с реакционным прошлым и решительно вступил на новый путь. [...] Если наш народ с чувством великого стыда осознает преступления гитлеризма, если наш народ с чувством стыда осознает, что допустил варварские преступления, то только тогда он сможет найти внутренние силы, которые позволят пойти по новому, демократическому, прогрессивному пути»³. Риторика стыда использовалась

¹ Символ немецкого позора. К пятой годовщине фашистского нападения на Советский Союз 22 июня 1941 года // Гротеволь О. Избранные статьи и речи (1945–1959 годы). М., 1961. С. 15–19.

² О психологии и философии чувств стыда и вины см.: Изард К. Э. Психология эмоций. СПб., 2006. С. 342–409; Landweer H. Scham und Macht. Phänomenologische Untersuchungen zur Sozialität eines Gefühls. Tübingen, 1999; Williams B. Scham, Schuld und Notwendigkeit. Eine Wiederbelebung antiker Begriffe von der Moral. Berlin, 2000; Neckel S. Status und Scham. Zur symbolischen Reproduktion sozialer Ungleichheit. Frankfurt a. M., 1991.

³ Das Programm der antifaschistisch-demokratischen Ordnung. Rede auf der ersten Funktionärkonferenz der KPD Gross-Berlins am 25. Juni 1945, in: Walter Ulbricht. Die

прежде всего немецкими коммунистами для того, чтобы предложить разбитому поражением немецкому обществу путь восстановления национальной чести и государственного достоинства – центральных политических концепций современности, связанных с утверждением и легитимированием власти в период образования современных европейских наций и государств во второй половине XIX в. Поэтому после 1945 г. дружба с Советским Союзом под руководством Сталина представлялась для немцев в качестве единственно возможного пути обретения прощения и восстановления поврежденной национальной чести – стратегии социальной интеграции и конструирования коллективной идентичности за счет всеобщего участия в практиках извинения и раскаяния перед жертвой, вышедшей из войны абсолютным победителем.

Уже в заключительный период Второй мировой войны советское руководство сознательно использовало приемы эмоционального менеджмента оккупированных территорий, играя на представлениях о чести и достоинстве, чувствах вины и ответственности немцев за преступления нацистов. Манипулирование данными коллективными чувствами позволяло СССР с успехом проводить политику морального подчинения оккупированных стран, расширяя зону советского влияния в Европе. Одной из центральных задач объявлялось моральное перевоспитание немцев за счет пропаганды Советского Союза при одновременном апеллировании к чувству страха перед Красной армией и чувству стыда за нацистское прошлое¹. Требование признания вины немецким народом являлось ультимативным условием советской стороны для восстановления чести немецкого народа в глазах победителя². В одном из отчетов о политической работе СВАГ сообщалось, что «...для восстановления чести германского народа, его благосостояния и для завоевания доверия советского и других народов необходимо выполнение следующих предпосылок: признание ответственности немецкого народа за преступление фашизма...»³ На уровне символической политики чувство вины постоянно тематизировалось в качестве морального долга Германии перед Советским Союзом, налагавшим на немцев обязательства к политическому конвертированию из «врагов» в «друзей» Сталина. На уровне практи-

Entwicklung des Deutschen Volksdemokratischen Staates 1945–1958, Berlin, 1959. S. 19–21.

¹ Протокол № 5 заседания Бюро пропаганды на вражеские оккупированные враг-от страны, 15 февраля 1945 г. // ГА РФ. Ф. 8581. Оп. 2. Д. 131. Л. 11–12.

² Tägliche Rundschau. Nr. 34, 22. Juni 1945. S. 1.

³ СВАГ. Управление пропаганды. С. 22–23.

ческих интересов конструирование чувства вины немцев позволяло Москве легитимировать советское военное присутствие в Восточной Германии, а впоследствии перейти к советизации немецкой территории. Демонтаж индустрии и выплата репараций стали составной частью искупления вины перед СССР. Цена символической индульгенции для восстановления чести немецкого народа получила выражение в реальном денежном эквиваленте.

Но так как цена прощения была, по сути, безмерна, то постоянное артикулирование чувства вины перед Советским Союзом стало постоянно присутствовавшим комплексом, закреплявшим иерархичную модель двусторонних отношений между победителем и побежденным. Прежде всего, официальные поездки немцев в Советский Союз представляли уникальную возможность предъявления доказательств раскаяния через политическое конвертирование немцев из «врагов» в «друзей» СССР – с одной стороны, а также сбора свидетельств о постепенном восстановлении национальной чести немцев и прощении со стороны СССР – с другой. Например, знаком «особой чести» было воспринято восточногерманской делегацией, побывавшей с официальным визитом в СССР с 5 по 18 ноября 1948 г., приглашение на вечерний прием Молотова. Немцев приятно удивило, что Молотов крепко пожал им руки наравне с представителями других наций¹. Данные жесты воспринимались малыми доказательствами прощения и принятия, завоевания доверия и авторитета, а потому знаками поэтапного восстановления чести и достоинства немецкого народа в глазах советских руководителей.

Москва старалась сбалансированно дозировать немецкое чувство вины. Так, при организации работы с представителями уже упомянутой нами делегации ВОКС рекомендовалось «обратить внимание немецких участников на ущерб, нанесенный нашей стране гитлеровскими захватчиками, и на усилия, прилагаемые советским народом к залечиванию ран, нанесенных нацистами Советскому Союзу»². Для достижения этой цели было предусмотрено посещение города-героя Сталинграда и Музея обороны в Ленинграде – центральных мест военной памяти, ставших для немцев символами национальной катастрофы. Несмотря на то, что в итоге данные пункты программы не были утверждены в МИД СССР, но «по настоятельному требо-

¹ Из отчета ВОКС о работе с делегацией общественных деятелей Германии, 25 ноября 1948 г. // Политика СВАГ в области культуры, науки и образования. С. 793–797, здесь с. 795.

² Там же. С. 794.

ванию О. Гротеволья» делегация все же посетила Музей обороны Ленинграда.

С одобрения всей делегации О. Гротеволь записал в книге отзывов слова покаяния: «Мы уходим отсюда потрясенными, здесь мы видели, как имя Германии покрывалось позором и бесчестьем»¹. Однако еще более примечателен тот факт, что после посещения музея члены делегации описывали в своих впечатлениях эмоциональный переход от удручающего чувства стыда к позитивному чувству гордости следующим образом: «Рассматривая музей, мы испытывали не только жгучее чувство стыда за дела наших соотечественников, терзавших бессмертный город, но и безмерную гордость за советских людей, высоко пронесших среди мглы и горя свет разума и справедливости. Претерпевшие бесконечные страдания по вине гитлеровских захватчиков, советские люди не только не сохранили чувство ненависти к немецкому народу, но, напротив, всегда и во всем стараются отличить народ Германии от преступной нацистской клики»². Конструирование репрезентаций *дружбы* с Советским Союзом позволяло немцам не только редуцировать чувство вины, но и получить доступ к самоутверждающему чувству гордости – эмоционального ресурса конструирования восточногерманской идентичности и легитимирования послевоенных германо-советских отношений.

Постоянная мобилизация чувства вины накладывала на восточных немцев моральный долг к покаянию и искуплению вины не только перед советскими народами, но и лично перед Сталиным. Именно прощение со стороны советского руководителя обладало ценностью наивысшей индульгенции в отпущении совершенных грехов. Авторитет советского «вождя» базировался на репрезентациях Сталина в роли гаранта и защитника мира, духовного отца и наставника немецкого народа. Пропаганда данных ипостасей в имидже советского лидера позволила сконструировать образ патрона немецкого народа, заботившегося о национальных и государственных интересах, а значит, предлагавшего путь восстановления чести немецкой нации. Этим объясняется пристальное внимание населения к заявлениям Сталина и оккупационных властей по германскому вопросу³.

¹ Из отчета ВОКС о работе с делегацией общественных деятелей Германии, 25 ноября 1948 г. // Политика СВАГ в области культуры. С. 793–797, здесь с. 795–796.

² Письмо начальника Управления информации СВАГ С. И. Тюльпанова Председателю правления ВОКС В. С. Кеменову об отзывах немецких деятелей культуры, посетивших СССР, о жизни в Советском Союзе, 29 мая 1948 г. // Политика СВАГ в области культуры. С. 744–750, здесь с. 748.

³ Подробный анализ эволюции германского вопроса см.: Филитов А. М. Германский вопрос: от раскола к объединению. Новое прочтение. М., 1993.

Согласно одному из политдонесений СВАГ, 20 тыс. экземпляров газеты «Теглихе Рундшау» и 15 тыс. экземпляров газеты «Фрайхайт», в которых были опубликованы ответы Сталина президенту «Юнайтед пресс» господину Хью Бейли, были раскуплены населением всего за два часа¹. Население жаловалось на нехватку печатных изданий в местные органы власти и в адрес СВАГ. Можно было наблюдать случаи, «когда один немец ждет, пока другой прочитает газету и потом покупает ее у него»². Рядовых граждан интересовали планы победителей о судьбе побежденных.

Жажда информации вследствие неопределенности перспектив на будущее была связана и с тем обстоятельством, что послевоенное немецкое общество испытывало острую потребность в доверии к авторитетным лицам, обладавшим ресурсами установления покровительства и предлагавших сценарий нормализации послевоенной катастрофы. Рост подобных социальных ожиданий по отношению к Сталину можно было наблюдать во время Потсдамской конференции в августе 1945 г. Доцент одного из университетов следующим образом анализировал ситуацию: «На Берлинской конференции Сталин играл главную скрипку, от него зависела судьба Германии и германского народа. Трумэн и Эттли только сидели на конференции и поддакивали Сталину, делая вид, что они также принимают активное участие в обсуждении вопроса о Германии»³. В поиске антикризисных путей национального развития наблюдалась тенденция идеализации персоны Сталина, с именем которого связывались надежды на будущее создание единого немецкого государства. Высокий международный авторитет Сталина после победы представлялся для немцев заманчивым аргументом, обещавшим скорое и позитивное решение германского вопроса.

Усталость от войны и острая потребность в мирной повседневности способствовали усилению восприятия Сталина в роли гаранта и защитника мира. Перспектива жизни без войны была принципиально важна для восточногерманского общества, уставшего от разрухи, голода и лишений. В сложнейшей послевоенной ситуации имидж Сталина обладал способностью успокоения общественных настроений. Так, стабилизирующая функция образа «вождя» для населения Восточной Германии была продемонстрирована в связи с

¹ Высказывания немецкого населения об интервью товарища Сталина, данного президенту «Юнайтед Пресс» господину Хью Бейли в провинции Саксония, 14.11.46 г. // ГА РФ. Ф. Р-7133. Оп. 1. Д. 277. Л. 226.

² ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 18. Л. 80.

³ Там же. Д. 27. Л. 43.

Фултонской речью У. Черчилля уже в марте 1946 г.¹ 14 марта газета «Правда» опубликовала интервью-ответ Сталина на речь британского премьер-министра. Советский лидер подтвердил наличие военной угрозы, однако заверил советское население в том, что враг будет побит. Перепечатка данного заявления в немецкой прессе посеяла панику и страх перед угрозой новой войны на территории Германии и вынудила население учиться доверять Сталину, образ которого обещал предотвращение новых военных конфликтов, жизнь в мире и процветании. Создание репрезентаций Сталина в роли гаранта мира позволяло восточным немцам редуцировать чувство страха в ситуации, когда, по словам уборщицы одной из комендатур, «в воздухе снова запахло порохом». Если в разговорах населения Черчилль назывался «подстрекателем войны», то имиджу Сталина автоматически приписывалась пропагандируемая роль защитника мира в противовес агрессивным планам Запада². Уверенность в непоколебимом авторитете генералиссимуса и его способности противостоять угрозам войны нашла отражение в высказывании сотрудницы магистрата: «Черчилль и раньше выполнял приказы Сталина, а теперь после такого убийственного интервью он совсем замолчит. Сталин сказал убедительнее, чем Черчилль»³. Доктор Негаш, председатель ХДС в городке Бург, говорил: «Политика Черчилля известно – это империалистическая политика. Прав генералиссимус Сталин, говоря, что Черчилль проповедует расовую теорию, а к чему приводит эта теория мы, немцы, хорошо знаем. Россия к нам ближе, чем Англия»⁴.

Как правило, в сводках и политдонесениях о настроениях населения Сталин представлялся гарантом мирного послевоенного развития Германии и залогом предотвращения новой войны. С именем советского лидера связывались понятия «мир», «стабильность» и «безопасность», потребность в которых остро ощущалась в послевоенном германском обществе. Например, мастер-судоремонтник одной из верфи отмечал полководческий талант «вождя»: «Если англичане все же затеют войну с Россией, то они долго будут помнить

¹ Аналогичный эффект имиджа Сталина был продемонстрирован в Советском Союзе. См.: Зубкова. Послевоенное советское общество. С. 129.

² Донесение о политических настроениях среди населения по поводу речи Черчилля и интервью товарища Сталина, 25.3.46 г. // ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 198. Л. 106.

³ Там же. Л. 106.

⁴ Докладная записка начальника Отдела пропаганды УСВА провинции Саксония В. М. Демидова начальнику Управления Пропаганды СВАГ С. И. Тюльпанову и начальнику УСВА провинции Саксония В. И. Кузнецову о настроениях интеллигенции. 12 апреля 1946 г. // Политика СВАГ в области культуры. С. 516.

русских солдат и их талантливому руководителю Сталину. Русские никогда не проигрывали войны, а тем более теперь, когда их народ един и готов со Сталиным идти на любые подвиги... Я считаю, что наш путь – это путь дружбы с Россией»¹. Как следствие, заявления и интервью Сталина перепечатывались в немецких средствах массовой информации с целью опровержения тревожных слухов о приближении новой мировой войны и успокоения населения².

Роль духовного отца была продолжена в образе наставника и учителя немецкого народа, под руководством которого предусматривалось решение актуальных повседневных и общенациональных вопросов. Репрезентации немцев в подчиненном статусе ученика предписывали соответствующие модели послушания и покорного следования рекомендациям мудрого учителя – Сталина. Даже популярный лозунг «Учиться у Советского Союза – значит учиться побеждать!» был персонифицирован: «Учиться у Сталина – значит учиться побеждать!». Репрезентации Сталина в отеческой роли покровителя базировались на пропаганде его крылатого выражения: «Гитлеры приходят и уходят, а немецкий народ, немецкое государство – остаются». Данные слова, произнесенные в критический момент Второй мировой войны в феврале 1942 г., когда войска вермахта стояли в 100 км от Москвы, представлялись доказательствами мудрости и дальновидности советского руководителя. Во-первых, выражение Сталина проводило границу между активными сторонниками режима Третьего рейха и прочим населением, снимая чувство вины за военные преступления со всего немецкого народа. Во-вторых, этой «невиновной» части населения предоставлялась возможность доказать разрыв с прошлым через демонстрацию верности Сталину, послевоенный образ которого коннотировал обещание государственного и национального единства Германии. В-третьих, фраза Сталина призывала население к активным действиям покаяния для восстановления национальной чести. Ежегодно 8 мая – в День освобождения – население получало возможность раскаяния при одновременном благодарении Сталина за освобождение от «ига фашизма»³. Возложение цветов и венков к мемориалам павшим советским солдатам и бюстам «вождя», телеграммы и подарки в адрес советского руководителя, торжественные речи покаяния и обещания исправления в этот день памяти инсце-

¹ О политических настроениях гор. Франкфурта-на-Одере, 20.5.46 г. // ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 198. Л. 242.

² ГА РФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 205. Л. 39.

³ См.: Satjukow S. *Besitzer. "Die Russen" in Deutschland 1945–1994*. Göttingen, 2008. S. 64–67.

нировали Сталина в роль исповедника или духовного отца немецкой нации, обладавшего высшим моральным правом отпустить грехи немецкого народа за военные преступления нацистов.

Подведем итоги. Немецкий комплекс вины, поддержание которого было выгодно и СССР, и Восточной Германии, стал основой для выстраивания двусторонних отношений на принципах конструируемого морального сообщества. Постоянные укоры совести в адрес немцев позволяли Москве выстраивать жесткую иерархию властных отношений с Восточной Германией и проводить символическую политику эмоционального и морального подчинения Периферии в целях распространения советского влияния на европейский регион. Можно смело утверждать, что немецкий комплекс вины существенно облегчил проведение советизации Восточной Германии, в ходе которой тотальная ориентация на «советского друга» рассматривалась в качестве единственно возможного пути к прощению и искуплению вины. Персонифицированная в образе Сталина мораль вины и стыда предписывала немцам демонстрировать постоянные угрызения совести, но одновременно предлагала путь к спасению – восстановление чести нации и приобщение к миру позитивных эмоций победителей. Как следствие, ритуалы извинения, искупления вины и угрызений совести становятся неотъемлемой частью эмоциональных практик в послевоенной Германии, налагая на население обязательство к идеологическому конвертированию из «врагов» в «друзей» Советского Союза. Репрезентации личного покровительства Сталина Восточной Германии представлялись пропагандой проявлением высокого доверия, оказанного немецкому народу с советской стороны, как уникального шанса заслужить прощение народа-победителя. Таким образом, сам культ Сталина превратился в дело чести – восточногерманский проект, открывавший путь искупления вины, покаяния и обретения прощения за последствия разрушительной войны через дружбу с СССР.

2.3. Культ Сталина в СЕПГ: советизация политической культуры Восточной Германии

«После Гитлера придет мы!» – выражение, прочно вошедшее в обиход немецких коммунистов в Советском Союзе в заключительный период войны¹. Находясь в советской политэмиграции, они всерьез за-

¹ Кроме политэмигрантов, в СССР находились немецкие военнопленные. Для последних ЦК ВКП(б) принимает решение от 9 февраля 1943 г. об открытии анти-

думывались над вопросом о том, что представляла бы собой послевоенная Германия, стань она советским государством¹. На встрече представителей национального комитета «Фрайес Дойчланд» и Главного политического управления рабоче-крестьянской Красной армии в конце 1944 г. Вильгельм Пик заявил: «Мы – коммунисты – являемся марксистами-ленинистами и боремся за претворение в жизнь учения Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина»² (ил. 8). Уже в Москве в заключительный период войны Антон Акерманн обдумывал идеологические основы концепции «германо-советской дружбы», для выстраивания которой планировалось мобилизовать все имеющиеся в распоряжении ресурсы пропаганды, в том числе и для конструирования традиций двусторонней дружбы. На выступлении в партийной школе КПГ Акерманн подчеркивал необходимость извлечения позитивного опыта сотрудничества двух государств из уроков истории: «Между обеими странами не было и нет противоположности интересов. История учит, что дружба с Советским Союзом всегда шла на благо Германии, в то время как война всегда приносила несчастье и поражение»³. Принятие СССР в качестве образца для подражания виделось немецким коммунистам не только средством быстрого решения всех национальных проблем, но и единственно возможным вариантом будущего политического сценария для Германии. Они прекрасно осознавали, что только сотрудничество с Москвой и личный патронат Сталина могли гарантировать им реализацию программы КПГ после падения Третьего рейха.

Политическая элита в послевоенной Восточной Германии, занявшая ключевые руководящие посты в партийном и государственном аппарате, получила в научной литературе название «поколение

фашистских школ, в которых готовились административные кадры для реализации программы национального возрождения послевоенной Германии. Изучение марксистско-ленинской теории, а также биографий Ленина и Сталина составляло центральную часть учебных планов. См.: Erler P., Laude H., Wilke M. (Hg.). "Nach Hitler Kommen Wir". Dokumente zur Programmatik der Moskauer KPD-Führung 1944/45 für Nachkriegsdeutschland. Berlin, 1994. S. 53.

¹ "Was würde sein, wenn Deutschland ein Sowjetstaat würde?" – Maschinenschriftliche Ausarbeitung Wilhelm Florins O. D. (1944), in: "Nach Hitler kommen wir". S. 125–130.

² Über das Verhältnis von Kommunisten und Kriegsgefangenen im NKFD – Handschriftliche Disposition Wilhelm Piecks für eine Rede auf einer Zusammenkunft mit Vertretern der PURKKA und Mitgliedern des NKFD O. D. (November/Dezember 1944), in: "Nach Hitler kommen wir". S. 304–310, hier S. 309.

³ "Deutschland und die Sowjetunion" – Handschriftliche Vortragsdisposition Anton Ackermanns für eine Lektion in der Parteischule der KPD, am 15. Oktober 1944 vorgetragen, in: "Nach Hitler kommen wir". S. 237–240, hier S. 240.

патриархов»¹. Термин «поколение» указывает в данном случае на общий опыт социализации: усвоенных правил и норм, ментальных установок и эмоционального настроя отдельных лиц, объединенных в данном случае единой культурной рамкой жизни в советской эмиграции в 1930–1940-е гг.² Культ Сталина являлся для них неотъемлемой частью советской, а после войны и немецкой действительности. Пережив террор 1937–1938 гг.³, они были приучены приспосабливаться к жизни в условиях сталинизма: присмыкаться перед иерархиями и чинами, четко исполнять распоряжения из Кремля, соблюдать строгую дисциплину, следовать советской морали, демонстрировать веру в Советский Союз и беспрекословную преданность Сталину⁴. Воспитанные на истории ВКП(б) и произведениях классиков марксизма-ленинизма, они научились защищать и пропагандировать Советский Союз в соответствии с этикетом «политически правильного поведения»⁵. Они могли безукоризненно разговаривать, жить и править по-советски, а самое главное – они научились быть «друзьями» СССР⁶.

¹ К «поколению патриархов» в Восточной Германии принято относить лиц, родившихся в период с 1893 по 1916 г. и оказавших наибольшее влияние на политическое развитие ГДР. К данной группе высших партийных функционеров причисляются В. Ульбрихт и Г. Матерн (оба 1893 г. р.), Ф. Эберт и О. Гротеволь (1894 г. р.), А. Курелла (1895 г. р.), А. Абуш и Г. Варнке (1902 г. р.), Э. Мильке (1907 г. р.), К. Харгер и Э. Хонеккер (1912 г. р.) и др. См.: Ahbe Th., Gries R. *Gesellschaftsgeschichte als Generationengeschichte. Theoretische und methodologische Überlegungen am Beispiel der DDR*, in: *Die DDR aus generationengeschichtlicher Perspektive*. S. 492–502.

² См., например: Ватлин А. *Немецкие политэмигранты в Советском Союзе: жизнь под контролем* // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. № 2. 2007, <http://www1.ku-eichstaett.de/Zimos/Forum/Docs/4vatlin07.pdf>; Ватлин А. *Советский Союз в восприятии немецких политэмигрантов 30-х гг.* // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. № 2. 2008, <http://www1.ku-eichstaett.de/Zimos/Forum/Docs/Forumruss10/1vatlinr10.pdf>; Hoppe B. *Stalin und die KPD in der Weimarer Republik*, in: *Zarusky, Stalin und die Deutschen*. S. 49–42.

³ О репрессиях в Коммунистическом Интернационале см.: Lazitch B. *Stalin's Massacre of the Foreign Communist Leaders*, in: *Drachkovitch M. M., Lazitch B. (Ed.). The Comintern: Historical Highlights. Essays, Recollections, Documents*. New York, 1966; Chase W. J. *Enemies within the Gates? The Comintern and Stalinist Repression, 1934–1939*. New Haven, 2001; McDermott K. *Stalinist Terror in the Comintern*, in: *Journal of Contemporary History*. Vol. 30. 1995. P. 111–130.

⁴ См.: Studer, Haumann. *Stalinistische Subjekte*; Wilke M. (Hg.). *Die Anatomie der Parteizentrale. Die KPD/SED auf dem Weg zur Macht*. Berlin, 1998; Kaiser M. *Sowjetischer Einfluss auf die ostdeutsche Politik und Verwaltung 1945–1970*, in: *Jaraus, Siegrist. Amerikanisierung und Sowjetisierung*. S. 111–133.

⁵ Например, см.: Leonhard. *Die Revolution entlässt ihre Kinder*. S. 255.

⁶ См.: Filitov A. *The Soviet Administrators and their German "Friends"*, in: *Naimark, Gibianski. The Establishment of Communist Regimes in Eastern Europe*. P. 111–122.

«Мифы начала», образовавшие ядро официального дискурса в Восточной Германии, отражали опыт и мировоззрение поколения патриархов. Вернувшиеся из СССР в Германию коммунисты чувствовали себя миссионерами идей марксизма-ленинизма в их сталинской интерпретации. Именно они требовали от послевоенного немецкого общества раскаяния и покаяния за военные преступления нацистов. Именно они выступали за очищение национальной совести и восстановление коллективной чести в ритуалах исповеди перед Сталиным. Именно представителей поколения патриархов можно назвать высшими жрецами сталинизма, контролировавшими трансфер, адаптацию и популяризацию канонических знаний о советском лидере на периферии советской империи. Ощущение этого миссионерства базировалось на чувстве избранности и доверии советских инстанций к немецким коммунистам. Например, после получения специального разрешения для доступа к секретным информационным бюллетеням о политической ситуации и настроениях населения в Германии В. Леонхард вспоминал: «Меня переполняло чувство благодарности за доверие и чувство гордости принадлежать к функционерам, которые были политически настолько зрелы, что их спокойно знакомили с другими мнениями»¹. Данный «знак доверия» В. Леонхард приравнивал к таким партийным привилегиям, как получение нового звания, ордена или материального поощрения. Поэтому борьба за доверие Советского Союза и лично Сталина стала главной целью политической работы немецких коммунистов после возвращения на родину.

Была и другая, более земная, причина лояльности немецких коммунистов к СССР и Сталину. Уже в Советском Союзе многие из политэмигрантов осознавали, что демонстрация верности к «родине социализма» в совокупности с покровительством высокого советского чиновника открывают возможности оптимизации жизненных стратегий, предоставляя шансы для получения образования, карьерного роста, доступа к роскоши и привилегиям номенклатуры на фоне всеобщего дефицита, бедности и скудости повседневной жизни. Привыкшие в Москве быть на привилегированном положении сотрудников Коминтерна, жить в комфортном микромире гостиницы «Люкс», иметь доступ к специальным магазинам и ресторанам, они не желали расставаться с таким положением и после прибытия в Восточную Германию. Поэтому проживание в виллах и шикарных особняках, спецпитание и отдых в санаториях стали составной

¹ Ibid. S. 256.

частью жизненного стиля нового управленческого класса в разрушенной послевоенной Германии¹. Тотальная зависимость немецких коммунистов от материальных, политических, символических ресурсов Москвы стала решающим фактором, оказавшим влияние на закрепление модели патроно-клиентских отношений в коммуникации Сталина с восточногерманской политической элитой.

Три «инициативные группы» под руководством В. Ульбрихта, А. Акерманна и Г. Сobotтки прибыли в конце апреля – начале мая 1945 г. в Восточную Германию со сталинской миссией «строительства антифашистского, демократического режима парламентско-демократической республики». Провозглашение манифеста об образовании КППГ 11 июня 1945 г. стало для них первым конкретным итогом покровительства Сталина и помощи с советской стороны. Впечатляет то обстоятельство, что уже вскоре после завершения войны – осенью 1945 г. – немецкие коммунисты приступают к переносу советских ритуалов в Восточную Германию. Поводом для идеологического трансфера стало празднование 28-й годовщины Октябрьской революции. Согласно одному из политдонесений СВАГ, только в районе Бернау Берлинского округа собраниями в честь «красной даты» в советском календаре было охвачено 13,6 тыс. человек. В докладах, сделанных членами КППГ, представлялся советский миф о двух «вождях» революции – Ленине и Сталине. В помещениях для собраний вывешивались портреты советских лидеров, а также изображения Э. Тельмана и К. Либкнехта в обрамлении цветов и красных флагов. Как «особенно положительный» с советской точки зрения результат, было охарактеризовано собрание в общине Херцфельде: докладчик закончил выступление фразой «Да здравствует вождь советского народа – Великий Сталин», а само мероприятие завершилось возложением венков к могилам павших советских воинов². Однако в 1945 г. данные примеры были скорее единичными случаями, которые в большей степени свидетельствовали об инициативе и импровизации на местах, чем о становлении строгого контроля над советской риторикой, ритуалами и визуальными символами в Восточной Германии.

Последовавшее в апреле 1946 г. создание СЕПГ в результате принудительного объединения СДППГ с КППГ стало следующей точкой отсчета для советизации и экспорта культа Сталина в советскую оккупационную зону. Особенно с середины 1947 г. наблюдается переход

¹ Leonhard. Die Revolution entlässt ihre Kinder. S. 576, 605–610.

² О проводимых собраниях и митингах КППГ в Германии по Берлинскому округу в связи с празднованием 28-й годовщины Великой Октябрьской Социалистической революции, 12 ноября 1945 г. // ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 171. Л. 6–7.

к ускоренной советизации, заключавшейся в реорганизации СЕПГ в «партию нового типа» по большевистскому образцу¹. Первой рубежной вехой в утверждении советской риторики и символов стал Второй съезд СЕПГ, прошедший с 20 по 24 сентября 1947 г. в Берлине. Присутствие советской делегации под руководством М. А. Суслова и П. Н. Поспелова стало визуальным знаком советского контроля над политической жизнью советской зоны. О. Гротеволу было предписано публично раскритиковать политику социал-демократов в Веймарской республике: «Для нашего народа было бы лучше, если бы мы в 1918 г. больше поучились у русских, вместо того, чтобы терпеть антибольшевистскую травлю»². Впервые для СЕПГ ВКП(б) открыто ставилась в пример для подражания. В качестве нового идеологического ориентира признавался ленинизм, объявленный продолжением марксистского учения: «Мы признаем продолжение и применение учения Маркса и Энгельса в XX веке, в частности Лениным и Сталиным, и черпаем из этого новое и нужное для немецких условий»³. По завершении съезда иностранные журналисты дружно отмечали, что «русские перешли в решительное наступление»⁴.

Следствием перехода к советизации стал отказ от «особого немецкого пути к социализму», провозглашенный на XII Пленуме Центрального правления СЕПГ 2 августа 1948 г. В большевистских традициях самокритики А. Акерманн раскритиковал собственную теорию «особого пути», заявив, что «путь к социализму имеется один – это путь, указанный марксистско-ленинским учением»⁵. XIII Пленум СЕПГ в сентябре 1948 г. лишь усилил новую линию партии и окончательно закрепил риторику дружбы с Советским Союзом. В. Пик призвал членов СЕПГ к более глубокому изучению «Краткого курса истории ВКП(б)», а также биографий Ленина и Сталина. В одном из партийных постановлений от 20 сентября 1949 г. предписывалось

¹ О внутрипартийных процессах советизации и сталинизации СЕПГ см.: Hurwitz H. Die Stalinisierung der SED. Zum Verlust von Freiräumen und sozialdemokratischer Identität in den Vorständen 1946–1949. Opladen, 1997; Schröder K. Der SED–Staat. Geschichte und Strukturen der DDR. München, 1999; Malycha A. Die SED: Geschichte ihrer Stalinisierung. Paderborn, 2000.

² Из докладной С. Тольпанова в ЦК ВКП(б) М. Суслову об итогах II-го съезда СЕПГ, 27 сентября 1947 г. // СВАГ. Управление пропаганды. С. 89.

³ Там же. С. 90.

⁴ Там же. С. 95.

⁵ Из докладной записки Управления информации СВАГ в ЦК ВКП(б) Л. Баранову о XII Пленуме центрального правления СЕПГ, 2 августа 1948 г. // СВАГ. Управление пропаганды. С. 113.

создание 15 тыс. кружков, в которых изучение «Краткого курса» должно было охватить более 400 тыс. членов партии¹.

Постепенный процесс сталинизации СЕПГ отражен в наблюдении С. Тюльпанова относительно динамики визуальных репрезентаций классиков марксизма-ленинизма в Центральном доме Единства – Доме партийного правления СЕПГ в берлинском районе Пренцлауэберг. Как вспоминает начальник Управления пропаганды, в первые послевоенные годы в вестибюле здания были размещены только два портрета – Маркса и Энгельса. Через некоторое время был установлен бюст Ленина, а впоследствии и Сталина². Видимое присутствие классиков марксизма-ленинизма в центральном здании партийного правления стало публичным знаком эволюции СЕПГ к «партии нового типа», призванным наглядно продемонстрировать новых вождей и подтвердить верность советской линии.

Однако не только почитание классиков марксизма-ленинизма стало частью советизированной политической культуры Восточной Германии. В СЕПГ произошло слияние социал-демократической и коммунистической традиций культа личности. Например, социал-демократы опирались на почитание Фердинанда Лассаля, Карла Либкнехта и Розы Люксембург, а коммунисты преклонялись перед Эрнстом Тельманом, Гансом Баймлером и Артуром Бекером. Почитание борцов-антифашистов, героев сопротивления и мучеников социализма в послевоенной Германии позволяло переносить их высокий символический капитал на лидеров СЕПГ за счет пропаганды связи и преемственности с подвигами персон, пожертвовавших собственной жизнью в борьбе с национал-социализмом. Об острой потребности новой власти в харизме свидетельствуют попытки лидеров партии, в особенности В. Пика, инсценировать себя в роли «народных вождей» и «отцов нации». Жизнь в Советском Союзе помогла немецким коммунистам осознать всю значимость механизмов культа личности в легитимировании и стабилизации власти, в мобилизации и индоктринировании населения.

Но, несмотря на попытки придать сакральный характер власти и инсценировать себя лидерами нации, подготовленные в Советском Союзе для работы в послевоенных условиях коммунисты воспитывались отнюдь не «вождями», а идеальными аппаратчиками – прилежными и старательными, трудолюбивыми и преданными бюрократами, способными послушно проводить советские директивы в жизнь.

¹ Barck, Langermann, Lokatis. "Jedes Buch ein Abenteuer". S. 31.

² Tjulpanow S. I. Deutschland nach dem Kriege (1945–1949): Erinnerungen eines Offiziers der Sowjetarmee. Berlin, 1987. S. 137.

Вместо вдохновения масс они активно использовали апробированные большевиками методы террора и репрессий для укрепления режима собственной власти и для борьбы с инакомыслием. В начале мая 1948 г. С. Тюльпанов сформулировал новую концепцию самопонимания СЕПГ, цель которой сводилась к советизации Восточной Германии: «Социалистическая единая партия Германии находится на границе двух миров – там, где мир капитализма наталкивается на мир социализма. Поэтому на нее возлагаются также большие ответственные задания»¹. Усиление риторики холодной войны способствовало радикализации борьбы с внутренними врагами. Уже в июле 1948 г. было принято постановление «Об организационном укреплении партии и ее очистке от враждебных и дегенерирующих элементов», предусматривавшее проведение «чисток»: исключение из партии, увольнение с административных должностей, преследование и аресты всех несогласных с просоветской линией членов СЕПГ².

В. Пик лично настаивал на увольнении с государственной и партийной службы всех лиц с антисоветскими взглядами³. В условиях обострения холодной войны – Берлинского кризиса и пропаганды ждановского тезиса о двух лагерях в системном конфликте – В. Пик призывал в августе 1949 г. к усилению агитационной работы среди населения: «Надо показать людям, что в мире существует два лагеря: лагерь империализма во главе с США и лагерь демократии и социализма во главе с СССР. Надо разъяснить массам, что тот, кто выступает за США, тот является врагом немецкого народа»⁴. Данный курс партии привел к дальнейшей гиперболизации персонифицированного восприятия холодной войны при делении на *своих* и *чужих*, увенчавшись лозунгом: «Враги социализма являются врагами Сталина, враги Советского Союза являются врагами человечества»⁵. Таким

¹ Schriftliche Fassung eines Vortrages von Tulpanow vom 8.5.1948, in: Badstübner R., Loth W. (Hg.). Wilhelm Pieck. Aufzeichnungen zur Deutschlandpolitik 1945–1953. Berlin, 1994. S. 216–227, hier S. 217.

² По данным В. Мюллера, численность СЕПГ в середине 1948 г. составляла 1,8 млн человек, а в начале 1950 г. – после проведения партийных чисток – составила около 1,55 млн членов. См.: Müller W. Sozialistische Einheitspartei Deutschlands (SED), in: Broszat, Weber. SBZ-Handbuch. S. 488.

³ Die gegenwärtigen Aufgaben der demokratischen Verwaltung. Aus dem Referat auf der ersten Staatspolitischen Konferenz der SED in Werder 23. und 24. Juli 1948, in: Ulbricht W. Die Entwicklung des deutschen Volksdemokratischen Staates 1945–1958. Berlin, 1959. S. 137.

⁴ Из информационной записки Управления информации СВАГ в ЦК ВКП(б) об обсуждении итогов выборов в западногерманский парламент на частном совещании членов политбюро СЕПГ, 20 августа 1949 г. // СВАГ. Управление пропаганды. С. 130.

⁵ Freundschaft für immer. Brief an alle Bürger der DDR anlässlich des 34. Jahrestages der Grossen Sozialistischen Oktoberrevolution. Berlin, 1952. S. 8–9.

образом, советские методы чисток, запугивания и террора становятся важным средством укрепления внутривластной дисциплины, требовавшей от рядовых членов партии публичной демонстрации верности к Сталину.

Одну из решающих ролей в утверждении культа советского лидера в СЕПГ сыграли регулярные консультации руководства Восточной Германии с их патроном – Сталиным – в Москве¹. В системе сталинского клиентелизма личные встречи с «вождем» являлись наивысшим знаком благосклонности Кремля к немцам. Формальная и содержательная сторона данных встреч свидетельствует о жесткой иерархии коммуникации, которую, пожалуй, можно сравнить с особенностями общения сильного и слабого или начальника и подчиненного. Во время бесед Сталин внимательно слушал, курил трубку, мог пошутить и даже высмеять собеседника. «Вождь» жестко моделировал разговор, задавал вопросы, давал советы, обещал помощь по конкретным вопросам, имел право переспрашивать и перебивать собеседника, строго уточнять и резко комментировать. В то же время, как отметил в марте 1948 г. референт отдела внешней политики ЦК ВКП(б) Г. Короткевич, личные встречи со Сталиным производили на немцев сильное впечатление, прежде всего «человечностью и теплотой» «вождя». Так, О. Гротеволь «никак не ожидал», что Сталин спросит о том, хорошо ли они разместились в Москве и нуждаются ли в чем либо². Вопросы частного порядка со стороны советского лидера о самочувствии, личных пожеланиях и просьбах импонировали немецким гостям, создавая ощущение близости к «вождю». Однако данная гуманность Сталина подтверждает традиционную иерархичную модель отношений между патроном и клиентелой: негласный пакт о покровительстве Кремля в обмен на личную преданность «вождю».

Как показывают записи протоколов личных встреч и бесед со Сталиным, восточные немцы успешно осваивали отведенные им роли для демонстрации верности «вождю». Ее результатом становилась конкретная помощь Москвы³. Как правило, В. Пик, В. Ульбрихт.

¹ «Московские консультации» проходили 4–7 июня 1945 г., 28 января – 6 февраля 1946 г., 30 января – 7 февраля 1947 г., 25 марта – 1 апреля 1948 г., 12–24 декабря 1948 г., 16–28 сентября 1949 г., 3–6 мая 1950 г. и 23 марта – 10 апреля 1952 г. См.: Badstübner, Loth. Wilhelm Pieck. S. 15; также см.: Scherstjanoi E. Zum Verhältnis zwischen SED- und KPdSU-Führung, in: Herbst A., Stephan G.-R., Winkler J. (Hg.). SED. Geschichte Organisation – Politik. Ein Handbuch. Berlin, 1997. S. 177–196.

² Информационная записка о пребывании в Москве делегации СЕПГ, 10 апреля 1948 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 1166. Л. 153–157.

³ См.: За советами в Кремль. Запись Беседы И. В. Сталина с руководителями СЕПГ. Март 1948 г. // Исторический архив. 2002, № 2. С. 3–27; «Нужно идти к социа-

О. Гротеволь просили об экономической помощи, интересовались корректностью политической линии, отчитывались о состоянии партийных и государственных дел, жаловались на «неудачи и происки врагов». Делегации СЕПГ усваивали методы сталинского стиля власти, риторику классовой борьбы и правила игры в холодную войну «по-мирному». Кроме того, руководство СЕПГ рассматривало Сталина в качестве высшей апелляционной инстанции, в компетенции которого было снизить репарационные выплаты, сократить демонтаж, оказать помощь продуктами питания и сырьем, способствовать утверждению ГДР в содружестве стран народной демократии¹. Личные беседы со Сталиным представляли для восточногерманских политиков уникальный шанс решения актуальных проблем, минуя многочисленные бюрократические инстанции аппарата СВАГ и ЦК ВКП(б)². Ощущение близости к советскому лидеру позволяло восточногерманским руководителям напрямую обращаться к Сталину с просьбой о помощи для решения текущих вопросов³. Как правило, «вождь» поддерживал просьбы руководителей СЕПГ, демонстрируя обладание ресурсами абсолютной власти и укрепляя тем самым зависимость немецких функционеров от Кремля.

Практика «политического туризма» в Москву имела целью не только согласование проводимого курса на Периферии, но и получение знаний и опыта организации жизни по-советски. Например, «культурная программа» для немцев во время официального визита с 25 марта по 1 апреля 1948 г. предусматривала посещение редакции газеты «Правда» и разговор с ее редактором П. Н. Поспеловым⁴.

лизму не прямо, а зигзагами». Запись беседы И. В. Сталина с руководителями СЕПГ. Декабрь 1948 г. // Исторический архив. 2002, № 5. С. 3–26; «Скостить половину суммы репараций... мы можем». Встречи Сталина с руководством СЕПГ // Источник. 2003, № 3. С. 100–128.

¹ См., например: Reise nach Moskau vom 16.–28.9.1949 einschl. Vorschläge des Politbüros, in: Badstübner, Loth. Wilhelm Pieck. S. 296–297.

² Например, во время пребывания в СССР в марте 1948 г. состоялась встреча Пика, Гротеволь и Эльснера с М. А. Сусловым. Руководители СЕПГ просили положительно решить вопрос об организации Единой спортивной организации в Берлине, так как СВАГ не поддерживала инициативу СЕПГ. Кроме того, немцы просили разрешения сделать обязательным для всех студентов изучение курса научного социализма в университетах зоны. См.: Краткая запись беседы секретаря ЦК ВКП(б) тов. Суслова М. А. с руководителями СЕПГ тов. Пиком, Гротеволем и Эльснером, состоявшейся 29 марта 1948 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 1166. Л. 148–151.

³ Данная коммуникация велась для планирования первого 5-летнего экономического плана для ГДР. См.: Brief Wilhelm Piecks an Stalin vom 28. Februar 1950, in: Badstübner, Loth. Wilhelm Pieck. S. 334–335.

⁴ Информационная записка о пребывании в Москве делегации СЕПГ, 10 апреля 1948 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 1166. Л. 153–157.

30 марта немцы выезжали в город Бронницы Московской области для знакомства с жизнью сельских парторганизаций. Попутная экскурсия в колхоз «Борец» стала первым приобщением к колхозному быту. О. Гротеволь особенно интересовался вопросом, действительно ли крестьяне живут в колхозах лучше, чем до коллективизации. После осмотра «образцово-показательного» хозяйства председатель колхоза пригласил членов делегации к себе домой на обед, удивив гостей «картиной изобилия» на столе. Наблюдательный референт записал, что, сев за стол, Гротеволь прошептал Ф. Эльснеру: «Да, теперь я вижу как голодают русские крестьяне в колхозах и чего стоит вся подобная болтовня»¹. Вдохновленные увиденным, Пик и Гротеволь охотно демонстрировали усвоение официальной советской риторики в застольных речах, предлагая тосты за здоровье Сталина и за дальнейшие успехи колхозного строительства.

Обязательной частью экскурсионной программы для немцев являлось паломничество к сакральным местам коммунизма – Мавзолею Ленина на Красной площади. Посещение данных мест позволяло немцам осваивать приемы конструирования поминального культа вождей и учиться создавать собственную культуру памяти. Так, посетив Мавзолей и осмотрев могилы у Кремлевской стены, Гротеволь сказал: «Наверное нигде в мире не оказывается такого почета людям, отдавшим свою жизнь народу и партии, нигде так не чтится их память, как у вас, в Советском Союзе». Задачу политического просвещения делегации СЕПГ отражает программа вечернего досуга. Так, в отчете сообщалось, что немцы просмотрели ряд советских фильмов, а именно «Сказание о земле сибирской», «Советская Украина», «Русский вопрос», «За тех, кто в море» и «Первоклассница». Приобщение к советской культуре и искусству предусматривало визиты в Большой театр, на Всесоюзную художественную выставку и в Музей Красной Армии. Посещение наиболее репрезентативных мест-символов, воплощавших собой успехи строительства социализма, являлось приемом эмоциональной мобилизации гостей и стимулирования советского культурного трансфера в Восточную Германию.

Интенсивные уроки советизации для руководителей СЕПГ в Москве оборачивались усилением зависимости лидеров Восточной Германии от Сталина. Возвращаясь из Советского Союза, они прочно усваивали, что покровительство из Кремля является единственной гарантией реализации их власти. Соблюдая жесткую иерархию коммуникации с патроном, они постоянно обращались к советскому

¹ РГАСНИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 1166. Л. 155.

лидеру, становясь заложниками воли Сталина и лишаясь самостоятельности в принятии каких бы то ни было решений. Тотальная зависимость от абсолютной власти Сталина проявлялась даже в решении «деликатных вопросов» личной жизни членов СЕПГ. В своих воспоминаниях главноначальствующий СВАГ В. Семенов приводит показательный пример. Дискуссию в политбюро СЕПГ вызвало намерение О. Гротеволья развестись с женой и жениться на сотруднице секретариата. Сложность ситуации состояла в том, что секретарь ранее была супругой члена НСДАП. В итоге В. Пик посчитал своим долгом обратиться за советом лично к Сталину, который, в свою очередь, предложил оставить право решения личных вопросов за О. Гротеволем, а не за партией¹. Однако сам факт обращения В. Пика к Сталину подтверждает восприятие Сталина в роли патрона – высшей апелляционной инстанции и арбитра спорных ситуаций, включая вопросы частной жизни клиентелы.

Дальнейшая радикализация культа Сталина в советской зоне оккупации была подготовлена усиливавшейся ритуализацией партийной и общественной жизни. Например, вторая половина 1946 г. была богата на проведение советских праздников в СЕПГ. 7 ноября состоялось празднование Дня Октябрьской революции. 5 декабря последовало празднование Дня советской конституции, а 21 декабря впервые в партии отмечался 67-й день рождения Сталина. В. Пик опубликовал статью со словами: «Гениальная дальновидность великого вождя Советского Союза указывает путь развития для немецкого народа»². А рабочие Лейпцига передали коллективный подарок – портрет Сталина – в военную комендатуру земли Саксония³. Эти знаки еще пока латентной советизации стали первыми сигналами ориентации на Советский Союз, отражавшими менталитет и желания «поколения патриархов».

Советизация предполагала утверждение социалистической культуры памяти, базировавшейся на поминальном культе умерших «вождей» и необходимости обращения к их теории и опыту борьбы. Так, в начале января 1948 г. начальник Отдела информации СВА провинции Бранденбург Мартемьянов издал распоряжение об организации вечеров памяти в связи с 24-й годовщиной смерти Ленина⁴. В программу рекомендовалось включить цитаты из про-

¹ Semjonow W. S. Von Stalin bis Gorbatschow. Ein halbes Jahrhundert in diplomatischer Mission 1939–1991. Berlin, 1995. S. 271–272.

² Leonhard. Die Revolution entlässt ihre Kinder. S. 564–565.

³ ГА РФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 186. Л. 198.

⁴ Там же. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 231. Л. 23.

изведений Сталина, В. Маяковского и М. Горького, стихи немецких поэтов Й. Бехера и Э. Вайнерта. Музыкальное сопровождение вечеров включало произведения Бетховена и Чайковского, Шостаковича и Прокофьева. Дополнительно рекомендовалось организовать просмотр таких советских фильмов, как «Клятва», «Ленин в Октябре», «Ленин в 1918 году»¹. На предприятиях, в школах и домах культуры организовывалось коллективное прослушивание берлинских радиопередач о жизни и деятельности Ленина. А месяц спустя, 20 февраля 1948 г., правление СЕПГ в городе Бранденбурге провело общегородское собрание, посвященное 100-летию Коммунистического манифеста. Зал торжественного заседания был украшен портретами Маркса и Энгельса. Выступая перед собравшимися, Ф. Эльснер подчеркнул особую роль советских вождей – Ленина и Сталина – в обогащении марксистско-ленинской теории и ее практического воплощения в Советском Союзе².

Начиная с 1948 г. знаки поклонения Сталину в различных районах советской зоны становятся все более очевидными. Данная тенденция свидетельствовала о выходе культа Сталина за рамки исключительно внутрипартийного мероприятия. День рождения «вождя» становится важным медийным событием: репортажи о Москве, статьи о жизни и фотографии Сталина печатались к 21 декабря на страницах журналов и газет, радиопередачи впервые рассказывали слушателям биографию советского лидера. Например, 20 и 21 декабря 1948 г. радио посвятило биографии Сталина целую передачу³. Маркус Вольф под псевдонимом Михаэль Шторм разъяснял аудитории перипетии жизненного пути человека, названного им «символом новой эпохи человечества». Программа с музыкальным сопровождением прерывалась чтением отрывков из книги Анри Барбюса «Человек, через которого раскрывается новый мир»⁴. Сотрудница радиостанции Гедда Циннер, находившаяся в СССР с 1933 по 1945 г., выступала в роли очевидца событий, описывая Сталина как «воплощение воли народных масс» и «защитника демократии». Также в Доме культуры Советского Союза в Берлине состоялось праздничное мероприятие по случаю дня рождения Сталина. Начальник Отдела культуры Управления

¹ Политдонесение о проведении дня памяти В. И. Ленина в районе Бельгиц, 23 января 1948 г. // ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 231. Л. 14, 17, 19.

² Донесение о пропаганде марксизма-ленинизма в связи со столетием Коммунистического манифеста в г. Бранденбург, 15 марта 1948 г. // ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 230. Л. 81.

³ Fischer J.-U. Im Zeichen des Personenkults. Stalins Geburtstag im ostdeutschen Rundfunk (1945–1956), in: Rundfunk und Geschichte. 21 (1995) 4. S. 247–253.

⁴ Ibid. S. 248.

информации СВАГ А. Л. Дымшиц прочитал доклад, назвав Сталина «освободителем народов», «строителем лучшего мира» и «опорой всех угнетенных»¹.

Советский сценарий празднования дня рождения Сталина был с успехом воспроизведен правлением СЕПГ в Лейпциге в декабре 1948 г. Кампания пропаганды стартовала 17 декабря с открытия выставки о биографии Сталина в здании управления городской полиции. 20 декабря прошли собрания с докладами о Сталине во всех общественных, административных, учебных и производственных учреждениях города. В адрес центральной военной комендатуры поступило свыше пятидесяти поздравительных телеграмм. Вершиной праздника стал торжественный митинг, состоявшийся 21 декабря в кинотеатре «Капитоль». После прочтения реферата о биографии советского лидера присутствовавшие открытым единогласным голосованием приняли текст поздравительной телеграммы на имя Сталина: «22 000 рабочих и служащих городского управления города Лейпцига шлют Вам в день Вашего 69-летия сердечные пожелания счастья. Мы восторгаемся успехами Вашей работы и Вашей последовательной борьбой за правое дело трудящихся. Вместе с советскими людьми мы гордимся Вашей великой жизнью. Рабочие и служащие городского управления обязуются вместе со всеми прогрессивными силами продолжать борьбу за победу социализма во всех странах»². В тот же день региональная газета «Лейпцигер фольксцайтунг» опубликовала на первой полосе статью А. Акерманна «Сталин – вождь мирового пролетариата»³. Постепенный переход СЕПГ к открытой пропаганде Сталина являлся отражением процесса советизации политической культуры Восточной Германии, в которой риторика и ритуалы культа личности становились обязательной нормой партийной жизни.

Более того, участие в партийных ритуалах и публичное проговаривание риторики культа Сталина стали критериями политического конвертирования, символизировавшего разрыв с национал-социалистическим прошлым или переход от «фальшивых» воззрений к «правильной» вере в советского лидера. Примером тому является пристальное внимание советских наблюдателей к высказываниям будущего премьер-министра ГДР Отто Гротевөля. Настороженное отношение к нему было обусловлено его социал-демократическим прошлым. Например, после встречи со Сталиным 31 января 1947 г. в

¹ AdsD. Personalia-Sammlung, J. W. Stalin. Zeitungsausschnitte, unpag.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 1166. Л. 234.

³ ГА РФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 235. Л. 135.

одном из отчетов были записаны подслушанные советскими наблюдателями впечатления Гротеволья, которыми он поделился с коллегами: «Товарищ Сталин – самый любимый социалист мира, товарищ Сталин – отец мира», «Ну, вернемся из Москвы, примемся крепко за работу»¹. После следующего визита немцев в марте 1948 г. и новых доказательств позитивной советской риторики из уст Гротеволья референт Отдела внешней политики Г. Короткевич сделал удовлетворительный вывод: «...в результате этой поездки в Москву и особенно беседы с товарищем Сталиным Гротеволь еще больше приблизится к нам»².

Советские наблюдатели пристально следили как за официальными выступлениями, так и за частными разговорами немцев в Москве. Приученные к ритуальному языку восхваления и поклонения Сталину, они ожидали аналогичного стиля поведения от немцев. Например, во время визита восточногерманской делегации общественных деятелей в СССР в ноябре 1948 г. сотрудники ВОКС отмечали, что у членов делегации мало знаний о Советском Союзе. В публичных речах немцев совсем не упоминалось имя Сталина. Аналогичным образом фиксировалось отсутствие тостов за Советский Союз и за здоровье Сталина на официальных приемах. Спас столь «политически некорректную» ситуацию уже освоивший правила советского этикета Отто Гротеволь. Свое первое выступление 6 ноября 1948 г. он закончил нормативной фразой: «Да здравствует ваш великий и мудрый вождь Сталин!». А на прощальном приеме в ВОКС Гротеволь просил от имени делегации и всего немецкого народа передать слова благодарности и поздравления «великому вождю советского народа Иосифу Сталину»³. Если для советских наблюдателей используемая немцами риторика культа Сталина являлась признаком демонстрации верности Москве, то для восточногерманских руководителей произнесение здравий, тостов и пожеланий в честь «вождя» являлось риторическим приемом завоевания доверия и дискурсивной стратегией приближения к Центру⁴.

¹ Докладная записка о работе с делегацией СЕНГ с 30 января по 7 февраля 1947 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 1091. Л. 65–68.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 1166. Л. 157.

³ Из отчета ВОКС о работе с делегацией общественных деятелей Германии, 25 ноября 1948 г. // Политика СВАГ в области культуры, науки и образования: цели, методы, результаты. 1945–1949: Сборник документов / отв. ред. и сост. Н. П. Тимофеева и Я. Фойтшик. М., 2006. С. 793–797, здесь с. 796–797.

⁴ Информационная записка о пребывании в Москве делегации СЕНГ. 10.04.1948 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 1166. Л. 153–157, здесь л. 153.

Подведем итоги. «Поколение патриархов» – бывших немецких коммунистов и руководителей СЕПГ – стало главным инициатором выстраивания отношений со Сталиным в роли патрона немецкого народа. Данная модель политической коммуникации с Москвой соответствовала механизмам утверждения и легитимации власти периферийных режимов в империи сталинизма. Демонстрация личной верности руководителей СЕПГ к советскому лидеру напоминает семантику соблюдения кодекса чести между патроном и клиентелой: предоставление гарантий покровительства и защиты немцев из Кремля в обмен на их безоговорочную преданность и лояльность к Сталину. Таким образом, культ Сталина являлся для восточногерманской политической элиты средством стабилизации собственной власти, открывая возможности московского протектората и доступа к ресурсам Центра. Заключение символического пакта между патроном и клиентелой стало стартовой предпосылкой для конструирования культового сообщества – послевоенной советской империи с центром в Москве, предлагавшей Периферии, или Восточной Германии, сценарий построения нового общественного и политического порядка на идеологических постулатах марксизма-ленинизма.

Принципиально важно отметить, что первые признаки культа Сталина в Восточной Германии в форме апробирования советских ритуалов, политической импровизации и инициативы на местах проявлялись уже с осени 1945 г. Однако в начальный послевоенный период почитание Сталина являлось закрытым мероприятием в рядах СВАГ и КПГ/СЕПГ. Эволюция СЕПГ к «партии нового типа» повлекла за собой утверждение в ней культа Сталина, ставшего индикатором и механизмом советизации политической культуры Восточной Германии. Ритуализация партийной жизни, закрепление дискурсивных, визуальных и поведенческих норм, ужесточение партийной дисциплины и чистки способствовали внутренней идеологической консолидации СЕПГ, позволили взять курс на централизованный импорт культа Сталина из СССР и политизацию прочих сфер жизни восточногерманского общества. Если к моменту образования ГДР СЕПГ окончательно определилась с культивацией образа Сталина в своих рядах, то восточногерманскому обществу этот противоречивый выбор еще предстояло сделать.

2.4. Культ Сталина в публичном пространстве диктатуры: зачистка и оккупация немецкой территории советскими символами власти

С подписанием Акта о безоговорочной капитуляции Германии союзники по Второй мировой войне начинают зачищать публичное пространство от символов эпохи Третьего рейха¹. В распоряжении Союзного Контрольного совета от 13 мая 1946 г. предписывалось в первую очередь удалить нацистские памятники и эмблемы². Послевоенный курс союзников на демократизацию, демилитаризацию и денацификацию, повлекший табуирование *старых* культов личности, привел к частичной парализации повседневной жизни населения. Так, одна из посылок с изображением Гитлера на почтовых марках не дошла до своего адресата³. Всеобщую суматоху в местной администрации вызвали те же почтовые марки, обнаруженные 23 января 1946 г. в магазине канцелярских товаров некоего господина Шуберта⁴. Кажущийся на первый взгляд незначительным пример с циркулированием запрещенных почтовых марок только подчеркивает интенсивность символической борьбы за право проектирования нового политического ландшафта.

Образование Германской Демократической Республики 7 октября 1949 г., объявившей себя «антифашистским, демократическим, миролюбивым государством», послужило дальнейшим стимулом к ревизии публичного пространства с более глобальной задачей удаления всех символов антимилиитаристского, фашистского, антидемократического содержания. В постановлении от 17 января 1950 г. Политбюро ЦК СЕПГ рекомендовало Министерству внутренних дел провести повторную инспекцию топонимики, мемориалов и национальных мест памяти⁵. В новый список табуированных культов попали лидеры кайзеровской Германии, так как их имена были использованы для обоснования исторических традиций Третьего рей-

¹ Thamer H.-U. Von der Monumentalisierung zur Verdrängung der Geschichte. Nationalsozialistische Denkmalpolitik und die Entnazifizierung von Denkmäler nach 1945. in: Speitkamp W. (Hg.). Denkmalsturz: zur Konfliktgeschichte politischer Symbolik. Berlin. 1997. S. 109–136; Reichel P. Berlin Nach 1945 – Eine Erinnerungslandschaft zwischen Gedächtnis-Verlust und Gedächtnis-Inszenierung, in: Hipp H., Seidl E. (Hg.). Architektur als politische Kultur: Philosophia Practica. Berlin, 1996. S. 273–296.

² Sängner J. Heldenkult und Heimatliebe. Strassen- und Ehrennamen im offiziellen Gedächtnis der DDR. Berlin, 2006. S. 78.

³ ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 27. Л. 57.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 192. Л. 84.

⁵ Sängner. Heldenkult und Heimatliebe. S. 91.

ха. Как следствие, из экспозиции типографии Таубер, демонстрировавшей во время Лейпцигской ярмарки выставку «Бумага и время», плакаты с портретами императора Фридриха Великого и канцлера Бисмарка были изъяты представителями советской военной администрации¹. Только в апреле и мае 1951 г. в Восточном Берлине было удалено 159 табличек с «прусскими» названиями улиц². Им на смену вывешивались названия улиц и площадей с именами вождей социалистического и коммунистического движения³.

Однако сохранение преемственности в почитании монархических, национальных исторических фигур вело к конфликтным ситуациям населения с оккупационными властями. Так, бургомистр города Гранзее отказалась участвовать в первомайской демонстрации с портретами вождей международного рабочего движения под красными флагами, дав указания об уходе за памятником королевы Елизаветы Австрийской⁴. Радикальным ответом оккупационных властей на подобные «политические проступки» стали взрывы и демонтаж памятников имперско-монархического содержания: прежние мемориалы перedelывались, сносились, замещались памятниками в честь погибших советских солдат⁵. В конструировании новой политической топографии восточных немцев была предпринята попытка укоренения экспортируемого из Москвы в ГДР культа Великой Отечественной войны⁶. Совершаемые у мемориалов павшим советским воинам публичные акты покаяния за развязывание общемировой катастрофы инсценировали резкий разрыв с прусским милитаризмом и национал-социалистическим прошлым, демонстрируя политическое конвертирование немцев из «врагов» в «друзей» Советского Союза.

¹ ГА РФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 255. Л. 320.

² Azaryahu M. Zurück zur Vergangenheit? Die Straßennamen Ost-Berlins 1990–1994, in: Speitkamp. Denkmalsturz. S. 137–154, hier S. 142.

³ См.: Sanger. Heldenkult und Heimatliebe. S. 76–79; Azaryahu. Von Wilhelmplatz zum Thalmannplatz. S. 59–76.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 213. Л. 104.

⁵ Например, см.: AdsD. Spd-PV–Ostburo 0362 I, unpag.; Gutachten uber die Herrscherdenkmaler der Stadt Dresden, 4.7.1949, in: SachsHStAD (Sachsisches Hauptstaatsarchiv in Dresden). 11376 Landesregierung Sachsen (LRS). Ministerium Fur Volksbildung, 2374, unpag.; Kommentar zum Befehl Nr. 30 des Alliierten Kontrollrats. Deutsche Zentralverwaltung fur Volksbildung in der Sowjetischen Besatzungszone. Berlin, den 12.06.1946, in: Archiv der Akademie der Kunste, 1/237, Nationalsozialistische Denkmaler. Bl. 12–15. См. также: Scheer R. Geschutzte Leere. Ein Recherchebericht uber politische Denkmaler in Brandenburg, in: Leo A., Reif-Spirek P. (Hg.). Vielstimmiges Schweigen. Neue Studien zum DDR–Antifaschismus. Berlin, 2001. S. 127–151.

⁶ Tumarkin N. The Living and the Dead: The Rise and Fall of the Cult of World War II in Russia. New York, 1994; Zimmering. Mythen in der Politik der DDR.

Поиск традиций германо-советской дружбы был центральной задачей идеологов Восточной Германии. Но попытки отыскать и доказать истоки этой дружбы зачастую приводили к проблемам совместности прошлого с настоящим. Особенно в начальный послевоенный период ощущалось отсутствие унифицированного идеологического нарратива социалистического блока и, как следствие, полифония исторических оценок на местах. Так, сделанное в одном из докладов Общества германо-советской дружбы в Саксонии сравнение и положительная оценка деятельности Бисмарка и Ленина как «борцов за мир в Европе» подверглось резкой критике со стороны местного партийного руководства¹. Для легитимации германо-советской дружбы предписывалось использовать исключительно имена вождей рабочего и коммунистического движения. В визуальной политике оккупационных властей тенденция централизации знаний в обосновании традиций германо-советской дружбы наблюдается гораздо раньше. Начиная с осени 1945 г. в связи с празднованием 28-й годовщины Октябрьской революции в широкое обращение вводится галерея портретов классиков марксизма-ленинизма – Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина². Первоочередное распространение новой политической иконы Восточной Германии преследовало цель подчеркнуть заимствование марксистского учения большевиками, а после Второй мировой войны представлялось знаком возвращения Германии на путь национального развития с учетом советского опыта.

Однако на практике курс «особого немецкого пути к социализму» способствовал противопоставлению вождей по национальному признаку на *своих* (немецких) и *чужих* (советских). В ноябре 1946 г., когда практика вывешивания портретов социалистических и коммунистических вождей только входила в повседневный обиход, но еще отличалась хаотичностью и отсутствием строгих порядков, между директором биржи труда в Темплине и его заместителем разгорелся показательный конфликт. В центре противостояния оказался портрет «чужого государственного деятеля» – Сталина, который начальник потребовал от подчиненного немедленно удалить: «Вам, как немцу, должно быть стыдно иметь у себя на стене подобные портреты [...] нам не нужно иностранцев...»³ Как следствие, плакат со Сталиным был найден разорванным на клочки в корзине для бумаг. Портреты же *своих* немецких вождей – Э. Тельмана и В. Пика – были оставле-

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 307. Л. 48.

² ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 27. Л. 6–7.

³ Бюллетень № 4/88 международной и внутригерманской информации от 23 ноября 1946 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 159. Л. 82–83.

ны на почетном месте в кабинете. Провинившийся был подвергнут дисциплинарному и административному наказанию: комендатура ограничилась увольнением и выселением директора с постоянного места жительства. Настоящий пример иллюстрирует символический барьер культурного трансфера советского культа Сталина в *чужое*, или насильно советизированное, пространство Восточной Германии, создавая конфликтное напряжение в публичных местах.

Попытки снятия этого напряжения через выстраивание гармоничного пантеона советских и несоветских культов за счет синтеза коммунистической и социал-демократической традиций почитания великих личностей были предприняты в рядах Социалистической единой партии Германии (СЕПГ). С образованием ГДР и широкомасштабной кампанией подготовки к празднованию 70-летнего юбилея Сталина 21 декабря 1949 г. можно говорить о складывании иерархической пирамиды культов, вершину которой занимал советский диктатор в пропагандируемой роли «учителя и лучшего друга немецкого народа». На второй ступени стоит разместить умерших классиков марксизма-ленинизма – Маркса, Энгельса и Ленина (ил. 9), на теоретических работах которых осуществляли строительство социализма правящие лидеры Восточной Германии – В. Пик, О. Гротеволь и В. Ульбрихт (ил. 10), им я отведу третий уровень в иерархии культов. На четвертой ступени разместим вождей коммунистического и социал-демократического рабочего движения – Клару Цеткин, Розу Люксембург, Карла Либкнехта, Августа Бебеля и Эрнста Тельмана – центральных фигур пропаганды, героические нарративы о которых несли послания антифашизма, жертвенности и борьбы за мир. Замыкает пантеон культов группа реальных образцов «нового человека» – это активисты, герои труда, лауреаты национальных и международных сталинских премий за укрепление мира между народами. Они представляли собой идеальное политическое тело – носителей партийно-государственной идеологии. В целом, пантеон культов был призван производить репрезентации социального консенсуса между различными возрастными, гендерными и профессиональными группами общества, работая на стабилизацию и легитимацию режима СЕПГ.

Остановлюсь подробнее на стратегиях визуализации культа личности в публичном пространстве со стороны СВАГ и СЕПГ. Начиная с лета 1945 г. в городах и деревнях советской зоны создавались витрины с газетами «Теглихе Рундшау». Они были призваны представить населению положительный образ советских победителей. В сентябре 1945 г. в городке Баутцене была создана мастерская художников, в задачи которой входил выпуск визуальной пропагандистской

продукции для СВАГ, а именно плакатов, транспарантов, лозунгов. В списке заказов упоминались портреты Сталина, К. Г. Жукова и Э. Тельмана. Опасаясь политической конкуренции СДПГ и ЛДПГ, СВАГ намеренно форсировала организацию собственной наглядной агитации, требуя от местных органов управления захвата публичного пространства посредством повсеместного размещения визуальных репрезентаций новой власти¹. Порой данное визуальное наступление провоцировало драки членов СЕПГ с представителями других партий. Один из подобных инцидентов разгорелся 6 сентября 1946 г. в Веймарском округе в тот момент, когда расклейщики плакатов от СЕПГ натолкнулись на аналогичную команду от ЛДПГ, заклеивавшую своими плакатами только что вывешенную коммунистическую пропаганду².

Эскалация холодной войны вынудила Москву увеличить давление на СВАГ с требованием усиления политической пропаганды в Восточной Германии³. Если в начальный период советского оккупационного режима многочисленные отчеты отмечали «отсутствие системности централизованного контроля за наглядной агитацией»⁴, то с курсом на советизацию ситуация кардинальным образом меняется. С февраля 1947 г. все политические плакаты, предназначенные для наглядной агитации, разрешалось печатать лишь по специальной лицензии СВАГ⁵. К 30-й годовщине Октябрьской революции в 1947 г. СВАГ приняла постановление о тщательном контроле над всеми досками объявлений и политинформации⁶. В 1950 г. создаются организованные центры политической информации – стенды «Портрет улицы», расположенные на центральных улицах и площадях городов. На смену хаотичному вывешиванию плакатов на стенах домов, заборах и мостах приходят центры политической информации. Функции оформления и контроля над стендами были возложены на Службу

¹ Донесение о состоянии наглядной пропаганды по Баутценскому району, 24 сентября 1945 г. // ГА РФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 57. Л. 166.

² Бюллетень международной и внутригерманской информации № 61/65 от 13 сентября 1946 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 157. Л. 62.

³ Например, см.: Проект постановления ЦК ВКП(б) «О работе Управления пропаганды Советской военной администрации в Германии». [Ранее 25 декабря 1946 г.] // СВАГ. Управление пропаганды. С. 198–204.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 53. Л. 13.

⁵ Указания начальника Управления пропаганды СВАГ С. И. Тюльпанова начальнику отдела пропаганды УСВА федеральной земли Саксония А. П. Ватнику и начальникам отделений пропаганды округов об изменении форм контроля прессы. 27 февраля 1947 г. // ГА РФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 189. Л. 50–54.

⁶ ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 213. Л. 335.

информации правительства ГДР, в обязанности которой входило объяснение населению актуальной внутренней и внешней политики¹. Важную роль наглядная агитация играла в приграничных районах с Западной Германией, вдоль автострад и автомагистралей. В данных регионах иконография культа личности визуализировала границу между двумя противоборствующими системами и идеологическую линию фронта холодной войны.

Публичные места должны были превратиться в советизированные «пространства ликования»², инсценировавшие идеологическую утопию – общество социального консенсуса, положительное отношение к оккупационным властям и всенародную поддержку германо-советской дружбы. Создание «пространств ликования» предполагало оформление соответствующих политических кулис на восточногерманской сцене пропаганды с целью театрализованного представления партийно-государственных ритуалов и эмоционального обращения к публике. Например, по распоряжению магистрата от 16 августа 1952 г. всем жителям города Галле предписывалось празднично оформить собственные дома и прилегающие к ним улицы красными фонариками и флагами в связи с проведением манифестации борцов за мир. Контроль за проведением акции возлагался на «доверенных лиц домов» (*Hausvertrauensleute*), которым предписывалось продать каждому жильцу пропагандистский пакет общей стоимостью в 35 пфеннигов. Более того, местные органы власти желали составить поименные списки жителей с данными о покупке и письменным согласием жильцов на участие в акции. Грандиозным планам организаторов акции не суждено было сбыться: оформление домов было скудным, а запланированная иллюминация едва заметной. Доверенные лица дома сообщали об отказе населения приобретать и использовать оформительский пакет³. Настоящий пример в очередной раз свидетельствует об установлении населением барьеров на пути советизации частных сфер жизни индивида.

Кроме того, визуальное оформление политического пространства сталкивалось с рядом организационных сложностей. Прежде всего речь шла о нерегулярном обновлении устаревших, износившихся плакатов, «портивших общий вид городов и общин»⁴. Отчеты партийных инспекций отмечали, что стенды, предназначенные для офи-

¹ См.: Klotz K. Das politische Plakat der SBZ/DDR 1945–1963. Zur politischen Ikonographie der sozialistischen Sichtagitation. Aachen, 2006.

² См.: Рыклин М. Пространства ликования. Тоталитаризм и различие. М., 2002.

³ AdsD. SPD–PV–Ostbüro 0361 I, unpag.

⁴ Protokoll über die Sitzung der Werbekommission der erweiterten Abteilung für Aufklärung, Werbung und Schulung des Landesausschusses Sachsen der Nationalen Front

циальных плакатов, пустовали, были заброшены или же использовались не по назначению, например для расклейки афиш театральными группами, кинотеатрами и оперой или спортивными кружками для анонсирования собственных мероприятий¹. Среди причин малой эффективности наглядной агитации упоминались «нехватка плакатов», «безалаберность чиновников», «опоздания в доставке плакатов к определенным датам». Например, основная часть плакатов, выпущенных ко дню рождения Сталина в декабре 1951 г., поступила в отделы пропаганды земли Саксония лишь в начале января 1952 г. и вообще не была вывешена, утратив свою актуальность². В то же время многотысячное тиражирование плакатов вождей оборачивалось девальвацией отношения к символам власти³. Например, после парадных маршей и митингов во время Третьих всемирных игр молодежи и студенчества в августе 1951 г. в Восточном Берлине портреты лидеров восточного блока можно было увидеть в запретной зоне культа личности: «брошенными без присмотра на обочинах дорог», «затоптанными в грязь», «сваленными в кучу в одном из малолюдных переулков»⁴.

Плохое качество визуальной продукции пропаганды оборачивалось негативным восприятием символов власти. В связи с подготовкой к 75-летию юбилею В. Пика органы пропаганды начинают борьбу за централизацию партийно-государственного имиджа вождей, инициировав кампанию очистки досок политинформации от «плохих, китчевых, любительских» портретов президента ГДР⁵. Однако промахи в работе органов пропаганды случались и позже. В начале января 1951 г. во время подготовки к очередному дню рождения

des Demokratischen Deutschland am Mittwoch, den 6. Dezember 1950 // SächsHStAD, 11376 LRS, Ministerpräsident (MP), 4576, unpag.

¹ Plakataufstellung "Bild der Strasse". Zwickau, den 18.1.1952 // SächsHStAD, 11376 LRS, MP, 4574, unpag.

² Например, см.: Bericht über den Eingang und Aushang von Plakaten. Bautzen, den 3.1.1951 // SächsHStAD, 11376 LRS, MP, 4591, unpag.

³ Согласно московским документам, только к 70-летию юбилею Сталина в 1949 г. в печати находилось 500 тыс. портретов Сталина, предназначенных для распространения в Восточной Германии. См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 100. Л. 140; ГА РФ. Ф. Р-7133. Оп. 1. Д. 281. Л. 367. Ко второй годовщине со дня основания ГДР в 1951 г. плакат «Телеграмма И. В. Сталина» был выпущен тиражом в 140 тыс. экземпляров, а плакат «Иосиф Виссарионович Сталин о Германии и немецком народе», печать которого была приурочена ко Дню освобождения 8 мая 1951 г., – 25 тыс. экземпляров. См.: SächsHStAD, 11376 LRS, MP, 4572, 4588, unpag.

⁴ AdsD, SPD–PV–Ostbüro 0383 A / 2 II, unpag.

⁵ Bilder des Präsidenten der Republik. Dresden, den 1.12.1950 // SächsHStAD, 11376 LRS, MP, 4586, unpag.

Пика причиной негативного восприятия плаката президента среди населения стало низкое качество самого изображения. Согласно отчету бюро информации по округу Циттау, сами расклеивающие вели разговор о том, что издалека президент выглядит «хорошо», а вблизи «просто отвратительно»¹. Для усиления воздействия политического плаката на население автор одного из отчетов настоятельно рекомендовал усилить его вербальную составляющую в виде размещения заголовков, лозунгов и текста, чтобы адресаты однозначно усваивали повод и контекст наглядной агитации².

Советизация публичного пространства развивалась как по линии уплотнения, так и расширения сферы партийно-государственного влияния. Отдел агитации в Службе информации занимался выпуском периодических бюллетеней «Советы для наглядной агитации» с практическими рекомендациями по составлению лозунгов, размещению и изготовлению транспарантов, оформлению публичных мест – столовых и магазинов, читальных залов и вестибюлей административных учреждений, зданий вокзалов и фасадов домов. С 1949 г. важной площадкой для визуальных репрезентаций пантеона социалистических культов личности становятся витрины магазинов³. В январе 1951 г. отдел плановой и мирной пропаганды Службы информации в Хемнице постановил снабдить все общественные помещения предварительного ожидания плакатами и лозунгами, партийными газетами и литературой с целью «обращаться и убеждать большую часть населения в прогрессивном, демократическом государственном строительстве», а также создать «наглядную (Курсив мой. – А. Т.) атмосферу любви к лучшему другу немецкого народа – к великому Сталину»⁴ (ил. 11). В список целевых мест входили приемные больниц и поликлиник, общественные приемные и бюро городского управления, детские сады и школы – публичные сферы, охватывавшие практически весь спектр возрастных, гендерных, профессиональных групп общества⁵.

¹ SächsHStAD, 11376 LRS, MP, 4589, unpag.

² Plakate des Amtes für Information Brandenburg, Potsdam, den 4.1.1951 // SächsHStAD, 11376 LRS, MP, 4578, unpag.

³ Lokatis S. Berliner Buchschauenfenster im Kalten Krieg, in: Lemke M. (Hg.). Schauenfenster der Systemkonkurrenz. Die Region Berlin-Brandenburg im Kalten Krieg. Köln; Weimar; Wien, 2006. S. 297–316.

⁴ Bericht über eine Aktion zur Erfassung und Ausgestaltung sämtlicher Wartezimmer innerhalb unseres Verwaltungsbereiches. Chemnitz, den 7.2.1951 // SächsHStAD, 11376 LRS, MP, 4572, unpag.

⁵ Leitsätze für die künstlerische Gestaltung des Parteilebens. Berlin, den 2. Januar 1948, in: SAPMO–BArch, DY 30 / IV 2 / 9.03 / 60, Bl. 42.

На интенсивность насыщения публичного пространства символами власти повлияло становление плановой экономики: организация производства предметов культа личности по заказу партии и создание централизованной системы их сбыта. В 1949 г. был издан каталог товаров с политической символикой, предлагавший потребителям широкий ассортимент бюстов, рельефов, плакатов, портретов, почтовых открыток, значков с изображениями «вождей рабочего движения»¹. Продукция, как правило, штамповалась по советским образцам на территории Восточной Германии и затем распределялась среди массовых организаций, партийных органов, в армии, школах и университетах. Попытки организации розничной торговли предметами культов личности терпели неудачи. Покупательский спрос населения практически отсутствовал. Так, владелец картинной лавки в Лейпциге признавался, что портретами Сталина, Ленина, Маркса и Пика мало кто интересовался. Наоборот, «картины художественного китча» – изображение обнаженной женщины, окруженной танцующими ангелами, – с энтузиазмом покупали преимущественно сотрудники советской военной администрации².

Курс на интенсивное насыщение публичного пространства символами советской власти оборачивался «перегибами». Так, во время одной из инспекций сами сотрудники Бюро информации СВАГ сравнивали здания военных комендатур с ярмарочными павильонами и детскими садами. В отчетах указывалось на чрезмерное использование гирлянд и портретов, флагов и транспарантов, создававших у населения впечатление «политического китча», «балагана» и «цирка»³. В отчетах о пропагандистской работе в Восточной Германии рекомендовалось вести борьбу с «сектанскими идеями», к которым относились вывешивание красных флагов в чрезмерно количестве, самовольное переименование улиц в честь вождей коммунистической партии Германии⁴. Сами русские были вынуждены признать грубый характер агитационной работы. В июле 1946 г. начальник бюро информации СВАГ Г. Беспалов писал в Москву: «Наша пропаганда носит чрезмерно навязчивый характер, подается слишком открыто, бьет прямо в лоб [...] мы должны отказаться от стиля непреерекаемых

¹ Kataloge des Versandhauses für Organisationsbedarf GmbH 1949 // Thüringisches Hauptstaatsarchiv Weimar. Land Thüringen – Ministerium für Wirtschaft und Arbeit Nr. 1006. Bl. 59–60.

² AdsD, SPD–PV–Ostbüro 0362 I, unpag.

³ Бюллетень № 87/91 международной и внутригерманской информации от 9 декабря 1946 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 159. Л. 132–133.

⁴ Из информационной справки о политической работе среди населения Германии. 5 июля 1945 г. / СВАГ. Управление пропаганды. С. 25–27, здесь с. 26.

утверждений и грубых приемов хвастовства и научиться более тонкой и умной пропаганде, знакомящей читателя в незаметной для него форме с преимуществами нашего общественного строя»¹.

Данные «перегибы» с советской стороны свидетельствовали о проблеме конгруэнтности советской пропаганды с опытом и памятью восточных немцев. Сигналы об отсутствии связи плакатов и лозунгов с немецкими реалиями поступали от бургомистров городов и общин². С намерением исправить сложившуюся ситуацию А. Акерманн встретился в ноябре 1946 г. с начальником бюро информации СВАГ Беспаловым. В состоявшейся беседе Акерманн жаловался на отсутствие самостоятельности у немецких органов власти вследствие «непрерывного опекунского вмешательства СВАГ в дела СЕПГ». «К чему, например, – заявил Акерманн, – представителям СВАГ просматривать листовки и плакаты СЕПГ, когда молодые и неопытные коменданты, хотя и побуждаемые лучшими стремлениями, все же не могут судить об этих делах с такой компетентностью, с которой могут судить о них старые опытные работники германской компартии. Между тем почти повсюду листовки и плакаты СЕПГ тщательно просматриваются, исправляются, и во многих случаях это идет в ущерб делу»³. Тем не менее, не только советский контроль над публичным пространством, но и произвол со стороны сотрудников СВАГ продолжался. Например, некий капитан Белкин – политический комиссар СВАГ в округе Диппольдисвальде (Саксония) – заставил кандидатов от СЕПГ в местные органы самоуправления перефотографироваться накануне выборов 1949 г. и разместить новые плакаты с изображениями кандидатов в полный рост, так как фотопортреты, по его мнению, не соответствовали «советскому образцу»⁴.

Необходимость подгонки визуальной продукции пропаганды под немецкого потребителя осознавали и высшие руководители СЕПГ. Во время посещения Всесоюзной художественной выставки в Москве в марте 1948 г. между Пиком и Гротеволем у портрета Ворошилова с орденами и медалями на груди завязался разговор: «Вот это то, чего у нас в Германии делать нельзя. Если обыкновенный, средний немец увидит портрет советского человека с множеством орденов, он обязательно мысленно проводит параллель с Герингом, который, как из-

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 157. Л. 72.

² Staatsarchiv Dresden. F. 11376. D. 4589, unpag.

³ Запись беседы начальника Бюро информации СВАГ тов. Беспалова с членом Центрального секретариата СЕПГ тов. Акерманном, 20 ноября 1946 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 960. Л. 223.

⁴ AdsD, SPD–PV–Ostbüro, 0413, unpag.

вестно, имел много орденов. Надо сказать, что советские товарищи, работающие в Германии, не всегда понимают это. Бывает и так, что реакционные газеты охотно публикуют портреты советских генералов и маршалов в форме и при орденах. Делают это умышленно, зная какое впечатление это окажет на немецких читателей»¹. Если в первые послевоенные годы вопрос о приемах «онемечивания» советской пропаганды в Восточной Германии оставался спорным, то не вызывает сомнения намерение оккупационных властей подчинить публичное пространство и оккупировать его символами послевоенного политического порядка. Чрезвычайно высокая степень политизированности публичного пространства привела к рождению анекдота, отразившего контроль государства за поведением индивида в официальных публичных сферах. В нем простой плевков восточного берлинца во время прогулки по Аллее Сталина – главной сцены для инсценировки строительства социализма в Восточной Германии – интерпретировался в качестве политического вызова власти, так как спровоцировал появление сотрудника народной полиции, предостерегавшего строгим голосом: «Товарищ, просьба не политизировать!»²

2.5. В очереди и в пивной: толки о Сталине в неофициальных публичных сферах

«Прогулка по улицам городов восточной зоны потрясает. Создается впечатление нахождения в государстве со стопроцентно организованным населением. Почти каждый носит один, два и более значков партии и массовых организаций. Но если едешь в поезде, идешь в ресторан или разговариваешь со старым знакомым, то быстро понимаешь, что истинное мнение среди населения далеко не в пользу СЕПГ. Например, празднование Дня освобождения начинается с возложения венков к памятникам павшим советским солдатам, а заканчивается антиправительственными разговорами в пивной», – делился своими впечатлениями западный турист после посещения советской оккупационной зоны в 1949 г.³ Действительно, источники переполнены фактами о том, что за фасадом ритуальности публичной жизни – в частных нишах и менее контролируемых пространствах

¹ Информационная записка о пребывании в Москве делегации СЕПГ, 10 апреля 1948 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 1166. Л. 153–157.

² Kasper H. (Hg.). 100 Kasperiolen. Berlin-Grunewald. Без указания даты выпуска. С. 8.

³ AdsD, SPD–PV–Ostbüro 0383 A / 1 I, unpag.

межличностной коммуникации – кипела другая жизнь, с отличными от официального дискурса мнениями и практиками поведения¹.

Как правило, в организованных государством и партией публичных сферах – на партийных собраниях, в массовых организациях, в колоннах демонстраций – население следовало предписанным ролям, то есть разговаривало и действовало по-советски. Парадоксальным, но типичным примером адаптационного поведения может служить случай с неким художником Гинтером, который, будучи бывшим членом НСДАП, был вынужден после войны рисовать по заказу СВАГ портреты Сталина, Жукова и Тельмана. На вопрос советского офицера о том, с каким чувством он рисует вождей ВКП(б) и полководцев Красной армии, художник дал вполне ожидаемый – «правильный» – ответ: «Я делаю это с огромной радостью на душе. Я рисую портреты великих людей, которые освободили немецкий народ от гитлеризма, а в нацистскую партию я был втянут путем обмана и даже насилия в форме принуждения»². Наоборот, в неформальных или анонимных и более свободных от контроля нишах коммуникации – в пивных и столовых, туалетных комнатах и курилках, дома или на даче, в кругу родственников и друзей – население артикулировало другие – отличные от официальных – популярные мнения о власти.

Первые реакции на пропаганду образа Сталина демонстрируют, что советский лидер стал воплощением эмоций поражения немцев во Второй мировой войне. Его репрезентации напоминали о безоговорочной капитуляции, потере близких и обесценивании нации. Согласно политическим донесениям СВАГ, пропаганда «вождя» в советских фильмах «Падение Берлина» и «Сталинград» вызывала у населения отторжение. Министр просвещения провинции Саксония-Ангальт признавался, что перечисленные фильмы напоминали «о поражении и национальном позоре для Германии»³. Документы сообщают, что публика смотрела фильм в «гробовом молчании». Зрители покидали зал, не выдерживая эмоционального напряжения. Женщины плакали и заявляли: «Зачем русские обнажают наши раны, без конца воспевая войну? Разве мы можем равнодушно смотреть на бесчисленные поля битв, на которых валяются горы трупов немецких солдат. Может быть, среди этих трупов лежит мой муж, брат, сын или отец? Мы и так растоптаны, зачем же ежедневно твердить нам об этом с экрана в такой форме?»⁴

¹ Ср.: Rossman. Worker Resistance under Stalin. P. 9.

² ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 193. Л. 136.

³ Бюллетень международной и внутригерманской информации № 92/96 Бюро информации СВАГ от 27 декабря 1946 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 158. Л. 234.

⁴ Там же.

В послевоенной Германии спектр мнений о Сталине был обусловлен тремя факторами, а именно: опытом жизни в Третьем рейхе, волной насилия солдат Красной армии к гражданскому населению и комплексом бытовых проблем, доставшихся в наследство от войны, – голода и безработицы, разрушения семейно-родственных связей и смерти близких, депортации и бегства, тотальной разрухи и ощущения отсутствия перспектив на будущее. Прежде всего, разочарования из-за неудач в быстром наведении послевоенного порядка советскими оккупационными властями оборачивались негативными высказываниями о Сталине на фоне идеализации опыта жизни в Третьем рейхе. Воспоминания о «хороших временах» вызывали чувство ностальгии по Гитлеру – фюреру, культивировавшему чувство национального величия, гордости и превосходства над прочими расами. Жительница города Нойштрелец в частной беседе заявляла: «Красная армия только разоряет германский народ. Я национал-социалистка в плоти и крови и сегодня еще верна своему любимому вождю, жаль, если вождь умер, но если Гитлер жив, то в том наше спасение»¹. С ностальгией мужчина из города Юкермюнде говорил: «Какая бы плохая ни была партия НСДАП, все же жить при ней было лучше, чем сейчас, при теперешнем режиме и коммунистической партии, которая не может справиться с продовольственным снабжением»². Аналогичный разговор был зафиксирован в очереди магазина в Эрфурте³. В политдонесениях СВАГ сообщалось о молниеносном распространении слухов о том, что Гитлер жив и каждую ночь выступает по радио с призывами к немецкой молодежи⁴.

И после завершения войны послевоенное восточногерманское общество по-прежнему смотрело на Сталина сквозь призму образа врага, сконструированного национал-социалистической пропагандой. В популярных мнениях населения оживал страх перед новой угрозой панславизма. Обеспокоенность перед возможным импортом идей коммунизма был зафиксирован в разговоре «молодой парочки, которая возвращалась из театра». Молодой человек утверждал, что «Сталин – большевик, коммунист, стремящийся овладеть всем миром при помощи своей отвратительной коммунистической идеи. Он

¹ Докладная записка о настроении немецкого населения по провинции Мекленбург и Западной Померании от 22 ноября 1945 г. // ГА РФ. Ф. Р-7103. Оп. 1. Д. 10. Л. 95.

² Докладная записка о настроении немецкого населения по провинции Мекленбург и Западной Померании, 28.11.1945 г. // ГА РФ. Ф. Р-7103. Оп. 1. Д. 10. Л. 98.

³ ГА РФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 56. Л. 31–32.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 57. Л. 71.

разослал по всему миру своих людей, в задачу которых входит организация коммунистических партий, революции и свержение существующего строя»¹. На одной из листовок, обнаруженной на улицах Хемница, было написано: «Недопущение русских планов аннексии является требованием времени. [...] Речь идет о предотвращении угрозы мирового господства. Сталин связывает свои цели с затеями Ивана Грозного, Петра Великого и идеями панславизма. Петр I хотел заполучить Балтийское море, Сталин Великий хочет обладать Атлантическим и Тихим океанами»². А житель города Шверина в небольшом кругу знакомых пытался убедить собеседников в том, что «каждый немец должен отстраняться от коммунизма, так как коммунизм – это Россия, а Россия – наша гибель»³. Одновременно данные высказывания свидетельствовали об отклонении официальных репрезентаций Сталина в роли освободителя и гаранта мира в Европе. Груз житейских проблем, решению которым не виделось конца, поддерживал обращение населения к комфортным воспоминаниям и стереотипным моделям интерпретации действительности, что вело к отторжению *чужого* вождя – Сталина на фоне дальнейшей сакрализации *своего* фюрера – Гитлера.

Негативный отпечаток на послевоенный имидж Сталина наложила волна насилия солдат Красной армии по отношению к гражданскому населению. «Сыны Сталина» – как именовали солдат советской армии в народе – продолжали руководствоваться «законами» военного времени, согласно которым чувство мести являлось определяющим мотивом в обращении с немцами⁴. Нередкими были случаи, когда солдаты самовольно экспроприировали одежду, продукты, домашних животных и технику; отбирали у гражданского населения часы, мотоциклы и велосипеды; грабили дома и огороды; насиловали и убивали жителей. Красноармейцы принуждали восточных немцев колоть для них дрова, мыть посуду и выполнять другие

¹ Там же. Л. 230.

² AdsD, SPD–PV–Ostbüro, Personalia-Sammlung J. W. Stalin 1, unpag.

³ Докладная записка о политическом настроении среди немецкого населения провинции Мекленбург, 9.7.1946 г. // ГА РФ. Ф. Р-7103. Оп. 1. Д. 22. Л. 202.

⁴ Подробнее об истории отношений советских военных с гражданским населением в Восточной Германии см.: Satjukow S. (Hg.). “Die Russen Kommen!” Erinnerungen an deutsche Soldaten von 1945 bis 1992. Erfurt, 2005; Ders. Der erste Sommer mit den “Russen”. Momentaufnahmen zwischen Erwartung und Erfahrung, in: Deutschland Archiv, 38 (2005) 2. S. 236–244; Müller C. T. “O’ Sowjetmensch!” Beziehungen von sowjetischen Streitkräften und DDR–Gesellschaft zwischen Ritual und Alltag, in: Ders., Poutrus P. G. (Hg.). Ankunft–Alltag–Ausreise. Migration und interkulturelle Begegnung in der DDR–Gesellschaft. Köln; Weimar; Wien, 2005. S. 9–134; Naimark N. M. Die Russen in Deutschland. Die sowjetische Besatzungszone 1945 bis 1949. Berlin, 1997.

бытовые работы¹. Зачастую «хулиганские выходки» происходили в общественных местах на глазах у населения: «разбивание стекол, грубое приставание к женщинам, беспричинная площадная ругань, облевывание вагона, вышвыривание пассажиров, а один пьяный солдат дошел до того, что оправился на площадке вагона»². По утверждению прокурора франкфуртского гарнизона, главными причинами правонарушений со стороны советских солдат являлось отсутствие страха перед наказанием из-за нестрогих штрафных санкций и повальное пьянство. Усиление воспитательной работы в армии, руководствованной лозунгом «высоко держать честь и достоинство советского воина», не приносило желаемых результатов.

Прямым следствием такого произвола со стороны солдат Красной армии стала эскалация антирусских настроений. Так, заместитель бургомистра села Беек округа Бранденбург, выступая на собрании крестьян, призывал к открытым выступлениям против оккупационных войск: «Сталинские солдаты воры и бандиты, их необходимо физически уничтожать, так как они занимаются исключительно грабежами»³. На одной из листовок упоминалось, что «ни одна немецкая женщина, ни один немецкий мужчина не находится теперь в безопасности, везде их подстерегают “Сталинские носители культуры”»⁴. В поисках защиты население писало коллективные письма в органы местной власти с просьбой о помощи. На имя коменданта пригорода Штраусберг поступило обращение 17 граждан с просьбой предоставить защиту в ночное время суток из-за налетов красноармейцев. Сто жителей Цессенс обратились с письмом к президенту провинции Бранденбург с жалобой на бесконечное мародерство, убийства и насилие со стороны представителей Красной армии⁵. Чувство незащищенности перед советскими солдатами способствовало усилению боязни гражданского населения выходить на улицу, особенно в темное время суток. Так, празднование 29-й годовщины Октябрьской революции проходило под общим лозунгом, популярным среди населения: «Русские празднуют – значит берегись»⁶. Страх перед Красной армией был настолько велик, что в документах упоминаются акты

¹ Например, см.: ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 31. Л. 58–63; Ф. Р-7133. Оп. 1. Д. 277. Л. 189; Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 181. Л. 43а–43, 79; Д. 27. Л. 73–74; Д. 277. Л. 189.

² О политических настроениях населения гор. Франкфурта-на-Одере. 19.05.1946 г. // ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 198. Л. 239.

³ ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 198. Л. 24.

⁴ Там же. Ф. Р-7133. Оп. 1. Д. 277. Л. 71.

⁵ Докладная записка о политических настроениях по провинции Бранденбург. 30 августа 1945 г. // ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 27. Л. 55.

⁶ ГА РФ. Ф. Р-7133. Оп. 1. Д. 274. Л. 234.

индивидуальных и групповых самоубийств в связи с приближением «армии освободителей»¹. Слухи об уничтожении немецких военнопленных в СССР и об угоне гражданского населения в Сибирь лишь усиливали общее недоверие к русским, вызывая скепсис к пропагандируемым высказываниям и обещаниям Сталина о лучшем будущем для немцев².

Личное присутствие Сталина в Потсдаме на конференции союзников по антигитлеровской коалиции в августе 1945 г. вселило надежду на решение ряда повседневных проблем и тотчас же обернулось первой волной разочарований во всеильности «вождя». В первую очередь немецкое население ожидало вмешательства Сталина в вопрос об улучшении продовольственного снабжения, «так как Сталин лично побывал в Германии и увидел собственными глазами масштабы нашего разрушения»³. Член СДПГ из Франкфурта-на-Одере в разговоре с коллегами говорил: «Я и мои товарищи по партии недовольны тем, что русские все конфискуют и населению ничего не остается. Грабежи и изнасилования продолжаются. Население стремится выехать к англичанам или американцам. Говорят, что Красная Армия на 80 процентов состоит из воров. [...] Мы все надеялись на Потсдамскую конференцию и думали, что Сталин принесет изменения в лучшую сторону, но теперь начали разочаровываться, ибо все идет по-старому. Члены КПГ заверяют, что если бы Сталин узнал о том, что продельывают русские оккупационные войска, то было бы совсем иначе»⁴. С одной стороны, вера в неинформированность «вождя» о настоящем положении дел в Германии снимала обвинения в неэффективности советской политики и способствовала идеализации Сталина, приписывая ошибки на счет СВАГ и органов немецкого управления. С другой стороны, нерешенность проблем вела к росту разочарований в советском лидере и установлению барьеров на пути советского идеологического трансфера в Восточную Германию.

Например, следствием нерешенности продовольственной проблемы стало распространение слухов о больших запасах продуктов питания в запасниках русских военных комендатур. Повсеместно цир-

¹ Из информационной справки о политической работе среди населения Германии, 5 июля 1945 г. // СВАГ. Управление пропаганды. С. 25.

² ГА РФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 63. Л. 2; Plato, Leh. "Ein unglaublicher Frühling". S. 231.

³ ГА РФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 57. Л. 70.

⁴ Докладная записка о политических настроениях среди различных слоев немецкого населения и антифашистских партий провинции Бранденбург и гор. Потсдам, связанных с решениями Берлинской конференции трех великих держав, 30 августа 1945 г. // ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 27. Л. 43–44.

кулировала информация, что русские перерабатывают картофель на водку, а потом пьянствуют и творят беспредел¹. Кроме того, советские солдаты обвинялись во взвинчивании цен и участии в спекулятивных сделках, что, по мнению населения, еще больше усугубляло и без того крайне сложную экономическую ситуацию. Продовольственная проблема была настолько острой, что нередко к военным комендатурам приходили делегации женщин с грудными детьми с требованием предоставления продуктов питания². Если тема голода беспокоила все послевоенное общество³, то право *публичного* протеста использовали лишь представительницы женского пола. О мужском населении среди участников голодных бунтов в сводках не упоминалось. В послевоенной ситуации нарушения гендерного равновесия именно женщины осваивали политическое пространство, учась вести диалог с оккупационными властями.

Однако отсутствие осязаемого прогресса в решении каждодневных проблем создавало у населения впечатление намеренной политики русских «уморить немцев голодом». В одной из очередей можно было услышать: «Красная армия или не хочет, или не может навести порядок. Она достаточно сильна для этого. Скорее всего не хочет, так как через анархию кратчайший путь к коммунизму»⁴. Настроения разочарования были зафиксированы в высказывании беспартийной госпожи Шульц, которая в разговоре с соседями отмечала: «Населению безразлично, какой власти оно будет подчиняться. Единственное желание заключается в том, чтобы оно не грабилось и не насиловалось оккупантами, чтобы оно получало достаточное питание и могло работать»⁵. А в разговоре группы женщин было зафиксировано высказывание: «Нас не интересуют ни конференции, ни их решения. Пусть лучше дадут столько хлеба и продуктов, чтобы наши детишки не умирали с голоду – остальное все неважно»⁶. Нерешенность про-

¹ Докладная записка о настроении немецкого населения по провинции Мекленбург и Западной Померании от 22 ноября 1945 г. // ГА РФ. Ф. Р-7103. Оп. 1. Д. 10. Л. 96.

² Например, см.: ГА РФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 282. Л. 86, 87, 91.

³ Gries R. Die Rationen-Gesellschaft. Versorgungskampf und Vergleichsmentalität. Leipzig, München und Köln nach dem Kriege. Münster, 1991.

⁴ Политдонесение о настроениях немецкого населения в связи с продовольственным снабжением, 18.9.1945 г. // ГА РФ. Ф. Р-7103. Оп. 1. Д. 46. Л. 18.

⁵ Там же.

⁶ Докладная записка о политических настроениях среди различных слоев немецкого населения и антифашистских партий провинций Бранденбург и гор. Потсдам, связанных с решениями Берлинской конференции трех великих держав, 30.08.1945 г. // ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 27. Л. 54.

довольственной проблемы привела к рождению популярного среди населения выражения – «Сталин – диктатор голода»¹.

Иконоборческие реакции населения, направленные на повреждение официальной иконографии оккупационной власти в публичных местах, стали каналом выражения критических мнений и попыткой установления символических барьеров на пути советского идеологического трансфера в Восточную Германию. Например, в августе 1945 г. в управление СВАГ провинции Бранденбург были доставлены шесть плакатов с выдержками из решений Потсдамской конференции, к которым были приписаны антисоветские лозунги. Надписи были сделаны чернилами на немецком языке на плакатах, расклеенных в населенном пункте Древиц: «1. Кто один раз соврал, тому больше не верят; 2. Все чепуха; 3. Вы говорить умеете; 4. Я научу вас культуре (Сталин); 5. Почему же грабят?; 6. Какую женщину берут не спрашивая?». На двух стендах «Маршал Сталин о немцах и Германии» зачеркнуто слово «Сталин» и приписано «Гитлер», что указывало на отождествление двух диктаторов. На другом плакате с надписью «Гитлеры приходят и уходят, а народ немецкий, государство немецкое – остается» было подписано: «Если так дело продлится еще несколько лет, то от немецкого народа ничего не останется»².

Акты иконоборчества сопровождалось распространением пугавших население слухов о тайных соглашениях союзников во время Потсдамской конференции, которые якобы заключались в запрете создания немецкой армии в последующие 75 лет, запрете потребления алкоголя и заключения браков в течение двух лет, в закреплении оккупационного статуса на 20 лет и освобождении военнопленных лишь через 35 лет³. Как следствие, во время Нюрнбергского трибунала, имевшего целью осудить нацистских преступников, на стенах зданий провинции Бранденбург можно было прочитать: «Лучше смерть, чем рабство», «Россия – рай убийц, разбойников и преступников», «Сталин и Молотов должны попасть в Нюрнберг – главные преступники, сволочи, оскорбители девушек»⁴. В другом письме, поступившем в редакцию Берлинского радио в октябре 1947 г., артикулировалось чувство мести за обесчещивание нацистских офицеров: «Наших

¹ ГА РФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 187. Л. 145.

² Там же. Д. 238. Л. 260.

³ Докладная записка о политических настроениях среди различных слоев немецкого населения и антифашистских партий провинции Бранденбург и гор. Потсдам // ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 27. Л. 49–50.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-7071. Оп. 1. Д. 212. Л. 226; Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 192. Л. 236.

генералов, имеющих такое славное прошлое, вешают теперь таким позорным образом за то, что они якобы нарушили человеческие права. [...] А руководствуются ли так называемые державы-победительницы правом и справедливостью? [...] Но будет и на нашей улице праздник. Германия встанет опять на ноги и отомстит. [...] Наш дух не спит и однажды вновь воскреснет мститель»¹. Месть стала результатом поворедения национальной чести и требовала реванша за причиненные оскорбления. О подобных нарушениях общественного порядка немедленно сообщалось в органы НКВД.

Другим фактором, наносившим вред официальному имиджу Сталина, стала советская политика репараций и демонтажа промышленности, расцениваемая восточными немцами как «грабеж и воровство среди бела дня»². Прежде всего рабочие крупных промышленных предприятий отмечали сверхплановые масштабы демонтажа, опасаясь вывоза всего оборудования до самой последней машины³. С выплатой репараций напрямую связывались проблемы голода и безработицы, крайне тяжелого материального положения и экономического застоя. Типичными среди немцев являлись такие мнения: «Русские ограбили и уничтожили Германию. Только из-за русских и Красной армии немецкое население в настоящее время терпит голод, так как русские все имущество из Германии увезли в Россию, а для немцев ничего не оставили»⁴; «Демонтаж фабрик приведет к массовой безработице и нищенству. Когда к нам пришла Красная армия, мы надеялись на новую жизнь. На что нам надеяться теперь?»⁵. Контрастным фоном воспринималась информация о том, что амери-

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 359. Л. 191.

² ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 27. Л. 53; Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 188. Л. 6, 20. См.: Болдырев Р. Ю. Советская оккупационная политика в Восточной Германии (1945–1949 гг.). Диссертация. Архангельск, 2004; Karlsch R., Laufer J. (Hg.). Sowjetische Demontagen in Deutschland 1944–1949: Hintergründe, Ziele und Wirkungen. Berlin, 2002.

³ Например, только в провинции Саксония до середины 1948 г. было демонтировано около 1000 предприятий и вывезено в СССР 250 тыс. машин. До марта 1947 г. в восточной зоне было разобрано 11,8 тыс. км железнодорожных рельс. Общая стоимость демонтажа составила на Востоке Германии около 2,6 млрд долларов, в то время как на Западе – лишь 0,6 млрд долларов. См.: Benz W. Infrastruktur und Gesellschaft im zerstörten Deutschland, in: Deutschland 1945–1949. S. 13–20, hier S. 19–20.

⁴ Донесение о политических настроениях населения провинции Бранденбург. 19.02.1946 г. // ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 198. Л. 64.

⁵ Докладная записка начальника отдела пропаганды УСВА провинции Саксония В. М. Демидова начальнику Управления пропаганды СВАГ С. И. Тюльпанову и начальнику УСВА провинции Саксония В. И. Кузнецову о настроениях интеллигенции. 12 апреля 1946 г. // Политика СВАГ в области культуры. С. 515.

канцы в своей зоне демонтажа не проводят¹. Обвинения в лишении частной и национальной собственности, в упадке промышленного производства, являвшегося предметом особой гордости немцев, звучали непосредственно в адрес Сталина: «Все принадлежит Сталину. Ты, немецкий товарищ, имеешь право только управлять этими благами. Радио, швейная машинка и т. д. не принадлежат больше тебе, все “Сталин”»².

Чувство ущемления национального достоинства, особенно среди переселенцев, усиливалось заявлением Сталина об установлении восточной границы Германии по линии Одер – Нейсе. Данное решение было закреплено в Потсдамских соглашениях. По этому случаю В. Клемперер записал в своих воспоминаниях следующее: «...ужасно. Германия так кастрирована, настолько бедное – малое пашенное государство – настолько отверженное, что мы никогда снова не сможем подняться на ноги. Безжирный сухой хлеб, благодаря которому мы в буквальном смысле слова живем уже недели, будет сопровождать нас остаток жизни»³. Рабочий пивоваренного завода говорил: «Наши люди, жившие там из поколения в поколение, навсегда потеряли свою родину. Это очень удручающе действует на нас»⁴. Один из переселенцев жаловался: «Мы никогда не забудем то, что было нашей гордостью, чем мы когда-то обладали»⁵. А уроженка Померании Берта Шварц возмущалась территориальной потерей Кенигсберга: «На конференции также решено, что Кенигсберг переходит отныне русским. Это не может меня не волновать как немку. Кенигсберг всегда считался настоящим немецким городом и теперь больно думать, что он больше не наш»⁶. Территориальные потери Германии и раскол целостности страны вызывали наиболее болезненные реакции среди населения, вписывая индивидуальные травмы в коллективные представления об обезличивании и унижении немецкой нации.

¹ Докладная записка начальника отдела пропаганды УСВА провинции Саксония В. М. Демидова начальнику Управления пропаганды СВАГ С. И. Тюльпанову и начальнику УСВА провинции Саксония В. И. Кузнецову о настроениях интеллигенции, 12 апреля 1946 г. // Политика СВАГ в области культуры, С. 515.

² AdsD, SPD–PV–Ostbüro 0361 I, unpag.

³ Klemperer V. So sitze ich denn zwischen allen Stühlen. Tagebücher 1945–1949. Band 1. Hrsg. von W. Nowojski. Berlin, 1999. S. 64.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 199. Л. 38.

⁵ Перевод писем и стихов реваншистского характера, извлеченных из немецких писем, зарегистрированных цензурой, 8 апреля 1947 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 357. Л. 41.

⁶ Политдонесение по провинции Бранденбург, 30 августа 1945 г. // ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 27. Д. 53.

Тема национальной чести была настолько остра, что нашла выражение в многочисленных письмах рядовых граждан в редакции массмедиа. Например, в феврале 1947 г. в радиопередачах разгорелась публичная дискуссия о национальной чести, повлекшая за собой вмешательство цензоров СВАГ. Несколько трансляций подряд диктор зачитывал отрывки из писем, объясняя сложности послевоенного времени низким уровнем национальной чести самих немцев. Отсутствие чести, по выражению одной из участниц дискуссии, являлось главной причиной дальнейших унижений и ненависти со стороны других народов¹. Письма стали форумом коммуникации, в котором слушатели выражали надежду на восстановление довоенных немецких границ. Авторы жаловались на недостаток комментариев о территориальном единстве «великой Германии» и отказывались нести вину за преступления нацистов². Советские цензоры называли подобные комментарии проявлением «реваншистских», «фашистских», «враждебных» настроений. Официальная пропаганда табуировала их артикулирование. Наоборот, с гораздо большим удовлетворением один из сотрудников СВАГ рапортовал в Москву о «правильных» эмоциях одного из немецких студентов: «Я больше не горжусь своим отечеством, мне стыдно за него»³.

Но не только дилемма гордости и стыда определяла повседневность восточных немцев. Постоянно присутствовал страх перед возможностью новой войны между союзниками. Частично новый конфликт рассматривался населением как путь к спасению от «советских освободителей» и возможность избавления от некомфортных эмоций унижения⁴. Уже в ноябре 1945 г. житель города Росток предсказывал назревавший системный конфликт между Западом и Востоком: «Скоро начнется война Англии и Америки против России... Эта борьба будет вестись не из-за Германии, это будет борьба капитализма с коммунизмом...»⁵ В округе Бранденбург был зафиксирован слух-надежда о скором приходе американцев и изгнании «сталинских кадетов»⁶. В другом случае с приходом американцев и англичан свя-

¹ Nazistische Argumente in Remafunk-Hörerbriefen, 14. Februar 1947 // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 359. Л. 188.

² Там же. Л. 189.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 158. Л. 80.

⁴ Докладная записка о настроении немецкого населения по провинции Мекленбург и Западной Померании от 22 ноября 1945 г. // ГА РФ. Ф. Р-7103. Оп. 1. Д. 10. Л. 98.

⁵ Там же. Л. 99.

⁶ Донесение о состоянии политмассовой работы среди населения в период с 1-го по 28-е февраля 1946 г. по округу Бранденбург, 28.02.1946 г. // ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 192. Л. 211.

зывалось ожидание решения продовольственной и ремонтной проблем¹. Слухи о стягивании техники и концентрации вооруженных сил в приграничных районах, о поставках оружия из Англии и о реставрации дивизий бывших членов СС в Западной Германии вели к формированию общего настроения, что война неизбежна². Настоящие сигналы снизу указывали на достижение границы терпения у населения, жаждущего перемен к лучшему даже ценой нового военного конфликта.

На фоне тревоги перед военной угрозой Западная Германия становится тем проекционным полем, с которым связывались несбывшиеся ожидания, надежды и планы на будущее. В перлюстрированных в начале декабря 1945 г. письмах из города Шверин встречались типичные высказывания-надежды на нормализацию послевоенных будней: «Милые мальчики! [...] Судя по общему мнению, на западе уже господствует полный порядок, здесь же кругом хаос – это благодаря русским и коммунистам»; «Дорогая Ильза, я получила письмо от моего мужа, который находится в Бремене. [...] Сюда приехать он не хочет. [...] Работу он не найдет, и к тому же голод. [...] Мой муж пишет, чтобы приехала к нему как можно быстрее, т. к. там под той оккупацией лучше...»; «Любимая Гретхен! [...] После провала войны, были мы вначале у англичан, затем у русских и сразу же все изменилось. Здесь все хуже и хуже...»³ Реагируя на данные высказывания с тревогой и опасением, СВАГ пыталась успокоить население за счет медийной инсценировки плохих условий жизни в западных зонах – господстве безработицы и триумфе бедности в мире капитализма⁴. Социалистические газеты печатали репортажи о переселенцах из западных зон, которые якобы с чувством энтузиазма переехали в Восточную Германию на постоянное место жительства, нашли здесь хорошо оплачиваемую работу и новую родину. Пропаганда стремилась представить советскую зону идеальным местом для жизни, предлагавшем субъекту перспективы счастливого будущего. При анализе мира мнений восточных немцев в послевоенной Восточной

¹ ГА РФ. Ф. Р-7133. Оп. 1. Д. 277. Л. 57.

² Докладная записка о настроении немецкого населения по провинции Мекленбург и Западной Померании, 9 июля 1946 г. // ГА РФ. Ф. Р-7103. Оп. 1. Д. 22. Л. 195–199.

³ Спецсообщение «По письмам с восхвалениями условий жизни немецкого населения в английской оккупационной зоне Германии» от 18.12.1945 г. // ГА РФ. Ф. Р-7103. Оп. 1. Д. 10. Л. 291–293.

⁴ Например, см.: Спецсообщение «О жалобах на тяжелые материальные и бытовые условия немцев, проживающих на территории, оккупированной англичанами» от 22.12.1945 г. // ГА РФ. Ф. Р-7103. Оп. 1. Д. 10. Л. 294–296.

Германии обращает на себя внимание то обстоятельство, что высказывания о Сталине в официальных публичных сферах, как правило, не выходили за рамки сконструированной к концу 1949 г. концепции «лучшего друга немецкого народа». Наоборот, в менее политизированных и контролируемых властями нишах жизни, риторика и поведение акторов шли в разрез с официальным дискурсом диктатуры. В очередях магазинов и привокзальных залах ожидания, в пивных и поездах, в кругу друзей и семьи формировался альтернативный дискурс о Сталине, который не повторял язык пропаганды, а отражал опыт, потребности и эмоции немцев, вынесенных из войны и поражения. Потребность снизить напряжение между притязаниями власти и автономным мироощущением индивида заставило субъекта выработать три ключевых стратегии поведения – приспособляться, договариваться и сопротивляться режиму власти *одновременно*, гибко меняя стратегии поведения в зависимости от ситуации, места и времени, или в зависимости от пребывания в той или иной публичной сфере и предполагаемых норм поведения в ней. Данные стратегии поведения позволили индивиду умело лавировать в лабиринтах партийно-государственных структур, ловко жонглировать риторическими формулами из официального регистра диктатуры дискурса, соблюдать порядок партийных ритуалов, участвовать в производстве и отправлении власти, исходя из комплекса личных смыслов и значений. Данная гибридность поведения восточных немцев обусловила столь различные и кажущиеся амбивалентными оценки Сталина, которые не взаимоисключали друг друга, а являлись единой стратегией жизни – одновременного приспособления, договаривания и сопротивления индивида для выживания в условиях диктатуры.

Глава 3. «ЛУЧШИЙ ДРУГ НЕМЕЦКОГО НАРОДА»: ИНТЕГРАТИВНЫЕ СТРУКТУРЫ КУЛЬТОВОГО СООБЩЕСТВА В ГДР (1949–1956 гг.)

3.1. Экспорт культа Сталина в Восточную Германию: логистика, методы и агенты идеологического трансфера

С форсированием пропаганды Советского Союза в Восточной Германии все более ощутимым становится идеологическое давление СВАГ и Москвы на СЕПГ, требовавшее перехода к трансферу культа Сталина в советскую зону оккупации. 28 сентября 1948 г. заместитель Главного начальствующего СВАГ по политическим вопросам А. Г. Русских обратился к сотрудникам с очередным призывом усилить пропаганду СССР, стран народных демократий и их вождей¹. В феврале 1949 г. в документах СВАГ появляются первые упоминания о подготовке 70-летнего юбилея Сталина и необходимости присылки пропагандистских материалов из СССР в Германию. В списке ожидаемых советских выставок для клубов Общества по изучению культуры СССР тема «О жизни и деятельности товарища Сталина (к 70-летию товарища Сталина)» заняла «почетное» первое место². Начиная с марта 1949 г. ежемесячный список отсылаемых в советскую зону лекций и докладов не обходился без тематики о Ленине и Сталине³. Еще раньше, летом 1947 г., в Доме культуры Советского

¹ Указание заместителя Главного начальствующего СВАГ по политическим вопросам А. Г. Русских начальникам УСВА земель, управлений и отделов СВАГ об усилении пропаганды СССР на страницах научных журналов, 28 сентября 1948 г. // Политика СВАГ в области культуры. С. 782–787, здесь с. 784–785.

² Докладная записка заместителя Главного начальствующего СВАГ по политическим вопросам А. Г. Русских секретарю ЦК ВКП(б) М. А. Сулову о мероприятиях по улучшению деятельности Дома культуры СССР в Берлине и Общества по изучению культуры СССР, 12 февраля 1949 г. // Политика СВАГ в области культуры. С. 820–825, здесь с. 824.

³ Перечень тем лекций, докладов Общества по изучению культуры СССР и вопросов слушателей, не позднее 16 марта 1949 г. // Политика СВАГ в области культуры. С. 828.

Союза в Берлине были прочитаны лекции «Жизнь и деятельность И. В. Сталина», а также сделаны доклады «О жизни и деятельности В. И. Ленина». В выставочных помещениях Дома дружбы были оформлены залы о Ленине и выставка репродукций Третьяковской галереи, включая полотна с изображением Сталина¹. Отдельные инициативы популяризации образов Ленина и Сталина в Восточной Германии способствовали переносу мифа о двух вождях революции, не акцентируя внимание на уже произошедшем в СССР поглощении культа Ленина культом Сталина.

Однако решающим стимулом к экспорту нормативных знаний о Сталине из Центра на Периферию послужила подготовка к празднованию 70-летнего юбилея советского лидера в декабре 1949 г. С первой инициативой импорта советской культурной продукции о «вожде» в Восточную Германию выступил председатель Общества по изучению культуры Советского Союза Юрген Кучинский. В июне 1949 г. он направил письменный запрос во Всесоюзное общество культурных связей с заграницей (ВОКС) о возможностях и формах организации грядущего юбилея: «Не могли бы вы сообщить нам как мыслится проведение торжеств вообще. Не думали ли вы о том, что в Германии есть необходимость в организации расширенного комитета по проведению юбилея Сталина или этим должна заняться СЕПГ? Как мыслится снабжение нас различными материалами?»² В данном случае Кучинский как член Коммунистической партии Германии с 1930 г., работавший в системе советского шпионажа, строго следовал большевистскому сценарию организации пропагандистских кампаний, согласно которому первоначальные «инициативы» должны были исходить снизу и лишь затем подхватываться центральной властью.

Именно Кучинский, отлично владевший методами большевистской работы, прекрасно осознавал, что установление личных связей с руководителями советских инстанций в сочетании с лоббированием немецких интересов в Центре являлись эффективным методом ускорения идеологического трансфера в Восточную Германию. Например, визит делегации немецких общественных деятелей в СССР в апреле-мае 1948 г. Кучинский использовал для установления личных контактов с председателем правления ВОКС А. И. Денисовым и директором ИМЭЛ В. С. Кружковым. После встреч с советскими руководителями

¹ Письмо начальника Управления информации СВАГ С. И. Тюльпанова председателю Правления ВОКС В. С. Кеменову о деятельности Дома культуры Советского Союза в Берлине, 27 июня 1947 г. // Политика СВАГ в области культуры. С. 691–694.

² ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 16. Д. 146. Л. 74.

высшего звена сообщалось, что лично Ю. Кучинскому было выслано 24 тома произведений классиков марксизма-ленинизма на немецком языке. Кроме прочих материалов, в Германию были отправлены «Песня о Сталине» и советский гимн, 120 советских плакатов, 320 экземпляров фотоподборок по различным темам о Советском Союзе, 700 экземпляров стенограмм публичных лекций о достижениях в политике, экономике, науке и культуре СССР¹. Однако вскоре на смену частным инициативам пришел курс централизации импорта советской идеологии на Периферию. Постановление ЦК ВКП(б) от 10 мая 1948 г. обязывало ВОКС регулярно снабжать Общество по изучению культуры СССР советской культурной продукцией.

Начиная с 1948 г. наблюдается тенденция решения вопросов о централизованном экспорте образа Сталина в Отделе внешних сношений ЦК ВКП(б) под руководством М. А. Сулова². Прежде всего это касалось выпуска печатной продукции в Восточной Германии, которая в обязательном порядке должна была проходить процедуру согласования с ЦК ВКП(б). Решение о консультациях с Москвой по поводу издания печатной продукции о Сталине и Ленине было принято заместителем Главного начальствующего СВАГ по политической части А. Г. Русских в июле 1948 г. после обнаружения редакторской ошибки в издательстве СВАГ³. Поводом послужил выпуск в 1947 г. сборника избранных произведений М. Горького, в одной из статей которого, согласно тексту отчета, «искажался образ Ленина и допускалось восхваление Иуды-Троцкого». Нарушение официальной картины исторического прошлого повлекло за собой многочисленные инспекции издательства и чистки в рядах сотрудников. О прогрессирующей концентрации контроля над импортом знаний о Сталине в Москве указывали запросы не только из Восточной Германии, но и из прочих стран «народной демократии». Начиная с октября 1949 г. Советское Информбюро начало получать заявки из Германии, Польши, Венгрии и Румынии «с просьбой выслать им статьи, посвя-

¹ Справка Центрально-Европейского отдела ВОКС о ходе выполнения постановления ЦК ВКП(б) от 10 мая 1948 г. о работе ВОКС в Германии, ноябрь 1948 г. // Политика СВАГ в области культуры. С. 797–800.

² О роли М. Сулова в процессах советизации Восточной Европы, дирижировании холодной войной и аккумуляции власти в ВКП(б)/КПСС см.: Медведев Р., Ермаков Д. Серый кардинал. М., 1992; Медведев Ж. А. Неизвестный Сталин. М., 2004. С. 70–76.

³ Ошибка в данной публикации была обнаружена спустя полгода после выхода книги в свет и начала реализации розничной продажи. В итоге 30 тыс. экземпляров было продано, а 70 тыс. изъято из оборота и уничтожено. См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 140. Л. 104.

щенные семидесятилетию со дня рождения Иосифа Виссарионовича Сталина»¹. Таким образом, ЦК ВКП(б) стал первой контрольной инстанцией охраны официального имиджа советских «вождей», поставившей проблему *корректного* трансфера сакральных знаний и надзора за дискурсивными границами империи сталинизма.

Экспорт культа Сталина за пределы Советского Союза потребовал открытия государственных границ для печатной продукции о «вожде». С июня 1947 г. по октябрь 1948 г. вся вывозимая из СССР литература и книги подлежали обязательному цензорскому просмотру Главлита в Москве. Данное правило требовало изъятия на границе даже произведений классиков марксизма-ленинизма без наличия соответствующей визы². В связи с интенсификацией диалога между ВОКС и Обществом по изучению культуры СССР вопрос о границах был урегулирован: произведения Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, биографии о Сталине, работы членов и кандидатов Политбюро ЦК ВКП(б) разрешалось беспрепятственно посылать в Восточную Германию. Открытие советских государственных границ для идеологической продукции стало очередным свидетельством расширения дискурсивных границ империи, контроль над установлением которых осуществлялся исключительно в Центре.

Если первые немецкие инициативы экспорта исходили снизу – от массовых организаций, то с 5 июля 1949 г. – после принятия постановления о планомерной подготовке юбилея Сталина – вся координационная работа сосредоточивается в Политбюро ЦК СЕПГ³. Несколькими днями ранее по постановлению Малого секретариата СЕПГ была создана «Комиссия по подготовке 70-летия товарища Сталина»⁴. Правление Союза свободной немецкой молодежи 12 июля 1949 г. впервые поставило на повестку заседания вопрос о составлении плана к празднованию 70-летия со дня рождения Сталина⁵. В августе по распоряжению Политбюро был сделан официальный за-

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 108. Л. 116–117.

² Докладная записка уполномоченного Совета министров СССР по охране военных и государственных тайн в печати К. Омельченко заместителю начальника Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Л. Ф. Ильичеву о внесении поправок в установленный порядок просмотра органами Главлита провозимой через границу литературы. 20 октября 1948 г. // Политика СВАГ в области культуры. С. 788–790.

³ Protokoll Nr. 31 der Sitzung des Politbüros am 5. Juli 1949. Vorbereitung des 70. Geburtstages J. W. Stalins, in: SAPMO–BArch, DY 30 / IV 2 / 2 / 31. Bl. 13.

⁴ Behrends. Die erfundene Freundschaft. S. 225–226.

⁵ Mählert U. “Die gesamte junge Generation für den Sozialismus begeistern”. Zur Geschichte der Freien Deutschen Jugend, in: Weber J. (Hg.). Der SED–Staat: Neues über eine vergangene Diktatur. München, 1994. S. 73–98, hier S. 81.

прос текстов, картин и бюстов Сталина из СССР. Данные материалы планировалось использовать в качестве эталонов для последующего тиражирования в Восточной Германии¹. Ускоренный экспорт советской культурной продукции на Периферию был обусловлен отсутствием нормативных знаний о Сталине, известного немецкому населению преимущественно в национал-социалистических коннотациях образа врага немецкой нации.

В Советском Союзе за централизованный экспорт образа Сталина в Восточную Германию было ответственно ВОКС. В его прямые обязанности входило информационное обеспечение культурного диалога с Обществом германо-советской дружбы (ОГСД)². Дом культуры Советского Союза в Берлине должен был стать центральным хранилищем знаний о Сталине, на адрес которого отправлялись материалы из СССР³. Так, накануне 21 декабря 1949 г. – юбилейной даты советского руководителя – ВОКС по настоятельным запросам Общества германо-советской дружбы пересылало в срочном порядке статьи и подборку фотоматериалов, портреты и плакаты⁴, ноты музыкальных произведений и грампластинки с песнями о Сталине⁵. В списке просьб и пожеланий, направленном в адрес ВОКС, ОГСД указывало на необходимость предоставления домам германо-советской дружбы нескольких экземпляров полного собрания сочинений Сталина, а также советских энциклопедических изданий⁶. Большим спросом пользовались выставки «О жизни и деятельности товарища Сталина», повествовавшие о биографии «вождя» и преимуществах советской модели развития⁷. Все списки материалов согласовывались и утверждались в ЦК ВКП(б) при посредничестве МИД СССР⁸. Московский контроль над продукцией о Сталине продолжался и после прибытия материалов в Берлин специальным представителем

¹ Protokoll Nr. 37 der Sitzung des Politbüros am 9. August 1949, in: SAPMO-BArch, DY 30 / IV 2 / 2 / 37.

² См.: Hartmann A., Eggeling W. Sowjetische Präsenz im kulturellen Leben der SBZ und frühen DDR 1945–1953. Berlin, 1998. S. 176–181, 259–262.

³ Например, см.: ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 16. Д. 133. Л. 60–61.

⁴ См.: Список портретов и плакатов для Общества германо-советской дружбы, 1949 г. // ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 16. Д. 142. Л. 4; АВП РФ. Ф. 742. Оп. 32. П. 1115. Д. 800. Л. 76–81.

⁵ Подробный перечень материалов о Сталине отражен в корреспонденции ВОКС с Обществом германо-советской дружбы. См.: ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 16. Д. 147. Л. 5–8.

⁶ ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 16. Д. 139. Л. 8–9.

⁷ Тематика выставок, которые желательно получить от ВОКС'а для клубов Общества по изучению культуры СССР // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 108. Л. 12.

⁸ Например, см.: АВП РФ. Ф. 742. Оп. 32. П. 1115. Д. 800. Л. 76.

ВОКС в Восточной Германии¹. С поставкой визуальных и текстуальных эталонов культа «вождя» из СССР происходила канонизация образа Сталина в Восточной Германии.

Прежде всего, восточным немцам предстояло познакомиться с официальной биографией «вождя». Для контроля над корректностью распространения нарратива пропаганды в октябре и ноябре 1949 г. ОГСД провело партийные школы для политработников, которые должны были выступить посредниками в распространении мифа о Сталине в массовых организациях, на предприятиях и в учебных заведениях². Для репрезентации биографии в публичном пространстве была выпущена специальная стенгазета (ил. 12). Составной частью пропаганды культа личности становилась демонстрация нормативных киноэпопей о советских вождях – «Ленин в Октябре», «Ленин в 1918 году» и «Клятва», знакомивших население с большевистской интерпретацией прошлого. О масштабах мобилизации населения свидетельствуют официальные показатели работы пропаганды в Союзе свободной немецкой молодежи: более 20 тыс. собраний с докладами о жизни и деятельности Сталина; 7502 кружка по изучению биографии «вождя», охвативших около 350 тыс. членов организации; 2 023 773 подписей под поздравительным письмом Сталину. А Общество германо-советской дружбы сообщало о проведении более 650 праздничных мероприятий, преследовавших цель «признания Сталина лучшим другом немецкого народа, а дружбы с Советским Союзом гарантом мирного развития ГДР»³.

Эстафета контроля над трансфером официальных знаний о Сталине была перенята в рядах СЕПГ. Это было связано с институционализацией дискурса о советском лидере в политической системе Восточной Германии. 1949 г. стал решающей вехой в оформлении партийных структур трансфера и механизмов воспроизводства образа советского лидера в советской зоне. 29 марта 1949 г. по решению Центрального Секретариата СЕПГ был основан Институт Маркса – Энгельса – Ленина, одной из центральных задач которого являлось издание произведений Сталина (ил. 13). Позже, в 1953 г. при Институте будет создан специальный «Отдел Сталина», функции которого заключались в организации перевода и публикации полного собрания сочинений и отдельных трудов, а также в цензу-

¹ Hartmann, Eggeling. Sowjetische Präsenz im kulturellen Leben. S. 261.

² SAPMO-BArch, DY 32 / 10072; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 637. Л. 12–13.

³ SAPMO-BArch, DY 32 / 10072. Bl. 4.

ре всего комплекса печатной продукции о «вожде»¹. Решающим шагом к унификации дискурса о Сталине стало решение ЦК СЕПГ от 5 июня 1949 г., предписывавшее «выпускать по единому стандарту, в одном формате и оформлении» все публикации о советском лидере². Несмотря на острый дефицит материалов накануне 70-летнего юбилея «вождя», всем региональным издательствам запрещалось печатать произвольные материалы без особого разрешения специальной комиссии, созданной по решению Политбюро ЦК СЕПГ при Институте Маркса – Энгельса – Ленина³. Аналогичные правила касались публикации фотографий, размещения плакатов и установления бюстов в общественных местах. Итак, дискурс о Сталине стал проходить процедуру двойного контроля: ЦК ВКП(б), с одной стороны, и ЦК СЕПГ – с другой.

Начало издания полного собрания сочинений Сталина на немецком языке стало очередным знаком утверждения культа советского лидера в Восточной Германии. Перевод трудов был предложен руководством СЕПГ лично Сталину в сентябре 1949 г.⁴ Механизм выпуска произведений «вождя» отражает поступательный процесс завоевания доверия и делегирования права на контроль над риторикой культа личности восточногерманским органам пропаганды. Первоначально перевод осуществляла советская сторона в Московском издательстве литературы на иностранных языках. В 1949 г., как сообщал директор издательства П. Петров, рукописи переводов первого и второго томов собрания сочинений Сталина были отосланы в Германию для печати⁵. Первый том собрания сочинений на немецком языке увидел свет в декабре 1949 г. в честь 70-летия Сталина⁶. А в марте 1950 г. М. А. Суслов через заведующего отделом Управления пропаганды и агитации В. Г. Григорьяна уведомил ЦК СЕПГ о последующем издании собрания сочинений Сталина, начиная с четвертого тома, при

¹ Protokoll Nr. 6 / 53 der Sitzung des Politbüros des Zentralkomitees am 3. Februar 1953, in: SAPMO-BArch, DY 30 J IV 2 / 2 / 260. Bl. 103–104.

² Protokoll Nr. 31 der Sitzung des Politbüros am 5. Juli 1949. Vorbereitung des 70. Geburtstages J. W. Stalins, in: SAPMO-BArch, DY 30 / IV 2 / 2 / 31. Bl. 13.

³ Protokoll Nr. 37 der Sitzung des Politbüros am 9. August 1949. Herausgabe von Werken Stalin, in: SAPMO-BArch, DY 30 / IV 2 / 2 / 37. Bl. 11.

⁴ Brief der SED-Führung an J. W. Stalin, den 19. September 1949, in: Staritz D. Die SED, Stalin und die Gründung der DDR, in: Aus Politik und Zeitgeschichte. B. 5 (1991). S. 10–12.

⁵ Справка об издании произведений классиков марксизма-ленинизма на немецком языке в 1948–1950 гг., 14 марта 1950 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 361. Л. 39.

⁶ Oelssner F. Der erste Band der Werke J. W. Stalins in deutscher Sprache, in: Neues Deutschland. 15. Dezember 1949. S. 4.

Институте Маркса – Энгельса – Ленина в Берлине¹. Однако обязательным условием передачи полномочий от Москвы Берлину стало сохранение контроля над переводом со стороны издательства зарубежной литературы с сохранением титульной надписи: «Печатается по решению ЦК ВКП(б) и Института Маркса – Энгельса – Ленина при ЦК ВКП(б)».

Наряду с риторическими правилами происходит оформление музыкального канона культа Сталина, что стало возможным вследствие перевода советских песен, а также сталинской лирики на немецкий язык². Например, звукозаписывающая студия Э. Буша «Песнь времени», созданная с разрешения СВАГ в 1946 г., выпустила к 70-летию Сталина грампластинку с музыкальными композициями, посвященными «вождю»³. Среди прочих песен в альбоме значились «Сталин, друг, товарищ», «Сулико», «Клятва Сталину», «Песнь орла» и другие, ставшие неотъемлемым атрибутом культа. Данный музыкальный набор использовался на торжественных мероприятиях и партийных собраниях по поводу дня рождения «лучшего друга немецкого народа» вплоть до 1956 г. Зачастую подгонка под немецкого потребителя заключалась в свободном стихотворном переводе русского текста на немецкий язык. Музыкальный компонент использовался пропагандой для драматизации культа Сталина в публичном пространстве диктатуры посредством радио и с декабря 1952 г. также телевидения.

Как отмечалось ранее, координация импорта знаний о советском лидере в Восточной Германии проходила на высшем уровне власти – центральные решения принимались и их реализация контролировалась Политбюро ЦК СЕПГ. Ряд подготовительных мероприятий

¹ Anlage Nr. 1 zum Protokoll Nr. 79 vom 24. März 1950, in: SAPMO-BArch, DY 30 / IV 2 / 2 / 79. Bl. 5. По данным СЕПГ, с 1945 по 1954 г. в партийном издательстве «Дитц» было издано 9 587 тыс. экземпляров произведений Сталина. Среди них первое место занимал выпуск «Краткого курса истории ВКП(б)», достигший тиража в 920 тыс. штук. См.: Die Werke J. W. Stalins in der DDR, in: Tägliche Rundschau. 5. März 1954. При этом интересно отметить, что первый том собрания сочинений Ленина на немецком языке был напечатан уже на волне латентной десталинизации в апреле 1955 г. в издательстве «Дитц» под патронажем Института марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ. После 1956 г. приоритетной задачей института становится выпуск произведений Маркса и Энгельса.

² Например, см.: Mutter von Gori wie gross ist dein Sohn. Deutsche Dichter singen von Stalin. Berlin, 1952; Begegnungen mit Stalin. Aussagen sowjetischer und deutscher Autoren. Berlin, 1953; Du Welt im Licht. J. W. Stalin im Werk deutscher Schriftsteller. Berlin, 1954.

³ Автор выражает искреннюю благодарность Й. Войту за дружескую консультацию по вопросам музыкального экспорта из СССР в Восточную Германию. См.: www.erinnerungsort.de.

к 70-летию Сталина был запланирован на заседании от 22 ноября 1949 г. В готовящихся материалах пропаганды предполагалось сделать акцент на «разработке ключевой роли личного вклада товарища Сталина в развитие германо-советских отношений»¹. По аналогии с советским окружением Сталина члены Политбюро ЦК СЕПГ решили издать собственный сборник статей о «вожде», подчеркнув право формулировки и адаптации советских знаний к восточногерманским реалиям. На одном из заседаний Политбюро среди высших партийных функционеров были распределены темы для написания статей о советском лидере, опубликованных в книге под названием «Нашему другу и учителю. К 70-летию И. В. Сталина»². В данном сборнике многочисленные характеристики «вождя» были нацелены на подтверждение главной формулы пропаганды: «Сталин – лучший друг немецкого народа».

Образование ГДР 7 октября 1949 г. послужило отправной точкой публичного провозглашения патерналистской роли Сталина по отношению к вновь созданному государству. Первая кампания пропаганды была связана с популяризацией приветственной телеграммы «вождя» от 13 октября 1949 г. в честь образования восточногерманского государства: «Образование Германской демократической миролюбивой республики является поворотным пунктом в истории Европы. Не может быть сомнения, что существование миролюбивой демократической Германии наряду с существованием миролюбивого Советского Союза исключает возможность новых войн в Европе и делает невозможным закабаление европейских стран мировыми империалистами...»³ Слова Сталина закрепляли восстановление коллективной чести немцев за счет советских гарантий охраны восточногерманского государственного суверенитета при одновременной перспективе избавления от чувства вины посредством вовлечения ГДР в миссию охраны мира в Европе.

Телеграмма Сталина превратилась в канонический нарратив режима СЕПГ, стала манифестом германо-советской дружбы и программой национального развития ГДР. Основание ГДР представлялось актом высокого доверия СССР по отношению к восточным немцам, заключавшегося в делегировании власти от «вождя» – Сталина к верному последователю сталинского курса – СЕПГ. Газеты с при-

¹ Anlage Nr. 1 zum Protokoll Nr. 57 der Sitzung des Politbüros vom 22. November 1949, in: SAPMO-BArch, DY 30 / IV 2 / 2 / 57. Bl. 12.

² Unserem Freund und Lehrer. J. W. Stalin: zum siebzigsten Geburtstag. Berlin, 1949.

³ Правда. 14 октября 1949 г. С. 1.

ветственной телеграммой Сталина раздавались бесплатно на улицах, листовки и плакаты вывешивались на предприятиях и в учебных заведениях. Портреты «вождя» и цитаты с выдержками из телеграммы заполнили общественное пространство площадей и улиц, зданий государственных учреждений и массовых организаций. Новые репрезентации Сталина в роли покровителя восточногерманской государственности свидетельствовали, что культ Сталина переставал быть внутренним делом СЕПГ и впервые представлялся в виде общенационального проекта для всех немцев.

С момента создания ГДР восточногерманские руководители начинают открытую борьбу за включение «второго немецкого государства» в культовое сообщество – блок социалистических государств, связанных воедино мифами, ритуалами и символами культа советского лидера. Использование советской риторики в публичном дискурсе власти являлось базовым признаком принадлежности к послевоенной империи сталинизма. К формальным критериям интериоризации официальных знаний о Сталине населением причислялись практика цитирования произведений классиков марксизма-ленинизма, а также воспроизведение мифа о «вожде» в детских сочинениях и рисунках, в оформлении красных уголков и изготовлении подарков, реакции аплодисментов и оваций при упоминании имени советских лидеров на партийных собраниях. В одном из политдонесений СВАГ в ноябре 1949 г. с удовлетворением говорилось «о правильном использовании» высказываний Ленина и Сталина в докладах, научной и политической литературе¹. Министр народного образования ГДР Пауль Вандель в докладе о достижениях системы образования в 1950 г. отметил перелом в воспитании детей «в духе мира и дружбы с СССР»: «Учащиеся школ пишут хорошие сочинения о Сталине. Пике, о германо-советской дружбе»². Дополнительными индикаторами перевоспитания немецкой молодежи от «врагов» к «друзьям» СССР стали наблюдения сотрудников СВАГ о том, что члены ССНМ «правильно» оформляют помещения для праздничных мероприятий портретами Сталина, Ленина, Маркса и Энгельса, «аккуратно являются на демонстрации» и используют в колонне демонстраций красные знамена и лозунги³.

¹ ГА РФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 262. Л. 135.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 637. Л. 4.

³ Из докладной записки начальника ОНО УВК г. Берлина А. Н. Судакова начальнику ОНО СВАГ А. Д. Данилову о демократических организациях в школах советского сектора г. Берлина, 29 октября 1949 г. // Политика СВАГ в области культуры. С. 501–502.

Повреждения партийно-государственного дискурса о Сталине тщательно отслеживались цензорами и подвергались наказанию со стороны органов безопасности. Так, «грубой ошибкой» был назван проступок сотрудника Информационного агентства ГДР, позволившего себе урезать речь В. Пика за счет исключения из нее заключительных нормативных приветствий в адрес Сталина и Советского Союза. Провинившийся наивно посчитал их ненужными¹. Тотчас после публикации ошибка была обнаружена, началось расследование с требованием «принятия соответствующих мер». К нарушению дискурсивной границы дозволенной риторики был отнесен и немецкий комментарий к интервью Сталина американского журналиста, в котором использовалось «чрезмерно милитаристская» риторика о «переходе СССР к мирному наступлению», а Сталин вместо «генералиссимуса» назывался «маршалом»². В другом случае редактор профсоюзной газеты «Трибуне» Хуго Полькен был осужден окружным судом Лейпцига к пяти годам тюремного заключения за то, что в некрологе Сталину не заметил опечатки. В выпуске от 7 марта 1953 г. было написано: «...вместе с ним скончался выдающийся борец за сохранение и укрепление войны (вместо: мира) во всем мире»³. Данные примеры иллюстрируют пристальную охрану границ «диктатуры дискурса» и строгий контроль государства за чистотой информационного пространства в Восточной Германии. Если правильное публичное использование риторики культа личности рассматривалось партией и государством в качестве проявления социалистической сознательности, становясь залогом повышения социального статуса, то попытки повреждения ритуального языка вели к исключению из культового сообщества⁴. Иными словами, культ Сталина стал определять нормы публичного поведения и риторики, предписав Периферии говорить и действовать по-советски.

При анализе каналов экспорта советского мифа о «вожде» в Восточную Германию необходимо учитывать то обстоятельство, что имя Сталина было хорошо известно и до 1945 г. не только из источников национал-социалистической пропаганды. Особую роль в популяризации советского лидера на Западе сыграли, как упоминалось ранее, немецкие коммунисты. Так, одна из первых именно немецких

¹ ГА РФ. Ф. Р-7133. Оп. 1. Д. 282. Л. 74.

² Там же. Л. 102–103.

³ AdsD, SPD–PV–Ostbüro 0349 A / B, unpag.

⁴ Tikhomirov A. "Feinde des Volkes": Zur (Re-)Konstruktion des inneren Feinds in der stalinistischen Phase der DDR (1949–1953), in: Satjukow, Gries. Unsere Feinde. P. 167–178.

публикаций под названием «И. В. Сталин» увидела свет в 1930 г. В предисловии Х. Нойманн – член КПГ и Коминтерна – заметил, что «в этой книге впервые на немецком языке перед широкими массами рабочих представляется политическая персона товарища И. В. Сталина»¹. Автор описывал Сталина «вождем» советского народа и мирового рабочего движения, апеллируя к марксистскому пониманию принципа вождизма. Главный тезис автора сводился к утверждению, что «вождь является концентрированным выражением коллективной воли масс пролетариата», «руководителем партии и революции», «в мыслях, чувствах и действиях, в страдании, жизни и борьбе обладает поддержкой всего рабочего класса, многомиллионной массы трудящихся»².

Издание книги Х. Нойманна было приурочено к 50-летию юбилею Сталина и свидетельствовало о постепенном утверждении его культа не только в СССР, но и в рамках Коммунистического Интернационала. Десять лет спустя мы наблюдаем кардинальное изменение в практике издания печатной продукции о советском лидере. Юбилейное издание к его 60-летию на немецком языке имело коренное отличие. Книга была напечатана крупным тиражом в 8 тыс. экземпляров в московском издательстве литературы на иностранных языках. В ней отсутствовали предисловие и какие-либо комментарии немецких авторов, а все статьи принадлежали исключительно перу членов Политбюро ЦК ВКП(б)³. Данное новшество стало явным признаком централизации в производстве и распространении знаний о Сталине, культ которого окончательно укрепил свои позиции в Советском Союзе к 1939 г.

Кроме распространения советских нарративов через немецких коммунистов, западной публике были доступны книги, написанные очевидцами политической жизни в советской России. Например, в 1932 г. немецкий корреспондент в Москве А. Юст опубликовал книгу о Джугашвили-Сталине в биографической серии великих личностей наряду с жизнеописаниями Гинденбурга, Муссолини и Гитлера⁴. Автор впервые рассказал западному читателю о сложившемся в СССР

¹ Neumann H. J. W. Stalin, Hamburg: Berlin, 1930. S. 3.

² Ibid.

³ В книге были опубликованы статьи В. Молотова, К. Ворошилова, Л. Кагановича, А. Микояна, М. Калинина, Н. Хрущева, Л. Берии, Г. Маленкова, Н. Шверника и др. См.: Stalin. Der große Fortsetzer des Werkes Lenins. Moskau, 1940. Кроме того, на немецком языке была издана книга Е. Ярославского: Jaroslawski J. Aus dem Leben und Wirken des Genossen Stalin. Moskau, 1940.

⁴ Just A. W. Josef Wissarionowitsch Dshugaschwili-Stalin. Lübeck, 1932.

к 1929 г. культе личности Сталина, ставшем реальностью вследствие активной пропаганды идеального образа «вождя», фальсификации биографических данных, уничтожения внутрипартийной оппозиции. Для широких масс населения, пишет А. Юст, Сталин – это не человек из плоти и крови, а идея и воплощение власти обладавших, по аналогии с магнитом эффектом притяжения и способностью социальной интеграции.

В то же время автор постарался представить западному читателю детали частной жизни диктатора: его внешний вид и состояние здоровья, бытовые пристрастия и повседневные привычки при работе в Кремле, на даче в Одинцово, в отпуске на Кавказе. Чтобы западному читателю были понятны особенности стиля жизни советского руководителя, автор сравнивает его с «генеральным директором западного акционерного общества среднего масштаба»: «Он много курит трубку. В большом количестве употребляет вино и водку. В театр ходит не так часто, хотя любит музыку и разбирается в актерском искусстве»¹. Подводя итоги, А. Юст делает вывод, что для советских граждан Сталин являлся гарантией стабильности и безопасности после эпохи революционных потрясений. Однако западного читателя Юст предупреждает. В его книге Сталин – это воплощение абсолютного насилия и военной угрозы для европейской цивилизации. Публикации подобного рода в послевоенной Восточной Германии подлежали изъятию из обращения и последующему уничтожению.

Кроме печатной продукции, важным каналом репрезентаций культа Сталина в публичном пространстве являлись выставки² (ил. 14). Ряд выставочных экспозиций был подготовлен к 70-летию юбилею Сталина в 1949 г. Открытие первой из них, посвященной биографии советского лидера, состоялось в Доме союза печати в Берлине³. Другая выставка в Потсдаме делала акцент на популяризации роли Сталина в заключении Потсдамских соглашений, их нарушений «американскими империалистами» и особой роли ГДР в «борьбе за мир» под руководством «лучшего друга немецкого народа»⁴. Пропаганда напрямую связывала перспективу решения германского вопроса о единстве нации и государства с поклонением Сталину. Очередная выставка о Сталине распахнула двери для посетителей в Доме земельного обще-

¹ Ibid. S. 37.

² См.: Kivelitz. Die Propagandaausstellung in europäischen Diktaturen.

³ Besprechung im Sitzungssaal der SED, 2.11.1949, in: SAPMO-BArch, DY 34 / 24029. Bl. 114.

⁴ Protokoll Nr. 152 der Sitzung des Politbüros des Zentralkomitees vom 10. Juni 1951, in: SAPMO-BArch, DY 30 J IV 2 / 2 / 260.

ства СЕПГ в ноябре 1949 г.¹ Здесь стенды с портретами и цитатами «вождя», фотомонтажи о великих стройках коммунизма, гигантах промышленности и сборе урожая на полях были призваны убедить немцев в эффективности советской общественной модели. В центре экспозиции были представлены произведения «вождя». Они несли семантику собрания сакральных знаний, благодаря которым советский народ с энтузиазмом строит коммунизм и уверенно смотрит в будущее.

Одной из площадок для инсценировки официального образа Сталина стала ежегодная Лейпцигская ярмарка, проводимая Всесоюзной торговой палатой СССР. План экспозиции, призванный пропагандировать передовые достижения Советского Союза под руководством Сталина, утверждался в Отделе внешних сношений ЦК ВКП(б). Само оформление советского павильона на весенней технической выставке 1950 г. должно было поразить посетителей пышностью декораций, обилием цитат и портретов Сталина². Например, при входе в центральный зал зрителя встречало монументальное панно, изображающее Красную площадь с Мавзолеем Ленина. Перед панно на пьедестале возвышалось пятиметровое скульптурное изображение Сталина³. Выставки преследовали цель презентации стремительного прогрессивного развития в СССР экономики, техники, сельского хозяйства и промышленности, искусства и литературы. Сталин, пропагандируемый в роли «лучшего друга и покровителя немецкого народа», должен был стать гарантом аналогичных успехов в Восточной Германии. Выставки создавали виртуальную реальность социализма, предлагая посетителям пережить эстетически инсценируемые ситуации успеха и спроецировать положительные эмоции на немецкое будущее.

¹ См. подробнее: J. W. Stalin, der große Staatsmann und Lehrer. Eine Stalin-Ausstellung im Hause des Landesverbandes der SED, in: Neues Deutschland, 29. November 1949. Nr. 279. S. 3.

² Например, фасад павильона СССР представлял собой портик из камня с пятью входами в павильон. В центре фасада располагались объемные световые неоновые буквы «СССР» и большая надпись на немецком языке: Союз Советских Социалистических Республик. Справа и слева от букв по фризу были установлены светящиеся ажурные гербы 16 союзных республик диаметром 2 м. В центральной части фасада был установлен пятиметровый алюминиевый светящийся герб СССР, а над ним большая приветственная барельефная надпись длиной 20 м со словами Сталина: «Пусть живет и здравствует единая, независимая, демократическая, миролюбивая Германия!». Над гербом были укреплены 16 мачт с красными флагами. Башня увенчивалась шпилем, на вершине которой находилась пятиконечная звезда из дюраля и рубинового акрилата. См.: Экспозиционный план советского павильона на весенней технической ярмарке в Лейпциге 1950 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 310. Л. 2.

³ Там же. Л. 4.

Пропаганда Сталина становилась одной из центральных задач фестивалей советского кино, проводимых регулярно с 1947 г. в советской зоне оккупации, а впоследствии и в ГДР. Обязательной частью программ были фильмы о советских «вождях»¹. Например, фильмы «Ленин в Октябре», «Ленин в 1918 году», «Клятва» отражали официальную историческую картину и представляли Сталина верным последователем дела Ленина². К 72-му дню рождения Сталина повсеместно в кинотеатрах демонстрировался фильм «Майский парад 1951 года», предоставляя зрителю редкую возможность увидеть документальные съемки советского руководителя, приветствовавшего колонны демонстрантов с трибуны Мавзолея на Красной площади. Идеологическая функция кино заключалась в демонстрации преимуществ жизни при социализме и воспитании социалистического сознания³. Однако зачастую в отчетах можно было прочесть о желании зрителей увидеть жизнь простых людей на улицах, заглянуть за фасады монументальных строений и узнать о бытовых проблемах в провинциальных городах СССР. По этой причине советские фильмы не пользовались популярностью среди населения, вызывая реакции разочарования, отторжения, а порой и протеста⁴.

В целом стоит отметить, что по сравнению с СССР для ГДР был характерен относительно статичный образ Сталина⁵. В Восточную Германию экспортировалась уже готовая культурная продукция о Сталине, которая впоследствии переводилась, тиражировалась и перепечатывалась по советским эталонам. Данное обстоятельство имело несколько причин. Во-первых, немецкие политики и интеллигенция дистанцировались от работы над культом Сталина, так как память о культе Гитлера была слишком жива и участие в создании новой продукции таило угрозу очередной дискредитации. Во-вторых, жесткий контроль над канонами и знаниями о «вожде» блокировал импровизацию и творчество в работе над предметами культа личности. Лишь чрезвычайно ограниченный круг политической, интеллек-

¹ См.: Hülbusch. Dschugaschwili der Zweite.

² Например, см.: Список фильмов, рекомендованных Представительству «Совэкспортфильм» в Германии для включения в репертуар фестиваля, посвященного 30-летию Советской кинематографии. 26 ноября 1949 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 250. Л. 102–103.

³ Der Weg des sowjetischen Films, in: Neues Deutschland, 2. Dezember 1949. Nr. 282. S. 3.

⁴ См.: Karl L. "Von Helden und Menschen..." Der zweite Weltkrieg im sowjetischen Spielfilm und dessen Rezeption in der DDR, 1945–1965. Diss. Univ. Tübingen, 2002.

⁵ О продуцентах культа Сталина в СССР см.: Плампер. Алхимия власти; Devlin. Visualizing Political Language in the Stalin Cult.

туальной и творческой элиты Восточной Германии приложил руку к созданию культа Сталина. Их главная цель заключалась в смягчении агрессивных репрезентаций Сталина от роли «врага» и «победителя-триумфатора» к созданию более позитивного образа патрона – «учителя и лучшего друга немецкого народа». И наконец, в-третьих, на создание культурной продукции о Сталине просто не было времени. Сотрудница Академии искусств ГДР жаловалась в присутствии советских коллег на цейтнот, не позволявший вести скрупулезную работу над предметами культа личности – бюстами, памятниками и портретами «вождя». Она с сожалением отмечала, что партия делает «быстрые заказы» и, как следствие, ожидает «сиюминутных результатов», в то время как «работа по созданию образа вождя должна зреть и обсуждаться»¹.

Несмотря на завершение части о трансфере культа Сталина в Восточную Германию, по-прежнему открытым остается вопрос о том, кто же инициировал и дал первый сигнал к началу данного процесса. По моему мнению, однозначного ответа на этот вопрос не существует. Документы с готовыми для историков ответами мной не обнаружены ни в немецких, ни в российских архивах. Безусловно, и Восточная Германия и Советский Союз были заинтересованы в советизации. Обе стороны использовали трансфер культа Сталина для перестройки Периферии по советскому образцу и ее идеологическому соединению с Центром. Восточная Германия нуждалась в советских репрезентациях власти для создания новой политической реальности – дискурсивного регистра официальных знаний, призванных легитимировать и стабилизировать режим СЕПГ. Для СССР экспорт культа Сталина означал расширение границ советской империи и зоны московского влияния на европейский регион. Как показывает мое исследование, при анализе механизмов экспорта речь шла о формировании сложных коммуникативных сетей между инстанциями СЕПГ, СВАГ и ЦК ВКП(б): бюрократических проволочек и административного нажима, случайной инициативы и организованных кампаний пропаганды, налаживания каналов связи и установления личных контактов, дублирования компетенций и конкуренции полномочий, выстраивания системы контроля и каналов обоюдного доверия.

¹ Erfahrungsaustausch der Sektion Bildende Kunst der Akademie der Künste mit einer Delegation sowjetischer bildender Künstler. Berlin, den 17.03.1953, in: Archiv der Akademie der Künste der DDR. AdK-O 49. Bl. 58–59.

3.2. Уважать, благодарить, любить: эмоции и чувства в империи сталинизма

С подготовкой к празднованию 70-летия Сталина происходит оформление «эмоционального режима» империи сталинизма. Автор данного термина У. Редди определяет «эмоциональный режим» как «набор нормативных эмоций и официальных ритуалов, практик и эмотивов, которые их выражают и внедряют; необходимый фундамент любого стабильного политического режима»¹. Также режим СЕПГ конструировал нормативные дискурсы об эмоциях уважения, благодарности, дружбы и любви к советскому руководителю, которые были призваны работать на социальную интеграцию: создание нового чувства «мы» для немецкой нации и установление эмоциональных связей населения с советским «вождем». В настоящей части книги я анализирую роль культа Сталина в конструировании официального регистра эмоций, а также их значение в процессах советизации и стабилизации восточногерманской государственности. Какие чувства конструировало государство пропаганды, чтобы представить Сталина в роли «друга» и оправдать столь очевидную зависимость ГДР от Советского Союза?

Для облегчения интеграции Восточной Германии в культовое общество была сконструирована позитивная модель эмоциональной связи Периферии с Центром. Легитимация образа Сталина была начата в дискурсе благодарности немецкого народа за освобождение от национал-социалистической угрозы, за возможность мирного строительства «миролюбивого, антифашистского, демократического» государства, за пропагандируемые инициативы сохранения политического и экономического единства Германии. В связи с образованием ГДР Отто Гротеволь на пленуме Центрального правления СЕПГ впервые объявил об общегосударственном и общенациональном характере дискурса благодарности: «Советский Союз является руководящей силой лагеря демократии и мира, всюду выступает за интересы немецкого народа. Эта благородная и великодушная борьба Советского Союза заслуживает глубокой благодарности всех честных немцев»². С именем Сталина Гротеволь связывал и долг народной благодарности за заключение договора в Рапалло в 1922 г., согласно которому

¹ Reddy W. *The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions*. Cambridge, 2001. P. 129. Цит. по: Плампер Я. Эмоции в русской истории // *Российская империя чувств: подходы к культурной истории эмоций* / под ред. Я. Плампера, Ш. Шахадат, М. Эли. М., 2010. С. 11–36, здесь с. 22.

² Правда, 10 октября 1949 г. С. 3.

произошло снятие считавшихся унижительными для Германии санкций Версальского договора¹.

Дискурс благодарности объективировался в публичном пространстве ГДР. Так, «выражением глубокой благодарности и неразлучной дружбы» было названо решение восточноберлинского магистрата о переименовании в декабре 1949 г. Франкфуртской аллеи в Аллею Сталина². На открытии первого монумента советскому руководителю 1 августа 1951 г. в Восточном Берлине В. Ульбрихт назвал памятник «знаком благодарности Сталину и символом борьбы за мир»³. Присутствовавшей на церемонии открытии пенсионерке Фриде Хартунг были приписаны слова, артикулировавшие эмоции радости и гордости: «Мы горды, что наш освободитель будет отныне среди нас»⁴. «Городом благодарности» был охарактеризован и основанный в мае 1953 г. Сталинштадт⁵. Инсценируемое в публичном пространстве чувство благодарности можно назвать «моральной памятью»⁶, которая налагала на восточных немцев долг дружбы с Советским Союзом как единственный шанс заслужить прощение со стороны победителя и нормализовать двусторонние отношения.

Радикализация культа Сталина в 1949 г. повлияла на эволюцию риторики благодарности к нарративам о чувстве любви к «лучшему другу немецкого народа». В официальном дискурсе чувство любви объявлялось также моральной обязанностью населения, требуя от восточных немцев искренности в дружбе с Советским Союзом и выражения личной благодарности советскому лидеру. Леонид Гозман и Александр Эткинд сравнили тоталитарную власть с «министерством любви», дискурсивное продуцирование которой являлось важным ресурсом мобилизации общества, а также источником легитимации абсолютной власти вождей⁷. Первый призыв любви к Сталину со стороны восточногерманского руководства был опубликован в праздничном номере «Нойес Дойчланд» по случаю 70-летия «вождя»: «Тот, кто выступает против мирных инициатив Советского Союза, тот является преступником и врагом миролюбивого челове-

¹ Grotewohl O. Stalin und das deutsche Volk, in: Einheit. Sonderheft "J. W. Stalin zum Gedenken". 1953. S. 352.

² Neues Deutschland, 18. Dezember 1949. S. 1.

³ Protokoll Nr. 57 der Sitzung des Politbüros am 17. Juli 1951, in: SAPMO-BArch. DY 30 / IV 2 / 2 / 157.

⁴ Stalin-Denkmal in Berlin enthüllt, in: Neues Deutschland, 4. August 1951. Nr. 178. S. 1.

⁵ Neue Berliner Illustrierte, 1953/11.

⁶ Flam H. Soziologie der Emotionen: Eine Einführung. Konstanz, 2002. S. 20.

⁷ Гозман Л., Эткинд А. Культ власти. Структура тоталитарного сознания // Осмыслить культ Сталина / под ред. Кобо Х. М., 1989. С. 337–371, здесь с. 358.

чества. Современное положение в мире требует от каждого патриота дисциплинированной приверженности к лагерю мира под руководством СССР. Тот, кто не желает быть зачислен в ряды преступников, должен на деле доказать свою любовь к Советскому Союзу, любовь к Иосифу Виссарионовичу Сталину»¹.

Особенно риторика высших партийных руководителей показывает, как пропагандируемый регистр чувств к Сталину интегрировался в дискурс холодной войны. Так, призывы любви к «вождю» сопровождалась требованиями ненависти к Западу, чувство благодарности Сталину предписывало долг борьбы с внутренними и внешними врагами социалистического порядка. В одной из статей О. Гротеволь отмечал: «Если сегодня немецкий народ в своем большинстве знает, по какую сторону находятся его истинные друзья, а где стоят враги, то благодарить за такое разъяснение следует нашего большого друга Иосифа Виссарионовича Сталина»². Пропаганда активно работала над созданием негативных репрезентаций Западной Германии как «колонии американских империалистов», «плацдарма для начала новой войны», «анклава реставрации германского империализма» и «клики ожившего фашистского режима»³. Миф о «вожде» в сочетании с заявлением о колонизации Западной Германии мировыми империалистами позволил руководству ГДР выступить в роли единственного законного представителя немецкого народа и государства, под началом которого должно произойти новое возрождение нации.

Официальное понимание любви к Сталину коннотировало чувства национальной гордости и патриотизма к ГДР как новой родине для восточных немцев. В связи с празднованием 34-й годовщины Октябрьской революции каждый совершеннолетний житель ГДР получал персональное письмо, в котором руководитель Службы информации Г. Айслер формулировал пять причин доверия к Сталину и чувства гордости за принадлежность к Центру. Данные чувства базировались на пропаганде надежды на скорую ликвидацию раскола немецкого государства и нации, заключение мирного договора и вывод оккупационных войск, сохранение и укрепление мира, а также постоянное улучшение уровня жизни и рост экономического благосостояния населения⁴. Ориентация на Москву позволила восточным

¹ Neues Deutschland, 20. Dezember 1949. S. 4.

² Grotewohl O. Stalin und das deutsche Volk, in: Einheit. März 1953. Sonderheft "Josef Wissarionowitsch Stalin zum Gedenken". S. 357.

³ См. подробнее: Gibas. "Bonner Ultras", "Kriegstreiber" und "Schlotbarone".

⁴ Freundschaft für immer. Brief an alle Bürger der DDR anlässlich des 34. Jahrestages der Großen Sozialistischen Oktoberrevolution. Hrsg. vom Amt der Information der DDR. Berlin, 1951.

немцам вновь ввести в публичный дискурс риторику национальной гордости, артикулирование которой стало негласным табу после падения Третьего рейха. Дискурс гордости формулировал потребность в самоутверждении молодого восточногерманского государства за счет принадлежности к «лагерю победителей истории» под руководством всесильного вождя-победителя.

Продуцируемые пропагандой чувства предписывалось не только артикулировать, но и доказывать в конкретных делах и поступках. Одним из методов мобилизации чувств стала практика принятия коллективных обязательств. Приведу лишь один пример. В связи с интервью Сталина корреспонденту газеты «Правда» в 1951 г. рабочие текстильной фабрики Кирхберг-Верк подписали текст следующего обязательства: «Мы обещаем досрочно выполнить пятилетний экономический план. Это обязательство должно выражать нашу благодарность Генералиссимусу Иосифу Виссарионовичу Сталину за его неустанные усилия сохранить мир во всем мире и за великодушную помощь и поддержку, которую он оказывает немецкому народу в его борьбе за национальную независимость»¹. Аналогичным образом практики сбора и преподнесения коллективных подарков советскому руководителю считались формой выражения чувств уважения, благодарности и любви к Сталину² (ил. 15). Не случайно, после завершения экскурсии по выставке подарков Сталину в Москве члены одной делегации восточных немцев сделали экскурсоводу осторожное, но весьма критичное замечание. Немцы порекомендовали в будущем рассказывать не столько об экспонатах как ценных материальных объектах, а сконцентрироваться на символической ценности предмета, за которым скрываются «большие эмоции любви дарителя к советскому лидеру»³.

Крупномасштабной акцией мобилизации эмоций в ходе пропаганды советского лидера в качестве «лучшего друга немецкого народа» стала популяризация «Ноты Сталина». 10 марта 1952 г. советская печать опубликовала обращение советского лидера к западным державам с предложением о мирном объединении Германии. Исследователи до настоящего времени ведут дискуссии о мотивах и причинах данного шага советской дипломатии. Однако обратимся в первую очередь к кампании пропаганды, захлестнувшей все вос-

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 639. Л. 61.

² Списки подарков из ГДР см.: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1420. Л. 113–123; Ф. 17. Оп. 132. Д. 444. Л. 45–61.

³ Отчет о пребывании в СССР делегации немецких писателей и деятелей культуры с 7 апреля по 4 мая 1948 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 574. Л. 18.

точногерманское общество в связи с опубликованным документом¹. Текст сталинской ноты заполнил публичное пространство: ее можно было встретить в «уголках мира» и читальных залах библиотек, в кафе и гардеробе, в общественном транспорте и в витринах книжных магазинов. Региональная газета «Фольксштимме» отличилась изданием специального приложения о «Ноте Сталина», распространение которого было запланировано среди рабочих не только в ГДР, но и в ФРГ. «Нота Сталина» стала центральным предметом обсуждения на многочисленных собраниях. Рабочие и интеллигенция принимали обязательства к выражению любви и благодарности в виде изучения трудов Сталина, а саксонская комиссия по детской литературе обещала усилить воспитание у детей «чувства любви к СССР»². Официальные отчеты дружно сообщали о «всеобщем согласии и одобрении ноты СССР населением восточной зоны»³.

О. Гротеволь явно лукавил, когда объявлял, что «сталинская нота» представляет собой программный ориентир политического развития Германии: «Только путь Сталина ведет к миру, восстановлению единства Германии и заключению мирного договора. Если немецкий народ выбирает мирный путь в счастливое будущее, то он обязан выбрать путь, предначертанный Сталиным»⁴. Подобного тона заявления требовал официальный дискурс германо-советской дружбы. В действительности же, как заметил А. М. Филитов, положительные договоренности между СССР и Западом об объединении Германии означали бы для восточногерманского руководства крах режима СЕПГ. В основе ноты лежал рациональный ход советской дипломатии, рассчитанный на приручение руководства Восточной Германии к Советскому Союзу и закрепление некоего статус-кво блоковой дисциплины в Европе⁵. Более важным результатом данной кампании пропаганды стало окон-

¹ См.: Stoecker H. "Stalin, das ist der Frieden!" – Die Stalin-Note vom 10. März 1952 und die friedenspolitische Propaganda in der DDR, in: Parteiauftrag. Ein neues Deutschland. S. 395–405.

² Resolution der Mitglieder der Sächsischen Kinderbuchkommission zur Note der Sowjetunion an die drei Grossmächte. Dresden, 14.03.1952, in: Staatsarchiv Dresden. LRS, Ministerium für Volksbildung Nr. 1840, unpag.

³ Vorschlag der Sowjetunion für einen Friedensvertrag mit Deutschland. Glauchau, den 15 März 1952, in: Staatsarchiv Dresden. LRS, Ministerium für Volksbildung Nr. 1840, unpag.

⁴ Grotewohl O. Stalin und das deutsche Volk, in: Einheit. März 1953. Sonderheft "Josef Wissarionowitsch Stalin zum Gedenken". S. 357.

⁵ Филитов А. М. СССР и германский вопрос: поворотные пункты (1941–1961 гг.) // Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива: Сб. ст. Рос. акад. наук. Ин-т всеобщей истории / отв. ред. Н. И. Егорова, А. О. Чубарьян. М., 2003. С. 223–256.

чательное утверждение репрезентаций Сталина в качестве гаранта и хранителя мира, а также закрепление официального эмоционального языка описания образа советского лидера.

Проведенный мной дискурсивный анализ официальных текстов показывает, что режим СЕПГ конструировал ряд эмоций и чувств, призванных содействовать политической мобилизации, подчинению и индоктринации населения. Ключевыми эмоциями в пропаганде культа Сталина являлись благодарность, дружба и любовь немецкого народа к советскому руководителю – комплекс чувств, ответственных, по утверждению немецкого социолога Г. Зиммеля, за формирование социальных отношений и обеспечение интеграции сообщества¹. Пожалуй, неким общим знаменателем в конструировании чувств благодарности, дружбы и любви к Сталину может служить категория «доверие» – базовая интегрирующая эмоция диктатур XX в. В социологии и психологии доверие рассматривается как центральная связующая сила внутри каждого общества и культуры: оно стабилизирует социальные связи и снижает чувство опасности, делает окружающий мир менее сложным и более понятным. Доверие обеспечивает стабильность и сотрудничество, создает ощущение предсказуемости и надежности повседневности, является ресурсом понижения рисков и укрепления уверенности в завтрашнем дне².

На первый взгляд данные характеристики доверия легко обнаруживаются в пропаганде образа Сталина в роли «лучшего друга, покровителя и учителя немецкого народа». Репрезентации Сталина как гаранта мира и залога мирного будущего апеллировали к послевоенному чувству тревоги, формируя обещание укрепления уверенности и надежности в завтрашнем дне за счет принадлежности к социалистическому блоку государств. Однако в данной системе доверия отсутствовала одна из базовых характеристик доверия, а именно двусторонняя добровольная коммуникация равноправных партнеров. Очевидно, что в условиях диктатуры мы имеем дело с отличной от демократических обществ природой доверия. Диктатуры современности формировали *режимы принудительного доверия*, в которых доверие было организовано и запрограммировано, управляемо и направляемо, иерархизировано и дозировано³.

¹ Flam. Soziologie der Emotionen. S. 16–43.

² Например, см.: Fukuyama F. Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity. New York, 1995; Misztal B. Trust in Modern Societies. Cambridge, 1996; Govier T. Social Trust and Human Communities. Montreal, 1997; Sztompka P. Trust. A Sociological Theory. Cambridge, 1999; Frevert U. (ed.). Vertrauen. Historische Annäherung. Göttingen, 2003.

³ См. также: Tikhomirov A. The Regime of Forced Trust: Making and Breaking Emotional Bonds between People and State in Soviet Russia, 1917–1941, in: Slavonic

Аналогичный режим принудительного доверия к Сталину оформляется в ГДР. Поражение во Второй мировой войне и потеря родины в ходе массовых депортаций, разрушение семейно-родственных связей и смерть близких на фронте, крах старой системы и институтов Третьего рейха на фоне слабой эффективности новой оккупационной администрации повлекли за собой эскалацию генерализованного недоверия¹. Тотальное недоверие рождало острую потребность в источниках доверия как базового ресурса организации индивидуальной и коллективной жизни. С помощью риторики доверия и недоверия государству и партии удалось определить «врагов» и «друзей» социалистического порядка. В этой системе координат Сталину была приписана роль патрона – «лучшего друга, учителя и покровителя немецкого народа». Коннотации образа Сталина позитивными эмоциями позволили власти сделать обществу заманчивое предложение: получить доступ к источнику абсолютного доверия, так как пропаганда советского лидера обещала скорое улучшение послевоенных будней и нормализацию повседневности через строительство социализма, забывание нацистского прошлого и освобождение от угрызений совести, избавление от чувства страха и тревоги за счет дискурсивного перехода на сторону победителей. Таким образом, острая потребность в источниках доверия на фоне эскалации недоверия в послевоенной Германии стала важной предпосылкой для утверждения культа Сталина и конструирования эмоциональных уз между восточными немцами и советским лидером. В данном свете конструируемые государством и партией эмоции превращались в центральное средство легитимации культа Сталина в ГДР и важный канал переноса официальной идеологии в тело и душу восточногерманского субъекта.

3.3. Ритуалы культа Сталина: модели и алгоритмы символической коммуникации

Ритуалы культа Сталина стали одним из центральных средств легитимации режима СЕПГ в Восточной Германии. С их помощью власть конструировала политический порядок, оккупировала пу-

and East European Review. Special Issue "Trust and Distrust in the USSR". Vol. 91, No. 1 (January 2013). P. 78–118.

¹ См.: Hosking G. Trust and Distrust in the USSR: An Overview, in: Slavonic and East European Review. Special Issue "Trust and Distrust in the USSR". P. 1–25; также см.: Luhmann N. Vertrauen. Ein Mechanismus der Reduktion sozialer Komplexität. Stuttgart, 1968.

бличное пространство символами власти, передавала участникам знания об устройстве мира, индоктринировала и мобилизовала население в интересах государства. Ритуалы культа Сталина можно назвать «переводом мифа о “вожде” в действие»¹: тексты пропаганды инсценировались и оживали в публичном пространстве, а коллективные действия были нацелены на переживание позитивных эмоций уважения, благодарности и любви к «вождю» – тех ферментов пропаганды, которые стимулировали усвоение и проникновение государственной идеологии в сознание миллионов индивидов. В ходе эмоционального сопереживания и физического соучастия в ритуальных действиях человек получал возможность личной идентификации с целями и задачами режима. Благодаря встрече власти и общества в пространстве символической коммуникации лицом к лицу ритуал можно рассматривать не только как средство манипулирования массами, но и как метод привлечения населения к проекту построения социализма в Восточной Германии².

В империи сталинизма ритуалы культа Сталина являлись центральными технологиями осуществления власти – практиками советизации, средством подчинения Периферии и ее символического включения в культовое сообщество³. Опираясь на исследования Э. Дюркгейма, можно сказать, что ритуалы культа личности являлись инструментом власти для создания, воспроизводства и обновления коллективных представлений, с помощью которых человек понимал и интерпретировал политическую реальность⁴. Регенерация культового сообщества обеспечивалась ежегодным циклом официальных ритуалов – центральной формы символической коммуникации между Центром и Периферией, смысл которой сводился к закреплению имперской иерархии, подтверждению репрезентаций власти, стимулированию советского культурного трансфера, легитимации тоталитарных структур и институтов в политической системе Восточной Германии. В ритуалах культа Сталина – организуемых и контролируемых государством публичных сферах – разыгрывался советский сценарий власти. Следуя предписанным ролям и драматургии, индивид учился разговаривать и жить по-советски, усваивал нормы и правила публичного поведения, упражнялся в распознава-

¹ Hein. Der Pilsudski-Kult. S. 11.

² Dörner. Politischer Mythos und symbolische Politik. S. 54.

³ Daniel J. Politische Rituale als Sowjetimporte, in: Jarausch, Siegrist. Amerikanisierung und Sowjetisierung in Deutschland. S. 67–86.

⁴ Durkheim E. Die elementaren Formen des religiösen Lebens. Frankfurt a. M., 1994. S. 498.

нии «друзей» и «врагов», примерял маски с выражением различных эмоций и костюмы новых социальных ролей в жестко иерархичном «бесклассовом социалистическом обществе»¹.

В данной главе я рассматриваю три уровня «ритуального порядка» (А. Бергезен) культового сообщества в Восточной Германии². Первый микроуровень был нацелен на конструирование личной идентичности с режимом через интериоризацию индивидом ритуального языка диктатуры. Речь идет о поиске частных смыслов существования и индивидуальных стратегиях интеграции во властные структуры и дискурсы за счет использования заданных алгоритмов действий. Средний уровень включает анализ ритуалов повседневной коммуникации, в которых речь идет об установлении и принятии определенных классовых, социальных, гендерных, профессиональных идентичностей. На третьем макроуровне ритуального порядка реконструируются партийные и государственные церемонии культа личности, в которых общество и нация, государство и империя переживали и подтверждали себя коллективно как единое целое.

От «темноты» к «свету» по-немецки: субъективность и работа над личностью в микроритуалах культа Сталина

Ритуалы культа Сталина являлись пространством трансформации, переделки и усовершенствования индивида. Идеальным продуктом данной работы над личностью мыслился «новый человек» – социалистический субъект в советизированной Германии. Амбициозная идеологическая конструкция диктатур современности была характерна как для национал-социалистов, так и для большевиков. Жизнь в Третьем рейхе была подчинена задачам репродуцирования и воспитания нового человека, являвшегося представителем совершенной расы арийцев в замкнутом и охраняемом жизненном пространстве, испытывавшего чувство опасности и страха перед другими – «чужими» – народами. Напротив, советский идеал индивида и индивидуальности подразумевал наличие революционного духа и открытости миру, присутствие силы воли и энтузиазма, самостоятельную работу над совершенствованием души и сознания³. После 1945 г. советские

¹ См.: Siegelbaum L., Sokolov A. (ed.). *Stalinism as a Way of Life: a Narrative in Documents*. New Haven, 2000; Fitzpatrick Sh. *Tear of the Masks! Identity and Imposture in 20th Century Russia*. Princeton, 2005.

² Bergesen A. *Die rituelle Ordnung*, in: Belliger A., Krieger D. J. (Hg.). *Ritualtheorien. Ein einführendes Handbuch*. Wiesbaden, 2006. S. 49–96.

³ Fritzsche P., Hellbeck J. *The New Man in Stalinist Russia and Nazi Germany*, in: Geyer, Fitzpatrick. *Beyond Totalitarianism*. P. 302–341.

оккупационные власти приступили к реализации большевистского проекта конструирования нового человека за пределами СССР – в послевоенной Германии. Для разрыва с нацистским прошлым СВАГ практически полностью отказывается от пропаганды культа физического тела, идеалы которого были широко распространены в ранней советской России и в Третьем рейхе¹. В послевоенных условиях усилия советских контрольных инстанций были сосредоточены на перековке *сознания* немцев, заключавшейся в предложении спасения души от груза нацистских преступлений, демонстрации верности государству и партии, выражения уважения и любви к новому «фюреру» – Сталину.

Разрыв с национал-социалистическим прошлым поставил перед миллионами немцев проблему индивидуального вживания в новую реальность. Советизация мыслилась не только как общегосударственный, но и как индивидуальный проект. К каким стратегиям адаптации, интеграции и приспособления прибегали бывшие члены НСДАП, Гитлерюгенда, эсесовских подразделений или же вполне обычные граждане для наполнения собственной жизни новыми – советскими – смыслами? К каким воспоминаниям, традициям и опыту они обращались, чтобы скрыть черную метку жизни в Германии при Гитлере и легитимировать право на *нормальную* жизнь в советизируемой Восточной Германии? Преодоление кризиса личной идентичности требовало дистанцирования от индивидуального нацистского опыта и поиска алиби – оправдательных, защитных аргументов негативного прошлого, коннотации которого включали в себя чувство вины за соучастие в нацистских преступлениях, поддержку или лояльность к национал-социалистической диктатуре. Миллионы *забракованных* биографий требовалось переписать и включить в советский дискурс власти.

Култ Сталина предлагал восточным немцам уникальный шанс конструирования новой личной идентичности: отказа от роли «па-

¹ Табуирование нацистского культа тела и физической силы наблюдается в приказах СВАГ, нацеленных на запрет и контроль всех спортивных мероприятий, секций и кружков. Например, см.: Приказание начальника УСВА федеральной земли Саксония Д. Г. Дубровского № 0153 военным комендантам округов и городов о запрещении фашистских спортивных организаций // Политика СВАГ в области культуры. С. 94; Приказание начальника штаба УСВА федеральной земли Тюрингии № 0102 о нарушении немецкими органами управления директивы Контрольного совета 23 от 17 декабря 1945 г. «Об ограничении и демилитаризации спорта в Германии», 21 июня 1946 г. / Петров В. Н. Формирование органов немецкого самоуправления и советизация Восточной Германии / СВАГ и немецкие органы самоуправления, 1945–1949. С. 332.

дача» с инсценировкой себя «жертвой» режима. Артикулирование советских нарративов рядовым немцем являлось базовым признаком подчинения индивида режиму новой власти. Оно отражало потребность человека наполнить хрупкую повседневность после войны положительными и жизнеутверждающими смыслами. Результатом стало проникновение официального языка диктатуры в индивидуальные практики публичной риторики и поведения¹. Ритуальное использование языка культа Сталина открывало возможность переписать собственную биографию, вписав индивидуальную судьбу в дискурс антифашизма и сопротивления, освобождения и победы, то есть публично доказать политическое конвертирование из «врага» в «друга» Советского Союза. В ходе конструирования послевоенной личной идентичности происходило возникновение советизированного субъекта, главной характеристикой которого являлась демонстрация верности СЕПГ, СССР и лично Сталину.

Рассмотрим один пример. В ноябре 1949 г. школы и университеты Саксонии приступили к подготовке празднования 70-летнего юбилея Сталина. В рамках кампании каждый ученик и студент получил возможность написать личное письмо «вождю», рассказав о личной судьбе в вихре послевоенных трансформаций. Одно из таких писем было обнаружено мной в Государственном архиве федеральной земли Саксонии в Дрездене². Автор письма – студент факультета общественных наук Лейпцигского университета – демонстрирует идеальный образец работы над личностью в послевоенной Восточной Германии: приписывание негативных характеристик жизни в Третьем рейхе при одновременном воспроизведении мифа о советском «вожде» и описание положительных тенденций развития в советской зоне. Именно *образцовость и правильность* риторики антифашизма наряду с классовым происхождением автора из семьи рабочих и коммунистов способствовали сохранению письма в архивных фондах. Очевидно, что не известный нам бюрократ решил отсортировать настоящее письмо от сотен других экземпляров и занести его в архив, чтобы с чувством гордости демонстрировать успех формирования социалистического сознания среди восточногерманской молодежи перед вышестоящими (возможно, советскими) контрольными инстанциями.

¹ См.: Halfin I. *From Darkness to Light: Class, Consciousness, and Salvation in Revolutionary Russia*. Pittsburgh, 2000; Halfin I. *Stalinist Confessions: Messianism and Terror at the Leningrad Communist University*. Pittsburgh, 2009; Hellbeck. *Revolution on My Mind*.

² Staatsarchiv Dresden, Landesregierung Sachsen, Ministerium für Volksbildung, Nr. 1245, Bl. 89–94.

Обратимся к тексту источника. Сам автор формулирует цель письма: показать Сталину как изменяется его личность, происходит политическая трансформация немецкой молодежи и общества в целом, как меняется восприятие Советского Союза и укрепляются основы германо-советской дружбы. Данное письмо-исповедь, понимаемое автором как «отчет о личном вкладе в дело строительства нового общественного порядка», – уникальный пример включения индивидуальной биографии в послевоенный дискурс власти и поиска личных смыслов жизни в ходе советизации. Автор начинает реконструкцию жизненного пути с самоидентификации с классом немецкого пролетариата: «родился в 1929 г., вырос в семье коммунистических рабочих». Детские воспоминания он описывает в категориях жертвы Третьего рейха на фоне нарратива об активном сопротивлении родителей национал-социалистическому режиму. Автор сообщает об активном участии семьи в демонстрациях протеста, аресте отца органами гестапо в 1935 г., его последующем осуждении в 1937 г. и содержании в концентрационном лагере Бухенвальд, а также об убийстве родного дяди сотрудниками гестапо в заключительный период войны.

Май 1945 г. – рубежная веха в биографии автора: момент «долгожданного освобождения от фашизма через удары Красной Армии». Если для подавляющего большинства «поколения строителей новой жизни», к которому исследователи относят родившихся в конце 1920-х – начале 1930-х гг., поражение в войне стало травматичным опытом крушения национал-социалистической картины мира, то автор к декабрю 1949 г. демонстрирует риторику и эмоции, свидетельствующие о превращении «поражения» в «победу»¹. Именно данному «поколению Гитлерюгенд», несмотря на активное участие в политической жизни Третьего рейха, веру в фюрера и даже участие в войне, молодое государство ГДР предоставляет шансы получения образования и работы, продвижения по социальной лестнице и повышения статуса. Создание ГДР дало им возможность порвать с темным прошлым, начать жизнь с нового листа. Новое немецкое государство нуждалось в молодых и ангажированных гражданах, призванных стать опорой и носителями новой власти. В благодарность за освобождение от чувства вины данное поколение приспособлялось и интегрировалось, разговаривало на языке партии и участвовало в официальных ритуалах. Они поддерживали советизацию и принимали культ Сталина, так как испытывали острую потребность

¹ Подробную характеристику «поколения строителей новой жизни» см.: Ahbe-Gries. Gesellschaftsgeschichte als Generationengeschichte. S. 502–518.

в готовых моделях поведения и простых ответах на сложные вопросы о смыслах жизни. Они рассчитывали на помощь «победителей», с которыми связывались надежды на прекращение голода, дефицита и насилия.

С учетом ментальных установок «поколения строителей новой жизни» риторика анализируемого нами письма студента Лейпцигского университета типична и симптоматична для первых послевоенных лет. Период с 1945 по 1949 г. автор описывает как время роста классового сознания пролетариата. Признаками укрепления классового сознания служат для него принятие курса германо-советской дружбы и признание Сталина «лучшим другом немецкого народа». А ключом к формированию классового сознания является изучение сталинских произведений: «Вы, товарищ Сталин, были тем, кто дал нам ясный ответ на тысячи неясностей через Ваши простые труды с глубоким научным содержанием. В последний год Вы стали для рабочего класса дорогим другом, который благодаря своим свершениям указал нам путь в жизнь, путь к социализму и дал нам идеологический ориентир для достижения поставленных целей».

В качестве примера роста популярности Сталина среди населения автор приводит контраст празднования дней рождения «вождя» в 1948 и 1949 г. Если в день 69-летия Сталина на торжественном мероприятии в университете присутствовало всего около 500 человек, то иная картина наблюдалась год спустя – «весь город и весь университет подключились к празднованию юбилея товарища Иосифа Сталина». В этот короткий отрезок времени сам автор проделывает большую эмоциональную работу над личностным развитием: от чувства сконфуженности, вызванного слабой посещаемостью сталинского праздника в 1948 г., до чувства гордости за проделанную личную и общественную работу по состоянию на декабрь 1949 г. При этом автор считает необходимым привести личное оправдание собственной политической незрелости в 1948 г.: «Я уже тогда осознавал ценность человеческого потенциала Сталина и даже написал Вам письмо, которое не отправил, стыдясь своего низкого политического уровня образования».

Как правило, в тексте письма воспроизводятся нарративы и метафоры восточногерманской пропаганды: благодаря выходу из подполья сил немецкого сопротивления, возвращению из тюрем и эмиграции немецких антифашистов начинается работа над восстановлением послевоенной жизни. Создание ГДР при личной поддержке Сталина укрепляет надежды автора на национальное и государственное единство немцев. Составной частью успеха в построении нового общественного порядка называется присутствие

в Германии солдат Красной армии как «учителей», «образцовых представителей советского народа», «воспитателей и помощников в развитии демократических институтов». Автор говорит о почитании Сталина миллионами немцев, принятии германо-советской дружбы, своевременности разоблачения врагов через партийные чистки. Письмо Сталину завершается риторикой выражения чувств благодарности: «К Вашему 70-летию разрешите поблагодарить Вас и в Вашем лице весь советский народ за освобождение от фашизма благодаря вашему гениальному руководству и за то, что Вы указали нашему народу путь, предвещающий людям счастливое существование. Благодаря вашему примеру будут зажигаться миллионы сердец у людей, которым Вы станете дорогим другом, особенно среди молодежи. В Вашем имени, в имени Сталина – целая эпоха, указывающая путь человечеству. Вы – продолжатель дела Ленина и Маркса – ведете нас к коммунизму».

Для режима СЕПГ подобные кампании пропаганды по написанию писем Сталину являлись формой контроля над усвоением мифа о «вожде» и показателями эффективности работы государства пропаганды. В них звучали положительные оценки земельной, денежной и образовательной реформ, стахановского движения и пребывания Красной армии в Восточной Германии наряду с артикулированием страха перед Америкой и капиталистическим Западом как источников военной угрозы. Рассмотренный нами пример написания личного письма Сталину показывает, как индивид, взяв перо в руку, трансформировался в политического субъекта, вписывал частную жизнь в дискурс власти, участвовал в стабилизации и воспроизводстве политического порядка. Другой эффект работы над личностью в письмах к «вождю» как высшей моральной и апелляционной инстанции – конструирование личной идентичности и обретение смыслов сотрудничества с режимом новой власти. Артикулирование нарративов пропаганды позволяло индивиду преодолеть ограниченность собственных ресурсов, наполнить частную жизнь общегосударственными смыслами построения нового общественного порядка, идентифицировать себя с макропроцессами государственных трансформаций и глобальной политики.

Аналогичным микроритуалом культа Сталина являлись конкурсы рисунков и сочинений о «лучшем друге немецкого народа» среди детей. Так, накануне дня рождения Сталина в 1949 г. ОГСД устроило конкурс на лучшее сочинение о «вожде» среди берлинских школьников. Детям предоставлялась свобода выбора темы и жанра сочинения при обязательном соблюдении условия: в тексте должны были содержаться «слова и действия, ясно подтверждающие, что Сталин – ваш

друг»¹. Результатом акции должно было стать вручение трех призов, среди которых значились фотоаппарат или аккордеон, наручные часы или скрипка, микроскоп или бинокль на выбор. Остальные 400 призов предполагалось вручить в виде футбольных мячей, спортивных костюмов, книг и театральных билетов. Пяти самым активным школам была обещана передача библиотек. Вручение призов намечалось на 2 февраля 1950 г. – День памяти Сталинградской битвы.

Параллельно с конкурсом сочинений проходило соревнование на лучшие рисунки о германо-советской дружбе среди детей. Данная культурная продукция служит наглядным доказательством проникновения официальной идеологии в детское сознание. Например, на рисунке школьника из города Циттау был нарисован «мост мира», по которому из Москвы в Берлин осуществляются поставки нефти, хлопка, грузовых автомашин и тракторов. На другом рисунке сравнивается Германия времен Гитлера и времен Сталина. В первом случае изображена война, стреляющие танки и орудия с фашистской символикой, разрушенные дома рядом с курганами могил. На другой стороне рисуется мирная жизнь, восстановление жилья, индустрии и сельского хозяйства, по широкой улице тянется вереница тракторов и машин, поставляемых в ГДР из СССР. В поздравительной открытке школьников визуальные образы вербализировались в формулу благодарности «вождю»: «Мы благодарим покровителя Германской Демократической Республики, сторонника единства Германии, гаранта сохранения мира, друга всех мирно живущих народов – генералиссимуса Сталина и приветствуем его к 70-летию юбилею»². Органы пропаганды уделяли пристальное внимание популяризации образа Сталина среди детей, в которых усматривали будущую социальную опору режима СЕПГ.

В западном обществе индивидов и индивидуальности социалистическая пропаганда стремилась придать советской практике принятия коллективных общественных обязательств индивидуальный характер. Как правило, день рождения Сталина служил поводом для принятия обязательств, представляемых пропагандой в качестве личной присяги «вождю» добиться сверхплановых успехов в образовательной, партийной, производственной, личной сферах жизни. Данный механизм был призван активировать человека на подвиги, провести эмоциональную и физическую мобилизацию населения для достижения поставленных государством и партией целей. Акт принятия обя-

¹ Wir rufen die Berliner Jugend zum Wettbewerb, in: SAPMO-BArch, DY 32 / 10072.

² SAPMO-BArch, DY 32 / 12562.

зательств трактовался пропагандой как личный вклад в общее дело строительства социализма, как демонстрация индивидуальных сил и возможностей для придания витальной энергии режиму.

Практика принятия обязательств охватывала представителей различных социальных групп, классов и когорт: рабочих и служащих, крестьян и интеллигенции, школьников и студентов, спортсменов и активистов, бывших в советском плену военнопленных и получивших во время войны травмы инвалидов, партийных и беспартийных, матерей и вдов¹. Пропаганда призывала каждого гражданина независимо от прошлого и социального статуса внести личный вклад в общую копилку победы коммунизма. В основе принимаемых обещаний перед «вождем» лежали личные возможности и ресурсы (профессиональные, материальные, символические). Одни обещали усердно учить сталинскую конституцию и труды «вождя», другие – постоянно повышать производительность труда за счет внедрения сталинских методов производства, третьи – отчислять проценты от зарплаты на национальную программу восстановления Берлина и принимать активное участие в строительных работах, четвертые – просто «бороться за правду» и «разоблачать врагов»². Практика обязательств открывала для индивида возможность почувствовать себя важным звеном в большой цепи людей, идентифицировать личные возможности с задачами партии и государства.

Итак, рассмотренные мной примеры показывают, каким образом микроритуалы культа Сталина работали в качестве практик самосоветизации индивида: они стимулировали трансформацию человека в политического субъекта, который вписывал личную жизнь и биографию в новый дискурс власти. С помощью ритуалов индивидуальной мобилизации государство рассчитывало запустить механизм политического самоактивирования индивида, который бы способствовал инвестициям эмоциональной энергии субъектов во властные структуры и стабилизацию режима СЕПГ в целом. Одновременно проанализированные практики показывают, как человек через участие в микроритуалах получал инструментарий для понимания и интерпретации советизированной реальности, как он искал и обретал новые смыслы жизни в другой немецкой диктатуре. Интериоризация риторики мифа о «вожде» множеством субъектов стала важным источником регенерации и производства культа. Различные возможности соучастия в мифотворчестве через создание сочинений и рисунков.

¹ Например, см.: Freiheit, 21. Dezember 1951. Nr. 297. S. 5.

² Например, см.: Lausitzer Rundschau, 21. Dezember 1951. S. 3, in: SAPMO-BArch, DY 132 / 10277.

участие в лотерее для восстановления Аллеи Сталина, кампаниях по сбору подарков и подписей под поздравлениями укрепляли сакральность фигуры советского «вождя», способствуя его перемещению из теневых зон в центр индивидуальной и публичной жизни Восточной Германии.

***Между заводом и массовой организацией:
классы, роли и иерархии в культовом сообществе***

Культ Сталина в Восточной Германии способствовал закреплению классовых, социальных, гендерных, профессиональных ролей, статуса и иерархий в официально провозглашаемом «бесклассовом социалистическом обществе». Структура послевоенного немецкого общества закреплялась в комплексе массовых организаций, ставших составной частью политической системы Восточной Германии¹. Они позволяли власти дробить массы на классы и группы, приписывать им политическую миссию и мобилизовать на выполнение конкретных задач, управлять социальной мобильностью и контролировать участие в публичной жизни². Практически все активное население Восточной Германии было охвачено и включено в массовые организации – организуемые и контролируемые государством пространства индоктринирования, мобилизации и дисциплинирования граждан.

Центральные задачи массовых организаций были сформулированы В. Ульбрихтом на одном из заседаний конференции функционеров Союза свободной немецкой молодежи (ССНМ) в ноябре 1950 г.: «Каждый человек, желающий осуществлять созидательную работу, должен знать, каким путем он должен идти вперед. Иначе он будет похож на слепого, ищущего дорогу клюкой. Поэтому каждый прогрессивный человек должен познакомиться с марксизмом-ленинизмом. Учение Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина должно преподаваться в каждой передовой массовой организации»³. В словах Ульбрихта мас-

¹ Rittersporn G. T., Behrends J. C., Rolf M. Öffentliche Räume und Öffentlichkeit in Gesellschaften sowjetischen Typs. Einleitung, in: Ders. (Hg.): Sphären von Öffentlichkeit in Gesellschaften sowjetischen Typs. S. 13; Fitzpatrick Sh. Ascribing Class. The Construction of Social Identity in Soviet Russia, in: Fitzpatrick Sh. Stalinism: New Directions. London; New York, 2000. P. 20–46.

² К центральным массовым организациям Восточной Германии относились Объединение свободных немецких профсоюзов (создано в 1945 г.), Союз свободной немецкой молодежи (создан в 1946 г.), Демократический женский союз (создан в 1947 г.), Общество германо-советской дружбы (создано в 1949 г.).

³ Цит. по: Mählert U. Blaue Hemden – Rote Fahnen. Die Geschichte der Freien Deutschen Jugend. Opladen, 1996. S. 78–79.

совые организации получили прямое послание приступить к трансформации индивида в политического субъекта, разговаривающего на языке партии и действующего в целях укрепления режима.

Ключевую роль в политической мобилизации молодого населения сыграл ССНМ, созданный в марте 1946 г. С самого начала советские оккупационные власти отлично осознавали ключевую роль молодежи в укреплении послевоенного политического порядка. В политической системе Восточной Германии данной массовой организации отводилась роль кузницы кадров и главной социальной опоры режима СЕПГ¹. Именно они – молодые немцы, освобожденные от груза вины за преступления нацистов, – должны были стать строителями социализма в Восточной Германии². Процессу идеологического перевоспитания молодежи помогала СВАГ. В ноябре 1946 г. один из руководителей политуправления СВАГ П. Б. Банник разослал начальникам политотделов провинций примерную тематику лекций для молодежи. Среди прочих тем в списке указывалась необходимость семинаров о биографиях Ленина и Сталина, а также чтения лекции на тему «Товарищ Сталин – организатор и вдохновитель побед советского народа»³.

В конце 1940-х – начале 1950-х гг. ССНМ подвергся интенсивной сталинизации⁴. Ярким доказательством тому служат молодежные парламенты 1949 и 1952 гг., на заседаниях которых упоминание имени Сталина впервые встречалось ритуальными действиями поклонения «вождю» – «бурными овациями», «долгим, непрекращающимся криками браво и ура», «коллективным скандированием фразы “Пик – Сталин”». Протоколы заседаний IV парламента ССНМ (май 1952 г., Лейпциг) буквально пронизаны риторикой и ритуалами культа Сталина. Приведу лишь один пример. Акция передачи красного знамени комсомола от советской делегации в руки председателя ССНМ Э. Хонеккера и выставление у него почетного караула наделялась семантикой «выражения глубокой любви молодых немецких

¹ По состоянию на июнь 1950 г. ССНМ насчитывал 1 200 856 человек, или 38,5 % всей молодежи в возрасте от 14 до 25 лет. См.: Mählert U. “Die gesamte junge Generation für den Sozialismus begeistern”: Zur Geschichte der Freien Deutschen Jugend, in: Weber J. (Hg.). Der SED-Staat: Neues über eine vergangene Diktatur. München, 1994. S. 73–98. hier S. 77.

² С самого начала основания ССНМ руководители СЕПГ активно использовали риторику невиновности молодежи в преступлениях Третьего рейха. См., например: Grotewohl O. An die Jugend. Berlin, 1955.

³ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 11. Д. 11. Л. 92–93.

⁴ Mählert U. Die Freie Deutsche Jugend. Von den “antifaschistischen Jugendausschüssen” zur SED-Massenorganisation: Die Erfassung der Jugend in der Sowjetischen Besatzungszone. Paderborn, 1995.

борцов за мир к народам Советского Союза и к мудрому вождю Сталину»¹. При этом Э. Хонеккер отметил: «С чувством глубокого доверия к верному пути нашего народа и нашим собственным силам, с доверием к непобедимой силе миролюбивого лагеря мира, возглавляемого могущественным Советским Союзом, как никогда ранее мы хотим выполнить великое и обязывающее задание, поставленное мудрым Сталиным, – быть активными строителями единой, демократической, миролюбивой Германии»².

В январе 1950 г. начинается первый «учебный год ССНМ», суть которого сводилась к систематической пропаганде образа Сталина среди молодежи, а именно к изучению биографии и произведений советского лидера в специально созданных для этих целей кружках. По окончании курса ученикам предстояло выдержать экзамен. Разрешение на итоговую аттестацию получали лишь те ученики, которые «регулярно посещали политшколу, участвовали в работе кружка по изучению биографии вождя, и те, кто путем самостоятельного изучения усвоил требуемый уровень знаний»³. Устная часть экзамена предусматривала демонстрацию знаний не только биографии советского лидера, но и жизненного пути В. Пика, немецкой истории и актуальной международной ситуации. Письменная часть испытания требовала написания сочинения либо о немецкой истории, либо «о жизни и борьбе И. В. Сталина» на выбор. Обязательным условием аттестации была демонстрация общественной активности в виде сдачи статьи о передовой работе ССНМ для публикации в стенгазетах школ, университетов и предприятий⁴. Успешная сдача экзамена завершалась присвоением значка «За хорошие знания!» в золоте, серебре или бронзе в зависимости от уровня усвоения официальной риторики «диктатуры дискурса».

Немецкой молодежи предстояло научиться не только говорить и думать, но и смотреть на мир и чувствовать по-советски. Для достижения этой цели учебные брошюры ССНМ публиковали списки рекомендованной для чтения советской литературы и предписанных для просмотра художественных фильмов, призванных сформиро-

¹ Mählert U. Blaue Hemden – Rote Fahnen. S. 9–10.

² AdsD, SPD–PV–Ostbüro 0383 G, unpag.

³ Unter dem Banner Lenins und Stalins schreitet das Sowjetvolk zum Kommunismus. Lehrheft für den Zirkel zum Studium der Biographie J. W. Stalins. Verlag Junge Welt. (ca. 1951) S. 45; Stalin und die Jugend. Leseheft für den Zirkel zum Studium der Biographie J. W. Stalins / Hrsg. vom Zentralrat der FDJ. Abt. Propaganda. Junge Welt, 1953.

⁴ Prüfungsbedingungen für das Abzeichen “Für gutes Wissen” in Gold. Zum Protokoll 141 / III / 51, in: SAPMO–BArch DY 24 / 2480.

вать *нужный* партии и государству образ Сталина¹. Изучение трудов классиков марксизма-ленинизма приравнивалось к переживанию чувства национальной гордости: «Это должно стать нашей большой гордостью, когда мы перед молодежью всего мира сможем заявить: мы изучали труды Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, чтобы использовать эти знания в борьбе за мир»².

Ритуалы культа Сталина стали составной частью кампаний пропаганды, преследовавших цель мобилизации и дисциплинирования молодежи. Например, накануне 70-летия Сталина в ГДР развернулась кампания сбора подписей под поздравительным письмом Сталину. Текст приветственной телеграммы выглядел следующим образом: «Глубокоуважаемый Генералиссимус! Примите, пожалуйста, к Вашему 70-летию сердечные поздравления и приветы. Мы благодарим Вас за телеграмму, которую Вы послали в связи с образованием ГДР. Мы хотим оправдать проявленное к нам доверие. Все немецкие юноши и девушки будут трудиться для достижения мира и единства Германии. Обещаем, что приложим все силы для строительства нашей республики, для конституции, для почитания нашего президента Вильгельма Пика. Мы обещаем построить мирную экономику и укреплять дружбу как с Советским Союзом, так и со всеми миролюбивыми народами»³. 20 декабря 1949 г. были объявлены официальные результаты кампании: 2 022 308 представителей немецкой молодежи в возрасте от 12 до 25 лет подписали поздравительное послание в адрес Сталина.

Высокий мобилизационный потенциал культа Сталина среди молодежи был продемонстрирован в инсценировке акта харизматической коммуникации: двустороннем обмене приветственными телеграммами между представителями ССНМ и лично Сталиным по поводу первой общегерманской встречи молодежи в мае 1950 г. в Восточном Берлине (ил. 16). Кульминацией слета стало коллективное принятие текста послания для Сталина от имени 700 тыс. юношей и девушек. Краткий ответ Сталина с пожеланиями «новых успехов в строительстве единой, демократической, миролюбивой

¹ Для чтения рекомендовались произведения К. Симонова «Дни и ночи», И. Эренбурга «Штурм», А. Фадеева «Молодая гвардия», Б. Полевого «Повесть о настоящем человеке». Среди художественных фильмов предписывалось посмотреть «Сталинградскую битву», «Падение Берлина», «Горящие сердца», «Встречу на Эльбе». См: Stalin, der große Feldherr und Organisator des Sieges über den Faschismus. Leseheft für den Zirkel zum Studium der Biographie J. W. Stalins. Verlag Junge Welt. S. 63.

² Anlage Nr. 6: Plan für zusätzliche Literatur zum Schuljahr der FDJ. Zum Protokoll 141 / III / 51, in: SAPMO-BArch, DY 24 / 2408.

³ SAPMO-BArch, DY 24 / 3430.

Германии» стал стимулом для радикализации пропаганды «лучшего друга немецкого народа» в ГДР. Газета «Юнге Вельт» – печатный орган ССНМ – выпустила специальный номер с тиражом 800 тыс. экземпляров с изображением Сталина и текстом самого послания на первой странице. При поддержке ССНМ были напечатаны 300 тыс. плакатов и 100 тыс. настенных газет¹. Данная продукция пропаганды должна была визуализировать акт успешной коммуникации с «вождем» в публичном пространстве диктатуры.

В государстве пропаганды инсценировка харизматической коммуникации выполняла ряд важных функций. Во-первых, ответная реакция Сталина приписывала немецкой молодежи ключевую роль в создании нового политического порядка в послевоенной Германии². Пропаганда активно использовала риторику доверия – «жеста оказания высокого доверия и высокой чести со стороны Сталина», накладывая на молодое поколение немцев обязательства к построению социализма под эгидой СЕПГ³. В этом отношении телеграмма способствовала приучению, поощрению и одновременно дисциплинированию вчерашнего «поколения Гитлерюгенд» в процессе обучения молодежи советской риторике, практикам и эмоциям. Во-вторых, конструирование чувства доверия к Сталину подразумевало воспитание недоверия к западному миру как источнику опасности и новой военной угрозы. Например, молодежное подразделение народной полиции выпустило брошюру с мобилизационным призывом сплочения вокруг Сталина на фоне якобы возрастающей угрозы агрессии со стороны Запада⁴. В ней говорилось о намерении бывших союзников взорвать скалу Лорелей в Рейнской области – одну из важнейших культурных достопримечательностей и традиционного символа национальной идентичности немцев. В-третьих, инсценировка данной коммуникации закрепляла репрезентации харизматических качеств и ролей самого советского руководителя, пропаганда которого с 1949 г. сводилась к общему знаменателю «борца за мир и гаранта мирного сосуществования народов» во всех социалистических странах.

Роль Сталина в качестве «борца за мир» была наиболее ярко драматизирована в ходе подготовки и проведения Третьих всемирных игр молодежи и студенчества. Они прошли в Восточном Берлине

¹ См.: Mählert. Blaue Hemden – Rote Fahnen. S. 79–80.

² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1406. Л. 20–22.

³ Vorwärtsjunge Friedenskämpfer der VP: Schulen / Bereitschaften im Friedensaufgebot der deutschen Jugend! Hrsg. von der Hauptverwaltung für Ausbildung der FDJ. Berlin, 1950. S. 6–7.

⁴ Vorwärtsjunge Friedenskämpfer. S. 4.

под лозунгом «За мир и дружбу – против атомного оружия» с 5 по 19 августа 1951 г. (ил. 17). Около 26 тыс. спортсменов из 104 стран мира и более двух миллионов немцев из Западной и Восточной Германии были вовлечены в пропагандистский спектакль, призванный закрепить легитимность ГДР как в когорте «стран народной демократии», так и на общемировой арене¹. Но каким образом режиму СЕПГ удавалось привлекать восточногерманскую молодежь к участию в партийно-государственных мероприятиях? И какими мотивами руководствовались юные немцы, выражая поддержку и лояльность власти?

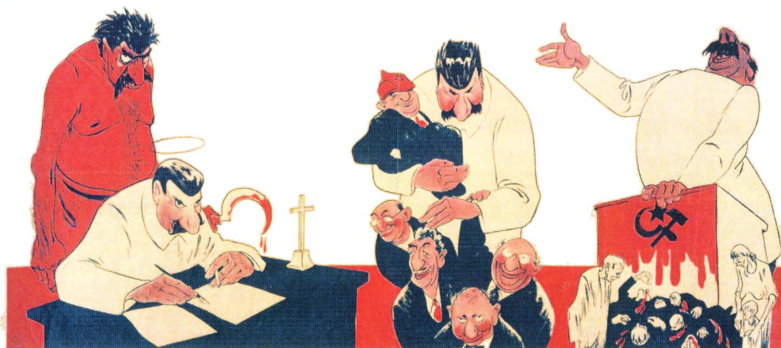
Рассмотрим более детально алгоритм мобилизации молодежи в связи с Третьими всемирными играми молодежи и студенчества. 30 мая 1951 г. Политбюро СЕПГ приняло решение о проведении кампании пропаганды «За Сталина!». Ее цель состояла в тотальной мобилизации молодежи в связи с организацией игр². Между региональными представительствами ССНМ развернулось соревнование за «сталинское знамя». При проведении конкурса учитывались показатели вступления новых членов в организацию, число проведенных собраний и подписчиков на газету «Юнге Вельт», а также количество принятых обязательств по изучению труда Сталина «Об основах ленинизма». Официальные результаты кампании поразили само руководство ССНМ: только в июне 1951 г. в организацию вступило 58 955 человек, а к середине июля того же года эта цифра возросла до 83 223. Более 700 тыс. членов ССНМ обязались к концу июля 1951 г. изучить труд Сталина «Об основах ленинизма», тогда как на июнь 1951 г. эта цифра принятых обязательств составляла чуть более 170 тыс.³ Для активизации молодежи массовая организация подготовила соответствующие кадры: 1767 новых руководителей пионе-

¹ Под знаком германо-советской дружбы прошла церемония приветствия делегации из СССР в аэропорту Шонефельд. В перерывах речей руководителей государства и партии, представителей советского дипломатического корпуса можно было слышать воодушевленные скандирования собравшейся публики: «Слава генералиссимусу Сталину, наставнику советской и немецкой молодежи!», «Сталин – Пик, Пик – Сталин». См.: Berlin begrüßt ruhmreiche Sowjetjugend, in: Neues Deutschland, 4. August 1951. Nr. 178. S.1; In der Wuhlheide begannen glückliche Tage, in: Neues Deutschland, 5. August 1951. Nr. 179. S. 1.

² Aufgebot zu Ehren des großen Stalin vom 6.6.1951. Protokoll Nr. 49 / 51 der Sitzung des Politbüros des Zentralkomitees am 30.05.51, in: SAPMO–BArch, DY 30 J IV 2 / 2 / 149.

³ Cp.: Anlage Nr. 1: Mecklenburg führt im Stalin-Aufgebot! Kommunique der außerordentlichen Sitzung des Sekretariats des Zentralrats der FDJ, in: SAPMO–BArch. DY 24 / 2410; Anlage Nr. 1: Sachsen-Anhalt und Thüringen an der Spitze. Protokoll Nr. 179 der Sitzung des Sekretariats des Zentralrats der FDJ, in: SAPMO–BArch, DY 24 / 2412.

POTROJNY STALIN

**„Przyjaciół”
chrześcijaństwa**

**Ojciec
„narodu”**

**„Uzczęśliwiciel
świata!”**

Ил. 1. Сталин как воплощение еврейско-большевистской угрозы в нацистской пропаганде
Bildarchiv im Bundesarchiv (Koblenz). Plak 003-039-010 (1941/1944)

STALIN

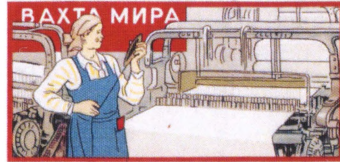

Ил. 2. «Сталин — это мир!». Социалистическая пропаганда в ГДР
Bildarchiv im Bundesarchiv (Koblenz). Plak 100-041-036. Grafiker: H. Weber
(1952)

WERKTAG ZWEIER WELTEN

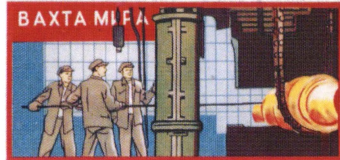
Die Kräfte der Spionage erhält das Oble, ein Tarnkleid zu werden der Welt.

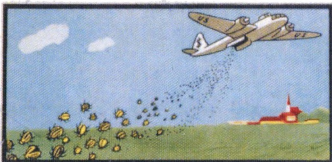
Man weiß für den Frieden in der Sowjetunion, von Tag zu Tag steigt die Stoffproduktion.

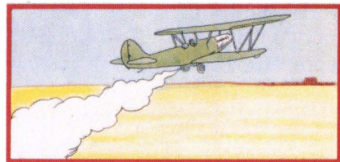
Die sich als Helden der Völker bewährt, schmieden schon wieder die Kräfte Schwere.

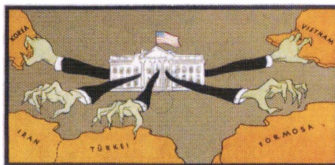
Dort wo die Völker für Sicherheit anstreben, wird Stahl geschmiedet für Wohlstand und Frieden.

Wie freundliche Völker bebauen für Land, sich Anführer die Verbraucherhand.

Von Schiffen zu schätzen die reiche Seele, wird Flugzeuge ein der Sowjetunion.

Die Arme recht unabhängig des USA Kapital es wünscht den Wahltag ein drittes Mal.

In Welt von Händen stimmt für den Frieden der Welt, es wird uns allen die Aufgabe gestellt.

**Zwei Welten, zwei Wege – wir haben entschieden,
Deutsch-Sowjetische Freundschaft heißt Wohlstand und Frieden**

Ил. 3. «Рабочий день двух миров»
Bildarchiv im Bundesarchiv (Koblenz). Plak 100-041-026 (1950)

Ил. 4. «Учиться у большевиков – значит учиться побеждать»: советизация Восточной Германии
Bildarchiv im Bundesarchiv (Koblenz). Bild 183-11500-1342. Foto: W. Heilig (12 августа 1951)

Ил. 5. «Генералиссимус И. В. Сталин»: Унтер ден Линден
в Восточном Берлине
Bildarchiv im Deutschen Historischen Museum (Berlin).
04/466. Foto: Röhnert (1945)

UNSER WEG ZU FRIEDEN UND WOHLSTAND

1. Vergessen wir nie die Leiden, die den Völkern der Sowjetunion durch deutsche Armeen zugefügt wurden. Vergessen wir nie, daß die heldenhafte Sowjetarmee nicht nur ihre Heimat, auch unser Vaterland von den feindseligen Bolschewiken befreit hat.

2. Mit großen Anstrengungen halten die Sowjetmenschen die Wunden des Krieges. Daß unser Volk zumindest einen Bruchteil der verursachten Schäden durch Reparationsleistungen wieder gutzumachen muß für jeden lebenden Deutschen eine Selbstverständlichkeit sein.

3. „Die Hölzer kommen und gehen, das deutsche Volk, die deutsche Stadt, blüht“. Drei Wäpse des Ozeanrisikos Stalin wurden wahrgenommen. Der Aufbau unserer antifeudalistisch-demokratischen Ordnung schafft die Grundlagen für ein einheitliches, demokratisches und friedliebendes Deutschland.

4. „Inwieweit in Wäpse unserer Heimat die angelsowjetische und französische Einmischung in Aufgabe des unantastbaren Monopolspektrals, mit Hilfe der Besen, Marjoranten eine Kolonie, ein Aufmarschbottel für einen neuen Krieg zu entwickeln beginnt.“

5. Die Einigkeit und Entschlossenheit der werktätigen Massen der Deutschen Demokratischen Republik, allen Weg des Komplexes um das Frieden zu beschreiten, hat zu erneuten Beweisen des Vertrauen und der Freundschaft von Seiten der Sowjetunion geführt.

6. Fortschreiten sprechen eine klare Sprache und jeder sibirische Deutsche weiß, wer der Feind und wer der Freund des deutschen Volkes ist.

Die deutsch-sowjetische Freundschaft macht alle Pläne der Kriegsbrandstifter zunichte

Ил. 6. «Наш путь к миру и благосостоянию: германо-советская дружба разрушает все планы поджигателей войны»
Bildarchiv im Bundesarchiv (Koblenz). Plak 100-041-027 (1950)

Ил. 7. Подчинение культа Тълмана култу Сталина: преименование фабрики Крушна в предпријатне имени Тълмана в Магдебурге Bildarchiv im Bundesarchiv (Koblenz). Bild 183-10511-0002. Foto: Biscan (30 апреля 1951)

Ил. 8. Подарки к дню рождения В. Пика — бюст Сталина
Bildarchiv im Bundesarchiv (Berlin). Bild Y10-11439 (3 января 1950)

Ил. 9. Колонна первомайской демонстрации с портретами вождей
Bildarchiv im Bundesarchiv (Koblenz). Bild 183-19400-0029. Foto: H. Sturm
(1 мая 1953)

Ил. 10. В. Ульбрихт, В. Пик и О. Гротеволь на трибуне IV съезда СЕПГ,
украшенной изображением «классиков марксизма-ленинизма»
Bildarchiv im Deutschen Historischen Museum (Berlin). Bild BA 117028
(30 апреля -- 6 марта 1954)

Ил. 11. Пример оформления «красного уголка» в честь Сталина в Эрфурте
Bildarchiv im Deutschen Historischen Museum (Berlin). Bild BA 477.
Foto: M. Kruschel (17 декабря 1951)

Ил. 12. Стенгазета о биографии Сталина, выпущенная к 70-летию юбилею вождя
Bildarchiv im Bundesarchiv (Koblenz). Bild 183-R85417 (декабрь 1949)

Ил. 13. Пропанганда трудов советского лидера на немецком языке
Bildarchiv im Bundesarchiv (Berlin). Bild Y10-170-90 (без указания даты)

Ил. 14. Выставка к 70-летию Сталина в Доме рабочих в Галле
Bildarchiv im Bundesarchiv (Koblenz). Bild 183-2004-0603-500.
Foto: G. Paalzow (декабрь 1949)

Ил. 15. Выставка подарков Сталину в Доме германско-советской дружбы
Bildarchiv im Bundesarchiv (Koblenz). Bild 183-09104-0001.
Foto: Kämpfel (декабрь 1950)

Ил. 16. Э. Хонекер в окружении членов ССНМ на региональном съезде в Хемнице

Bildarchiv im Bundesarchiv (Koblenz). Bild 183-11076-0006.

Foto: Seidel (6 июня 1951)

Ил. 17. Демонстрация по случаю «Дня молодых девушек» в Восточном Берлине

Bildarchiv im Bundesarchiv (Koblenz). Bild 183-11500-0994.

Foto: I. Martin (9 августа 1951)

Ил. 18. На торжественном заседании по случаю 70-летия Сталина в здании Большого театра
Bildarchiv im Bundesarchiv (Berlin). Bild Y1-90-94 (21 декабря 1949)

Ил. 19. Оформление вестибюля
Берлинского издательства
Bildarchiv im Bundesarchiv
(Koblenz). Bild 183-S91833.
Foto: Rudolph (декабрь 1949)

Ил. 20. Открытие памятника советскому руководителю на Сталиналлее
в присутствии руководителей ГДР
Bildarchiv im Bundesarchiv (Koblenz). Bild 183-11500-0375.
Foto: W. Heilig (3 августа 1951)

Ил. 21. Открытие памятника Сталину в городе Риза
Bildarchiv im Bundesarchiv (Koblenz). Bild 183-23647-0005.
Foto: Siegert (4 марта 1954)

Ил. 22. Первомайская демонстрация в Восточном Берлине
Bildarchiv im Deutschen Historischen Museum (Berlin). Bild 99-100 (1 мая 1951)

Ил. 23. Колонна демонстрации юных борцов за мир во время Всемирных игр молодежи и студенчества в Восточном Берлине
Bildarchiv im Bundesarchiv (Koblenz). Bild 183-11500-1414.
Foto: Martin (12 августа 1951)

Ил. 24. Оформление Александрплац в Восточном Берлине накануне открытия Всемирных игр молодежи и студенчества
Bildarchiv im Bundesarchiv (Koblenz). Bild 183-11433-0003. Foto: Schmidtke
(23 июля 1951)

Ил. 25. Траурный марш в связи со смертью Сталина в Лейпциге
Bildarchiv im Bundesarchiv (Koblenz). Bild 183-18688-0004. Foto: Illner
(10 марта 1953)

Ил. 26. Почетный караул членов ССНМ в связи со смертью Сталина
Bildarchiv im Bundesarchiv (Berlin). Bild Y10-26-00N. Foto: Krüger (март
1953)

Ил. 27. Возложение цветов к памятнику советского лидера на Алее Сталина к первой годовщине со дня его смерти
Bildarchiv im Bundesarchiv (Koblenz). Bild 183-23653-0003.
Foto: Schaar-Junge (5 марта 1954)

Ил. 28. Открытие бюста Сталина в парке Сталина в городе Гера
Bildarchiv im Bundesarchiv (Berlin). Bild Y10-1579-00 (5 марта 1954)

Ил. 29. Открытие продовольственного магазина на Аллее Сталина
Bildarchiv im Bundesarchiv (Koblenz). Bild 183-08446-0001. Foto: Köhler
(26 октября 1950)

Ил. 30. «В отпуск»: семья Лессиг во время прогулки по Сталинштадт на
пути к вокзалу
Bildarchiv im Bundesarchiv (Koblenz). Bild 183-26011-0006. Foto: H. Sturm
(21 августа 1954)

Ил. 31. Финальный акт завершения демонстрации в честь дня рождения советского лидера и переименования Франкфуртской аллеи в Аллею Сталина

Bildarchiv im Bundesarchiv (Koblenz). Bild 183-S91408.

Foto: E. Kemlein (21 декабря 1949)

Ил. 32. Закрытие Третьих всемирных игр молодежи и студенчества в Восточном Берлине
Bildarchiv im Bundesarchiv (Koblenz). Bild 183-19000-102
(19 августа 1951)

Ил. 33. Эпизод восстания
17 июня 1953 г.
на Бруннештрассе в
Восточном Берлине
AdsD. Bild 6/FOTB037506

Ил. 34. Эпизод восстания 17 июня 1953 г. на Бруннештрассе в Восточном Берлине
AdsD. Bild 6/FOTB044693

Ил. 35. Трибуна V съезда СЕПГ, проходившего в Восточном Берлине с 10 по 16 июля 1958 г.
Bildarchiv im Deutschen Historischen Museum (Berlin). Bild F58/1620

ров. Более 8 тыс. новых агитационных групп начали свою работу. Одним из результатов подобной мобилизации стало обязательство более 2 тыс. представителей берлинской молодежи совершить производственный рывок для более быстрого выполнения экономических планов¹.

Однако гонка за количеством обернулась плохим качеством мобилизации. Вскоре после начала кампании контрольные партийные инстанции вскрыли ряд организационных ошибок. Например, при составлении списков для распределения входных билетов на Игры руководство округа Эрфурт, стремясь перевыполнить план, внесло молодое население в списки два раза подряд: по месту работы/учебы и по месту жительства². Отчеты сообщали о неудовлетворительном изучении сталинского труда «Об основах ленинизма». Завершение первой недели мобилизационной кампании обнажило факт, что из 6 тыс. членов ССНМ, обязавшихся изучать труд Сталина, обещание выполнили лишь 186 человек. Повсеместно отмечались сложности с уплатой членских взносов³. Высшее руководство ГДР требовало принятия срочных мер для устранения возникших недостатков⁴.

Очередным мобилизационным призывом к молодежи стало решение Политбюро ЦК СЕПГ от 3 июля 1951 г. о сборе подписей под приветственным посланием Сталину⁵. Акция проходила с 5 по 11 августа с расчетом охватить всю немецкую молодежь в возрасте от 12 до 25 лет. В Восточном Берлине создавались пункты сбора подписей, опознавательным знаком которых стал портрет «вождя» под лозунгом «Немецкая молодежь приветствует великого Сталина!»⁶. Ежедневно ССНМ организовывал митинги и коллективные шествия в поддержку мирных инициатив советского руководителя. На площадях города развернулся конкурс за лучшую «песню о мире», па-

¹ Berlins FDJ noch aktiver im Stalin-Aufgebot, in: Neues Deutschland. 1. Juli 1951. Nr. 149. S. 4.

² Sinnlose Jagd nach Prozentzahlen, in: Neues Deutschland. 24. Juli 1951. Nr. 168. S. 4.

³ Anlage Nr. 1: Mecklenburg und Sachsen führen im Stalinaufgebot. Protokoll vom 5.7.51, in: SAPMO-BArch, DY 24 / 241.

⁴ Der FDJ im Stalin-Aufgebot helfen!, in: Neues Deutschland, 15. Juli 1951, Nr. 161. S. 4.

⁵ Protokoll Nr. 55 der Sitzung des Politbüros am 3. Juli 1951, in: SAPMO-BArch, DY 30 / IV 2 / 2 / 155.

⁶ Anlage Nr. 1: Plan für die Unterzeichnungsaktion der Grußbotschafter an J. W. Stalin anlässlich des großen Friedensmarsches der deutschen Jugend gegen die Remilitarisierung für den Abschluss eines Friedensvertrages am 12.8.1951. Protokoll Nr. 183 vom 20. Juli 1951, in: SAPMO-BArch, DY 24 / 1013.

троном которого выступил лично президент Пик¹. Общие итоги кампании «За Сталина» и, в частности, результаты сбора подписей среди молодежи планировалось сообщить лично «лучшему другу немецкого народа» в специальном письме². Для этой цели правительство ГДР направило в адрес ЦК КПСС заявку с просьбой разрешить делегации ССНМ поездку в Москву для личной встречи немцев со Сталиным³. Немцам было чем похвастаться перед Центром. Социалистическая печать с гордостью рапортовала, что 4 145 839 молодых немцев поставили подписи под посланием руководителю СССР⁴.

Окончательные итоги кампании «За Сталина!» были подведены 12 августа 1951 г. Драатургия праздника в «День молодых борцов за мир» была нацелена на инсценировку символического отчета перед советским «вождем» «о масштабе усилий, приложенных немецкой молодежью, в деле защиты мира»⁵. В девять часов вечера прозвучали звуки фанфар и песня о Сталине, открывшие торжественное мероприятие на площади им. К. Маркса и Ф. Энгельса в самом центре Берлина. Шесть мощных прожекторов осветили парящий в воздухе портрет Сталина. Главный приз кампании – «Сталинское знамя» (красный флаг с портретом «вождя») – был вручен Э. Хонеккером и В. Ульбрихтом победителю – региональному отделению ССНМ земли Саксен-Ангальт, достигшему наиболее высоких результатов в ходе соревнования. Кроме этого, самые активные члены молодежной массовой организации награждались томами из собрания сочинений Сталина. Отличившиеся отделения ССНМ получали в качестве благодарности за проделанную работу портреты и бюсты руководителя СССР⁶. Завершающим аккордом церемонии стало коллективное исполнение «Интернационала»⁷.

¹ Präsident Pieck stiftete wertvolle Ehrenpreise, in: Neues Deutschland. 4. August 1951, Nr. 178, S. 1.

² Anlage Nr. 1: Entwurf “Unser Gruß dem großen Stalin!” Protokoll Nr. 187 vom 28. Juli 1951, in: SAPMO-BArch, DY 24 / 1013.

³ Protokoll Nr. 84 der Sitzung des Politbüros am 1. August 1951, in: SAPMO-BArch, DY 30 / IV / 2 / 2 / 159.

⁴ Festival des Friedens. Sonderausgabe der Neuen Berliner Illustrierte über die III. Weltfestspiele der Jugend und Studenten für den Frieden.

⁵ Das Programm des großen Festivals junger Friedenskämpfer, in: Neues Deutschland. 2. August 1951, Nr. 176, S. 4.

⁶ Anlage Nr. 2: Zur Auszeichnung der Sieger im Aufgebot zu Ehren Stalins. Protokoll Nr. 183 vom 20. Juli 1951, in: SAPMO-BArch, DY 24 / 1013.

⁷ Anlage Nr. 1 zum Protokoll Nr. 189: Plan zur Kundgebung anlässlich des Abschlusses des Aufgebotes zu Ehren des großen Stalin am 12. August 1951 auf dem Marx-Engels-Platz, in: SAPMO-BArch, DY 24 / 1013.

Однако вернемся к вопросу о мотивах и причинах участия молодежи в партийно-государственных мероприятиях, отбросив в сторону очевидный факт искусственного завышения цифр мобилизации населения в кампаниях пропаганды. Я думаю, что привлечение восточногерманской молодежи к политическим инициативам режима являлось не индикатором фанатичной веры, а результатом и процессом рациональных действий. Публичная демонстрация верности власти открывала дверь к получению не доступных для других материальных ресурсов, дополнительных привилегий и маленьких удовольствий. Членство в ССНМ сулило ряд преимуществ и поблажек в поиске работы, получении образования, продвижении по службе или же просто при сдаче экзаменов, организации досуга и лучшем снабжении в столовой¹. Прагматика вступления в массовую организацию включала возможность заниматься специальным хобби, как например изучение астрономии в обсерватории, освоение фотодела и киносъемки. Для подростков членский билет ССНМ открывал возможность встречи с представителями противоположного пола на танцевальных вечерах, в совместных поездках и походах. О некоем символическом договоре взаимного рационального восприятия государства и молодежи говорил один из членов ССНМ: «Правительство помогает нам – мы помогаем правительству»².

Аналогичная тенденция наблюдалась в рядах Общества германо-советской дружбы (ОГСД). Несмотря на общее нежелание населения «платить за дружбу с Советским Союзом», то есть уплачивать членские взносы³, принадлежность к ОГСД оборачивалась рядом преимуществ в организации свободного времени в виде посещения кинопоказов, литературных и музыкальных вечеров. Среди других мотивов участия в деятельности общества встречались такие: «в распоряжении организации имелись отапливаемые помещения, что было особенно важным для постоянных встреч пожилых людей», «студенты получали благоприятные условия для работы и имели доступ к библиотеке», «предлагалась дешевая и вкусная еда», «после официальной части собраний устраивались танцы»⁴. Перечень данных мотивов лояльности к режиму вскрывает важный механизм производства конформизма и стабилизации диктатуры за счет поиска населением

¹ AdsD, SPD–PV–Ostbüro 0351 A I Allgemein, unpag.

² AdsD, SPD–PV–Ostbüro 0383 H–K, unpag.

³ Краткая справка об обществе германо-советской дружбы в округе Росток // АВП РФ. Ф. 742. Оп. 8, п. 8. Д. 12. Л. 15, 21.

⁴ Hartmann, Eggeling. Sowjetische Präsenz. S. 67.

«личного интереса» и стремления к нормализации послевоенных будней.

Другой публичной сферой мобилизации населения и формирования класса рабочих стала фабрика или завод. Опираясь на идеи Луи Альтюссера, можно утверждать, что фабрика являлась для государства и партии центральным институтом идеологического индоктринирования и воспроизводства самой идеологии: в них происходило «подчинение господствующей идеологии или овладение практикой такого подчинения»¹. Подтверждением данному тезису может служить практика установления государственного патронажа над предприятием через ритуал присвоения имени Сталина. Например, накануне Первой 1953 г. Политбюро ЦК СЕПГ приняло решение о присвоении промышленному предприятию электроприборов «Трептов» почетного имени уже умершего к этому моменту советского лидера. Торжественный акт переименования сопровождался передачей папки от рабочих руководителям партии и предприятия, скрепивших подписями обещание повышения производственных норм и качества труда². В настоящем ритуале прослеживается мотив символического подписания «общественного договора» между властью и рабочими предприятия. С одной стороны, инсценировалась социальная поддержка режима СЕПГ «снизу». С другой стороны, с присвоением сталинского имени фабрика получала ряд преимуществ: дополнительные государственные субсидии и инвестиции позитивно сказывались на выполнении производственных планов, улучшении рабочих и жилищных условий, повышении зарплаты и расширении сферы социальных услуг.

Завод превращался в своеобразный выставочный павильон для демонстрации успехов в строительстве социализма в Восточной Германии. Печать рассказывала читателям о преимуществах принадлежности к классу рабочих, получивших доступ к системе партийно-государственных льгот и привилегий: санаторному отпуску, организации каникул для детей, более качественному медицинскому обслуживанию и т. п. Как отмечала пропаганда, улучшение фабричной повседневности являлось следствием укрепления политического сознания пролетариата и заботы государства о своих гражданах. В день 74-го дня рождения советского лидера пресса сообщала, что

¹ Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства // Неприкосновенный запас. 2011, № 3(77). <http://magazines.russ.ru/nz/2011/3/al3-pr.html> (14 марта 2012 г.)

² Feierliche Verleihung des Namens "J. W. Stalin" an die Elektro-Apparate-Werke Treptow, in: Neues Deutschland. 1. Mai 1953. Nr. 101. S. 2.

предприятие заранее выполнило производственный план и открыло «кабинет Сталина» с материалами о жизненном пути «лучшего друга немецкого народа»¹. Настоящий пример иллюстрирует взаимовыгодное использование культа Сталина как властью, так и обществом для принятия и укрепления политического порядка, с одной стороны, а также для рационального использования репрезентаций власти руководителями предприятия и самими рабочими для улучшения производственных, материальных и бытовых условий жизни – с другой.

Другим форсируемым сверху методом конструирования групповой идентичности среди рабочих являлась практика коллективных поздравлений и общественных обязательств в честь дней рождения советского лидера. Например, в телеграмме Сталину к 71-му дню рождения от объединения народных предприятий машиностроения в городе Эрфурте рабочие выражали надежду, что советский лидер будет вечно руководить немцами на пути строительства социализма. Риторика клиентелизма явно читаема в дошедшем до Москвы письме: «Глубокоуважаемый генералиссимус Сталин! [...] В этот день мы, рабочие и служащие предприятия машиностроения в Эрфурте, отмечаем великие заслуги вождя всех трудящихся в борьбе за сохранение мира. Великая социалистическая октябрьская революция 1917 г., победившая под водительством великих Ленина и Сталина, указала человечеству путь в лучшее будущее. Мы, трудящиеся, руководствуемся опытом Ленина наших дней, гениального Сталина, не отступать в борьбе за сохранение мира и за увеличение нашего производства. Мы, немцы, особенно благодарны Сталину за его помощь, которую он оказывал нам с 1945 г. Мы чествуем в лице Сталина весь советский народ, который ценой больших жертв завоевал также и для нас свободу». После воспроизведения основных компонентов мифа о советском «вожде» следовала нормативная часть о принятии коллективных обязательств, скреплявшая коммуникацию с лидером долгом выполнения: «Мы обязуемся: 1. Не пропускать ни одного дня и часа, чтобы не использовать их на благо сохранения мира и с целью прекращения клеветы в адрес Советского Союза; 2. Использовать все имеющиеся ресурсы для поддержки инициатив Советского Союза по вопросу о единстве Германии [...] 3. Коллектив обязуется досрочно выполнить пятилетний план. [...] Укрепление и дальнейшее развитие германо-советской дружбы должно рассматриваться на нашем предприятии как наивысшая цель. Мы хотим развивать эту дружбу,

¹ EAW "J. W. Stalin" erfüllte den Jahresplan. Übergabe eines Stalin-Kabinetts anlässlich des Geburtstages J. W. Stalins, in: Neues Deutschland. 22. Dezember 1953. Nr. 299. S. 6.

чтобы вместе с советскими народами под руководством гениального Сталина сохранить мир во всем мире»¹.

Проанализированные мной примеры иллюстрируют высокие мобилизационные ресурсы культа Сталина с целью включения населения в поле политической активности. Одновременно они указывают на чрезвычайную педантичность, с которой государство и партия организовывали публичные сферы в обществах советского типа. Детальное прописывание сценариев массовых мероприятий, учет индивидуальных и групповых интересов, предоставление готовых ролей и алгоритмов действий для населения – важные составляющие успеха ритуалов культа личности, стимулировавших производство конформизма и видимого, коллективно переживаемого принятия социально-политического порядка диктатуры. В настоящей части я показал, как культ Сталина влиял на процесс социального дифференцирования восточногерманского общества, требуя от населения включения и принадлежности к строго определенным когортам и классам. Участие в ритуалах предоставляло шансы интеграции в социальные страты и установления классовой идентичности за счет участия в кампаниях по сбору подарков, подписей под поздравлениями для «вождей» либо в акциях по принятию групповых обязательств. Коллективная апелляция к официальному языку и ритуалам закрепляла социальный статус и политический капитал той или иной группы. В официально пропагандируемом «бесклассовом обществе» государство и партия выполняли функцию арбитра за соблюдением социальных иерархий, корректностью группового поведения в рамках предписанных идентичностей.

Культ Сталина в макроритуалах конструирования государства, нации и империи: производство общих смыслов и иерархий

Утверждение «красного календаря» праздников в Восточной Германии после 1945 г. стало следствием советизации Центральной и Восточной Европы². В период с 1949 по 1954 г. ритуалы культа

¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 140. Л. 51–53.

² Например, см.: Klimo A.v. "Runde" Jahrestage in der DDR und Ungarn. Überlegungen zu einem Vergleich staatssozialistischer Gründungsfeier, in: *Comparativ*, 10, 2000. H. 2. S. 108–118. О праздничной культуре в сталинской России см.: Petrone. Life Has Become More Joyous, Comrades; Rolf M. Constructing a Soviet Time: Bolshevik Festivals and Their Rivals during the First Five-Year Plan. A Study of the Central Black Region, in: *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 1, 2000, 3. P. 447–473;

Сталина стали составной частью официальной праздничной культуры ГДР. С их помощью конструировалась государственная, национальная и имперская идентичность немцев в культовом сообществе. Насыщенный календарь праздников постоянно заставлял индивида вступать в политические пространства индоктринирования и мобилизации населения, а именно по поводу Дня республики или Дня основания ГДР (7 октября), Дня Великой Октябрьской Социалистической Революции (7 ноября), Дня сталинской конституции (5 декабря), Дня рождения Сталина (21 декабря), Дня Красной армии (23 февраля), Международного женского дня (8 марта), Международного дня трудящихся (1 мая) и Дня освобождения (8 мая). Начиная с 1949 г., на протяжении всего календарного года культ Сталина играл важную роль в создании репрезентаций легитимности режима СЕПГ.

В первую очередь день рождения Сталина, отмечавшийся 21 декабря, стал центральным ритуалом конструирования воображаемого культового сообщества. Впервые при подготовке празднования 70-летнего юбилея «вождя» происходит синхронизация политических ритуалов послевоенной советской империи. Печать инсценировала глобальный и транснациональный характер культа Сталина от Тихого до Атлантического океана, от Арктики до Антарктики, между Западом и Востоком, публикуя приветственные телеграммы в адрес «лидера мирового пролетариата» со всех концов света¹. Однако, прежде всего, «страны народной демократии» формировали благодаря дню рождения Сталина общий опыт солидарности с Центром. Так, советский посол в Чехословакии рапортовал в Москву о внутренней консолидации государства за счет установки памятника Сталина в Праге: для закладки фундамента монумента планировалось привезти камни со всех краев и областей страны². В Венгрии крестьянами сельскохозяйственного кооператива были посажены четыре ряда ореховых деревьев с Востока на Запад, представленных «символом правды, что звезда мира, восходящая в Советском Союзе, освещает весь мир»³. В одном из сел Болгарии всенародный сбор подписей под благодарственным обращением к Сталину начинался народными гуляниями, сопровождался заколом вола, организацией общего засто-

Chatterjee J. Celebrating Women: Gender, Festival Culture, and Bolshevik Ideology, 1910–1939. Pittsburg, 2002; Rolf. Das sowjetische Massenfest.

¹ Например, см.: Heimat des siegreichen Sozialismus. Vorbereitungen in aller Welt zum 70. Geburtstag von Generalissimus Stalin, in: Neues Deutschland. 4. Dezember 1949. Nr. 284. S. 1.

² Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Документы: В 2 т. Т. 2. 1949–1953 гг. / отв. ред. Т. В. Волокитина. М., 2002. С. 214–216.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 1186. Л. 348–349.

ля и произнесением тостов за здоровье советского лидера¹. Отчеты из Румынии сообщали об открытии 2500 выставок о жизни и деятельности «вождя», смысл которых заключался в «выражении любви румынского народа к товарищу Сталину»². Вся Периферия использовала день рождения «вождя» в целях двойной централизации: социальной интеграции вокруг местных коммунистических режимов, с одной стороны, и производства репрезентаций символического подчинения местностей империи их патрону в лице Сталина – с другой.

Кампания подготовки к празднованию 70-летнего юбилея Сталина шла полным ходом в СССР. Без сомнения, советские инициативы «снизу» отличались гораздо большей степенью фанатизма по сравнению с более сдержанными реакциями Периферии. Приведем лишь некоторые примеры из письменных обращений советских граждан в ЦК ВКП(б)³. Инвалид Великой Отечественной войны из города Молотова просил учредить в честь вождя «Орден гения человечества», а житель села Фастовцы Черниговской области – сделать день рождения Сталина всенародным праздником. Инициативы установления золотого бюста, хрустального монумента не являлись исключением из волны предложений по монументализации образа Сталина в публичном пространстве. Житель Каунаса Литовской ССР предлагал присвоить Сталину звание «Герой мира», а москвич – звание «Ученый мира». Однако были и более грандиозные проекты. Так, член колхоза «Новый мир» в Курской области предложил построить в Москве на Красной площади вышку высотой в 250 м, а на ее вершине закрепить 25-метровую путеводную звезду, внутри которой поместить портреты Сталина и Ленина. На концах звезды он предлагал установить свет, который бы светил, по желанию автора, круглосуточно и вечно.

Однако практика обращений советских граждан в ЦК ВКП(б) по случаю дня рождения Сталина использовалась не только для прославления, но и для артикулирования повседневных проблем. Часто встречаемой в письмах просьбой было желание прибавок к пенсиям и увеличения государственных пособий. Так, житель города Сватово просил выделить для инвалидов I и II групп персональные пенсии или ежегодное сталинское пособие. Вносились предложения приурочить юбилей к снижению цен на хлеб и товары первой необходимости,

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 1186. Л. 360–364.

² Советский фактор. С. 225–230.

³ См.: Предложения граждан СССР в связи с семидесятилетием Иосифа Виссарионовича Сталина // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1377. Л. 105–142; поздравления граждан СССР к 70-летию Сталина см., например: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 878–883.

учредить для детей бесплатное питание в школах, провести амнистии осужденных за малозначительные преступления. Инвалид Великой Отечественной войны, лишившийся ног, просил выдать инвалидам автомобили с ручным управлением¹. Население активно участвовало в мифотворчестве образа «вождя», так как видело в нем «последнюю надежду», «высшую апелляционную инстанцию» или просто «самого главного человека в стране» для решения личных проблем и защиты индивидуальных, групповых, поколенческих интересов². Персона «вождя» являлась в данном случае проекционным полем, с которой каждый рядовой гражданин мог связывать что-то свое личное, приписывать ей личные смыслы и использовать культ «вождя» для оптимизации и нормализации «сталинизма как среды обитания»³. Кажется, что Кремль частично реагировал на запросы граждан. Так, с 21 декабря 1949 г. повышались пенсии для неработающих пенсионеров по старости, а в крупных промышленных городах планировалось построить 26 домов инвалидов⁴.

В Восточной Германии день рождения Сталина использовался для инсценировки общенационального, общегосударственного, общеимперского праздника. С основанием ГДР 7 октября 1949 г. Восточная Германия начинает свое утверждение в качестве полноправного члена блока социалистических государств. Участие немецкой делегации в юбилейных торжествах в честь 70-летия Сталина в Москве являлось, по моему мнению, публичным ритуалом инициации – актом посвящения ГДР в культовое сообщество⁵. Поездка в Москву представляла собой «ритуал перехода», маркируя изменение статуса в имперской иерархии: от лиминального состояния «советской оккупационной зоны Германии» до международного признания в блоке социалистических государств нового государственного образования – Германской Демократической Республики. На торжественном заседании в Большом театре глава немецкой группы Вальтер Ульбрихт подтвердил в присутствии других вождей мирового пролетариата патерналистский принцип отношений между Советским

¹ Там же.

² См.: Сводки на письма и заявления на имя Сталина И. В. // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 865–882.

³ Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2001. С. 10.

⁴ Указ Президиума Верховного Совета СССР о мероприятиях по улучшению материального обеспечения по старости и инвалидности в ознаменование семидесятилетия со дня рождения И. В. Сталина // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1378. Л. 26.

⁵ Genep A.v. The Rites of Passage. Chicago, 1960; Turner V. The Ritual Process: Structure and Anti-Structure. Chicago, 1969.

Союзом и Восточной Германией в следующих словах: «Любимый друг, Иосиф Виссарионович! Миллионы рабочих, трудящихся крестьян, прогрессивной интеллигенции и два миллиона немецких юношей и девушек называют Вас, любимый Иосиф Виссарионович, в своих приветствиях лучшим другом немецкого народа»¹ (ил. 18).

Первая публичная поездка восточногерманской делегации в Москву – символический жест провозглашения зависимости и демонстрации подчинения Центру². Акт повышения статуса Восточной Германии напоминал по своей семантике средневековый ритуал установления вассальной зависимости, базировавшейся на принципе взаимных обязательств: установление покровительства патрона на обещание преданности вождю со стороны клиентелы³. Установление покровительства скреплялось ритуалом принесения клятвы верности лично Сталину, создавая сакральный смысл связи между Центром и Периферией⁴. В данном случае семантика клятвы отводила Сталину роль высшего арбитра за стороной, взявшей на себя обязательства к исполнению. В межконтинентальном масштабе данная роль «вождя» была срежиссирована восточными немцами в ритуале «клятвы мира», опубликованной на 104 языках и прочитанной представителями молодежи на закрытии Третьих всемирных игр молодежи и студенчества 19 августа 1951 г. в Восточном Берлине. Выполнение клятвы интерпретировалось делом чести, а ее нарушение – позором. Как следствие, режим СЕПГ требовал тотальной мобилизации населения для защиты национальной чести за счет реализации проекта построения социализма, курс на планомерное строительство которого был объявлен в июле 1952 г.⁵

¹ Правда. 22 декабря 1949 г. С. 3.

² Также Москва тщательно готовилась к приему иностранных гостей. Внешнеполитическая комиссия при ЦК ВКП(б) просила сотрудников СВАГ передать В. Пику положительный ответ на вопрос о возможности принятия немецкой делегации в СССР. При этом немецкая сторона брала на себя все расходы, связанные с пребыванием в столице и с доставкой подарков Сталину. Для немцев бронировались номера люкс в лучших гостиницах Москвы, в которых наличие телевизора, доставка свежих фруктов, минеральной воды и дорогих папирос, предоставление личной автомашины являлись составляющими бесплатного сервиса. См.: Выписка их протокола № 72 Политбюро ЦК ВКП(б) «О приезде иностранных делегаций в связи с 70-летием И. В. Сталина» // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1377. Л. 59, 66, 70.

³ Muir. *Ritual in Early Modern Europe*. P. 29–31.

⁴ Prodi P. *Il sacramento del potere. Il giuramento politico nella storia costituzionale dell'Occidente*. Bologna, 1992.

⁵ Schroeder K. *Der SED-Staat. Geschichte und Strukturen der DDR*. München, 1999. S. 119.

Риторика принесения клятвы Сталину была использована правлением КПГ в Западной Германии в поздравительной телеграмме к 70-летию «вождя» для выражения верности Центру и риторической демонстрации присутствия культа не только в ГДР, но и ФРГ. Текст письма гласил: «Мы клянемся тебе, товарищ Сталин, что мы будем неустанно бороться за то, чтобы и на Западе нашей родины наши братья и сестры дарили доверие Советскому Союзу в деле мира, демократии и свободы. [...] Мы клянемся тебе неустанно трудиться, чтобы КПГ под знаменем марксизма-ленинизма стала идеологически и политически ясной, а также организационно укрепленной партией. Мы клянемся, вооружившись твоим учением, непримиримо бороться со всеми вражескими влияниями в нашей партии, чтобы завоевать доверие всего рабочего класса»¹. Ритуалы клятвы верности Сталину преследовали цель закрепления патронажа советского лидера над «германским вопросом» – вопросом о единстве нации и государства, связав немцев и Москву двусторонними моральными обязательствами к соблюдению символического контракта «дружбы».

Однако вернемся к значению празднования 70-летия Сталина для ГДР. В Москву восточные немцы приехали не с пустыми руками. В ходе праздничных мероприятий планировалось преподнесение и передача многочисленных подарков Сталину. Практика дарения подарков «вождю» стала составной частью ритуалов почитания и благодарения, рассчитанная на закрепление имперской иерархии и демонстрацию почтения к сакральному центру – фигуре «вождя»². Например, правительство ГДР планировало преподнести Сталину раритетную книгу раннего нового времени «Описание путешествия в Московию 1696 года» Адама Олеария³. Подарок должен был подчеркнуть многовековые традиции двусторонних отношений в рамках пропагандируемой концепции германо-советской дружбы.

Подарком от всего немецкого народа был объявлен план строительства планетария в Сталинграде⁴. В поздравительной телеграмме Сталину Вильгельм Пик объяснил выбор восточных немцев стремлением к примирению вчерашних врагов: «Сталинград – это не только город, который носит Ваше имя, но одновременно всемирный символ Вашего гениального полководческого искусства, мужества, непоколе-

¹ AdsD, Personalien-Sammlung, J. W. Stalin, Zeitungsausschnitte, unpag.

² Mauss M. Die Gabe: Form und Funktion des Austauschs in archaischen Gesellschaften. Frankfurt a. M., 1994; Ssorin-Chaikov N. Sosnina O. The Faculty of Useless Things: Gifts to Soviet Leaders, in: Personality Cults in Stalinism. P. 277–300.

³ SAPMO–BArch, DY 30 / IV 2 / 2 / 62. Bl. 26.

⁴ Tägliche Rundschau. 29. November 1949. P. 1.

бимости и политической проницательности. Всемирно-историческая победа при Сталинграде положила конец мрачной главе немецкой истории. Поэтому позвольте охарактеризовать данный подарок – дар дружбы и любви – как начало вечной, близкой дружбы между нашими народами»¹. Планетарий планировалось построить за счет добровольных пожертвований немецкого населения. В итоге на специально открытый «счет Сталина» было переведено более 3,5 млн марок, объявленных пропагандой прямым эквивалентом «глубокого уважения и любви немецкого народа к Сталину»². Планетарий должен был изготавливаться на предприятии «Карл Цейсс» в городе Йена – одном из старейших промышленных центров Германии, известным производством оптических приборов. Государственный заказ символизировал начало возрождения восточногерманской промышленности, акцентируя внимание на мирном характере послевоенной германской индустрии³.

Рассмотрим теперь локальный пример празднования 70-летнего юбилея Сталина в провинции Саксония. В данном случае меня интересует механизм конструирования региональной идентичности, а также ее включения в общегосударственный и глобальный имперский контекст. Детальная программа празднования юбилея Сталина в Саксонии была утверждена на заседании ландтага 3 декабря 1949 г. По аналогии с берлинским сценарием вершиной кампании должно было стать торжественное заседание в «Большом Доме» в Дрездене, запланированное на 20 декабря 1949 г. По данному поводу из Берлина был приглашен специальный оратор – Герман Матерн – член Центрального Секретариата правления СЕПГ. Программа праздника включала избрание почетного президиума, коллективное пение гимна ГДР, исполнение советского гимна, поздравительные речи и выступления политической общественности в музыкальном сопровождении государственной капеллы. Заключительным аккордом праздника должно было стать принятие заранее подготовленного текста телеграммы Сталину: «Вместе с миллионами граждан СССР, вместе с миллионами людей всего мира население земли Саксония думает о Вас в этот день с сердечной радостью и с чувством тесного единения с Вами. Наши искренние и горячие пожелания предназначаются Вам – великому вождю советского народа, борцу за прочный мир, за свободу народов и за социализм. Единое желание всего сак-

¹ Neues Deutschland. 16. Dezember 1949. P. 1.

² AdsD, Personalia-Sammlung Stalin J. W. 2968, Zeitungsausschnitte.

³ Zeiß, Jena-demontiert? Zeiß, Jena-schöner und stärker als je!, in: Neues Deutschland. 21. Dezember 1949. Sonderausgabe zum 70. Geburtstag J. W. Stalin.

сонского населения, чтобы Вы еще долгие годы продолжали работать в полном расцвете сил на благо всего человечества»¹.

Открытое единогласное принятие поздравительного обращения к Сталину наряду с практикой планового распределения приглашительных билетов на торжественное заседание демонстрирует, с какой тщательностью региональные элиты организовывали публичную сферу праздника: в ней не было места для случайных людей, а всем участникам предписывалось следовать риторическим и поведенческим нормам «диктатуры дискурса». Так, «высокой чести» присутствовать на заседании удостоились в первую очередь представители ландтага и земельного правительства, массовых организаций и партий, лауреаты национальных премий, герои труда и активисты. Распределение билетов предусматривало процедуру составления и последующего утверждения поименных списков с учетом выборки из всех профессиональных и возрастных групп. Кроме того, на мероприятие приглашались журналисты и фоторепортеры, так как празднование дня рождения Сталина должно было стать ярким медийным событием в печати и на радио. Подобным образом правительство министра-президента Саксонии стремилось инсценировать общество консенсуса на локальном и общегосударственном уровне, а также представить публике региональный вклад в утверждение членства ГДР в культовом сообществе послевоенной советской империи².

Саксония тщательно готовилась к празднованию дня рождения «вождя». В октябре 1949 г. всем учебным заведениям провинции была разослана директива Министерства народного образования о необходимости проведения в земельных школах соответствующего праздника³. 21 декабря объявлялся свободным от занятий, но обязательным для участия в торжествах днем. Праздник мыслился пропагандистами как помощь детям в формировании *правильных* представлений о советском лидере в роли «большого друга немецкого народа и хранителя мира во всем мире». В план школьных занятий рекомендовалось включить уроки о биографии «вождя» и его роли в развитии науки и культуры, а также о вкладе Советского Союза в общественный прогресс человечества. Особое внимание было уделено «многогранному

¹ Generalissimus J. W. Stalin, dem genialen Führer der Sozialistischen Sowjetunion, in: Staatsarchiv Dresden, LRS, Ministerium für Volksbildung Nr. 215, unpag.

² Feier zu Ehren des 70. Geburtstages des Generalissimus Stalin am 20.12.49, 11 Uhr im Großen Haus (ohne Datum), in: Staatsarchiv Dresden, LRS, Ministerium für Volksbildung Nr. 215, unpag.

³ Richtlinien für die Durchführung von Feiern zum 70. Geburtstag J. W. Stalins. Berlin, Oktober 1949, in: Staatsarchiv Dresden, LRS, Ministerium für Volksbildung Nr. 1840, unpag.

изучению цитаты Сталина» «Гитлеры приходят и уходят, а немецкий народ, немецкое государство – остаются»¹ (ил. 19). Усвоение риторики и имиджей культа Сталина планировалось проверить в конкурсе сочинений и рисунков о «лучшем друге немецкого народа». В культурной продукции учеников восточногерманские пропагандисты ожидали воспроизведения официальных нарративов о позитивном опыте немецкого населения при вступлении солдат Красной армии на территорию Германии и выражения «любви детей к советской армии» за помощь в снабжении продуктами питания, восстановлении разрушенных мостов и городов, поставке топлива и техники, освобождении от нацизма и обеспечении мира. Лучшие сочинения и рисунки планировалось оформить в виде подарочного сборника, который предполагалось переслать «вождю» от лица всей саксонской молодежи.

Практика дарения и преподнесения подарков Сталину использовалась правительством земли для приобщения Саксонии к общегосударственному и общемировому празднику в связи с 70-летием советского лидера. Во-первых, Отто Бухвиц – президент Саксонского ландтага – форсировал принятие решения в ландтаге об определении размеров суммы, которая должна была стать вкладом в общенациональный немецкий подарок Сталину в виде планетария для Сталинграда. Во-вторых, специальным подарком для советского лидера от жителей Саксонии, позволившего интегрировать региональные традиции памяти и установить позитивную идентичность с Москвой, стали письма Томаса Мюнцера – лидера крестьянских волнений в 1525 г. в Германии. Несмотря на нарушение логических и временных связей, восточногерманские пропагандисты определили смысл подарка следующим образом: «Настоящий подарок является знаком дальневидной сталинской политики, которая приобщила крестьянство к революционной борьбе рабочего класса и гарантировала победу социализма»². Настоящий пример иллюстрирует, как политическая элита в Саксонии пыталась активировать традиции революционной борьбы и народного протеста в официальной праздничной культуре при одновременной интеграции региональной культуры памяти в нарративы и ритуалы культа личности Сталина.

¹ Richtlinien für die Durchführung von Feiern zum 70. Geburtstag J. W. Stalins. Berlin, Oktober 1949, in: Staatsarchiv Dresden, LRS, Ministerium für Volksbildung Nr. 1840, unpag.

² Generalissimus Stalin J. W. Stalin, dem genialen Führer der Sozialistischen Sowjetunion, in: Staatsarchiv Dresden, LRS, Ministerium für Volksbildung Nr. 215, unpag.

Последующие ежегодные празднования дня рождения Сталина в ГДР вплоть до 1954 г. выполняли функцию обновления, воспроизводства и стабилизации культового сообщества. Каждый год в Государственной опере Восточной Германии в Берлине проходило торжественное заседание, на котором один из руководителей ГДР зачитывал речь с выдержками из биографии Сталина¹. В центральной печати публиковались тексты поздравительных телеграмм от имени ЦК СЕПГ и массовых организаций, в которых обосновывалась необходимость дружбы с СССР в целях «национального единства и независимости Германии, заключения мирного договора и создания основ социализма»². Печать рапортовала о бесчисленных митингах и собраниях, объявлявшихся доказательствами верности Советскому Союзу и режиму СЕПГ³. Все правительственные и административные здания рекомендовалось украсить флагами и портретами с изображением «вождя»⁴, а магазинам – оформить витрины плакатами и книгами о Сталине⁵. При этом региональные мероприятия отличались гораздо большей креативностью и инициативой. Например, в 1951 г. сотрудник одной из библиотек в Дрездене подготовил совместно с фотомастерской Школы профессионального образования серию диапозитивов из 250 фотографий и картин с изображениями Сталина, рассказывавших о жизни и деятельности «вождя». Визуальные материалы демонстрировались в библиотеках и учебных заведениях в рамках доклада под названием «Дорога в жизнь»⁶.

Празднование дня рождения советского лидера в Восточной Германии отражало попытку синтеза секулярных ритуалов культа Сталина с религиозной практикой и христианским календарем⁷. Например, христианская традиция молитвы перед началом трапезы получила продолжение в культе Сталина. «Опустить головы и по-

¹ См., например: Festveranstaltung zu Ehren J. W. Stalins. Nationalpreisträger Fred Ölβner sprach in der Deutschen Staatsoper zu Berlin, in: Neues Deutschland. 22. Dezember 1951. Nr. 297. S. 1.

² Glückwunsch des Zentralkomitees der sozialistischen Einheitspartei Deutschlands zum 73. Geburtstag J. W. Stalins, in: Neues Deutschland. 21. Dezember 1952. Nr. 300. S. 1.

³ Например, см.: Neues Deutschland. 22. Dezember 1951. Nr. 297. S. 1.

⁴ Zeitausschnitte anlässlich des 72. Jahrestages J. W. Stalin am 21.12.1951 in der DDR, in: SAPMO-BArch, DY 32 / 10277.

⁵ Vorbereitung und Durchführung des Monats der deutsch-sowjetischen Freundschaft, in: SAPMO-BArch, 32 / 6153. См. также: Pence K. Schaufenster des sozialistischen Konsums: Texte der ostdeutschen “consumer culture”, in: Lüdtkе, Becker. Akten. Eingaben. Schaufenster.

⁶ Geburtstag des Generalissimus Stalin am 21.12.1951. Dresden, den 28.12.1951, in: Staatsarchiv Dresden, LRS, Ministerium für Volksbildung Nr. 1840, unpag.

⁷ Gries. Dramaturgie der Utopie. Kulturgeschichte der Rituale.

думать в этот момент о любимом Сталине», – объяснила воспитательница матери каждодневный предобеденный ритуал в одной из детских групп¹. В другом случае обращает на себя внимание то обстоятельство, что день рождения Сталина 21 декабря, по сути, открывал цикл рождественских праздников, которые фактически продолжались до 3 января – дня рождения «отца нации» – Вильгельма Пика². В отличие от Советского Союза власть в ГДР не пыталась заменить рождество большевистскими ритуалами, а скорее стремилась интегрировать социалистические символы и культы в традиционные христианские праздники в целях популяризации режима среди населения. Особенно в пропаганде для детей сценарии рождественских праздников включали мотив отождествления Сталина со святым Николаусом, приносившим столь важные для послевоенного немецкого общества символические подарки, как «мир», «безопасность» и «счастливое будущее»³.

Массовые ритуалы культа личности имели свое пространственное измерение, охватывая строго ограниченный спектр сакральных мест. К ним относились центральные улицы и площади, носившие имена «вождей мирового пролетариата», мемориалы павшим советским воинам и памятники Сталину. Показательно, что первоначально памятники «вождя» заказывались в Москве. Самый первый монумент, установленный в августе 1951 г. на Аллее Сталина в Восточном Берлине, был запрошен по личной просьбе Ульбрихта в ЦК ВКП(б) (ил. 20). Особым знаком доверия со стороны Москвы стало решение о безвозмездной передаче памятников работы Н. Томского и Г. Постникова в дар немецкому народу⁴. А первый памятник «вождю» немецкого изготовления был открыт в Ризе накануне первой годовщины со дня смерти Сталина в марте 1954 г. (ил. 21). Церемония открытия мемориала была насыщена жестами демонстрации символического сближения с Москвой. Член ЦК СЕПГ В. Кенен закончил торжественную речь словами: «Мы боремся за единство Германии и за мир в Европе на стороне славного Советского Союза на пользу немецкого

¹ AdsD, SPD–PV–Ostbüro 0362 I, unpag.

² Wierling D. Über die Liebe zum Staat – der Fall der DDR, in: Historische Anthropologie, 8 (2000) 2. S. 236–263.

³ Tikhomirov. Stalin-Bild(er) in der SBZ/DDR: die deutsche Nachkriegsgesellschaft im Spannungsfeld zwischen Propaganda und Erfahrung, in: Timmermann H. (Hg.). Historische Erinnerung im Wandel. Neuere Forschungen zur deutschen Zeitgeschichte unter besonderer Berücksichtigung der DDR–Forschung. Münster, 2007. S. 467–509, hier S. 493–494.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 495. Л. 31–33.

народа, во славу и честь Сталина»¹. Под звуки кантаты о Сталине в присутствии делегаций народной полиции и советской армии был зажжен вечный огонь и снята драпировка со статуи. Впоследствии под торжественную музыку «Бессмертных жертв» началось возложение венков от пионеров, представителей заводов, партийных и массовых организаций, советских вооруженных сил и советской дипломатической миссии в Германии. Территория памятника вплоть до начала десталинизации в 1956 г. являлась центром организации массовых политических ритуалов.

К ритуалам централизации социалистического пространства принадлежала волна топонимической революции². Переименование городов, улиц и площадей именем «вождя» оформляло топографию культа личности – насыщенных мест почитания и поклонения Сталину. Другими словами, культ Сталина использовался для территориально-го собирания социалистической империи и их символического притяжения к Центру. Так, на политической карте Восточной Германии, Румынии, Венгрии, Болгарии и Албании появляются города, носившие имя Сталина³. Прием приближения Центра Периферией наблюдался в повсеместной практике избрания советского лидера в список почетных граждан городов и коммун. К 30-й годовщине Октябрьской революции Сталин избирается почетным гражданином венгерской столицы – Будапешта⁴. 6 января 1947 г. Сталин был объявлен почетным гражданином Софии⁵. Выбор даты и места церемонии был связан с годовщиной освобождения столицы Болгарии от турецкого господства русскими войсками в 1878 г. Интеграция культа Сталина в национальные модели памяти стала важным методом создания традиций исторически проверенной связи между Москвой и регионами империи.

Социалистические ритуалы использовали культ Сталина в драматургии холодной войны. С одной стороны, Сталин персонифицировал единство культового сообщества, в том числе за счет визуальной инсценировки братства локальных лидеров с главным «вождем» в Москве. С другой стороны, культ Сталина проводил символические границы социалистического мира, противопоставляемого капита-

¹ *Tägliche Rundschau*. 5. März 1954. S. 1.

² См.: Гусейнов Г. Карта нашей родины: идеологема между словом и телом. М., 2005; *Sänger. Heldenkult und Heimatliebe; Azaryahu. Von Wilhelmplatz zu Thälmannplatz*.

³ *Neues Deutschland*. 21 Dezember 1952. S. 4.

⁴ *Tägliche Rundschau*. 8 November 1947. S. 1.

⁵ *Tägliche Rundschau*. 7. November 1947. S. 1.

листическому Западу¹. Для персонификации негативного образа Запада использовался ряд антикультов – героев негативной идентичности, например К. Аденауэр, Л. Эрхард, Г. Трумэн, Д. Маршалл и Д. Эйзенхауэр. Их карикатурные изображения в виде кукол с портретными масками можно было увидеть в колоннах демонстраций и на прочих политических мероприятиях (ил. 22). Для маркировки врагов социализма использовалась определенная символика в виде изображений свастики, знака доллара, оружия (ил. 23). Публичное высмеивание западных политиков проводилось с намерением через символическое противопоставление двух социальных порядков и ритуальное исключение всего чуждого из культового сообщества продемонстрировать границы империи, установив контраст социалистической и капиталистической морали. В условиях холодной войны декорации верности Центру позволили Восточной Германии инсценировать себя в качестве главной границы культового сообщества – «европейского форпоста и витрины социализма» и бороться за особое статусное признание в когорте социалистических государств.

Используемые в декорациях ритуалов имперские символы – национальные флаги и гербы, портреты и плакаты «вождей», транспаранты с высказываниями советского лидера – создавали визуальный эффект смещения Центра на Периферию. «Если стоишь сегодня в Берлине на Александерплац, то скорее кажется, что ты находишься в Москве, Ленинграде или Киеве. Огромные плакаты с изображениями Сталина и Ленина, транспаранты на русском языке создают впечатление одинаковости», – отметил процесс гомогенизации публичного пространства социалистической империи западный турист в ГДР² (ил. 24). Традиционной сценой для ритуалов культа личности становились декорации Красной площади и Кремля. Так, к 70-летию Сталина для руководства фабрики Букау-Вольф оказалось принципиально важным задрапировать одно из производственных зданий полотном с изображением кремлевской башни. Во время государственного траура по случаю смерти Сталина на центральной площади Лейпцига был установлен памятник «вождю» с огромным панорамным панно Красной площади со Спасской башней Кремля и Мавзолеем (ил. 25). С помощью данных декораций инсценировалось визуальное единение Центра и Периферии, создавая чувство синхронности в переживании горя членами сообщества в единых временных и пространственных координатах.

¹ Gibas. "Bonner Ultras", "Kriegstreiber" und "Schlotbarone".

² Sozialdemokratischer Pressedienst. 13. August 1951. S. 6.

Вопросы визуального сопровождения ритуалов символами культового сообщества являлись настолько важными, что приводили к ситуациям конкуренции окраин империи друг с другом перед Москвой. Например, после посещения съезда КПГ в Веймаре в марте 1951 г. генеральный секретарь ЦК Венгерской партии труда Матяш Ракоши, называвший себя «лучшим венгерским учеником Сталина», поспешил лично сообщить Михаилу Суслову о ряде «критических замечаний». Ракоши жаловался на малое количество портретов Ленина и Сталина в декорациях съезда. Недостаточно большой показалась ему партийная эмблема с изображением Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина величиной в один квадратный метр, которая «не отражала величия классиков марксизма-ленинизма»¹. Данный пример наглядно демонстрирует, насколько действенно символическая политика и ритуальный порядок культового сообщества являлись средством сближения с Москвой и методом борьбы за доверие Центра.

Смерть и похороны Сталина: церемониал траура и репрезентации социального консенсуса

Формирование воображаемого культового сообщества с помощью культа Сталина являлось одним из наиболее глобальных проектов в области символической политики современности, нацеленной на политическую интеграцию этносов, наций и государств в единое политическое тело. Смерть Сталина в марте 1953 г. стала высшим пунктом инсценировки солидарности культового сообщества. Публикации и постоянные сообщения о состоянии здоровья «вождя», затем прямые трансляции траурных церемоний по радио из Москвы, а позже соболезнования со всех концов империи, организованные посещения памятников Сталина и советских посольств для выражения сочувствия советскому народу создавали впечатление тотальной синхронизации между Центром и Периферией – жизни в едином риторическом, ритуальном, эмоциональном, пространственном и временном измерении.

В Восточной Германии государственный траур в связи со смертью Сталина следовал точно разработанному сценарию. В роли главного постановщика спектакля пропаганды выступил Политбюро ЦК СЕПГ, заседания которого 6 марта 1953 г. прошли в чрезвычайном режиме два раза. Важным результатом заседания стало обсуждение телеграммы ЦК КПСС с известием о смерти «вождя» и принятие текста ответного соболезнования в адрес советского правитель-

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 639. Л. 46–49.

ства¹. Тексты данных телеграмм наряду с информацией о создании государственной комиссии по организации траура публиковались в «Нойес Дойчланд». Для участия в центральном ритуале похорон в Москву была направлена немецкая делегация под руководством В. Ульбрихта². На заседаниях Политбюро произошло утверждение общей схемы траурных мероприятий и плана публикаций, авторами которых должны были выступить высшие руководители государства и партии³. Программа запланированных траурных церемоний публиковалась на страницах газет, в ней звучало обращение к населению принять активное участие в прощальных церемониях с «вождем». Физическая смерть Сталина поставила перед СЕПГ задачу конструктивного преодоления кризисной ситуации потери центральной символической фигуры в политической культуре ранней ГДР. Организация траура была нацелена на эмоциональную мобилизацию общества, усиление единения населения с режимом и дальнейшую легитимацию курса на строительство социализма под руководством СЕПГ в качестве преемницы заветов «вождя».

Государственный траур в ГДР продолжался 6 дней, то есть с момента публичного объявления о смерти 6 марта до возвращения официальной немецкой делегации из Москвы 11 марта 1953 г.⁴ Время траура представляло собой неординарное состояние, которое регламентировалось запретом на все увеселительные мероприятия: танцы и кино, спектакли и концерты. Рекомендовалось выставить бюсты и портреты Сталина на рабочих местах и площадях, оформить ими витрины

¹ Stenographische Niederschrift der Trauersitzung des Zentralkomitees der Sozialistischen Einheitspartei Deutschlands am 6. März 1953, 18.00 Uhr, im Haus der Einheit, in: SAPMO-BArch, DY 30 / IV 2 / 1 / 113. Bl. 2–8; также см.: Schmidt K.-H. Als Stalin starb. Die Reaktion des SED-Regimes und der Bevölkerung im Spiegel interner Berichte, in: Schroeder K. (Hg.). Geschichte und Transformation des SED-Staates: Beiträge und Analysen. Berlin, 1994. S. 85–111.

² См.: Protokoll Nr. 15/53 der außerordentlichen Sitzung des Politbüros des Zentralkomitees am 7. März 1953, in: SAPMO-BArch, DY 30 J IV 2 / 2 / 269.

³ Например, В. Ульбрихт был ответственным за статью «Завещание И. В. Сталина», В. Пик – «Сталин – творец непобедимого лагеря мира». Ф. Эберт – «Забота Сталина о людях», О. Гротеволь – «Сталин проложил и указал путь развития всему миролюбивому человечеству», Ф. Эльснер – «Сталин-строитель коммунизма» и др. См.: Anlage Nr. 2 zum Protokoll Nr. 14/53 v. 6. März 1953. Plan der Leitartikel, in: SAPMO-BArch, DY 30 / J IV 2 / 2 / 268. Bl. 5.

⁴ По мнению немецкого исследователя В. Акермана, продолжительность траура имеет символическое значение и определяется степенью значимости умершего перед государством и обществом. Если траур по Сталину длился 6 дней, то по В. Пику – 4 дня, О. Гротеволью – 3 дня, В. Ульбрихту – 1 день. См.: Ackermann V. Nationale Totenfeiern in Deutschland: von Wilhelm I. bis Franz Josef Strauss. Eine Studie zur politischen Semiotik. Stuttgart, 1990. S. 52.

магазинов, создать «красные уголки» из произведений и плакатов «вождя» (ил. 26). Предписывалось организовать поездки делегаций из регионов к советскому посольству в Берлине, к районным представительствам СКК и местам дислокации советских военных подразделений с целью «выражения соболезнования и демонстрации сплоченности с Советским Союзом»¹. По распоряжению Министерства внутренних дел предписывалось приспустить все флаги на государственных и общественных зданиях, а в день захоронения возложить венки к памятникам и мемориалам советских воинов². Колонны траурных шествий рекомендовалось украсить красными знаменами и флагами ГДР. Использование транспарантов в траурных процессиях запрещалось, но оформление колонн портретами Сталина и классиков марксизма-ленинизма приветствовалось. Шествующим предписывалось молча проходить мимо представителей власти, стоящих на трибунах оформленных, как правило, большим портретом Сталина в обрамлении флагов СССР и ГДР. Драматичность момента необходимо было подчеркнуть траурной музыкой³.

В 10 часов утра 9 марта 1953 г., в день захоронения тела Сталина в Москве, раздался звук сирен промышленных предприятий ГДР. В этот момент всем фабрикам, заводам и общественному транспорту, учебным и административным заведениям предписывалось приостановить работу и почтить память о «вожде» минутой молчания. В знак траура на Бранденбургских воротах было приспущено красное знамя. Одновременно в Государственной опере Восточной Германии в Берлине открылось торжественное заседание ЦК СЕПГ и правительства ГДР. Представители партийной и государственной элиты, стоя, почтили память о Сталине. Декорации сцены – портрет «вождя» в обрамлении красных флагов с черными траурными лентами – инсценировали горечь утраты «лучшего друга немецкого народа». Чувство коллективной скорби символизировала красная нарукавная повязка с черной лентой посередине у всех присутствовавших в зале. После торжественного заседания делегация членов Политбюро и ЦК СЕПГ отправилась в Трептов-парк для возложения венков к памятнику неизвестному советскому солдату.

¹ Die Tätigkeit der leitenden Parteiorgane und ihre Führung im Kampf um die Erhaltung des Friedens und die Einheit Deutschlands, in: SAPMO-BArch, DY 30 / V / 2 / 5 / 269. Bl. 102.

² Bekanntmachung des Ministeriums des Innern, in: Neues Deutschland, 7. März 1953, Nr. 56. S. 2.

³ См.: Anlage Nr. 1 zum Protokoll Nr. 14/53 vom 6. März 1953, in: SAPMO-BArch, DY 30 / J IV 2 / 2 / 268. Bl. 2–3.

Участие населения в траурных церемониях стало важной заботой властей¹. В одном из партийных отчетов перечислялись задачи срочной агитационной работы в массах: «1) Развернуть кампанию выдвижения в кандидаты в члены партии; 2) провести рекламную акцию с целью популяризации народной полиции; 3) создать рекламу для общества германо-советской дружбы; 4) поощрять введение советских методов работы на производстве; 5) развернуть социалистические соревнования»². Похороны Сталина использовались режимом СЕПГ для старта очередной кампании пропаганды, рассчитанной на идеологическое воспитание и мобилизацию населения в интересах режима. Официальные сводки и отчеты дружно рапортовали об активном участии населения в траурных церемониях как показателе «сплоченности немецкого народа с товарищем Сталиным»³. Так, на центральных площадях в Дрездене, Зуле, Хемнице, Ростоке и Лейпциге были установлены своеобразные алтари в виде гигантских портретных изображений «вождя», возле которых стоял почетный караул из представителей массовых организаций, учебных заведений и народной полиции⁴. Население региональных центров привлекалось к возложению цветов и венков⁵. Государственный траур использовался властью для инсценировки утопичной концепции общества консенсуса – гармоничного сосуществования государства и общества.

Центральной площадкой для организации траура в общегосударственном масштабе стала Аллея Сталина в Восточном Берлине. Выбор данного места не был случаен. Официальные репрезентации главной улицы в ГДР коннотировали смыслы «строительства новой мирной жизни», «возрождения экономики и промышленности» и «первых успехов строительства социализма под эгидой Сталина». Кроме того, в центре аллеи находился памятник Сталину – сакральная зона символической встречи и прощания народа с «вождем». В полдень 9 марта началось движение траурной процессии, для участия в которой в Берлин приехали делегации всех земель и провинций. Траурное шествие начинала бригада строителей Аллеи Сталина, несшая сначала

¹ К.-Х. Шмидт приводит общую цифру участия населения ГДР в траурных мероприятиях 9 марта 1953 г., равную 3,6 млн человек. Более детальную информацию см.: Schmidt K.-H. Als Stalin starb. S. 91–95.

² Informationsbericht Nr. 3 (7.3.1953, 8 Uhr früh), in: SAPMO–BArch, DY 30 / IV / 2 / 5 / 268. Bl. 309.

³ SAPMO–BArch, DY 30 / IV / 2 / 5 / 268. Bl. 295–340.

⁴ Например, см.: Der Spiegel. 1. April 1953. S. 8.

⁵ Trauerfeiern in Städten und Dörfern der Republik, in: Junge Welt. 10. März 1953. Nr. 68. S. 3.

портрет советского лидера, а затем изображение четверки классиков марксизма-ленинизма. Пресса подчеркивала присутствие в колонне отрядов народной полиции, женщин и детей, рабочих и стариков – представителей всех поколений и социальных классов¹. Возложение венков и цветов от имени предприятий, массовых организаций, жилищных общин и частных лиц представлялось в массмедиа коммуникативным актом выражения народной любви и благодарности «лучшему другу», а также символическим жестом-обещанием «всеми силами выполнять заветы вождя в борьбе за объединение немецкой столицы, за единство Германии и благосостояние немецкой нации»².

Региональные центры Восточной Германии активно подключились к организации и проведению государственного траура. Оповещение населения о смерти Сталина в районе Биттерфельда состоялось 6 марта 1953 г. в виде продолжительного сигнала сирен³. В тот же день руководство округа Губэн распорядилось приостановить работу на всех предприятиях и подготовить краткие рефераты о жизни «вождя». В учебных заведениях и школах рекомендовалось провести пятиминутную паузу молчания⁴. В школах города Дессау перед бюстами и портретами «вождя» был выставлен почетный караул пионеров⁵. На заводах, в учебных и административных учреждениях прошли траурные собрания с зачитыванием речей лидеров СССР и ГДР либо директорами, либо партийными секретарями. Рабочие места везде оформлялись плакатами, лозунгами, портретами «вождя». В Потсдаме, на стене дома, в котором проживал Сталин во время Берлинской конференции, состоялось торжественное открытие мемориальной доски⁶.

Похороны Сталина стали важным медийным событием в Восточной Германии, призванным работать на стабилизацию и легитимирование режима СЕПГ. Первое оповещение населения о смерти Сталина произошло утром 6 марта 1953 г. по радио. Между властью

¹ Der große Trauermarsch der Berliner Werktätigen, in: Neues Deutschland, 10. März 1953, Nr. 58, S. 1.

² Ibid.

³ Informationsbericht Nr. 2 über Maßnahmen der Parteileitungen und Stimmung der Bevölkerung anlässlich des Ablebens des Genosse Stalin. Berlin, den 06.03.1953 von 15–18 Uhr, in: SAPMO–BArch, DY IV / 2 / 5 / 268, Bl. 304.

⁴ Information über die von den Bezirks- und Kreisleitung aufgrund des Todes des Genossen Stalin ergriffenen Maßnahmen und die Anteilnahme der Bevölkerung. Berlin, den 6.3.53, in: SAPMO–BArch, DY IV / 2 / 5 / 268, Bl. 300.

⁵ Informationsbericht Nr. 2. (6.3.1953), in: SAPMO–BArch, DY IV / 2 / 5 / 268, Bl. 305.

⁶ Unsere Republik trauerte um ihren besten Freund, in: Neues Deutschland, 10. März 1953, Nr. 58, S. 2.

и обществом радиоприемники являлись наиболее распространенным каналом массовой коммуникации, технические возможности которого позволяли оперативно доносить информацию до слушателей. Известно, что в некоторых случаях устраивались публичные прослушивания траурных речей руководителей СССР и ГДР у радиоприемников, рядом с которыми вывешивался портрет Сталина. Таким образом, радио представляло собой важный канал формирования социалистической картины мира у аудитории. Являясь самым распространенным средством массовой коммуникации, радио стало важным институтом инсценировки государственного траура и в целом пропаганды культа Сталина.

Аналогичным образом пропаганда использовала печать, на страницах которой публиковались бюллетени о состоянии здоровья, портреты советского лидера и прочие нарративы о жизни «вождя». Тексты телеграмм от имени ЦК СЕПГ и Совета министров ГДР в адрес советского правительства выражали «серьезную озабоченность по поводу тяжелого заболевания вождя советских народов и всего миролюбивого человечества» и «надежду на скорое выздоровление»¹. Лишь 7 марта в печати появились широкоформатные портретные фотографии в черной рамке с известием о том, что «сердце величайшего человека нашей эпохи, товарища Иосифа Виссарионовича Сталина, перестало биться»².

Визуальные фотоматериалы всенародного прощания со Сталиным должны были создавать эффект общенационального горя – и в Восточной, и в Западной Германии. Пропаганда охотно использовала риторику национального единства, сообщая о возложении цветов и венков западными немцами к монументу в честь советской армии в Тиргартене (в британском секторе Берлина)³. Пресса отмечала широкое участие жителей Западного Берлина в траурном марше по Аллее Сталина. Более того, похороны и траур по Сталину гиперболизировались до общемирового и глобального события «всего миролюбивого населения планеты»: «Когда умер Маркс, плакали его верные друзья, сторонники и некоторые прогрессивные рабочие Европы. Когда умер Ленин, плакал советский народ и рабочие партии мира. Сталина оплакивает все миролюбивое человечество»⁴. Печать телеграмм с со-

¹ Neues Deutschland. 6. März 1953. Nr. 55. S. 1.

² Neues Deutschland. 7. März 1953. Nr. 56. S. 1.

³ Ganz Berlin nahm Abschied von J. W. Stalin, in: Neues Deutschland. 10. März 1953. Nr. 58. S. 2.

⁴ Abschied von Stalin, in: Neues Deutschland. 10. März 1953. Nr. 58. S. 2; Die Länder der Volksdemokratie gedenken ihres großen Lehrmeisters, in: Neues Deutschland. 10. März 1953. Nr. 58. S. 3.

болезнованиями из Франции и Италии, Великобритании и США, Аргентины и Китая конструировала транснациональный характер траура.

Важным компонентом драматизации государственного траура на страницах газет и журналов являлась визуализация как самого процесса прощания и погребения, так и документирование эмоций горя среди рядовых граждан в официальных фотоматериалах. При этом картины с Красной площади повторяли образы людей на Аллее Сталина, репортажи из Москвы пересекались с немецкими комментариями совместного переживания горя в связи с утратой «отца народов»¹. Можно выделить три вида фотоматериалов, которые иллюстрировали траур. Во-первых, это черно-белые фотографии Сталина в форме генералиссимуса². Во-вторых, фрагменты церемонии захоронения в Москве на Красной площади. К обязательным сюжетам принадлежал показ партийных и правительственных лидеров у гроба «вождя»³, колонна сопровождения гроба к Мавзолею Ленина во главе с партийными и государственными лидерами СССР⁴, вид трибуны Мавзолея Ленина – Сталина со стоящими на ней руководителями СССР и дружественных государств, среди которых обязательно показано присутствие главы немецкой делегации В. Ульбрихта⁵. Данные визуальные мотивы были призваны отразить иерархию властных отношений, создать впечатление о преемниках и последователях Сталина.

И, в-третьих, изображения траура простых людей создавали впечатление коллективного горя в связи с утратой «лучшего друга немецкого народа»⁶. Фотомонтажи проходящих мимо памятника

¹ Например, см.: *Neue Berliner Illustrierte*. 1953/12. S. 3.

² См., например: *Neues Deutschland*. 7. März 1953. Nr. 56. S. 1.

³ См.: *Neues Deutschland*. 8. März 1953. Nr. 57. S. 1.

⁴ См., например: *Neues Deutschland*. 11. März 1953. Nr. 59. S. 1.

⁵ *Neues Deutschland*. 12. März 1953. Nr. 60. S. 1; также см.: *Die Sache Stalins ruht in guten Händen*, in: *Neue Berliner Illustrierte*. 1953/12. S. 4–5.

⁶ Й.-У. Фишер описывает один из ярких примеров мастерства визуализации траура с помощью фотографии на страницах еженедельного иллюстрированного журнала «Нойе Берлинер Иллюстрирте». Он анализирует фотографию Г. Кизлинга на обложке № 12 за 1953 г.: «Семья – отец, мать и маленький ребенок – стоят перед памятником Сталину. Изображение передает глубокий траур и искреннюю благодарность по отношению к мертвому диктатору. В то же время видна гордость, гордость принадлежности к делу Сталина. По фотографии зритель узнает о чувствах этих людей намного больше, чем может рассказать обычный текст». На открытые приподнятые лица с устремленными в одну точку взглядами падает свет, исходящий от «каменного вождя». Таким образом, технические возможности игры света и тени, работа над мимикой и инсценировкой общего фона позволяли ярко передать эмоциональные состояния людей, придав индивидуальное измерение ритуалу государственного траура.

Сталину в Берлине и Лейпциге масс преследовали цель создать документальное подтверждение об участии в прощальных церемониях представителей всех классов, социальных групп и возрастов: рабочих и крестьян, интеллигенции и членов массовых организаций, женщин и мужчин, молодежи и стариков¹. Юные пионеры, отдающие честь или возлагающие цветы к портрету «вождя»; скорбные лица с опущенными взглядами, полные раздумий о будущем, слезы на глазах людей – вот лишь малая доля визуальных приемов инсценировки общенационального горя в восточногерманской печати². Наиболее частым мотивом фотодокументов являлся вид устремленных на монумент Сталина взглядов шествующих в колоннах людей. Все фотоматериалы подчеркивали одновременно массовый и индивидуальный характер горя, призывали к сплочению вокруг режима СЕПГ как последователя дела Сталина.

Для инсценировки государственного траура и эмоциональной мобилизации населения использовался кинематограф³. Сразу же после смерти Сталина в кинопрокат поступают два специальных выпуска «Вохеншау» киностудии ДЕФА, ставших профессионально смонтированным подтверждением государственного траура в Восточной Германии и СССР⁴. Первый фильм демонстрировал зрителям миф о «вожде» – официальные образы и нарративы о жизненном пути и политической карьере Сталина. Второй фильм должен был стать документом, подтверждающим скорбь в период государственного

См.: Neue Berliner Illustrierte. 12/1953. Titelblatt; Fischer. Op. cit. S. 40–41; также см.: Mühlberg D. Alltag in der Medienöffentlichkeit. Illustrierte Zeitschriften und Magazine als Quellen kulturhistorischer Forschung, in: Barck, Langermann, Locatis. Zwischen “Mosaik” und “Einheit”. S. 32–47.

¹ Отметим, что официальные погребальные церемонии военных лиц в период национал-социализма не предусматривали участия женщин, за исключением находящихся на государственной службе. Таким образом, траурные церемонии по случаю смерти Сталина в Восточной Германии впервые сделали возможным участие женщин в государственных поминальных ритуалах без каких-либо ограничений. Ackermann. Nationale Totenfeiern in Deutschland. S. 57.

² In Trauer und Entschlossenheit. Berlin am Tage der schmerzlichen Nachricht vom Hinscheiden J. W. Stalin, in: Neues Deutschland. 7. März 1953. Nr. 56.

³ См., например: Turovskaja M. Das Kino der totalitären Epoche, in: Arnold S., Fuhrmeister Ch., Schiller D. (Hg.). Politische Inszenierung im 20. Jahrhundert: zur Sinnlichkeit der Macht. Wien, 1998. S. 75–82.

⁴ «Вохеншау» представляли собой специальную форму короткометражного документального фильма, содержание которого определялось сюжетами актуальной политики, сенсаций, развлечений. До появления телевидения «Вохеншау» представляли собой единственную форму аудиовизуального информирования публики. См. подробнее: Programmbeilage zu den Videos “Der Augenzeuge – Die DEFA-Wochenschau”. Erschienen bei ICESTORM Entertainment GmbH. Berlin / DEFA-Stiftung 2001.

траура¹. Сценические эпизоды были призваны оставить впечатление всепоглощающего горя немецкого народа в связи со смертью «лучшего друга немецкого народа» и доказать легитимность просоветского политического курса режима СЕПГ.

Телевидение, начавшее вещание в день 73-го дня рождения Сталина 21 декабря 1952 г., не успело сыграть большой роли в пропаганде культа Сталина в Восточной Германии². Однако известия о болезни и смерти Сталина моментально сказались на изменении всей сетки передач. С первых дней официального объявления о болезни «вождя» новостные выпуски «Актуальной камеры» стали регулярно сообщать о состоянии здоровья Сталина. Развлекательные передачи отменялись, их заменяли классическими советскими драматическими фильмами. 17 и 20 марта транслировались упоминавшиеся ранее специальные выпуски «Вохеншау»³. Привлечение всего спектра средств массовой информации к организации траура воспроизводило и транслировало в массы миф о «вожде», мобилизуя население к участию в официальных церемониях за счет пропаганды мотива национального и имперского единства у гроба «вождя».

Государственный траур в связи со смертью Сталина закончился в ГДР 11 марта 1953 г. В этот день из Москвы возвратилась немецкая делегация. Встреча вернувшихся немцев состоялась в аэропорту. Шонелефельд в присутствии важнейших лиц – репрезентантов режима СЕПГ: членов Политбюро и ЦК СЕПГ, руководителей правительства ГДР и советского посла. Исполнение гимна ГДР и СССР оркестром немецкой народной полиции должно было подчеркнуть значимость момента: возвращались не прежние руководители государства и партии, публике предстала новая власть и прямые преемники дела

¹ Сюжет второго фильма из серии «Вохеншау» драматизируется постепенно. В начале показано, как представители всех социальных и возрастных групп слушают радио и читают газеты с сообщением о смерти Сталина. Первые реакции потрясения, испуга, растерянности ставят перед зрителем вопрос: «Что же теперь будет?». Далее траур находит выражение в демонстрации теплых чувств к портрету «вождя»: минута молчания школьников перед портретом, коллективное украшение портрета черной лентой и цветами, аккуратное перелистывание страниц произведений Сталина. А вот вереница детей во главе с воспитательницей подходит к памятнику «отца». Кадры тихого плача женщин, растерянности на лицах детей и скупые мужские слезы были призваны показать боль крушения надежд, гарантом воплощения которых в жизнь представлялась persona Сталина.

² О становлении и развитии восточногерманского телевидения см.: Hickethier K. *Geschichte des deutschen Fernsehens*. Weimar, 1998.

³ Специальные выпуски «Вохеншау», подготовленные в связи со смертью Сталина, были просмотрены в Федеральном Архиве Германии. См.: DEFA-Wochenschau "Augenzeuge": Stalins Werk ist unsterblich (11/1953); Dem grossen Stalin ewiges Gedenken (12/53), in: Filmarchiv-Bundesarchiv in Berlin.

Сталина, полные энергии и решимости продолжить «сталинский курс строительства социализма» в Восточной Германии¹. Данная задача нашла отражение в культурной продукции представителей интеллектуальной элиты ГДР. Писатель Ш. Герmlin писал в «Портрете надежды»: «Но и без Сталина мы должны жить дальше. Без него мы будем идти вперед, постоянно спрашивая себя, а что мог бы сказать и подумать по этому поводу Сталин? К тому великому, что нам досталось в наследство, принадлежат его лучшие ученики в лице руководителей Восточной Германии. Вокруг них мы и обязаны сплотиться еще сильнее»². Пропаганда легитимировала преемственность сталинского курса в нарративах о доверии народных масс к режиму СЕПГ³.

Спустя год день смерти «вождя» превратился в очередную памятную дату в календаре политических ритуалов восточных немцев⁴ (ил. 27). Происходит оформление поминального культа Сталина⁵, который выполнял ряд важных функций в символической политике государства. Во-первых, он содержал послание продолжить дело Сталина и сплотиться вокруг СЕПГ. Во-вторых, он служил инструментом мобилизации и поддержания комплекса социальных ожиданий, гарантом которых выступал Сталин. В-третьих, он должен был стать составной частью национальной памяти немцев, поддерживая «политическое бессмертие» мертвого «вождя». Сценарий первого дня поминовения был разработан на заседании Политбюро ЦК СЕПГ от 19 февраля 1954 г. Он включал публикацию статей и фотографий, ор-

¹ Deutsche Delegation aus Moskau zurückgekehrt, in: Neues Deutschland. 12. März 1953. Nr. 60. S. 1.

² Hermlin S. Das Abbild der Hoffnung, in: Begegnungen mit Stalin. Aussagen sowjetischer und deutscher Autoren. Berlin, 1953. S. 141.

³ Конструирование доверия народа к режиму СЕПГ прослеживается в следующем нарративе пропаганды: «Мама, почему ты плачешь?» – «Сталин мертв.» – Глаза ребенка наполняются слезами. – «И кто же теперь будет выполнять его работу?» Уверенным голосом мать ответила сыну: «Мы все. Мы будем бороться на его стороне и продолжать начатое дело». Взгляд женщины обращается к трибуне, к руководящим представителям партии. В их взгляде читается торжественное обещание: «Вы можете полностью положиться на нас, под знаменами Ленина и Сталина мы будем идти вперед к коммунизму». См.: Pärnstiel M. Zu neuen Siegen im Stalinschen Geist, in: Neues Deutschland. 10. März 1953. Nr. 58. S. 2.

⁴ Protokoll Nr. 10/54 der außerordentlichen Sitzung des Zentralkomitees des Politbüros am 19. Februar 1954, in: SAPMO-BArch, DY 30 J IV 2 / 2 / 348. Bl. 1.

⁵ О поминальном культе социалистических «вождей» см.: Tumarkin N. Lenin Lives! The Lenin Cult in Soviet Russia. Cambridge, 1993; Ledderose L. Die Gedenkhalle für Mao Zedong. Ein Beispiel von Gedächtnisarchitektur, in: Assmann J., Hölscher T. (Hg.). Kultur und Gedächtnis. Frankfurt a. M., 1988. S. 311–339; Ennker. Die Anfänge des Lenin-Kults in der Sowjetunion; Todorova M. The Mausoleum of Georgi Dimitrov as Lieu de Memoire, in: Journal of Modern History. 78, 2006. P. 377–411.

ганизацию общественных лекций, конференций и собраний на всех партийных и административных уровнях¹. Устанавливался список материалов пропаганды, которые рекомендовалось использовать для пропаганды мифа о «вожде»². Призывы увековечить имя Сталина в монументах и бюстах, названиях улиц и городов, плакатах и картинах нашло живой отклик на местах. Так, в преддверии годовщины со дня смерти «вождя» в городе Риза на площади Александра Пушкина состоялось торжественное открытие 4-метровой бронзовой статуи Сталина, финансирование которой осуществлялось за счет добровольных пожертвований населения³. Центральный совет Общества германо-советской дружбы принял решение об установлении памятников «вождю» в каждом из 14 региональных центров ГДР⁴. Вскоре в городах Бад Доборан, Гера, Фрайберг, Веймар, Хетшtedт появились монументы и бюсты Сталина⁵ (ил. 28). А вилла, в которой проживал лидер СССР во время пребывания на Потсдамской конференции по улице Карла Маркса, 27 в Бабельсберге, была объявлена 3 августа 1955 г. национальным памятным местом и занесена в список важнейших достопримечательностей Германии под названием «Дом Сталина»⁶. Таким образом, после 5 марта 1953 г. наблюдается континуитет культа Сталина в ГДР: «вождь» продолжил свою политическую жизнь, несмотря на физическую смерть. В то время как Периферия продолжила политику культа Сталина с целью консервации существующего политического порядка, в Москве наблюдались более решительное дистанцирование к проявлениям культа личности и эскалация борьбы за власть⁷.

¹ Maßnahmen zum Gedenken J. W. Stalins. Anlage Nr. 2 zum Protokoll 10/54, in: SAPMO-BArch, DY 30 / J IV 2 / 2A / 333. Bl. 8–9.

² Политбюро ЦК СЕПГ еще в марте 1953 г. планировало обратиться в советские инстанции для получения разрешения на тиражирование культурной продукции культа Сталина: бюстов и статуи работы С. Меркурова, картин с изображением «вождя» и членов президиума ЦК КПСС, печати брошюры с биографиями Маленкова, Берии и Молотова. См.: Anlage Nr. 5a zum Protokoll Nr. 16/53 vom 17. März 1953, in: Dokumentation: Der Tod des Diktators – ein Circulus vitiosus für die SED, in: UTOPIE kreativ, H. 149 (März 2003). S. 209–220, hier S. 212–213.

³ Stalin-Denkmal in Riesa feierlich enthüllt, in: Neues Deutschland. 5. März 1954. Nr. 54. S. 1. См. также: Koselleck R. Einleitung, in: Koselleck R., Jeismann R. (Hg.). Die politische Totenkult: Kriegerdenkmäler in der Moderne. München, 1994. S. 9–20.

⁴ Azaryahu. Von Wilhelmplatz zu Thälmannplatz. S. 166.

⁵ Ibid. S. 167–168.

⁶ Fotosammlung "J. W. Stalin", in: Bildarchiv im Bundesarchiv-Koblenz.

⁷ Например, см.: Зубкова Е. Маленков и Хрущев: личный фактор в политике постсталинского руководства // Отечественная история. 1995, № 4. С. 103–115.

3.4. Жить и работать по-социалистически:

Аллея Сталина и Сталинштадт

В центре внимания в настоящем параграфе находятся вопросы инсценировки стиля жизни для «нового человека», представленного пропагандой в качестве идеального носителя социалистического сознания и морали, а также верного служителя культа Сталина. Главное качество «нового человека» заключалось в его политической лояльности и публичной преданности режиму – центральных источников легитимации диктатуры. За доверие режиму государство и партия обеспечивали избранному кругу лиц доступ к комплексу льгот и привилегий. Данным персонам приписывалась идеологическая миссия жить и работать по-социалистически – проживать в новостройках на Аллее Сталина, отдыхать в закрытых санаториях, совершать покупки в эксклюзивных магазинах и ходить в специализированную поликлинику или же работать на металлургическом комбинате имени советского лидера в городе, носящем имя «вождя», – в Сталинштадте. Эти счастливицы были призваны стать главными актерами в пропагандистском спектакле об успехах строительства социализма, мобилизуя массы на приобщение к политическому проекту строительства социализма. Через данные стратегии пропаганды власть пыталась политизировать те структуры и пространства повседневности – сферы дома и семьи, досуга и потребления, – в которых институциональный контроль со стороны государства и партии был наиболее проблематичен.

Исследователи истории пропаганды в тоталитарных режимах власти сходятся во мнении, что успех принятия диктатуры населением заключался в использовании рекламных стратегий¹. С. Беренбек, исследуя культ Гитлера в Третьем рейхе, говорит о введении бренда «фюрер», ставшего фирменным знаком стиля и качества жизни при национал-социализме². Аналогичные стратегии маркетинга были за-

¹ Groys B. *Gesamtkunstwerk Stalin. Die gespaltene Kultur der Sowjetunion*. München; Wien, 1988; Ehalt H. C. (Hg.). *Inszenierung der Gewalt. Kunst und Alltagskultur im Nationalsozialismus*. Frankfurt a. M., 1996; Sennebogen W. *Propaganda als Populärkultur? Werbestrategien und Werbepraxis im faschistischen Italien und in NS-Deutschland*, in: *Faschismus in Italien und Deutschland. Studien zu Transfer und Vergleich*. Göttingen, 2005. S. 119–147; Reichel P. *Der schöne Schein des Dritten Reiches. Gewalt und Faszination des deutschen Faschismus*. Hamburg, 2006; Czech H.-J., Doll N. (Hg.). *Kunst und Propaganda im Streit der Nationen 1930–1945. Katalog der Ausstellung im Deutschen Historischen Museum*. Dresden, 2007.

² Behrenbeck S. «Der Führer». Die Einführung eines politischen Markenartikels, in: Diesener G., Gries R. (Hg.). *Propaganda in Deutschland. Zur Geschichte der politischen Massenbeeinflussung im 20. Jahrhundert*. Darmstadt, 1996. S. 51–78.

действованы в утверждении культа Сталина в ГДР. Пропаганда создавала репрезентации идеального жизненного пространства на Аллее Сталина или в Сталинштадт, вобравших коннотации прогресса и успеха, счастья и уверенности в будущем, послевоенного возрождения и растущего материального благополучия. Можно сказать, что имя Сталина представлялось новым брендом жизни по-социалистически, а сама фигура «вождя» была призвана рекламировать идею социализма в виде нарратива о строительстве социалистического будущего в Восточной Германии. Таким образом, проникновение образа «вождя» в структуры повседневности стало важным стимулом к укреплению культа Сталина в Восточной Германии и политизации неполитических – частных – пространств жизни человека.

Медиализация публичной сферы диктатуры стимулировала превращение имени Сталина в сакральный центр общества и власти¹. С одной стороны, возможности синхронной и систематической трансляции официальных репрезентаций власти населению через радио, печать, телевидение и плакаты способствовали автоматическому подчинению, дисциплинированию и идеологической индоктринации населения. Можно сказать, что средства массовой информации позволили пропаганде охватить все восточногерманское население, способствуя его почти полному включению в информационное пространство сталинизма. Данные репрезентации власти диктовали приобщение к социалистическому порядку жизни – комплексу норм и правил, эмоций и табу, выполнение которых давало шанс доступа к эксклюзивным ресурсам организации повседневности без дефицита, насилия и страха. С другой стороны, медийное тиражирование нарративов и образов успеха, благополучия и счастливого будущего формировали предложение власти к обществу: поддержите режим СЕПГ, примите Сталина в роли «лучшего друга», примкните к строительству социализма и тогда в качестве награды вы получите почетный титул «нового человека» и необходимые ресурсы для организации жизни по-социалистически.

Широкомасштабная мобилизация населения к «великим стройкам социализма» свидетельствовала об определенной эффективности данного символического договора. Часть населения откликнулась на предложение пропаганды, движимая мечтой о быстром решении острых проблем нехватки жилья и отсутствия рабочих мест, дефи-

¹ О процессах медиализации публичной сферы и пространства в диктатурах см.: Советская власть и медиа: Сб. ст. / под ред. Х. Гюнтера, С. Хэнсген. СПб., 2006; Bösch, Borutta. Die Massen bewegen; Lindenberger, Massenmedien im Kalten Krieg; Daniel U., Schildt A. (Hg.). Massenmedien im Europa des 20. Jahrhunderts. Köln, 2010.

цита товаров и отсутствия коммунального сервиса. Репрезентации власти также учитывали социальные ожидания мирной жизни, собственного домашнего очага, потребности в чувстве рутинной и нормальной повседневности. Пропаганда представляла Сталина в качестве гаранта превращения данных обещаний в реальность. Более того, с образом советского лидера связывался доступ к шикарной жизни. Так, в одном из павильонов Лейпцигской ярмарки 1950 г. под гигантскими барельефами с профилем советского лидера были выставлены последние модели советской автоиндустрии. Как с удивлением отмечал журналист западного журнала «Шпигель», советские автомобили были чересчур похожи на американские модели таких марок, как «Пакард», «Шевроле» и «Олдсмобайл», и напоминали скорее о пропаганде успехов капитализма, чем социализма¹.

Начальным шагом к интеграции культа Сталина в повседневные структуры стало строительство «первой социалистической улицы Германии» – Аллеи Сталина. В честь 70-летия «вождя» магистрат Восточного Берлина принимает решение от 21 декабря 1949 г. о присвоении Франкфуртской аллеи имени советского лидера. Переименование улицы имело большое символическое значение. Во-первых, в официальных нарративах именно по этой аллее советские войска вошли в Берлин, освободив немецкий народ от фашизма. Во-вторых, строительство улицы Сталина стало составной частью «Национальной программы по восстановлению Берлина»² и первого пятилетнего экономического плана 1951–1955 гг.³, призванных решить острую для того времени жилищную проблему, а также в целом повысить уровень жизни населения. В-третьих, Аллея Сталина становилась составной частью дискурса холодной войны: ее восстановление в рамках строительства социализма противопоставлялось нарративам об американских бомбардировках Германии в завершающий период войны. Все вместе данные коннотации превращали Аллею Сталина в центральный символ идентичности для всей немецкой нации, вобравшего семантику перехода от захватнических планов немцев к мирному послевоенному строительству под руководством Советского Союза, от тотального поражения к политическому и эко-

¹ Der Spiegel. 16. März 1950. S. 23.

² Peters G. “Nationale, klassizistische und fortschrittliche” Bautradition: Zur Baugeschichte der Berliner Stalinallee 1949–1955 // <http://www.berlinische-monatsschrift.de/bms/bmstxt01/0103prof.htm> (Дата последнего посещения 25.07.2004).

³ Решение о восстановлении разрушенного центра Берлина было принято на Третьем съезде СЕПГ (20–27 июля 1950 г.) одновременно с принятием пятилетнего плана 1951–1955 гг.

номическому возрождению нации, а также демонстрацию торжества социализма над капитализмом.

Вскоре восточногерманская пропаганда начинает активное медийное сопровождение работы над строительным объектом, создавая репрезентации образцового стиля жизни по-социалистически. 18 января 1952 г. на экраны кинотеатров вышел фильм «Роман молодоженов». В центре внимания – история любви и история строительства новой жизни на Аллее Сталина¹. Режиссер Курт Мэтциг рассказывает зрителю о недавно поженившихся молодых людях Агнес и Йохен, в чувства которых вторгаются холодная война и раздел Германии на две части. Агнес работает актрисой в Восточном Берлине, а Йохен занят в театральных постановках на Западе. Усиливающиеся идеологические разногласия между супругами провоцируют решение о разводе. Однако вскоре Йохен теряет работу и друзей в безжалостном мире капитализма. Он переосмысливает отношение к социализму. При встрече на бракоразводном судебном процессе любовь побеждает: пара мирится и перебирается жить в Восточный Берлин на Аллею Сталина. Сквозь призму жизни двух молодых людей фильм представляет зрителю победу социализма над капитализмом как торжество добра над злом. В заключительной сцене фильма Агнес читает торжественную оду в честь Сталина во время празднования рихтфеста – традиционного немецкого праздника в честь завершения строительства дома.

На следующий день после премьеры – 19 января – виртуальное становится реальным: заключительная сцена фильма из «Романа молодоженов» была с точностью воспроизведена во время рихтфеста на Вебервизе – примыкающей к Аллее Сталина улице. Актриса Ивоне Мерин, сыгравшая роль Агнес, зачитала отрывок из стихотворения «Аллея Сталина», написанного Куртом Бартеlem под псевдонимом «Куба» к 70-летию советского лидера: «По этой улице в город пришел мир. / Город был повергнут в прах. / Мы были прахом и руинами / и смертельно уставшими. / Но скажите, как можно умереть? / Ведь сам Сталин взял нас за руку / И велел нам гордо поднять головы. / И когда мы начали разбирать завалы и строить планы, / Планировать зеленые насаждения и блоки домов, / Тогда мы стали победителями, и город начал жить. / Прямо к Сталину ведет дорога, по которой пришли друзья. / Отныне никогда в новых сверкающих окнах домов не должен вспыхивать огонь! / Скажите, как можно отблагото-

¹ “Roman einer jungen Ehe”, Produktion: DEFA-Studie für Spielfilme 1952. Regie: Kurt Maetzig, Drehbuch: Kurt Maetzig, Bodo Uhse; Darsteller: Yvonne Merin, Hans-Peter Thielen.

дарить Сталина? / Мы дали этой улице его имя».¹ После заключительных слов зазвучал гимн в честь советского лидера «Сталин, друг, товарищ»². Праздник в честь постройки первых жилых домов на прилегающей к Аллее Сталина улице Вебервизе назывался не только «доказательством миролюбивой сталинской политики», но и актом выражения доверия и благодарности «вождю», наглядным примером первых успехов строительства социализма под патронажем Сталина в Восточной Германии³.

Спустя несколько недель внимание восточногерманских массмедиа оказалось вновь прикованным к Аллее Сталина. 3 февраля 1952 г. состоялась новая закладка фундамента для строительства очередного жилого блока. Акции приписывалось большое символическое значение для послевоенного Берлина. В этот день отмечалась седьмая годовщина со дня разрушительных бомбардировок города американцами. О. Гротеволь в присутствии обербургомистра Берлина Ф. Эберта заложил в фундамент дома медный чемодан с пропагандистскими материалами «Национальной программы восстановления» – статьями из газет, строительными планами, грамотами и денежными купюрами⁴. В заключение премьер-министр ГДР произнес традиционный тост в честь завершения строительства дома и три раза ударил молотом по камню. Первый удар прозвучал за «дружбу миролюбивого немецкого народа с народами советского союза». Второй удар – «за восстановление столицы Германии – Берлина и счастливое будущее его жителей». Третий удар – за «единство Германии в свободе и мире»⁵.

Первый рихтфест непосредственно на Аллее Сталина состоялся 12 июля 1952 г. Завершение строительства нового дома было приурочено к проведению Второй партийной конференции СЕПГ, объявившей курс на планомерное строительство социализма в Восточной Германии. На праздник прибыла делегация конференции во главе с В. Ульбрихтом. Успех строительства должен был продемонстрировать немецкой и мировой общественности ресурсы режима в стабилизации повседневности и мобилизации населения в государствен-

¹ Stalinallee, in: Kuba, Gedichte. Rostock, 1961. S. 242. (Перевод мой. – А. Т.)

² См.: “Stalin, Freund, Genosse”: Text: A. Surkow, A. Ott, Musik: M. Blanter, in: Busch E. (Hg.). Lieder der UdSSR. Lieder um Stalin. Berlin, 1949. S. 86–88.

³ Richtfest am Hochhaus der Weberwiese, 19. Januar 1952 // CD: Stalinallee – Stalinstadt: die erste sozialistische Strasse und die erste sozialistische Stadt in Tondokumenten 1952–1955.

⁴ См.: Müller D. “Wir bauen die erste sozialistische Straße Berlins”. Die Stalinallee in der politischen Propaganda im ersten Jahr des “Nationalen Aufbauprogramms Berlin 1952”, in: Vorsteher, Parteiauftrag: ein neues Deutschland. S. 369–388, hier S. 385.

⁵ Ibid. S. 40.

ных целях. Кульминацией церемонии стало поднятие праздничного венка над крышей вновь построенного дома, на фасаде которого висело гигантское изображение Сталина. Радиорепортаж сообщал о завершении праздника народным гулянием с пивом, песнями и танцами «счастливых людей»¹. О превращении Аллеи Сталина в идеальную декорацию для проведения официальных мероприятий свидетельствует и тот факт, что в 1954 г. на ней прошло более 80 шествий, митингов и демонстраций². Улица с именем советского руководителя превратилась в центр политической жизни Восточной Германии. Интеграция социалистических символов власти в традиции народной праздничной культуры отражала процесс наступательной советизации и указывала на привлечение фольклорных мотивов к популяризации образа Сталина.

21 декабря 1952 г. к очередному дню рождения Сталина в Государственной опере Восточной Германии в Берлине состоялось торжественное заседание, на котором обер-бургомистр заявил о передаче 1148 квартир в руки «заслуженных активистов» и «заслуженных изобретателей», «передовиков производства» и бригадиров, «героев труда», «лауреатов национальной премии» и «заслуженных народных учителей». Среди счастливицов было 677 рабочих, 322 служащих, 149 представителей интеллигенции³. Эти показатели свидетельствуют, что лишь узкая группа избранных лиц получила доступ к высоким стандартам жизни «нового человека». Но именно они должны были стать рекламными фигурами социализма. Медийные репрезентации их образа жизни по-социалистически должны были нести в массы ясное идеологическое послание: так живут люди, доказавшие на практике верность и преданность режиму СЕПГ.

7 января 1953 г. первые обладатели новых квартир въехали в современные новостройки. «Самые красивые дома Германии», как сообщали газеты и радио, были оснащены лифтами, центральным отоплением и канализацией, горячей и холодной водой, ванными комнатами, кухней с газовой плитой и мусоропроводом⁴. Возможности отдыха после работы, чтения газеты или же просто принятия солнечных ванн предлагали разбитые на крыше многоэтажек сады. Наряду с просторными квартирами комплекс домов на Аллее Сталина был оснащен разветвленной инфраструктурой, призванной облегчить домашний

¹ Richtfest am 12. Juli 1952.

² Azaryahu. Von Wilhelmplatz zu Thälmannplatz. S. 165.

³ См.: Müller "Wir bauen die erste sozialistische Straße Berlins". S. 386.

⁴ Neue Berliner Illustrierte. 5/1953. S. 7.

быт: помещениями для стирки и гладильными, государственными и частными магазинами, библиотекой и детским садом, спортивными и детскими площадками¹.

Аллея Сталина представлялась «визитной карточкой благосостояния» восточных немцев. Массмедиа сообщали о «переполненных улицах с людьми, совершавшими покупки в магазинах»² (ил. 29). Радиорепортаж с Аллеей Сталина, вышедший в эфир 5 мая 1952 г., рассказывал о настоящем оазисе изобилия в условиях дефицита³. Счастливая жительница «первой социалистической улицы Германии» с явными интонациями гордости и хвастовства сообщала о широком спектре возможностей для покупок: от государственных магазинов – цветочного киоска, кафе-молочной, мясной, рыбной и молочной лавок, магазинов овощей и фруктов – до частных кооперативов – табачной лавки, магазинов ликеро-водочных изделий и деликатесов. При рассмотрении фоторепортажей создается впечатление, что в идеальном пространстве жизни по-социалистически было предусмотрено все до мелочей. Витрины магазинов с неоновой подсветкой и улыбающиеся продавцы за прилавками предлагали покупателям широкий ассортимент товаров: от бразильских сигар для взрослых до всевозможных сладостей для детей⁴. «Все, что душа пожелает», можно было приобрести в новых магазинах, призванных продемонстрировать образцовую социалистическую «культуру торговли и потребления»⁵.

Аллея Сталина должна была стать витриной социализма для ФРГ, вызывая тем самым у западного посетителя чувства удивления и зависти к достигнутым успехам в строительстве социализма. Мечты миллионов немцев о частном доме и счастливой семейной жизни, о полных прилавках магазинов и сытном ужине воплощались в фото-материалах на страницах иллюстрированных журналов и в радиорепортажах с «первой социалистической улицы Германии». Один из активистов после утомительной ночной смены утверждал: «Сейчас я от счастья нахожусь на седьмом небе, и работа доставляет мне двойную радость. Мой самый лучший заработок состоит в том, что я лич-

¹ См.: Deutschlands erster großer Neubau beginnt, in: Neues Deutschland. 21. Dezember 1949. Nr. 298. S. 8; Neue Berliner Illustrierte. 1951/52. S. 6–7.

² Например, см.: Neue Berliner Illustrierte. 1953/5. S. 7.

³ Der Aufbau der Stalinallee schreitet voran, 5. Mai 1952 // CD: Stalinallee – StalinStadt.

⁴ Neue Berliner Illustrierte. 5/1953. S. 7.

⁵ Visitenkarte des Wohlstandes. Bummeln durch die neuen Läden in der Stalinallee, in: Neue Berliner Illustrierte. 5/1953. S. 7.

но могу жить на улице, которая носит имя Сталина»¹. Фотографии комплекса домов со всеми удобствами дополнялись снимками уютной домашней обстановки, улыбающихся детей, что резко контрастировало с размещенными рядом фотографиями развалин в Западном Берлине². Нередко сюжеты репортажей сообщали о визитах западных берлинцев, которые восторженно, но с интонациями зависти отзывались о стройках социализма. Действительно, представленный на Аллее Сталина уровень комфорта и роскоши новых домов поражал воображение не только восточных, но и западных немцев в послевоенных условиях недостатка жилья и острого дефицита товаров первой необходимости.

Строительство Аллеи Сталина – не только эстетический проект пропаганды, а проект мобилизации и привлечения восточных немцев к строительству социализма³. «Речь идет о творении всего народа», – подчеркивал в своем выступлении О. Гротеволь при закладке фундамента очередного дома на Аллее Сталина в феврале 1952 г.⁴ Эти слова отражали стремление инсценировать социальный консенсус и являлись одновременно мобилизационным призывом для всего населения. На Аллее Сталина пропаганда инсценировала новое коллективное чувство «мы», в котором аккумулировались переживаемые целой нацией гордость, радость и счастье послевоенного возрождения на улице, носящей имя советского руководителя. Участие в лотерее национального возрождения, поездки на стройплощадки во время отпуска, добровольная работа и регулярные отчисления от зарплаты – спектр практик соучастия в общенациональном и общегосударственном проекте построения нового общественного порядка. Высшей наградой за поддержку проекта пропаганды представлялась возможность проживания на Аллее Сталина и доступ к жизни по социалистически. «Придет день, – провозглашала пропаганда, – когда все люди нашей республики будут жить в таких же домах! [...] Дома, которые мы строим, образуют одну из основ социализма. С каждым

¹ Die glücklichsten Menschen Deutschlands, in: Neue Berliner Illustrierte. 4/1953. S. 4–5.

² Neue Berliner Illustrierte. 4/1953. S. 4–5.

³ Только в 1952 г. на строительстве Аллеи Сталина добровольно трудились около 45 тыс. рабочих, общее время работы которых составило более 4 млн часов. См.: Müller. "Wir bauen die erste sozialistische Straße Berlins".

⁴ Stalinallee – Straße der unverbündlichen Freundschaft. Rede zur Grundsteinlegung in der Stalinallee. 3. Februar 1952, in: Grotewohl O. Im Kampf um die einige Deutsche Demokratische Republik, Reden und Aufsätze, Band III (1952 und 1953). Berlin, 1954. S. 31–40, hier S. 35.

камнем мы укрепляем любовь к нашей республике, гордость являться ее гражданином, готовность защищать нашу родину»¹.

Дальнейшим шагом к интеграции мифа о «вожде» в структуры повседневной жизни стало решение ЦК СЕПГ от 17 марта 1953 г. о переименовании местечка Фюрстенберг-на-Одере в город Сталинштадт, а также о присвоении расположенному там металлургическому комбинату имени Сталина. 7 мая 1953 г., накануне Дня освобождения, состоялась торжественная церемония переименования². Пропаганда создавала репрезентации «первого социалистического города Германии», призванного продемонстрировать практические успехи претворения курса на социализм в жизнь³. В одном из радиорепортажей слушателям объяснялась концепция организации города: «Городской центр должны образовать здание ратуши, Дом массовых организаций и Дворец культуры. От центра будут расходиться лучами жилые комплексы, население каждого из которых может достигать пяти-шести тысяч человек. Для оживления культурной жизни предполагается построить стадион, бассейн и сцену в летнем парке, которые образуют общегородской культурный центр. В тенистом парке предполагается разместить сверхсовременную больницу со всем необходимым оборудованием, рассчитанную на 600 пациентов. Для создания благоприятных бытовых условий жизни трудящихся планируется строительство прачечных, хлебопекарни и мясоперерабатывающего комбината»⁴.

«Новый город для нового человека» – лейтмотив строительства и пропаганды города с именем «вождя». Радиорепортажи сообщали о высокой заработной плате рабочих металлургического комбината имени И. В. Сталина и низкой оплате жилья. Нарративы пропаганды визуализировались в фотоматериалах иллюстрированных журналов. Публикация первых фотодокументов должна была продемонстрировать читателю строительство новой школы, новых квартир и новых

¹ Neue Berliner Illustrierte. 4/1953. S. 4–5.

² В июне 1950 г. III съезд СЕПГ принял постановление об основании металлургического центра недалеко от места Фюрстенберг-на-Одере. В августе 1950 г. началось строительство комбината, а осенью 1951 г. – города, рассчитанного на 25 тыс. жителей. С 1953 по 1961 г. город носил имя Сталина, в 1961 г. под влиянием очередной волны десталинизации был переименован в Айзенхюттенштадт. См.: <http://www.dra.de/babelsberg.htm> (Дата посещения 16.06.2004). См. также: Ludwig A. Eisenhüttenstadt: Wandel einer industriellen Gründungsstadt in fünfzig Jahren. Potsdam, 2000; Richter J., Förster H., Lakemann Ul. Stalinstadt – Eisenhüttenstadt: von der Utopie zur Gegenwart. Marburg, 1997.

³ Stadt der Dankbarkeit, in: Neue Berliner Illustrierte. 11/1953.

⁴ Funkbericht über den Aufbau der Stalinstadt. Mai 1953 // CD: Stalinallee – Stalinstadt.

магазинов в честь дня рождения «вождя» к 21 декабря 1953 г. Мечта миллионов восточных немцев становилась визуальной реальностью на страницах популярного журнала «Нойе Берлинер Иллюстрирте». Пропаганда Сталинштадт апеллировала ко всему обществу, рассчитывая услышать от множества немцев слова поддержки: «Я горд и счастлив жить и работать в городе, носящем имя Сталина»¹.

Аналогично пропаганде образа жизни на Аллее Сталина масс-медиа создавали репрезентации счастливой семейной жизни в Сталинштадте (ил. 30). В одном из радиорепортажей, транслируемых прямо из кухни одной семьи, рассказывалось об идеальных условиях жизни, позволявших гармонично совмещать работу и воспитание детей². С гордостью супруги рассказывали слушателям о том, что обе дочери ходят в детский сад, в то время как они сами помогают друг другу в ведении хозяйства. Так, журналист застал супруга за приготовлением обеда – рыбного филе с жареной картошкой – для супруги, которая только что вернулась с утренней рабочей смены на металлургическом комбинате. Предмет их гордости – низкая стоимость квартирной платы – 36 марок, включая стоимость всех коммунальных услуг.

Привлекательность мифа о «вожде» для послевоенного немецкого общества заключалась в том, что он предлагал своим потребителям готовые сценарии успеха и самореализации. Например, рассказ о судьбе молодого рабочего Клауса Кляйнерта должен был стать примером для юного поколения немцев. Из статьи читатель понимал, что благодаря вступлению в ССНМ герой узнал о возможностях получения образования, личного идеологического просвещения и патриотической службе новой родине – ГДР. Деятельность в массовой организации стала для него решающим стимулом при поступлении в университет и повышении профессиональной квалификации. Материальным стимулом самотрансформации в «нового человека» являлось обещание ежемесячной стипендии. При этом нарратив пропаганды рассказывал о негативном национал-социалистическом прошлом, когда дети рабочих не имели возможности учиться. После войны гарантией личного успеха и залогом продвижения по службе представлялось самостоятельное изучение произведений классиков марксизма-ленинизма при регулярном посещении партийной шко-

¹ “Ich bin stolz und glücklich, in dieser Stadt leben und arbeiten zu können”. Produktionsverpflichtungen der Werktätigen an den Baustätten des Eisenhüttenkombinats, in: Neues Deutschland. 9. Mai 1953. Nr. 108. S. 4.

² Sendung anlässlich des zweijährigen Bestehens der Stalinstadt. Mai 1955 // CD: Stalinallee – Stalinstadt.

лы: «Мы изучаем труды Сталина и черпаем из них новые силы для нашей работы и борьбы. Благодаря такому другу, как Сталин, которому мы полностью доверяем, победу в борьбе за единство нашей родины можно считать обеспеченной»¹. Короткий текст завершался прямым призывом к читателю приобщиться к жизненной стратегии Клауса Кляйнерта: «Тысячи детей рабочих сегодня могут жить подобным образом. С чувством доверия и любви смотрят они сегодня на Сталина и советскую армию, которые помогли открыть им двери университетов. С чувством полнейшего доверия смотрят они на лучшего друга немецкой молодежи, учение которого поможет нам сохранить и оберегать мир»².

Миф о «вожде» апеллировал не только к молодежи, а пытался охватить представителей различных социальных групп и поколений. Каждому официальный образ Сталина обещал что-то свое, личное: для спортсменом – достижение высоких результатов³, для женщин – равноправие с мужчинами, мирное детство для детей, социальную помощь государства⁴, для молодежи – возможности обучения и карьеры⁵, для активистов и героев труда – условия для создания семейного очага и достойного материального существования⁶. Через обращение к широким слоям населения создатели образа «вождя» пытались завоевать доверие всего населения к режиму СЕПГ. Пропаганда представляла некий идеальный стандарт социалистического образа жизни, включавший в себя привлекательные обещания высокооплачиваемой работы и социального статуса, предоставления социальных гарантий и заботы со стороны государства, высокого потребительского уровня и современного комфортного жилья.

Однако тиражируемая в официальных массмедиа картина успешного строительства социализма по заветам «лучшего друга» на Аллее Сталина и в Сталинштадте не соответствовала реальности. Ежедневно миф о «вожде» разбивался о груз повседневных про-

¹ Berkner W. Stalin ist unser Lehrmeister, in: Sächsische Zeitung. 21. Dezember 1951.

² Wie Klaus Arbeiterstudent wurde, in: Sächsische Zeitung. 21. Dezember 1951.

³ Например, см.: Neue Schwimmrekorde zu Ehren Stalin, in: Bauernecho, 21. Dezember 1951. Nr. 296. См., например: Rossbach N. "Täve": Der Radsportler Gustav-Adolf Schur, in: Satjukow, Gries. Sozialistische Helden. S. 133–146.

⁴ Например, см.: Schmidt E. Die Lehre von Marx, Engels, Lenin und Stalin – Programm zur Befreiung der Frau, in: Neues Deutschland. 8. März 1953. Nr. 57. S. 6; Gelöbnis einer Arbeiterin, in: Lausitzer Rundschau. 21. Dezember 1951. S. 3.

⁵ Stalins Leben – ein Beispiel für Jugend, in: Neues Deutschland. 18. Dezember. Nr. 296. S. 1.

⁶ Stalin – Vorbild des Aktivisten Josef Walljasper, in: Volksstimme. 21. Dezember 1951. S. 3.

блем. Так, в редакцию главной партийной газеты «Нойес Дойчланд» поступали многочисленные жалобы, в которых жители «первой социалистической улицы» артикулировали отличный от репортажей пропаганды опыт жизни. «Счастливейшие люди Германии», как их называла пропаганда, сообщали о дороговизне, недостатках в освещении улиц и на некачественные переходы, «покрытые строительным мусором, металлическим ломом, проволокой и деревом»¹. В связи с этим отмечалось большое количество несчастных случаев, особенно в темное время суток.

Аналогичные проблемы наблюдались в Сталинштадте. Например, в ноябре 1953 г. состоялось экстренное собрание жителей комплекса «Гельмут Юст». В центре дискуссии оказался вопрос о росте венерических заболеваний среди рабочих. Контраст риторики между ораторами из среды рабочих и представителями партии показывает, как нарративы пропаганды спотыкались о багаж реальных проблем повседневности. Так, некий герой труда и член СЕПГ потребовал от рабочих придерживаться правил гигиены, дисциплины и порядка, объявив источником венерических заболеваний западных агентов, заинтересованных в подрыве социалистического производства. Иную версию представил управляющий магазином господин Таксвайлер, отметив, что более 70 супружеских пар не имеют возможности жить совместно, посещая друг друга в раздельных для мужчин и для женщин бараках. Описывая другие сложности, он отмечал: «В некоторых бараках, в маленьких и грязных комнатах, вынуждены проживать по 7 человек. На 5 тысяч жителей приходится один коммерческий и один государственный магазин. После тяжелой физической работы жителям приходится выстаивать многочасовые очереди»². Руководство предприятия реагировало на критику рабочих отговорками о необходимости терпимо относиться к временным трудностям и доверять руководителям комбината, разоблачать западных агентов и не поддаваться на провокации врагов. Свист и гудение публики наряду с повальным оформлением больничных листов с целью уклониться от работы становились типичными реакциями жителей Сталинштадта на официальную риторику «диктатуры дискурса».

Подведем итоги. Репрезентации новой повседневности в Восточной Германии транслировали публике обещание гораздо лучшей жизни в будущем при одновременном требовании подчинения и лояльности к режиму СЕПГ в настоящем. Для мобилизации и инсце-

¹ Analyse der Leserbriefе. Neues Deutschland an das Zentralkomitee der SED, in: SAPMO-BArch, DY IV / 2 / 5 / 254. Bl. 13.

² AdsD, SPD-PV-Ostbüro 0257, unpag.

нировки нового стиля жизни государство выбрало два центральных объекта пропаганды – Аллею Сталина в Восточном Берлине и город с именем «вождя» – Сталинштадт. Как показал проведенный анализ, культ Сталина стал составной частью в пропаганде данных объектов и в создании красивого фасада социализма. Заманчивые репрезентации строек социализма, связанного с ними стиля жизни и комплекса обещаний тиражировались и апеллировали к миллионам граждан через официальные средства массовой информации. Чтение официальных газет и регулярный просмотр фотографий на страницах иллюстрированных журналов, повседневное столкновение с плакатами и лозунгами наряду с систематическим прослушиванием радиопередач формировали у миллионов восточных немцев одинаковые представления о стиле жизни по-социалистически и об идеализированных пространствах, в которых конструировалось, инсценировалось и, наконец, переживалось культовое сообщество.

Медийные репрезентации строек социализма были призваны сформировать у публики новое чувство «мы»: представить новые личные смыслы и задачи коллективной политической интеграции вокруг режима СЕПГ, строящего светлое будущее для всего немецкого народа по заветам Сталина. Прежде всего на Аллее Сталина пропаганда воплощала в реальность предложение новой национальной идентичности и вела символическую борьбу за признание единой немецкой столицы не в Бонне, а в Берлине. Мобилизационный потенциал Аллеи Сталина и Сталинштадта усиливался не только риторикой национализма и возрождения, но и за счет демонстрации индивидуальных историй успеха в рамках государственного курса строительства социализма. Улучшение жизни восточногерманского субъекта становилось новым идеологическим обещанием культа Сталина. Для реализации этого курса привлекались последние достижения техники и науки. Прогресс и инновации были призваны стать составной частью переделки восточных немцев в «нового человека». Популяризация индивидуальных примеров счастья, успеха и благосостояния показывает, как государство пыталось наполнить идеологическим содержанием обычно неполитические, частные ниши и сферы жизни индивида, а также включить повседневность в дискурс власти.

Представления о времени, по утверждению М. Саброва, являются ключевым политико-культурным фактором легитимации диктатур современности¹. Репрезентации Аллеи Сталина и Сталинштадта

¹ Sabrow M. Time and Legitimacy: Comparative Reflections on the Sense of Time in the Two German Dictatorships, in: Totalitarian Movements and Political Religions. Vol. 6.

определяли темпоральный стиль режима СЕПГ, подразумевавшего отречение от «коричневого прошлого», преодоление трудностей послевоенного восстановления в настоящем и установление временных горизонтов для достижения «светлого будущего». Репрезентации жизни по-социалистически воплощали собой пульс времени: они показывали скорость, темп и динамику возрождения из руин. Вера в прогресс, в поступательное развитие на пути к достижению коммунизма, в лучшую жизнь в самом обозримом будущем – характерные черты социалистической культуры темпоральности. На фоне динамичного строительства социализма капиталистический Запад представлялся территорией «нацистской реакции», «пережитков империализма и милитаризма», то есть прошлого без шансов на успешное будущее. Наоборот, мобилизационный заряд культа Сталина заключался в пропаганде будущего, которое можно было увидеть, ощутить и почувствовать уже в настоящем: Аллея Сталина и Сталинштадт представлялись реально существующими местами для реально существующих людей. Данные объекты пропаганды являлись наглядным обещанием достичь аналогичных успехов строительства социализма вскоре для всех восточных немцев. Хронотоп социализма являлся ярким контрастом к темпоральности Третьего рейха, который в стратегиях легитимации власти опирался на прошлое и удерживал социальный консенсус до самого конца своего существования, в том числе и за счет поддержания страха об отсутствии будущего в случае капитуляции Германии¹. Тем более многообещающей на этом контрастном фоне бесперспективности выглядела пропаганда советского лидера, нацеленная на укрепление уверенности в завтрашнем дне: «Сталин – это жизнь в счастье и благосостояние! Сталин – это мир! Сталин – это наша победа! Сталин – наша уверенность! Сталин – наше будущее!»².

№ 3. 2005. P. 351–369. Аналогичные наблюдения см.: Jessen R. Semantic Strategies of Inclusion and Exclusion in the German Democratic Republic (1949–1989), in: Steinmetz. Political Languages in the Age of Extremes. P. 275–291; esp. 277–280.

¹ Sabrow. Time and Legitimacy. P. 365.

² Caspar G. Zum Geleit, in: Begegnungen mit Stalin. Berlin, 1953. S. 15.

Глава 4. «ЛЮТЫЙ ВРАГ НЕМЕЦКОГО НАРОДА»: КУЛЬТ ЛИЧНОСТИ И ИКОНОБОРЧЕСТВО В ВОСТОЧНОЙ ГЕРМАНИИ

4.1. Конфликтный потенциал в официальных публичных сферах

«Все пришло в движение на городских улицах. Вскоре все транспаранты, лозунги на общественных зданиях и народных предприятиях были удалены. При срывании каждого лозунга в честь Советского Союза и германо-польской дружбы толпа буйно ликовала. Точно также очищались все здания государственных учреждений и школ от портретов Сталина, Ленина, Пика, Гротевоя и Ульбрихта. Бюсты вождей разбивались вдребезги об уличную мостовую и сравнивались с землей. В школах разрывались и сжигались учебники русского языка. Наконец, штурмом был взят районный Дом правления СЕПГ. Двери и окна были взломаны и через несколько минут портреты, бюсты Сталина, флаги и книги классиков уже выбрасывались повстанцами на улицу, а впоследствии сжигались на площадях»¹.

Эпизод июньского восстания 1953 г. – первого общенародного протеста на окраине советской империи – описывает ритуал открытого насилия со стороны населения по отношению просоветского режима восточногерманской диктатуры. Центральной мишенью социальной агрессии оказались символы культа личности – бюсты, портреты, плакаты, произведения вождей. Составной частью иконоборческого сценария низвержения икон политического режима стало взятие восточногерманских бастилий – партийных домов и зданий массовых организаций, тюрем и камер предварительного заключения, служивших дисциплинарными и репрессивными бастионами диктатуры. Следуя ритуальным действиям сжигания, разрушения и уничтожения предметов культа личности, население демонстрирова-

¹ Situationsbericht vom 17. Juni 1953 in Görlitz, Sachsen // AdsD, SPD-PV-Ostbüro, 0434b, 17.6.1953. II Berichte, unpag.

до дистанцирование от идеологии рабоче-крестьянского государства и стремление к освобождению от оков диктатуры. Однако упомянутые формы открытой борьбы в обществах советского типа являлись скорее исключением, чем правилом. Жесткие правила риторических и поведенческих актов в условиях диктатуры заставляли население искать способы и методы непрямого повседневного артикулирования потребностей и ожиданий, критических мнений и разочарований.

Идеология «рабоче-крестьянского государства» в Восточной Германии исключала конфликты между властью и населением. Согласно марксистско-ленинской теории власть опиралась на постулаты доминирования государства над обществом и подчинения индивидуальных интересов партийно-государственным целям строительства социализма¹. К одной из центральных инсценировок пропагандируемого общества социального консенсуса относился ритуал шествия народных масс мимо почетной трибуны с представителями власти во время демонстраций². Он преследовал цель демонстративного заключения общественного договора и репрезентации народной поддержки политического курса режима. Однако ситуация встречи власти и общества зачастую грозила перерасти в открытое противостояние. Например, во время первомайской демонстрации 1951 г. в Потсдаме здравицы оратора в честь Советского Союза и Сталина вызвали у населения непрогнозируемую властями реакцию: участники демонстративно отворачивали лицо от почетной трибуны, а на призывы кричать «ура» предпочитали отмалчиваться³. К нарушениям официального траура по случаю смерти Сталина относились «язвительные комментарии» о Сталине во время прохождения старшеклассников мимо трибуны в Лейпциге, а также демонстративный отказ учителей снимать головной убор перед трибуной, украшенной большим портретом советского диктатора⁴. Подобные жесты стали демонстративными знаками дистанцирования к власти. Они указывают на то, что публика в официальных сферах не только послушно

¹ Gibas. Die "einheitliche öffentliche Meinung"; Rolf. Das sowjetische Massenfest. S. 162.

² Gibas M., Gries R. "Vorschlag für den Ersten Mai: die Führung zieht am Volk vorbei!" Überlegungen zur Geschichte der Tribüne in der DDR, in: Deutschland Archiv. 28 (1995) 5. S. 481–494.

³ Ergänzungsbericht zu Bericht 1–327 / 15, 9. Mai 1951 // AdsD, SPD–PV–Ostbüro 0361 II, unpag.

⁴ Stimmung der Bevölkerung anlässlich des Ablebens I. W. Stalins. Berlin, den 21. März 1953 // SAPMO–BArch, DY 30 / V / 2 / 5 / 269, Bl. 315, 317. Об иконоборческих реакциях населения на смерть Сталина см. также: Allinson M. Politics and Popular Opinion in East Germany, 1945–1968. Manchester, 2000. P. 52–54.

следовала предписанным образцам поведения, но и переосмысливала насаждаемые сверху советские символы.

Каким образом символы власти интегрировались в ритуалы насилия, можно увидеть во время июньского восстания 1953 г. в общине Цодель округа Герлиц. Для инсценировки акта низвержения режима СЕПГ повстанцы использовали нормативную модель ритуала прохождения народных масс мимо почетной трибуны с представителями власти. Во время шествия по деревне толпа отыскивала скрывшихся партийных функционеров и формировала колонну позора, состоящую из бургомистра, председателя сельскохозяйственного производственного кооператива, директора школы, председателя общества германо-советской дружбы и пионервожатой. Ритуал позора усиливался обращением с захваченными народом членами СЕПГ как с узниками, связанными двумя красными флагами за шеи и прогнанными через общину под насмешки жителей¹. При этом председатель общества германо-советской дружбы должен был нести перед собой портрет Сталина, ставшего объектом народного сквернословия. Настоящий инцидент с элементами карнавального поведения напоминает иконоборческий ритуал обезличивания сакрального изображения посредством коллективного высмеивания и оскорбления изображенной персоны².

Другой элемент в интерпретации июньских событий 1953 г. в общине Цодель как карнавала заключается в намерении населения перевернуть официальный политический порядок «с ног на голову» через смену предписанных ролей поведения и риторики, а также через инсценировку свержения власти³. После озвучивания политических требований «свободного правительства, ликвидации СЕПГ, проведения свободных выборов, возвращения Шлезии, отмены обязательных норм производства, введения равноправия всех крестьян, отмены в школах русского языка и предмета о текущих событиях в мире»⁴ была сооружена «почетная трибуна» в виде стола, на котором бургомистр по требованию собравшихся должен был публично отречься от власти. После отказа исполнить волю народа он был опрокинут со стола.

¹ Bericht über die Demonstration am 17.6.1953 in Zodel Kr. Görlitz // AdsD, SPD-PV-Ostbüro 0434 b, 17.6.1953 II Berichte, unpag.

² Scribner R. W. For the Sake of Simple Folk: Popular Propaganda for the German Reformation. Cambridge, 1981. P. 78–81.

³ Bakhtin M. Rabelais and His World. Cambridge, 1968; Scribner R. W. Popular Culture and Popular Movements in Reformation Germany. London, 1987. P. 71–102.

⁴ Roth H. Der 17. Juni 1953 in Görlitz. Dokumentation zum Volksaufstand. Bautzen, 2003. S. 112.

на землю¹. Принудительное сложение властных полномочий бургомистра напоминает традицию свержения статуи с пьедестала – акта народного суда и торжества народного правосудия. Наблюдение толпой свергнутой и поврежденной статуи свидетельствовало о лишении власти народом чести и доверия – базовых категорий в утверждении легитимности политических режимов. Ритуал насилия являлся одновременно спонтанным судебным процессом, нацеленным на лишение партийных функционеров их статуса и на физическое повреждение их тела, что означало символическое осквернение репрезентаций государства и партии. По своей семантике восстание в общине Цодель напоминало «ритуал позорного изгнания» нежеланных представителей власти самими жителями общины. Практики высмеивания и причинения физического вреда с элементами популярной юстиции являлись в данном случае центральными методами обесценивания режима и выражения желания избавиться от репрезентантов СЕПГ.

Другой ритуал культа личности – сбор подарков к дням рождения вождей – также использовался населением для повреждения репрезентаций власти². Например, накануне сталинского дня рождения 1951 г. среди населения распространялась «поздравительная открытка», на которой визуально деконструировался миф дружбы народов под эгидой советского вождя. Изображение закованных в цепи рабочих, преподносящих Сталину в качестве подарка гроб, усиливалось текстом с призывом «не забыть отпраздновать юбилей лучшего друга немецкого народа, так как это может быть его последним днем рождения»³. Порой население просто уклонялось от участия в кампаниях пропаганды, как, например, студенты Высшей школы Дрездена отказались сдавать деньги на подарок Сталину по поименному списку⁴. Фактор близости Запада и, как следствие, нелегального присутствия западных средств массовой информации в ГДР создавали альтернативный информационный фон и устанавливали символи-

¹ Ibid. S. 111–112.

² В современных исследованиях о семантике подарков вождям абсолютно отсутствует иконоборческая составляющая практик дарения. См.: Дары вождям – Gifts to Soviet Leaders. Каталог выставки, состоявшейся в Новом манеже 26 октября – 26 ноября 2006 г. / под ред. Н. Скорина-Чайкова. М., 2006; Ssorin-Chaikov N., Sosnina O. The Faculty of Useless Things: Gifts to Soviet Leaders, in: Heller, Plamper. Personality Cults in Stalinism. P. 277–300; Gries R. „...deckt alle mit den Tisch der Republik“. Kleine Geschichte der Geburtstagsgeschenke, in: Gibas M. (Hg.). Wiedergeburten. Zur Geschichte der runden Jahrestage der DDR. Leipzig, 1999. S. 86–90.

³ Allgemeiner Stimmungsbericht. Berlin, am 22. Mai 1951 // AdsD, SPD–PV–Ostbüro 0350, unpag.

⁴ Staatsarchiv Dresden, LRS, Ministerium für Volksbildung Nr. 1840, unpag.

ческие барьеры на пути пропаганды советских культов. Например, к дню рождения Сталина в 1950 г. западноберлинская группа борцов с преступлениями против человечности послала в адрес ЦК СЕПГ 8-килограммовый венок из колючей проволоки с просьбой передать его советскому лидеру¹. Медийная инсценировка данного жеста в западной печати получила широкий резонанс в Восточной Германии и способствовала укреплению негативного имиджа Сталина среди немцев.

Несмотря на мобилизацию ресурсов пропаганды и террора, внутри официальных публичных сфер постоянно фиксировались случаи конфликтного напряжения между представителями власти и населением. Дефицит доверия к прокламируемым культам был выражен во время автомобильных гонок в Дессау 1 октября 1950 г. Политический оттенок спортивному авторалли придал визит президента. Реакция публики на почетный проезд Пика по гоночному пути продемонстрировала неэффективность конструируемой пропагандой харизмы «отца нации»: если трибуна с представителями власти, партии и массовых организаций реагировала на встречу с президентом строго ритуальными действиями – «бурными аплодисментами» и «дружными возгласами ура», то реакция трибун с представителями народа характеризовалась молчанием, гудением или свистом².

Именно чувство групповой солидарности и возможность коллективного уклонения от участия в ритуалах культа личности резко усиливали шансы демонстрации дистанцирования от риторических и поведенческих норм в официальных публичных сферах диктатуры. В ноябре 1951 г. рабочие берлинской трансформаторной подстанции имени Карла Либкнехта дружно проигнорировали вечернее выступление Ульбрихта, спеша перейти из официальных в частные, то есть неполитические, а потому более комфортные ниши частной жизни индивида – домой, на дачу, в пивную, в круг семьи и друзей³. В 1951 г. старшеклассники многих школ единогласно уклонялись от просмотра кинофильма о президенте ГДР, отказываясь платить двадцать центов за посещение кинотеатра⁴. В Котбусе рабочие отказались участвовать в ритуале траура по поводу смерти Сталина. Во время объявленной на партийном собрании секретарем СЕПГ минуты мол-

¹ Stalingeschenk aus Westberlin // Berliner Stadtblatt, 22. Dezember 1950. S. 1.

² Ergänzungsbericht zu Bericht 1-327 / 15, 9. Mai 1951 // AdsD, SPD-PV-Ostbüro 0361 II, unpag.

³ Ulbricht unerwünscht. Berlin, 15.11.1951 // AdsD, SPD-PV-Ostbüro 0257 I, unpag.

⁴ AdsD, SPD-PV-Ostbüro 0361 II, unpag. (Берлин, январь 1951 г.)

чания в память о советском руководителе никто из присутствующих в зале, кроме членов президиума, не поднялся с мест, демонстративно оставшись сидеть на стульях¹.

К приграничной практике иконоборчества, частично терпимой властями, относилось молчание. С одной стороны, молчание указывало на страх переступить грань дозволенной риторики, на боязнь репрессий и потери накопленного символического капитала. С другой стороны, молчание отражало рациональный конформизм и лояльность индивида к власти, приученного приспособляться, интегрироваться, разговаривать на языке партии². В то же время молчание можно интерпретировать как акт пассивного неприятия режима. Так, на одном из городских праздников перед началом фейерверка провозглашались здравницы за Сталина, за Пика и за партию. Ожидалось, что население поддержит лозунги коллективными возгласами «ура». Однако пропагандистские речевки растворились в тишине³.

Для того чтобы привлечь население к участию в партийно-государственных ритуалах и обеспечить минимальную степень активности граждан в официальных публичных сферах, власть была вынуждена прибегать к различным манипуляциям. Например, собрать рабочих на празднование дня рождения Сталина в 1951 г. на предприятии Буна в округе Мерзебург удалось лишь постольку, поскольку каждому «активному участнику» было обещано две кружки пива и 10 сигарет⁴. Известны случаи, когда выплата заработной платы осуществлялась после завершения торжественных мероприятий в честь дня рождения советского лидера. Зачастую пропагандистские праздники проводились в рабочее время, так как для всех было очевидным нежелание рабочих тратить свое свободное время на политические мероприятия. Общей реакцией населения, получившей отражение в документах Восточного бюро СДПГ, являлось неприятие режима СЕПГ и стремление к уклонению от участия в партийно-государственных ритуалах за счет ухода в частные и анонимные пространства жизни индивида – в круг семьи, родственников и друзей.

¹ Bericht 9/53 an das Sekretariat des Zentralkomitees über die Stimmung der Bevölkerung und die Tätigkeit der Parteiorgane anlässlich des Ablebens des Genossen Stalin. Berlin, den 11.3.53 // SAPMO-BArch, DY 30 / IV 2 / 5 / 268. Bl. 340.

² О семантике молчания при тоталитарных режимах власти см.: Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания. М., 1996; Хамфри К. Опасные слова: табу, уклонение и молчание в Советской России // Антропологический форум. 2005. № 3. С. 314–339; Stark M. "Wenn Du willst Deine Ruhe haben, schweige". Deutsche Frauenbiographien des Stalinismus. Essen, 1991.

³ AdsD, SPD-PV-Ostbüro 0361 I, unpag. (Галле, без указания даты.)

⁴ AdsD, SPD-PV-Ostbüro 0257 I, unpag. (Мерзебург, 3.01.1952.)

Тем более яростно государство преследовало практики иконоборчества в официальных публичных сферах, форсируя их криминализацию и создавая врагов режима. Например, 3 января 1951 г. празднование дня рождения президента В. Пика в Йене было сорвано сразу же после начала вследствие поджога дымовых шашек¹. По подозрению в организации «заговора» органами народной полиции и Штази было арестовано 53 человека: преимущественно старшеклассников в возрасте от 15 до 23 лет. Криминализация задержанных, виновность которых не подвергалась сомнению, проходила путем наложения на подозреваемых распространенной в коридорах власти идеологической конструкции «врага народа»². После проведения допросов обвиняемым была предъявлено обвинение в антиправительственном заговоре и членстве в фашистской молодежной организации с центром в Западном Берлине. Публично-показательный судебный процесс вынес приговоры, самый суровый из которых предполагал 25 лет тюремного заключения. В репрессивной политике диктатуры культ личности инструментализировался аппаратом юстиции и суда для создания атмосферы страха, для легитимации политики исключения по отношению к не угодным режиму лицам, а также для установления дозволенных границ активности и автономности индивида.

О формировании монопольного контроля над публичным пространством со стороны государства и партии свидетельствует политизация криминальных действий вандализма: если среди объектов повреждения оказывались предметы культа личности, то власть автоматически причисляла вандализм к «вражеской деятельности реакционных элементов», то есть приравнивала их к практикам иконоборчества. Например, в ночь с 12 на 13 августа 1946 г. в Леснице оформленный для собрания зал заседания, посвященного Дню жертв фашизма, подвергся разрушению: знамена и портреты вождей были сорваны, а полотно со столов – похищено³. В сентябре 1948 г. в Потсдаме кирпичами и камнями были разбиты стекла здания СЕПГ, расколот бюст Маркса⁴. А из приграничного с Западной Германией населенного пункта сообщалось о ночном налете на партийный агит-

¹ Verhaftungen in Jena, Berlin, январь 1951 // AdsD, SPD–PV–Ostbüro 0362 I, unpag.

² Tikhomirov. Feinde des Volkes.

³ Донесение о политическом положении в федеральной земле Саксония за август–сентябрь 1947 г. // ГА РФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 218. Л. 49.

⁴ Донесение начальника отделения информации УВК г. Потсдам И. С. Строилова начальнику Отдела информации УСВА земли Бранденбург об англо-американской пропаганде в г. Потсдам, сентябрь 1948 г. // ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 230. Л. 274.

пункт, во время которого были разбиты окна, сорваны плакаты, разбиты вазы и мебель¹.

Установить четкую границу между практиками вандализма и иконоборчества в настоящих примерах сложно, если учесть и то обстоятельство, что порой сама власть прибегала к инсценировке вандальских и иконоборческих актов для сведения счетов с «врагами режима». В одном из отчетов Восточного Бюро СДПГ упоминается случай, когда во время полицейской облавы в Эйхвальде сами представители народной полиции подбросили и затем обнаружили в здании вокзала «два свежееизготовленных транспаранта, на которых был нарисован Гитлер с подписью о скором возвращении». находка послужила поводом для арестов и последующей криминализации руководства и обслуживающего персонала вокзала, с которыми местное руководство СЕПГ «имело давние счёты»².

Таким образом, символы культа личности – портреты, плакаты, бюсты вождей – оказались персонифицированными мишенями для выражения социальной агрессии в официальных – организуемых и контролируемых властью – публичных сферах. Если партийно-государственные ритуалы были призваны легитимировать и стабилизировать власть, то комплекс апробированных населением анти-ритуалов, или ритуалов насилия, как тактики дистанцирования и противодействия официальному порядку преследовал противоположную цель: делегитимировать, дестабилизировать, поставить под сомнение сложившийся порядок диктатуры. Попытки дисциплинирования и исключения носителей альтернативных мнений посредством криминализации не угодных режиму лиц свидетельствовали скорее о слабости и непопулярности режима среди населения. Многовариантные возможности раскола партийно-государственных публичных сфер изнутри указывали на ограниченные ресурсы культов личности в производстве социального консенсуса.

4.2. Пространственно-временные измерения иконоборчества

Согласно политдонесениям и сводкам о настроениях населения действия иконоборчества происходили преимущественно «в вечернее время суток», «с наступлением сумерек» или «темной ночью».

¹ AdsD, SPD–PV–Ostbüro 0383 O, unpag. (Берлин, 1948 г.)

² Provokation mit Hitlerbildern. Berlin, 18.02.1954 // AdsD, SPD–PV–Ostbüro 0407, unpag.

Ежедневно с заходом солнца происходил некий политический переворот: с наступлением темноты оккупационные власти упустили монополию пристального надзора за публичным пространством, в то время как общество, ощущая расширение границ автономности, проявляло инициативу действовать политически в тех зонах социальной жизни, которые в течение дня требовали строго регламентированного поведения. Тем самым ночь представляла собой межзональную границу для перехода акторов из партийно-государственных публичных сфер в анонимную сферу политической активности. С рассветом власть возвращала бразды правления в свои руки, устраняя следы народного насилия на улицах и площадях.

Конкуренция дня и ночи как отражение политического конфликта власти и общества проявилась в городе Стрела земли Саксонии в виде дневного провозглашения культа Тельмана посредством вывешивания плакатов и последующего ночного срывания его портретных изображений¹. Накануне Первомайской демонстрации в Глаухау на стене центральной фабрики ночью были сделаны антисталинские и антисоветские надписи. На рассвете патрули полиции были вынуждены в срочном порядке стирать следы социального негодования в пространстве, которому несколькими часами позже предстояло стать ареной для инсценировки общества социального консенсуса². Использование сумерек для изменения официальных посланий пропаганды было продемонстрировано после «Дня освобождения» во Фридерсдорфе, когда возложенные накануне к советским обелискам венки были обнаружены на следующее утро у могил немецких солдат³.

В светлое же время суток практики иконоборчества меняли места своего осуществления. Артикулирование свободных мнений без последующих преследований было возможно в интимных нишах публичного пространства. Так, во время советской инспекции вагонного завода «Линднер» в Аммендорфе в октябре 1948 г. антиправительственные надписи были обнаружены в туалетах. По распоряжению начальства все крамольные надписи были стерты. Рекомендовалось усилить наблюдение⁴. В 1953 г., непосредственно

¹ Политдонесение о настроениях немецкого населения федеральной земли Саксония, 21.09.1945 г. // ГА РФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 51. Л. 90.

² Донесение о проведении празднования 1-го мая по Хемницкому округу, 07.05.1947 г. // ГА РФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 203. Л. 158.

³ AdSd, SPD–PV–Ostbüro 0361 I, unpag. (Берлин, 25.05.1950 г.)

⁴ О враждебных надписях в туалетах и в цехах советского вагонного завода «Линднер» гор. Аммендорф, 07.10.1948 г. // ГА РФ. Ф. Р-7133. Оп. 1. Д. 280. Л. 34.

после смерти Сталина, на другом предприятии в Тюрингии на стенах туалетных кабинок развернулась кампания спонтанного иконоборчества. Портреты вождей переносились из статусных мест в туалеты, к ним пририсовывались виселицы и части тел животных, делались оскорбительные надписи антисоветского и антиправительственного содержания¹. Подобные перемещения символов власти из «сакральной зоны» в «грязные места» нарушали официальный порядок публичного символизма, указывая на непопулярность и оскорбление легитимности режима. В целях уменьшения коммуникативного потенциала туалетных комнат начальство было вынуждено отдавать распоряжения о еженедельном перекрашивании помещений.

Порой между руководящим звеном и социальными акторами происходили открытые переговоры по вопросу принятия и отклонения пропагандируемых культов личности. Процесс поиска компромисса был нацелен на легитимацию существующего порядка диктатуры, выражавшегося в выработке приемлемого, терпимого обеими сторонами решения и готовности к совместным действиям. Так, первого мая 1954 г. на предприятии имени Георгия Димитрова в Магдебурге между партийным руководством и рабочими разгорелся спор. Рабочие отказались нести портреты вождей социалистического блока в колонне демонстрантов. К сожалению, содержание самого процесса выработки и принятия решения осталось за рамками документа. В использованном источнике приводится лишь резюме: после долгих уговоров удалось найти некий компромисс, исключив из списка запланированных портретов изображения Ульбрихта и Мао Цзедуна². Показательно, что данный символический торг состоялся год спустя после смерти Сталина и накануне годовщины июньского восстания 1953 г., что свидетельствует о более смелом отклонении от пропагандируемых культов вследствие ослабления партийно-государственного контроля за репрезентациями вождей в публичных сферах на волне начала латентной десталинизации.

Помимо временных координат – в дни партийно-государственных праздников, пропагандистских кампаний и в период дней рождения вождей – политический оттенок иконоборчества усиливался местом совершения действия. Повреждениям портретов и бюстов в уголках мира и в кабинетах вождей на предприятиях, в учебных заведениях и массовых организациях, а также в партийных и государственных

¹ Bericht aus Sömmerda-Thüringen, den 25.4.1953 // AdsD, SPD-PV-Ostbüro 0257 I, unpag.

² Vorbereitungen und Stimmung der Arbeiter im Georgij-Dimitroff-Werk (Magdeburg) zum 1. Mai 1954 // AdsD, SPD-PV-Ostbüro 0257 I, unpag.

административных учреждениях автоматически приписывался политический характер антиправительственных выступлений со стороны «внутренних и внешних врагов». Так, на предприятии в Тельтоу на бюст Сталина в уголке мира ночью была надета шапка-ушанка¹. Власть обращалась к населению с призывом немедленно сообщать представителям народной полиции о случаях «нарушения общественного порядка». В другом случае накануне дня Октябрьской революции 1951 г. на предприятии им. В. Ульбрихта в г. Лена в ночь со 2 на 3 ноября из уголка мира был похищен бюст Сталина. На следующий день испачканный грязью бюст был выставлен неизвестными на этаже руководителей с табличкой: «Ты такой же дрянной, как и В. Пик»².

Шаткость официального режима в ночное время суток стала решающим стимулом к политизации ночи и распространению дневного порядка диктатуры на условия темноты. Советизация должна была идти полным ходом не только днем, но ночью. Одной из первых попыток подчинить контролю время ночи стало введение комендантского часа с 22.00 до 8.00 утра согласно приказу военного коменданта Берлина № 13. 13 мая 1945 г. СВАГ издает указ № 5 об электрическом освещении улиц Берлина, ставшим новым шагом к установлению контроля в ночные часы⁴. Практика ночной пропаганды в виде подсветки портретов вождей стала повсеместно вводиться на центральных улицах и площадях, использоваться на зданиях вокзалов, военных комендатур и правлений СЕПГ. Особенно Аллея Сталина в Восточном Берлине часто использовалась властью для проведения митингов и маршей в ночные часы. Например, акт переименования Франкфуртской аллеи в Аллею Сталина должен был увенчать программу празднования 70-летия советского вождя в декабре 1949 г. Пропаганда совместила переименование улицы с закладкой фундамента жилых домов, представив событие эпохальным символом начала строительства новой мирной жизни, экономического и национального возрождения немцев. Завершающим аккордом праздника стал фейерверк, высветивший яркими огнями в надвигавшихся

¹ Nacht-Depesche. 13. Januar 1953. S. 2.

² Sachsen-Anhalt, SAG-Leunawerke "Walter Ulbricht", den 7.11.1951 // AdSD. SPD-PV-Ostbüro 0257 / I, unpag.

³ Приказ начальника гарнизона и военного коменданта г. Берлина № 1 о регулировании политической и социально-экономической жизни города. 30.04.1945 г. // Политика СВАГ в области культуры. С. 85–87.

⁴ Liman H. Mehr Licht: Geschichte der Berliner Straßenbeleuchtung. Berlin, 2000. S. 38.

сумерках профиль диктатора и лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь» (ил. 31).

Продолжение таких инсценируемых государством публичных действий как праздники, митинги и шествия в темное время суток способствовало дальнейшей политизации ночного пространства. Одно из первых ночных мероприятий общегосударственного значения состоялось в связи с избранием В. Пика на пост президента ГДР. 200 тыс. членов Союза свободной немецкой молодежи промаршировали 11 октября 1949 г. через ночной Берлин с плакатами Сталина и Пика, с «факелами мира» в честь создания «нового антифашистского демократического государства»¹. Поздним вечером следующего дня В. Пик принимал почетное построение народной полиции, инсценируемое на одном из фотодокументов ночной стражей режима СЕПГ². Инструментализация культа личности для покорения ночного пространства была доказана в очередной раз во время проведения Третьих всемирных игр молодежи и студенчества в Восточном Берлине в августе 1951 г. На одном из вечерних мероприятий были подведены итоги молодежного конкурса «За мир и за Сталина!». В драматургии праздника был использован московский сценарий 70-летнего юбилея Сталина на Красной площади в Москве: звуки фанфар в сопровождении праздничного салюта послужили знаком к освещению гигантского изображения диктатора шестью мощными прожекторами³ (ил. 32).

Несмотря на попытки власти контролировать темное время суток, ночное прикрытие актов иконоборчества привело к тому, что участники ритуалов насилия в большинстве случаев не могли быть идентифицированы органами безопасности. Официальные партийно-государственные документы констатировали бессилие власти в борьбе с ночными нарушителями порядка. Использование патрулей, засад, облав и создание с 1952 г. дежуривших ночью «бригад добровольных помощников народной полиции» не приносили ощутимых результатов⁴. Лишь изредка можно встретить конкретные упоминания о том, кто же находился по другую линию идеологического фрон-

¹ Jubeln und Begeisterung in der Hauptstadt: Über 800 000 Berliner begrüßen den Präsidenten // Neues Deutschland. 12. Oktober 1949. Nr. 239. S. 1.

² См.: Bild 183-S88877, Bildarchiv im Bundesarchiv.

³ Anlage Nr. 1 zum Protokoll Nr. 189: Plan zur Kundgebung anlässlich des Abschlusses des Aufgebotes zu Ehren des großen Stalins am 12. August 1951 auf dem Marx-Engels-Platz // SAPMO-BArch, DY 24 / 1013, unpag.

⁴ Lindenberger Th. Volkspolizei. Herrschaftspraxis und öffentliche Ordnung im SED-Staat, 1952–1968. Köln; Weimar; Wien, 2003. S. 271–282.

та. В одном из политдонесений СВАГ из Геры сообщалось, например, что «реакционеры подкупают подростков 12–15 лет, которые с наступлением темноты пишут на стенах домов фашистские лозунги»¹. В обществах советского типа ночь оставалась анонимной, а потому наиболее автономной нишей социальной жизни, несмотря на всесторонние попытки власти подчинить ее дневному порядку диктатуры.

4.3. Формы обесчещивания власти и эмоциональная работа общества

К наиболее распространенным формам скрытого, или анонимно-иконоборчества относились снятие и срывание вывешенных властью плакатов, транспарантов и эмблем вплоть до разрушения витрин магазинов с портретами вождей². Однако к наиболее тяжелой форме оскорбления власти, попадавшей в первую очередь в поле зрения органов безопасности, относилось повреждение лица на изображениях политических лидеров. Так, по сообщениям Восточного Бюро СДПГ, накануне дней рождения Сталина портреты советского лидера пачкались грязью и чернилами, ему выкалывали глаза и рот³. Расклеенные в Лугау портреты Тельмана были обнаружены на следующий день с выколотыми глазами, вырванным носом и ртом⁴. Семантика иконоборческого насилия в отношении портретных изображений несла

¹ Вражеские слухи и деятельность реакционных элементов за последние дни мая в Тюрингии. 11.06.1947 г. // ГА РФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 163. Л. 142–144.

² Например, см.: О проведении месячника германо-советской дружбы в Германии (от 28.XII.1951) // АВП РФ. Ф. 742. Оп. 38. П. 239. Д. 112. Л. 21; О политическом настраивании немецкого населения земли Тюрингия в январе 1946 г. // ГА РФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 56. Л. 19.

³ Итоги празднования 70-летия со дня рождения товарища И. В. Сталина // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 307. Л. 13; AdS, SPD–PV–Ostbüro 0349 A / B, unpag. (Коттбус, 08.11.1952 г.)

⁴ Политдонесение о происшествиях в федеральной земле Саксония за сентябрь 1945 г. // ГА РФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 55. Л. 18. Европейская традиция повреждения лица и особенно носа уходит своими корнями в средневековые и раннее новое время. Перекочевав в эпоху современности, данная ритуальная практика эволюционировала в символическую форму социального протеста, сохраняя при этом главный смысл – повреждение чести и достоинства индивида. См.: Groebner V. Losing Face, Saving Face: Noses and Honour in the Late Medieval Town // History Workshop Journal, n. 40, 1995. P. 1–15; Niccoli O. Rinascimento anticlericale: infamia, propaganda e satira in Italia tra Quattro e Cinquecento. Roma-Bari, 2005. P. 131–136. О семантике повреждения носа в качестве практики судебного наказания см.: Zorzi A. Rituali e cerimoniali penali nelle città italiane (secc. XIII–XVI), in: Chiffolleau J., Martines L., Paravicini Bagliani A. Riti e rituali nelle società medievali. Spoleto, 1994. P. 141–157.

смысловую нагрузку «потери лица» – одной из форм обесценивания пропагандируемых фигур посредством повреждения репрезентаций власти.

Аналогичную цель демонстрации потери властью авторитета в глазах населения преследовали практики пририсовывания, приписывания, зачеркивания на носителях иконографии культа личности. Они преследовали цель показать способность граждан к изменению официальных значений пропаганды и их критическому восприятию. Например, 7 января 1946 г. в почтовый ящик редакции газеты «Тюрингер Фольксцайтунг» была вложена газета с портретом Пика, нос которого был раскрашен в красный цвет¹; после лозунга «В. Пик – сын народа» – пририсован знак вопроса; в следующей надписи – «Такое же вранье, как и у нацистов»² – тематизировалась проблема доверия к руководящему звену Восточной Германии, методы идеологической работы которых вызывали у населения ассоциации с министерством пропаганды Геббельса. Текст другого плаката с центральным слоганом пропаганды Сталина – «Гитлеры приходят и уходят, а немецкий народ, немецкое государство остаются» – был использован жителем Бранденбурга для подведения первых итогов советского оккупационного режима в Восточной Германии³. На доске объявлений к официальному тексту было приписано воззвание к гражданскому населению: «К немецкому народу Восточной зоны!

¹ В иконоборческих актах красный цвет использовался населением в качестве негативного символа советского оккупационного режима, наделенного коннотациями большевизма, кровавого террора и апокалипсиса. Например, при входе членов СЕПГ в зал для собрания Союза свободной немецкой молодежи раздались выкрики: «Красные идут». В селе Вальдкирхен уезда Штопау был зафиксирован случай политического самозванства: некий господин Шмидт, предъявив фальшивое удостоверение военной комендатуры, объявил себя бургомистром и приказал перекрасить все подоконники в красный цвет. Водной из проповедей религиозной секты «Свидетели Иеговы» красный цвет характеризовался в терминах апокалипсиса: красное знамя называлось «скарлатинным сукном, которое причиняет человечеству несчастье и раздор», а режим СВАГ сравнивался с сатаной «на земле в виде большого красного, как огонь, дракона». См.: Донесение о мероприятиях, проведенных по случаю 30-й годовщины ВЛКСМ. 2 ноября 1948 г. // ГА РФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 233. Л. 327; Политдонесение о настроениях немецкого населения федеральной земли Саксония, 21.9.1945 г. // ГА РФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 51. Л. 66; Докладная записка заместителя Главного начальствующего по политическим вопросам А. Г. Русских в ЦК ВКП(б) об антидемократических высказываниях членов религиозной секты «Свидетели Иеговы». 26 августа 1949 г. // ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 3. Д. 4. Л. 136–138.

² О политическом настроении немецкого населения земли Тюрингия в январе 1946 г. // ГА РФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 56. Л. 19.

³ Только за сентябрь 1945 г. по земле Саксонии было напечатано и расклеено 500 тыс. плакатов с выдержками из высказываний Сталина. См.: ГА РФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 55. Л. 17.

Сталин говорил: “Титлеры приходят и уходят, а немецкий народ остается!” Но что же произошло? Три года грабежа и воровства! Три года голода и смерти! Три года насильования наших девушек и женщин! Три года вранья о народной демократии! Выгоним этих гримасников культуры!!!»¹

Как правило, подобные переинтерпретации продукции органов пропаганды сопровождалась артикулированием мотива казни вождей, выражавшегося в пририсовывании виселиц и гильотины на портретах лидеров². Призыв к народному правосудию в отношении руководящего звена Восточной Германии был зафиксирован накануне празднования 100-летнего юбилея революции 1848 г. – одной из первых попыток СЕПГ представить новую картину исторического прошлого с традициями демократического народного движения³. На доске объявлений в городе Вернау района Цвикау мелом была сделана надпись: «В честь праздника повесить русских рабов – Пика, Зайдевица (премьер-министр Саксонии. – А. Т.) и Гротеволья вверх ногами. Хайль Гитлер!»⁴ К семантике лишения чести относилось и символическое низведение вождей до уровня животных посредством приписывания оскорбительных сравнений или пририсовывания к изображениям вождей частей тела животных. Так, в приграничном местечке Фаулунген накануне выборов в октябре 1950 г. на одном из плакатов предвыборной кампании СЕПГ были приписаны оскорбительные слова: «В. Пик – жирная свинья»⁵. А на одном из зданий в Потсдаме была обнаружена надпись под фашистской свастикой за подписью организации Вервольф: «Мы снова здесь. Если при-

¹ Донесение начальника отделения информации военной комендатуры г. Бранденбурга А. Е. Каретникова начальнику Отдела информации УСВА земли Бранденбург К. Мартемьянову о появлении антисоветской листовки в г. Бранденбург. 12 июля 1948 г. // ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 233. Л. 69.

² Иконоборческая традиция «наказания изображения» формируется в период позднего средневековья и в эпоху реформации, являясь как частью народной культуры, так и юридической практикой судебного наказания. Настоящий ритуал публичного сожжения или повешения лишь изображения виновного приравнивался к физической смерти индивида и применялся в том случае, если тело преступника не могло быть подвергнуто прямому наказанию. См.: Schnitzler N. Geschmähte Symbole, in: Schreiner K., Schwerhoff G. (Hg.). Verletzte Ehre. Ehrkonflikte in Gesellschaften des Mittelalters und der Frühen Neuzeit, Köln 1995. S. 279–302, hier S. 296–301.

³ См.: Assmann A., Frevert U. Geschichtsvergessenheit – Geschichtsversessenheit: vom Umgang mit deutschen Vergangenheiten nach 1945. Stuttgart, 1999. S. 151–157.

⁴ Донесение начальника отделения информации УВК г. Потсдам И. С. Строилова начальнику Отдела информации УСВА земли Бранденбург об англо-американской пропаганде в г. Потсдам // ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 230. Л. 274.

⁵ AdS, SPD–PV–Ostbüro 0383 O, unpag.

дут американцы, то мы красных собак перевешиваем вниз головами»¹. Данные трансформации официальных репрезентаций культа личности из «сакральных» в «профанные» и «грязные» имиджи являлись распространенной практикой обесценивания и оскорбления режима СЕПГ.

Открытые формы иконоборчества встречались гораздо реже. Они отличались включением в ритуал широкой публики и более агрессивным сценарием коммуникации с властью. К высшему пункту проявления публичного насилия в отношении символов диктатуры можно по праву отнести народное восстание в июне 1953 г. В первую очередь разрушению подвергались портреты, картины, бюсты и книги коммунистических вождей². В руках повстанцев предметы культа личности обесценивались: из символов власти они конвертировались в объекты причинения физического насилия по отношению к сторонникам режима СЕПГ. Например, в г. Айслебен портрет Сталина был надет на голову советскому солдату, предпринявшему попытку защитить изображение вождя³. Аналогичная участь постигла бургомистра Людвигсдорфа: на отказ сложить властные полномочия ему на голову был надет портрет В. Пика⁴. Публичные ритуалы насилия позволяли совершить смену ролевых позиций, превращая представителей власти в жертву при одновременном наделении населения полномочиями судьи и палача.

Ритуал публичного сожжения символов власти являлся наиболее радикальной формой иконоборчества, апробированного населением в ГДР уже в 1951 г.⁵ Однако массовый характер сообщения об акциях повсеместного сожжения предметов культа личности приобрели в июньские дни 1953 г. Как правило, сценарий ритуала насилия был таков: после захвата и погрома административных и партийных зданий повстанцы сносили инсигнии режима – флаги, эмблемы, плакаты, портреты, транспаранты – на прилегающие площади, сваливали

¹ Донесение начальника отделения информации УВК г. Потсдам И. С. Строилова начальнику Отдела информации УСВА земли Бранденбург об англо-американской пропаганде в г. Потсдам // ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 230. Л. 274.

² Roth. Der 17. Juni 1953 in Görlitz. S. 73. Также: Behrends. Erfundene Freundschaft. S. 313–320.

³ Bericht über die Streikbewegungen in Eisleben am 17. Juni 1953 // AdsD, SPD–PV–Ostbüro 0434 b, unpag.

⁴ Roth. Der 17. Juni 1953 in Görlitz. S. 109.

⁵ См.: Port A. I. Der erste Arbeiteraufstand in der DDR. Die Proteste der Wismut-Arbeiter im thüringischen Saalfeld 1951 // Deutschland Archiv, 4, 2007. S. 605–613, hier S. 608.

их в одну кучу и поджигали¹ (ил. 33). При этом на вершине пирамиды оказывались изображения вождей. Сам момент поджога под овации и крики толпы завершался коллективным созерцанием пламени (ил. 34). Смысл данного ритуала – «ритуала очищения», как отмечает Роберт Скрибнер, – очевиден: созерцание горящих символов власти рождало чувство катарсиса, что способствовало эмоциональной разрядке и дистанцированию от норм и правил жизни в условиях диктатуры².

К иконоборческим ритуалам открытого символического насилия относились окрикивание, поругание, оскорбление, злословие, осмеивание и освистывание представителей власти, а также их игнорирование в общественных местах³. Начиная с 1947–1948 гг. как ответ на советизацию восточные немцы впервые после войны демонстрируют способность к *коллективной эмоциональной работе* – акциям общего выражения чувств в местах скопления народа, благодаря которым население артикулировало политические симпатии и антипатии, доверие и недоверие к фигурам пропаганды⁴. Социальные акторы противопоставляли себя власти в кинотеатрах, на стадионах, народных праздниках – в тех измерениях повседневной жизни, которые за счет массовости позволяли действовать анонимно, а потому оставаться безнаказанным за нарушение установленного политического порядка. Так, в кинотеатрах при демонстрации еженедельного выпуска новостей «Аугенцойге» киностудии ДЕФА при показе Сталина, Ульбрихта, Пика можно было слышать хохот и выкрики⁵. Во время футбольного матча в Дрездене в июле 1948 г. зрители пытались заглушить своим свистом оратора, произносившего лозунги в честь германо-советской дружбы⁶. В другом случае на футболе в Галле

¹ Например, см.: Bericht über die Vorgänge in Gotha, Berlin, 18.06.1953 // AdsD, SPD–PV–Ostbüro 0434 b, unpag; Roth. Der 17. Juni 1953 in Görlitz. S. 119.

² Scribner R. W. Ritual and Reformation, in: The German People and the Reformation. ed. Ronnie Po-chia Hsia. Ithaca, 1988. P. 142–143.

³ Vgl. Imbusch P. Moderne und Gewalt: zivilisationstheoretische Perspektiven auf das 20. Jahrhundert. Wiesbaden, 2005. S. 24; Montagu A. The Anatomy of Swearing. New York: London, 1967; Smith S. The Social Meanings of Swearing: Workers and Bad Language in Late-Imperial and Early-Soviet Russia, in: Past and Present. Vol. 160, no. Aug. (1998). P. 167–202.

⁴ См.: Koller C. “Es ist zum Heulen”. Emotionshistorische Zugänge zur Kulturgeschichte des Streikens, in: Geschichte und Gesellschaft. 2010. Vol. 1. S. 66–92.

⁵ Bericht aus Ostberlin, 30.7.1952 // AdsD, SPD–PV–Ostbüro 0361 I, unpag. Похожие примеры см.: Wolle S. Die Welt der verlorenen Bilder. Die DDR im visuellen Gedächtnis. in: Paul G. (ed.). Visual History. Ein Studienbuch. Göttingen, 2006. S. 333–352, hier S. 340.

⁶ Stimmungsbilder, Berlin, 3.08.1948 // AdsD, SPD–PV–Ostbüro 0361 I, unpag. О спорте как альтернативной публичной сфере см.: Dunning E. Sport Matters.

31 марта 1952 г. герой социалистического труда Адольф Геннеке сначала был освистан болельщиками на трибунах стадиона, а во время межматчевого перерыва забросан снежками¹. В настоящих примерах иконоборчества население уже не делает различий между немецкими и советскими вождями, воспринимая их как единое целое. Это обстоятельство свидетельствовало о постепенном взаимопроникновении *своего* и *чужого* политических пространств в ходе интенсивной фазы советизации Восточной Германии с 1947–1948 по 1953 г.

Проявление столь открытого конфликтного напряжения в официальных публичных сферах заставляло власть прибегать к профилактическим мерам разрядки пространства от символов власти. Особенно в кризисных ситуациях – перед угрозой народных волнений – государство было вынуждено временно удалять портреты, лозунги и транспаранты из мест массового скопления народа – вокзалов, магазинов, центральных улиц и площадей. Так, во время народного восстания 1953 г. в привокзальных залах ожидания Биттерфельда и Дессау с целью исключения провокаций администрацией вокзала были сняты изображения Пика, Ульбрихта и Гротевоя². После восстания 17 июня 1953 г. власть начинает более чутко реагировать на размещение в общественных местах символов власти и своевременно проводить антикризисный менеджмент публичного пространства. Представители режима диктатуры окончательно осознали, что символы власти являются не только средством провозглашения политического порядка, но и таят в себе угрозу низвержения власти: в одночасье они могут стать мишенью иконоборчества и оказаться в центре ритуалов насилия. Поэтому уже после первых сообщений о волнениях в Венгрии осенью 1956 г. пограничная охрана в Эйхвальде приступила к поспешному снятию красных знамен, портретов вождей и партийно-государственных лозунгов, опасаясь агрессии со стороны местных жителей³.

Sociological Studies of Sport, Violence and Civilization. London, 1999; Ganzenmüller J. Bruderzwist im Kalten Krieg. Sowjetisch-tschechoslowakische Länderspiele im Umfeld des "Prager Frühlings", in: Malz A., Rohdewald S., Wiederkehr S. (Hg.). Sport zwischen Ost und West. Beiträge zur Sportgeschichte Osteuropas im 19. und 20. Jahrhundert. Osnabrück, 2007. S. 113–130.

¹ AdsD, SPD–PV–Ostbüro 0361 I, unpag (Берлин, без указания даты). О культуре Адольфа Геннеке в Восточной Германии см.: Satjukow S. Propaganda mit dem menschlichen Antlitz im Sozialismus. Über die Konstruktion einer Propagandafigur. Der "Held der Arbeit" Adolf Hennecke, in: Gries R., Schmale W. (Hg.). Kultur der Propaganda. Bochum, 2005. S. 167–191.

² Situationsbericht aus Wolfen b. Bitterfeld (Sachsen), den 23. Juni 1953 // AdsD, SPD–PV–Ostbüro 0434 b, 17.6.1953 II, unpag.

³ AdsD, SPD–PV–Ostbüro 0257 / II, unpag. (Берлин, октябрь 1956 г.)

Таким образом, открытые и анонимные практики иконоборчества являлись актами выражения агрессии и злобы, недоверия и разочарования, оскорбления и мести. Иконоборчество отражало эмоциональную работу восточногерманского общества, благодаря которой население получало своеобразный клапан для выпуска негативных чувств. В ритуалах насилия расколотое послевоенное общество переживало себя как единая эмоциональная общность, демонстрируя солидарность за счет оскорбления и обесценивания центральных фигур пропаганды. Результат был удивительно парадоксален. С одной стороны, данные жесты иконоборчества стали показателем непопулярности режима, индикатором сопротивления и неприятия режима населением. С другой стороны, выпуск отрицательных эмоций способствовал укреплению конформизма, формированию подчинения и толерантности к режиму. Результатом двойного терапевтического эффекта как для политической системы, так и для общества являлась повседневная стабилизация диктатуры в Восточной Германии.

Очевидно, что стабильность диктатуры обеспечивалась также практиками террора, репрессий и судебных показательных процессов – классических инструментов запугивания и подчинения населения. Но перечисленные методы укрепления диктатуры не являлись единственными. Проанализированные мной источники демонстрируют, что государство и партия активно инициировали публичные «ритуалы извинения» для восстановления своей поврежденной чести. Например, после июньского восстания 1953 г. обвиненные в «преступлениях против государства» студенты и учителя в Йене, чтобы избежать арестов и преследований, были принуждены к публичному извинению в виде починки поврежденных объектов культа личности. Провинившиеся ремонтировали, подкрашивали и возвращали плакаты и портреты социалистических вождей на статусные «почетные места», восстанавливая официальный порядок публичного символизма. При подобной инсценировке актов самокритики, признания вины и извинения государство боролось за возвращение символов культа личности в центр публичного пространства и за визуальную манифестацию легитимности режима как минимум в официальных – контролируемых государством и партией – публичных сферах.

Проанализированные мной примеры иконоборчества отражают эмоциональную потребность немцев оскорблять и унижать советские символы власти, чтобы отомстить за повреждение национальной чести. Поражение во Второй мировой войне и установление советского протектората были наиболее мощными ударами по самолюбию и

национальному достоинству немцев. В период национал-социализма категория «немецкой чести» являлась составной частью государственной идеологии, символизируя гордость, исключительность и превосходство немцев над прочими расами и народами¹. Лишение государственного суверенитета и национальный раскол, безоговорочная капитуляция и территориальные потери, изнасилования солдатами армии освободителей и массовые депортации – те аргументы повреждения национальной и государственной чести, которую население пыталось защитить, восстановить или по крайней мере отомстить за ее повреждение в актах иконоборчества. Таким образом, иконоборчество отражало попытку освободиться от навязываемых победителями угрызений совести и чувства вины за военные преступления при одновременном выражении потребности в обработке травмы от советской оккупации и восстановлении национальной чести как интегрирующей модели коллективной идентичности.

4.4. Символическая конкуренция культа Гитлера с культом Сталина

Пропаганда образа Сталина в Восточной Германии препятствовал опыт культа Гитлера в Третьем рейхе. В 1948–1949 гг. Общество по изучению культуры СССР выпустило цикл брошюр под общим названием «Советский Союз глазами немцев», в которых содержались воспоминания и впечатления деятелей культуры от пребывания на «родине социализма». Наблюдая сцену прохождения первомайской праздничной колонны демонстрантов мимо трибуны со Сталиным, Е. Клаудиус задается вопросом: «Чем ценен человек, руководящий народом? В каком отношении друг с другом находится народ и он? Загадка времени. Проводить аналогии с нашим недавним прошлым является кощунством. Те, кто ликующе поддерживал Гитлера, кто хотел завоевать с ним мир и здесь... здесь, где нет и мысли о покорении мира, об угнетении других народов. Здесь страна, строящая собственное будущее, жизнь каждого отдельного человека. В этом заключается вся разница. Большое ли это различие? Как можно в данном случае измерить его масштабы?»² Как отмечает историк С. Барк,

¹ Frevert, *Emotions in History – Lost and Found*. P. 37–38. См., например: Gesetz zum Schutze des deutschen Blutes und der deutschen Ehre, 15. September 1935 / <http://www.nationalsozialismus.de/dokumente/texte/gesetz-zum-schutze-des-deutschen-blutes-und-der-deutschen-ehre.html> (Дата обращения: 28 марта 2012 г.)

² Claudius E. *Notizen nebenbei*. Berlin, 1948. S. 67.

уже самого факта подобной ненамеренной постановки вопроса об общих структурных особенностях тоталитарных режимов – культа вождя – в «атмосфере коммунистически-антифашистского мышления» было достаточно, чтобы столь критическая публикация быстро стала недоступна для читателя¹.

Тем не менее символическая конкуренция культа Гитлера с культом Сталина стала одной из центральных тем в актах иконоборчества. С советизацией Восточной Германии имя бывшего немецкого диктатора превратилось в риторическое и визуальное табу. Лишь во внутренних политдонесениях СВАГ проведение параллелей и тем самым невольное сравнение двух диктаторов допускалось. Акции же публичного сравнения Сталина и Гитлера со стороны населения провоцировали у оккупационных властей реакции раздражения, вызывая расследования органов безопасности по поиску провокаторов. Например, в осеннем политдонесении 1945 г. из местечка Древиц провинции Бранденбург сообщалось о чрезвычайном происшествии, суть которого заключалась в том, что на плакатах «Высказывания Сталина о Германии и немецком народе» и «Генералиссимус Советского Союза И. В. Сталин» слово «Сталин» было зачеркнуто и сверху написано «Гитлер»². Сравнение большевистской и нацистской диктатур в публичном пространстве посредством перекомпоновки пропагандистского лозунга в честь Сталина состоялось в Эрфурте. На стене одного магазина неизвестными была удалена часть букв в тексте вывешенного накануне транспаранта СЕПГ «По сталинскому образцу!» («Nach STALINS Vorbild!»), так что оставшаяся часть лозунга приобретала смысл отождествления режима СЕПГ с Третьим рейхом, читаясь как «национал-социалистический образец!» («NS Vorbild!»)³. Очевидно, что опыт культа Гитлера позволял населению критически дистанцироваться от культа Сталина, артикулируя не столько различия, сколько тождества двух диктаторов и режимов их личной власти.

¹ Barck S. Die fremden Freunde. Historische Wahrnehmungsweisen deutsch-sowjetischer Kulturbeziehungen in der SBZ in den Jahren 1948 und 1949, in: Jarasch, Siegrist, Amerikanisierung und Sowjetisierung in Deutschland. S. 335–359, hier S. 342–343.

² Первая кампания визуальной пропаганды Сталина среди восточногерманского населения была приурочена к популяризации решений Потсдамской конференции. Только в Тюрингии было распространено более 320 тыс. указанных плакатов. См.: Отчет о работе среди населения за август 1945 г. Советской военной администрации Тюрингии // ГА РФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 46. Л. 25.

³ Der Spiegel. 10. Januar 1951. Nr. 2. S. 2.

Однако наиболее часто имена Гитлера и Сталина употреблялись в контексте их бинарного противопоставления, когда «немецкий фюрер» коннотировал характеристики *своего*, а значит хорошего и понятного, а «советский вождь» – *чужого*, а значит непонятного и таящего угрозу. Данная биполярная оценка двух лидеров провоцировала недоверие к *чужому* Сталину, приводя, можно сказать, несколько автоматически к потребности доверия к *своему* Гитлеру. Амбивалентность восприятия двух лидеров с точки зрения дуальности «доверие – недоверие» была зафиксирована в одной из частных бесед в общине Крельпа округа Заальфельд: «По крайней мере тогда (в Третьем рейхе. – А. Т.) мы доверяли немцу, хотя он и был австрияком. Но сегодня они (СЕПГ. – А. Т.) демонстрируют доверие человеку, который возглавлял банду на Кавказе и нападал на богатых людей... Это был великий вождь лагеря мира – Сталин»¹.

Другим примером бинарных оценок Гитлера и Сталина можно назвать настроения ностальгии по Третьему рейху как «хорошему» прошлому немцев в качестве контраста к «плохому» – советизированному – настоящему. Так, в одном из частных домов Лейпцига была обнаружена листовка-объявление, в которой предлагалось обменять Сталина на Гитлера с доплатой². В другом случае один из неизвестных использовал стену административного здания для написания ультимативного призыва к оккупационным властям: «Если не дадите нам жрать, тогда мы не сможем забыть нашего фюрера»³. Ностальгией была окрашена вывешенная в общине Людерсдорф района Ангермюнде в ночь с 19 на 20 апреля 1948 г. листовка с надписями ко дню рождения фюрера: «Гитлер – наша гордость!», «Поздравляем Гитлера с 59-летием со дня рождения»⁴. Несмотря на физическую смерть, политическая жизнь немецкого диктатора получила продолжение в положительных воспоминаниях населения. Данные иконоборческие акты отражали коллективную работу над эмоциями в обществе, тосковавшего по табуированному после по-

¹ Informationsnotiz Nr. 96 / 52. Erfurt, den 14.05.1952 // Thüringisches Hauptstaatsarchiv Weimar, Land Thüringen – SED, Landesleitung Thüringen, Abteilung Parteiorgane, A IV / 2 / 5–228. Bl. 24–25.

² Донесение об основных этапах общественно-политической жизни города Лейпциг в третьем квартале 1947 г. // ГА РФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 202. Л. 45.

³ Об антисоветской пропаганде во время Первомайских праздников, 14 мая 1948 г. // ГА РФ. Ф. Р-7133. Оп. 1. Д. 279. Л. 1–2.

⁴ Донесение начальника отделения информации военной комендатуры района Ангермюнде С. В. Титуленко начальнику Отдела информации УСВА земли Бранденбург К. Мартемьянову о распространении антисоветских листовок // ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 233. Л. 47.

ражения во Второй мировой войне позитивному чувству национальной гордости.

Для артикулирования альтернативной коллективной идентичности население использовало публичное пространство в качестве трибуны для выражения неофициальных мнений об актуальных политических событиях¹. Если открытые размышления о травматичном опыте насилия, грабежа и мародерства со стороны солдат Красной армии табуировались вплоть до 1948 г. – до начала дискуссии «О русских и о нас», то практики иконоборчества позволяли тематизировать запретные вопросы в обход официальных табу. Например, во время Нюрнбергского процесса на административных зданиях неизвестными были сделаны надписи: «Россия – страна убийц, грабителей и преступников», «Сталин и Молотов должны сидеть на скамье преступников в Нюрнберге. Они – главные преступники, ублюдки, насильники девушек»². На одной из расклеенных листовок стояла надпись: «Ни одна немецкая женщина, ни один немецкий мужчина не могут жить спокойно, повсюду их подстерегают сталинские носители культуры»³. Персонифицированный мотив мести по отношению к русским оккупационным властям за повреждение женской чести в ходе послевоенной волны изнасилований усиливался использованием национал-социалистических стереотипов азиатской бескультурности, отсталости и дикости в качестве аргументов политической борьбы с режимом СВАГ⁴.

С одной стороны, жесты иконоборчества в публичных местах автоматически были адресованы представителям оккупационных властей. С другой стороны, они апеллировали к широким слоям общества, призывая к солидарности и национальному единству в борьбе с советскими оккупационными властями. Так, в Лейпциге на фонарных столбах на площади имени Маркса была наклеена листовка антисоветского содержания за подписью организации «коричневые рубахи», указывавшая на схожесть и тупиковое развитие нацистского и большевистского режимов⁵. Накануне выборов делегатов в Третий

¹ Warneken B. "Die Straße ist die Tribüne des Volkes". Ein Vorwort, in: Ders. (Hg.). Massenmedium Straße: zur Kulturgeschichte der Demonstration. Frankfurt am Main; New York, 1991. S. 7–16.

² ГА РФ. Ф. Р-7071. Оп. 1. Д. 212. Л. 226.

³ Там же. Ф. Р-7133. Оп. 1. Д. 277. Л. 71.

⁴ Tikhomirov. Stalin-Bild(er) in der SBZ / DDR. S. 477–478.

⁵ Донесение о проявлении нацистских настроений у немецкого населения земли Саксония. 12.04.1946 г. // ГА РФ. Ф. Р-7133. Оп. 1. Д. 187. Л. 16.

народный конгресс, состоявшихся в мае 1949 г., органами безопасности были обнаружены расклеенные по населенным пунктам листовки следующего содержания: «Я выбираю Гитлера! Долой Сталина! Смерть русским!»; «Наш вождь Гитлер, и мы никому не позволим нами руководить»¹. А сами выборы привели к многочисленным случаям повреждения избирательных бюллетеней. В деревнях района Цайтц в кружке «за» были наклеены почтовые марки с изображением Гитлера. Также на бюллетенях рисовалась свастика, сопровождавшаяся надписью «Хайль Гитлер!»². Постоянная апелляция к имени немецкого фюрера свидетельствовала об оккупации как символического ландшафта, так и самого понятия «фюрер» (в переводе с немецкого – «вождь») фигурой Гитлера, память о котором стала культурным барьером на пути советского трансфера культа Сталина в Восточную Германию.

Мотив конкуренции *старых* и *новых* культов личности был настолько очевиден в послевоенный период, что использовался населением в иконоборческих акциях для объяснения природы повседневных проблем. В первую очередь, оккупационные власти обвинялись в использовании материальных ресурсов не для помощи голодающим и нуждающимся, а для большевистской пропаганды – для печати портретов вождей и произведений классиков марксизма-ленинизма. Как следствие, на доске объявлений в Леснице была обнаружена записка, предлагавшая обменять портреты Ленина на продукты питания. Всем заинтересованным лицам рекомендовалось обращаться напрямую к бургомистру³. Среди рабочих Биттерфельда распространялся призыв не подписываться на партийные газеты, чтобы тем самым не финансировать печать «гигантских портретов Сталина»⁴. Женщины сетовали, что деньги и бумага расходуются не на тетради для школьников, не для написания писем военнопленным, а на «пустую пропаганду»⁵. Настоящие примеры демонстрируют, что горький опыт поражения и послевоенных лишений у немецкого населения не соответствовал

¹ Донесение об итогах выборов делегатов в 3-й Немецкий народный конгресс, проходивший 15 и 16 мая 1949 г. по земле Саксония-Ангальт. 02.06.1949 г. // ГА РФ. Ф. Р-7133. Оп. 1. Д. 282. Л. 318.

² Там же.

³ Донесение о политическом положении в федеральной земле Саксония за август-сентябрь 1947 г. // ГА РФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Л. 218. Л. 49.

⁴ Sachsen-Anhalt / Wolfen, Kreis Bitterfeld, den 14.1.1952 // AdsD, SPD-PV-Ostbüro 0257 / I, unpag.

⁵ Докладная записка о пропаганде в советской зоне оккупации, февраль 1946 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 149. Л. 57.

утопиям советской пропаганды. Этим объясняется засвидетельствованная в источниках тенденции идеализации жизни в Третьем рейхе и ностальгии по великому национальному прошлому на фоне дистанцирования от социалистического эксперимента под лозунгами *чужого* – советского – фюрера.

Глава 5. «ХОТЕЛИ СДЕЛАТЬ БОГА, А ПОЛУЧИЛСЯ ЧЕРТ»: ПОЛИТИКА И ПРАКТИКИ ДЕСТАЛИНИЗАЦИИ В ГДР (1956–1961 гг.)

5.1. Вальтер Ульбрихт и внутривластные реакции в СЕПГ на доклад Хрущева

Информацию о секретном докладе Хрущева, зачитанного 25 февраля 1956 г. на закрытом заседании XX съезда КПСС, не удалось сохранить в тайне не только в Советском Союзе, но и за его пределами. В то время как ЦК КПСС уже в первые мартовские дни столкнулся с проблемой утечки данных, пытался выработать стратегию управления общественным мнением и взять под контроль участие населения в процессе десталинизации в самом СССР¹, отдельные инициативы лидеров стран социалистического блока лишь накаляли международную обстановку. 4 марта 1956 г. В. Ульбрихт без согласования с Москвой опубликовал на страницах газеты «Нойес Дойчланд» отчет об итогах XX съезда КПСС. Напрямую о докладе Хрущева в тексте статьи ничего не сообщалось, но статья, в которой критиковался культ личности Сталина, отчетливо давала понять о смене политического курса в Советском Союзе. Эффект разорвавшейся бомбы вызвали слова Ульбрихта о том, что «Сталина нельзя относить к классикам марксизма»². В самоинициативе Ульбрихта риторика десталиниза-

¹ О десталинизации в СССР см.: Аксютин Ю. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М., 2004; Filzer D. The Khrushchev Era: De-Stalinisation and the Limits of Reform in the USSR, 1953–1964. London, 1993; Zubkova E. Russia after the War: Hopes, Illusions, and Disappointments, 1945–1957. Armonk, 1998. P. 178–190; Jones P. From Stalinism to Post-Stalinism. De-Mythologising Stalin, 1953–1956, in: Shukman H. (ed.). Redefining Stalinism, London 2003. P. 127–145; Jones, The Dilemmas of De-Stalinization; Loewenstein K. E. Re-Emergence of Public Opinion in the Soviet Union: Khrushchev and Responses to the Secret Speech, in: Europe-Asia Studies. Vol. 58. No. 8 (December 2006). P. 1329–1345.

² Ulbricht W. Über den XX. Parteitag der Kommunistischen Partei der Sowjetunion, in: Neues Deutschland, 4. März 1956, Nr. 55. S. 3–4, hier S. 4.

ции впервые перешагнула дискурсивные границы СССР, дав старт публичным дискуссиям о Сталине и сталинизме на Западе.

Обратимся к предыстории вопроса. В. Ульбрихт, возглавлявший немецкую делегацию на XX съезде КПСС, одним из первых иностранных гостей был проинформирован о докладе Хрущева. Известно, что представителей социалистических государств не пригласили на закрытое заседание 25 февраля 1956 г. Наиболее распространенной является версия, что Ульбрихт наряду с другими главами делегаций «стран народной демократии» был ознакомлен с содержанием речи Хрущева спустя несколько дней – 27 февраля. Текст доклада вручался для прочтения избранному кругу лиц иностранных делегаций через отдел ЦК КПСС по связям с иностранными и коммунистическими партиями и подлежал обязательному возврату «до отъезда указанных товарищей из Москвы»¹. Среди немецких делегатов только В. Ульбрихту было доверено прочитать речь Хрущева. В то же время распространялись слухи, что один из посланников советского парт-аппарата в ночь с 25 на 26 февраля после завершения работы съезда в частном порядке зачитал представителям СЕПГ доклад Хрущева на немецком языке. При этом кто-то из членов делегации якобы делал записи, которые и попали в Берлин².

Показателен в данном случае тот факт, что Ульбрихт первым из мировых лидеров социалистических стран решил во всеуслышание дистанцироваться от персоны Сталина. Чем была вызвана столь кардинальная смена его взглядов? Какие факторы повлияли на изменение риторики и поведения «Сталина советской зоны» – прозвище Ульбрихта в народе? Истинные мотивы Ульбрихта, побудившие его к публикации статьи, не известны. Однако можно предположить, что, обладая тонким политическим чутьем и понимая важность московского протектората для стабильности восточногерманской государственности, Ульбрихт, не раздумывая, можно сказать, автоматически, перенимает риторику десталинизации, пытается приспособиться к новой ситуации и заручиться покровительством нового советского лидера – Никиты Хрущева. Другой очевидной причиной являлся страх перед угрозой народного восстания по аналогии с июньскими

¹ Список руководителей зарубежных коммунистических партий, ознакомленных с постановлением XX съезда КПСС и докладом т. Хрущева о культе личности и его последствиях [27 февраля 1956 г.] / Доклад Н. С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС: Документы. М., 2002. С. 252–253.

² См.: Foitzik J. Die parteiinterne Behandlung der Geheimrede Chruschtschows auf dem XX. Parteitag der KPdSU durch die SED, die PVAP und die KPTsch, in: Kircheisen I. (Hg.). Tauwetter ohne Frühling: das Jahr 1956 im Spiegel blockinternen Wandlungen und internationaler Krisen. Berlin, 1995. S. 60–83, hier S. 68.

волнениями 1953 г. Тем самым Ульбрихт начал «профилактический» дискурс десаκραлизации Сталина, решив подготовить восточногерманское общество к более открытой информации о преступлениях сталинизма, проникновение которой в ГДР ожидалось со дня на день из Западной Германии. И, наконец, первая в блоке социалистических государств публичная критика Сталина из уст Ульбрихта являлась попыткой дистанцироваться от политического стиля сталинизма, приписав все ошибки, промахи и перегибы в сталинизации Восточной Германии внешнему советскому давлению и лично «лучшему другу немецкого народа». Ульбрихт был чрезвычайно обеспокоен возможностью проведения очевидных параллелей между советской и восточногерманской политикой культа личности, грозивших обернуться полной дискредитацией режима СЕПГ. Он опасался выплеска народной мести местным партийным и государственным лидерам за радикальную советизацию в ГДР, что фактически и произошло в последующих практиках десталинизации.

Став «первой ласточкой» десталинизации в Восточной Германии, отчет Ульбрихта о XX съезде КПСС положил начало процессу официального пересмотра имиджа Сталина за пределами Советского Союза. Первые реакции последовали незамедлительно. Их проявления среди членов КПГ в Западной Германии и СЕПГ в ГДР можно описать в терминах «шок», «оцепенение» и «сопротивление десталинизации». Например, в земельном правлении КПГ Рейнланд-Пфальц после публикации отчета Ульбрихта в качестве знака протеста был вывешен портрет Сталина, украшенный лентами и цветами¹. О защите предметов и ритуалов культа советского лидера вспоминал участник Третьей конференции делегатов округов СЕПГ в городе Галле (9–11 марта 1956 г.): «По прибытии на конференцию мы увидели, что бюст товарища Сталина стоял в полуоткрытом шкафу рядом с тремя грязными чашками от чая или кофе. Так не годится... Я придерживаюсь того мнения, что позиция товарищей на XX съезде явилась здоровой критикой в адрес ЦК КПСС в связи с игнорированием ленинских принципов коллективного управления. Но это не должно вести к тому, что бюст товарища Сталина можно ставить рядом с грязной посудой»². Подобные казусы в первые мартовские дни наблюдались повсеместно и были вызваны отсутствием централизованного управ-

¹ Из записи беседы советника посольства СССР в ГДР В. И. Кочемасова с 1-м секретарем ЦК КП Германии М. Рейманом 14 марта 1956 г. об откликах в Западной Германии на XX съезд КПСС / Доклад Н. С. Хрущева. С. 634.

² Цит. по: Klein A. Zwischen Entstalinisierung und neostalinistischer Erstarrung: Die SED – Parteiorganisation Halle nach dem XX. Parteitag der KpDsu (eine Fallstudie), in: Kircheisen, Tauwetter ohne Fruehling, S. 115.

ления дискурсом десталинизации. Как отмечает немецкий историк А. Кляйн, о речи Хрущева «еще не разрешено было знать», так как «само Политбюро СЕПГ хлопотало в эти недели о получении текста доклада из Москвы»¹.

Повальная перепечатка статьи Ульбрихта в западной печати привела к росту слухов и догадок о том, что же такое важное произошло в Москве, что заставило Ульбрихта в одночасье перейти от сталинистской к антисталинской риторике. Резкое изменение публичных высказываний Ульбрихта стало более ясным после придания огласке «секретного» доклада Хрущева в ГДР². 17 марта 1956 г. в печати Западного Берлина появились сообщения о критике культа личности Сталина на XX съезде КПСС. Информация молниеносно перекинулась на Восточный Берлин. В этот же день Ульбрихт попал в щекотливую ситуацию на партийной конференции делегатов земельных округов, участники которой засыпали его вопросами о событиях в Москве, причинах смены официального языка и новых нормативных оценках личности Сталина. Стремясь взять под контроль дискурс десталинизации и остановить распространение слухов, на следующий день – 18 марта 1956 г. – «Ноейс Дойчланд» публикует новую статью Ульбрихта, в которой он более подробно прокомментировал «вопрос Сталина»³.

На этот раз Ульбрихт более детально остановился на «ошибках» Сталина: режим единоличной власти, поощрение культа личности и произвол, который выражался в отсутствии созывов партийных съездов, крайне редких заседаниях Политбюро и ЦК КПСС. В этой же статье Ульбрихт сообщил, что Сталин не являлся автором «Краткого курса истории ВКП(б)». Миф о «вожде» деконструировался, опровергались сакральные роли Сталина как «верного ученика и последователя дела Ленина», как «одного из классиков марксизма-ленинизма», а также как «гениального полководца и организатора победы над фашизмом»⁴. В этой же статье Ульбрихт пытается впервые смягчить и установить границы дискурса десталинизации. Так,

¹ Цит. по: Klein A. Zwischen Entstalinisierung und neostalinistischer Erstarrung: Die SED – Parteioorganisation Halle nach dem XX. Parteitag der KPD/SU (eine Fallstudie), in: Kircheisen, Tauwetter ohne Fruehling. S. 114.

² О каналах проникновения «секретного» доклада Хрущева на Запад см.: Прокуменщиков М. Ю. «Секретный» доклад Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС и международное коммунистическое движение / Доклад Н. С. Хрущева. С. 17–40.

³ Antwort auf Fragen auf der Berliner Bezirksdelegiertenkonferenz der SED, in: Neues Deutschland, 18. März 1956, Nr. 67. S. 3.

⁴ См.: О культе личности и его последствиях. Доклад Первого секретаря ЦК КПСС тов. Хрущева Н. С. XX съезду Коммунистической партии Советского Союза 25 февраля 1956 года. С. 57, 89, 103.

Первый секретарь партии сообщал, что члены СЕПГ не освобождаются от обязанности изучать произведения «вождя»: «Критика в адрес Сталина не означает, что все, что он написал является ложным, а его труды не стоит использовать. Этого никто не сказал. В настоящее время Сталин занял место, соответствующее его роли и деятельности, а не то место, которое ему отводилось культом личности. Это и есть реальное положение вещей»¹.

Новая статья не успокоила ни членов СЕПГ, ни прочее население ГДР. Рост слухов и новый шквал вопросов в адрес ЦК СЕПГ создавали ощущение, что ситуация вышла из-под контроля и требует оперативных антикризисных мер. В данных обстоятельствах Ульбрихт обращается с личной телеграммой к Хрущеву. В ней он просит разрешения «самостоятельных действий» с целью разъяснения ситуации населению, не дожидаясь указаний из Москвы². Руководители ГДР больше не могли оттягивать решение «вопроса Сталина», так как население все более стремительно втягивалось в западный дискурс десталинизации. Популярная риторика и практики десталинизации опережали официальные версии новых оценок прежнего советского лидера.

Прежде чем проводить пропагандистскую работу среди населения, самим членам ЦК СЕПГ предстояло выработать единую оценку личности Сталина и установить модальности ревизии «культы личности» для населения. Этой цели была посвящена XXVI конференция ЦК СЕПГ, состоявшаяся 22 марта 1956 г. накануне Третьей партийной конференции. С одной стороны, поводами для встречи стало получение текста хрущевского доклада и официальное разрешение Москвы ознакомить с ним членов партии. С другой стороны, причиной заседания стал широкий общественный резонанс, стихийность которого заставила политическую элиту всерьез задуматься об установлении новых границ интерпретации сталинских ошибок. Протоколы заседания свидетельствуют о состоянии шока, в который была повергнута политическая элита ГДР после ознакомления с секретными материалами из Москвы. В унисон участники артикулировали растерянность, потерю ориентиров и страх перед будущим: «до сегодняшнего дня я не могу еще понять произошедшее»; «для всех нас это потрясающая

¹ Antwort auf Fragen auf der Berliner Bezirksdelegiertenkonferenz der SED, in: Neues Deutschland. 18. März 1956. Nr. 67. S. 3.

² Telegramm Walter Ulbrichts an das Präsidium des ZK der KPdSU – N. S. Chruschtschow vom 19. März 1956, in: SED und Stalinismus: Dokumente aus dem Jahre 1956, Hg. von J. Gabert und L. Prieß. Berlin, 1990. S. 91.

новость»; «действительно, очень сложно определить свое отношение к происходящему»; «что же теперь будет дальше?»¹.

Разрушение нимба сакральности персоны Сталина повергло руководящее звено СЕПГ в мировоззренческий кризис. Пауль Вендель признавался перед коллегами в драматичности сложившейся ситуации для партии: «...всем членам партии очень тяжело видеть разрушение того, что ковалось десятилетия. Глубокое потрясение, при- скорбное и полное боли потрясение среди нас, которое даже не может сравниться с тем, что происходит сейчас с молодежью»². Курт Хагер высказывался следующим образом: «Кого из нас не затронуло данное событие? В конце концов мы уже несколько десятилетий в партии, многие из нас выросли на трудах Сталина. Мы преклонялись перед Сталиным. [...] Без сомнения, это тяжелое потрясение и для молодых и для старых»³. Для членов ЦК СЕПГ, искренне веривших в сталинские идеалы, пересмотр образа «вождя» означал кризис личной идентичности. Гнев членов ЦК СЕПГ вызвало отсутствие централизованной информации о докладе Хрущева как со стороны ЦК КПСС, так и со стороны Политбюро ЦК СЕПГ. Самолюбие работников ЦК было уязвлено тем обстоятельством, что даже высшим партийным аппаратчикам пришлось узнавать о критике культа Сталина из западной печати⁴. Курт Хагер лично признавался в чтении статей в газетах «Дейли Уоркер» и «Нойе Цюрихер Цайтунг»⁵.

Вопросы управления дискурсом десталинизации и контроль над распространенными мнениями среди населения оказались в центре дискуссий партийной элиты. «Члены партии будут информированы и все будет в порядке», – спешил успокоить и сузить круг обсуждаемых вопросов у присутствовавших В. Ульбрихт⁶. Однако прочих членов ЦК СЕПГ такие отговорки не устраивали. Они настаивали на прояснении вопросов: «Как объяснять происходящее другим и в каких рамках критиковать личность Сталина? Стоит ли продолжать

¹ Protokoll 26. ZK-Tagung vom 1956.03.22, in: SAPMO-BArch, DY 30 / IV 2 / 1 / 156. Bl. 64, 70, 78.

² Ibid. Bl. 78.

³ Ibid. Bl. 96.

⁴ Несмотря на гриф секретности материалов съезда, полный текст доклада был опубликован в начале июня 1956 г. в США. Главную роль в процессе распространения его содержания сыграли западные радиостанции “Radio Free Europe” и “The Voice of America”. См.: Foitzik J. Die parteiinterne Behandlung der Geheimrede Chruschtschows auf dem XX. Parteitag der KPdSU durch die SED, die PVAP und die KPTsch, in: Kircheisen. Tauwetter ohne Frühling. S. 60–83, hier S. 68.

⁵ Protokoll 26. ZK-Tagung. Bl. 95.

⁶ Ibid. Bl. 137.

изучать труды Сталина и “Краткий курс истории ВКП(б)”?» Если участники прений единодушно сошлись во мнении о возможности частичного ознакомления с текстом доклада избранной части партийцев, то целесообразность ознакомления масс с речью Хрущева подверглась сомнению. Так, Отто Бухвиц настаивал на полном сокрытии информации: «Есть вещи, которые мы в интересах партии и дальнейшей работы должны в нас самих запереть и умолчать»¹. Однако большинство членов ЦК СЕПГ понимали, что ГДР переполнена слухами и поэтому «иногда немного правды лучше сплетен»².

Банальным результатом партийной конференции стало решение об ориентировании внутрипартийных дискуссий на уже опубликованные материалы о XX съезде КПСС, а также избирательном ознакомлении членов партии с секретной речью Хрущева. По аналогии с советским сценарием хрущевский текст «О культе личности и его последствиях» был зачитан на заключительном заседании Третьей партийной конференции СЕПГ 30 марта 1956 г. Другим результатом заседания членов ЦК СЕПГ стало решение о борьбе с явлениями культа личности и необходимости усиления принципов коллективного управления в рядах СЕПГ. В лучших традициях самокритики члены ЦК каялись в причастности к культу Сталина в Восточной Германии. Пауль Вендель раскаивался перед коллегами: «...также у нас был культ личности. Мы должны откровенно признать, что подобные тенденции у нас наблюдались. Дело не в том, что отдельные личности восхвалялись, что слишком много развешивалось портретов. Дело в том, что Советскому Союзу и всему международному рабочему движению был причинен значительный вред в связи с нарушением принципа коллективного управления, его недооценки и игнорирования»³. Вендель предлагал «серьезно подумать» о сокращении роли Политбюро и усилении голоса ЦК СЕПГ в механизмах выработки и принятия решений. Курт Хагер также откровенно признавался, что «явления культа личности в прошедшие годы нашли распространение и у нас. У нас распространялись такие же произведения литературы и искусства о Сталине, как и в СССР. Мы сами способствовали их тиражированию»⁴.

Однако четкой партийной линии для управления дискурсом и практиками десталинизации конференция ЦК СЕПГ не выработала. Разброд мнений в рядах высших партийных чиновников подтверж-

¹ Protokoll 26. ZK-Tagung. Bl. 70.

² Ibid.

³ III. Parteikonferenz der SED (2. Bericht). Berlin, den 24.3.1956, in: BStU, ZS MfS-AS Nr. 89 / 59. Bl. 78.

⁴ Ibid. Bl. 64.

дает казус, случившийся на региональной конференции партийного актива округа Галле в апреле 1956 г. В первый день совещания с докладом о культе личности выступил К. Хагер. Дискуссии не состоялось. Заседание завершилось ритуальным выражением полного доверия курсу СЕПГ, при этом была сделана ссылка на отсутствие явлений культа личности в Восточной Германии. Противоположную точку зрения днем позже озвучил другой член ЦК – Ф. Эльснер. Он обрушился с критикой явлений культа личности в СЕПГ и в восточногерманских массовых организациях¹. Широкой поддержки и реакций одобрения выступление Эльснера не получило. Однако результатом подобного обмена прямо противоположными мнениями стало, по признанию самих рядовых партийцев, «полное незнание, что говорить и что думать»².

Дилемма между доверием и недоверием к ЦК СЕПГ определяла в эти дни реакции рядовых членов партии. Отсутствие достаточной (даже внутренней) информации для интерпретации событий подпитывала подозрение в замалчивании и намеренном утаивании фактов со стороны партийного руководства³. Многие говорили о чувствах разочарования и унижения в связи с необходимостью обращаться к чтению западной прессы и прослушиванию западного радио, откровенность которых противопоставлялась молчанию Политбюро ЦК СЕПГ. Руководители региональных партийных ячеек обращались в центр с просьбой официального опровержения всех кривотолков о Сталине. Примерами типичных вопросов, требовавших прояснения обстановки, стали такие обращения партийцев к докладчикам из ЦК СЕПГ: «Почему Сталин не принадлежит к классикам марксизма-ленинизма и что он сделал неверно?»⁴; «Не понятно, почему Сталин не причисляется больше к классикам, все-таки он написал многочисленные труды по марксизму, принес клятву верности товарищу Ленину и продолжил его работу»⁵.

¹ Klein. Zwischen Entstalinisierung und neostalinistischer Erstarrung. S. 115–116.

² Ibid.

³ Неудовлетворенность официальными объяснениями отметил один из делегатов в городе Магдебурге на земельной партийной конференции в апреле 1956 г. После официальной части заседания, во время перерыва он высказал возмущение в кругу своих коллег: «Товарищ Отто Шон своим изложением нам ничего не прояснил. Мы в конце концов желаем знать обоснование критики Сталина на XX съезде». См.: Neue Argumente zum XX. Parteitag der KPdSU (5. Bericht). Berlin, den 14.03.1956, in: BStU, ZS MfS-AS, Nr. 216 / 56. Bl. 41.

⁴ Stimmung zur Veröffentlichung des Genossen Walter Ulbricht über den XX. Parteitag der KPdSU (2. Bericht). Berlin, den 8.3.1956, in: BStU, ZS MfS-AS, Nr. 216 / 56. Bl. 24.

⁵ Stimmung zur Veröffentlichung des Genossen Walter Ulbricht über den XX. Parteitag (1. Bericht). Berlin, den 7.03.56, in: BStU, ZS MfS-AS, Nr. 216 / 56. Bl. 21.

Особенно ветераны СЕПГ, или бывшие члены КПГ, чувствовали необходимость в защите «вождя»: «Я не могу примириться с тем, что Сталин совершил подобные ошибки»; «Невероятно, что в настоящее время политика Сталина так оклеветана»; «Сталин не делал ошибок, все было инсценировано его последователями»; «товарищ Сталин имеет настолько высокие заслуги, что его нельзя в чем-либо упрекнуть»¹. На собрании в Галле один из партийных ветеранов при завершении своего выступления демонстративно выкрикнул лозунг «Да здравствует Сталин!»² Настоящие примеры показывают реакции сопротивления десталинизации. Инерция властного дискурса эпохи сталинизма поддерживалась отсутствием четкой партийной линии и новых правил риторики и поведения для рядовых членов партии.

Одновременно в СЕПГ наблюдались реакции поддержки и активного включения в процесс десталинизации: от отказа изучать произведения Сталина до выхода из партии и массовых организаций³. Дискурс десталинизации позволил членам партии почувствовать себя настолько свободно, что они приступали к нарушению установленных ранее риторических табу: публичному сравнению Сталина с Гитлером. Так, инструктор окружного правления СЕПГ в Грайфсвальде провел параллели в политике обоих диктаторов: «Сталин применил точно такую же модель установления диктатуры, как и Гитлер в Третьем рейхе. Как и Гитлер, Сталин назначал на высшие руководящие посты своих друзей»⁴. В отчетах ШТази подобные случаи назывались «особо негативными явлениями». Однако в условиях дискурсивного паралича ШТази не знала, как реагировать на подобные нарушения и деконструкцию сакрального нарратива о Сталине. Репрессивная машина государства временно приостановила преследование крамольных настроений в обществе.

Столь радикальные нарушения партийно-государственной риторики стали яркими показателями сбоя в дискурсивном порядке официальных публичных сфер. Массовой реакцией на очевидный отход от ритуальных правил и норм поведения стало, по признанию многих членов партии, незнание того, как себя вести и что говорить в дискуссиях с товарищами. Для большинства членов партии новая риторика, в частности понятие «коллективное руководство», являлась пустым звуком. Мало кто знал, как ее понимать, использовать и интерпретировать. Этим объясняется большое количество запросов

¹ Information Nr. 90 / 56, in: BStU, ZS MfS-AS Nr. 216 / 56. Bl. 21.

² Ibid.

³ Neue Argumente zum XX. Parteitag der KPdSU (5. Bericht). Bl. 41.

⁴ BStU, ZS MfS-AS Nr. 216 / 56. Bl. 159.

в ЦК СЕПГ с просьбой разъяснить ситуацию со Сталиным, с одной стороны, и рост требований повременить с дискуссиями и отказаться от участия в них – с другой. В сложившейся ситуации партийный секретарь электротехнического предприятия города Эрфурта с удовлетворением сообщал о решении прекратить все дискуссии до тех пор, пока немецкая делегация не вернется из Москвы с конкретными документами. Он говорил о бессмысленности разговоров, так как отсутствует единая линия партии в оценке работы и личности Сталина¹. Данные настроения свидетельствуют о ключевой роли официального языка государства и партии, который использовался для конструирования идентичностей и утверждения политического порядка в ГДР.

Вынужденное безмолвие членов партии обернулось реакциями гнева и раздражения. Процесс десталинизации лишил аппаратчиков главного ресурса их политической силы и активности – ритуального языка, используя который они действовали в политическом поле и участвовали в социальных сетях, организовывали повседневность и устанавливали иерархии. Паралич официального дискурса заставил их публично безмолвствовать и бездействовать на фоне роста протеста среди прочего населения. Как следствие, настроениями тоски по сталинскому стилю наведения порядка пропитана одна из сводок, завершавшаяся словами: «Это необъяснимое и нездоровое положение, что какие-либо политические события могут дискутироваться прежде, чем поступят соответствующие распоряжения сверху. Если кто-нибудь до XX съезда в какой-либо форме подверг бы сомнению сталинскую теорию, то эти настроения тотчас были бы сведены к нулю»².

Страх быть наказанным за лишнее слово – другая доминирующая эмоция в дискурсе десталинизации. Как правило, рядовые члены партии с тревогой принимали и реагировали на поток критической информации о Сталине. Не зная, каким образом власть будет реагировать на крамольные высказывания, они испытывали страх перед угрозой преследования, а потому предпочитали отмалчиваться. Данные эмоции опасений читаются в высказывании служащего из Ростoka, который в разговоре с коллегами признавался: «Необходимо подождать, какие дополнения последуют в вопросе культа личности, чтобы не наколоться в дискуссии. Лучше молчать. Другие должны взболтнуть что-нибудь лишнее»³. Атмосферой страха было пропита-

¹ Neue Argumente zum XX. Parteitag der KPdSU (5. Bericht). Bl. 40–41.

² Stimmung zur Veröffentlichung des Genossen Walter Ulbricht über den XX. Parteitag d. KPdSU (2. Bericht). Bl. 25.

³ Ibid. Bl. 41.

но заседание конференции партийных функционеров в Цойленроде округа Гера. Боясь проронить ненужное слово, никто из присутствовавших не решился принять участие в дискуссии по вопросу о культе личности, предпочтя молчание риску¹. Таким образом, реакции на десталинизацию в рядах СЕПГ показывают, что она воспринималась не только как сигнал к освобождению из «дискурсивной тюрьмы» (М. Сабров) сталинизма. Рядовые члены партии очень настороженно относились к изменению языка описания Сталина, так как воспоминания о волне чисток и репрессий начала 1950-х гг. были свежи. Как следствие, в партии доминировали реакции бездействия и пассивности, выжидательная позиция и тактика молчания в официальных публичных сферах диктатуры, внутри которых возможность контроля над умами и настроениями, в особенности среди членов СЕПГ, была по-прежнему высока.

Тем не менее дискуссии в партии были и вскоре привели к постановке вопросов о природе культа личности, формах и проявлениях данного феномена не только в восточногерманской, но и в целом в немецкой политической культуре. Так, один из членов партии усматривал истоки вождизма в организационной философии «большевистской партии нового типа»: «После смерти Ленина, которого народ очень любил, возникла необходимость поставить на вершину государства и партии нового лидера, который смог бы аккумулировать народную любовь. Им стал Сталин»². В другом случае отмечалась «немецкая предрасположенность» к культу государственных лидеров. Так, члены СЕПГ в Академии наук рассуждали о связи культа личности и особенностями характера немецкого народа: «Немцы очень легко подвержены культу личности. Также ЦК СЕПГ содействовал становлению культа личности, знал о различных проявлениях незаконности и поневоле содействовал несправедливости. Пришло время, когда наш Первый секретарь Вальтер Ульбрихт сможет извлечь уроки из XX съезда»³.

Именно Ульбрихт стал мишенью для выброса внутрипартийного недовольства и проекционным полем всех политических ошибок. Члены партии говорили о чувстве стыда за *такого* руководителя СЕПГ, так как им приходилось ежедневно сталкиваться с выражением нелюбви и ненависти, с кривотолками и оскорблениями в адрес

¹ Stimmung zum XX. Parteitag der KPdSU (6. Bericht). Berlin, den 23.03.1956, in: BStU, ZS MfS-AS, Nr. 216 / 56. Bl. 60.

² BStU, ZS MfS-AS Nr. 216 / 56. Bl. 67.

³ Hetze gegen den Genossen W. Ulbricht und andere. Berlin, den 25.4.1956, in: BStU, ZS MfS-AS Nr. 89 / 59. Bl. 102.

Ульбрихта со стороны населения¹. Как следствие, в рядах партии зазвучали призывы к смещению Ульбрихта и поиску нового лидера². Вскоре критика перекинулась на прочих руководителей ГДР. Во время собраний рядовые партийцы приписывали членам ЦК и Политбюро СЕПГ ответственность за трансфер и пропаганду культа Сталина: «Кто насаждал нам Сталина как умного руководителя? Это было Политбюро, все члены которого вышли из Советского Союза. Во всех речах Ульбрихт и Гротеволь рисовали его как великого человека. А теперь наше Политбюро не способно даже к самокритике»³. Член партии из лейпцигского округа указывал на единые корни советского и восточногерманского политических режимов, а также на вовлеченность лидеров ГДР в преступления эпохи сталинизма: «Вильгельм Пик, Вальтер Ульбрихт и многие другие были в СССР в эмиграции, когда Сталин совершал ошибки. Эти недочеты они должны были бы заметить ранее. Критика ошибок Сталина является одновременно критикой наших товарищей»⁴. Член партии округа Галле усматривала в действиях Политбюро ЦК СЕПГ лишь попытку отговориться и найти «козла отпущения», списать все совершенные ошибки на «мертвого человека»⁵.

Итак, вырвавшийся на свободу дискурс десталинизации поверг в шок политическую элиту Восточной Германии. Если Первый секретарь ЦК СЕПГ В. Ульбрихт демонстрировал исключительные навыки в приспособлении к новой московской риторике, то реакции рядовых членов СЕПГ были куда более противоречивыми. Наблюдая паралич властного дискурса, они не знали, что говорить и как действовать в турбулентном поле десталинизации. Внезапная ревизия Сталина лишала их привычных механизмов конструирувания идентичности, выработки смыслов и интерпретации реальности. О степени амбивалентности в оценках Сталина свидетельствует хотя бы тот факт, что на одном и том же партийном собрании в ходе дискуссий были озвучены взаимоисключающие инициативы: предложение установить очередной памятник «вождю» – с одной стороны, и поставить вопрос о снятии и уничтожении сталинских портретов – с другой⁶.

¹ Feindpropaganda zum XX. Parteitag der KPdSU, in: BStU, AS BVfS Leipzig 815 / 01. Bl. 67–70.

² Ibid.

³ Hetze gegen den Genossen Walter Ulbricht und andere. Bl. 103.

⁴ Ibid. Bl. 104.

⁵ BStU, ZS MfS–AS Nr. 216 / 56. Bl. 79.

⁶ BStU, ZS MfS–AS Nr. 216 / 56. Bl. 67.

За такой биполярностью мнений можно разглядеть в СЕПГ два полюса. К первому полюсу сторонников десталинизации относились прежние социал-демократы. Они использовали дискурс разоблачения Сталина в целях дистанцирования от бывших членов КППГ, обвиняя их в принудительном объединении СДПГ и КППГ, в радикальной советизации Восточной Германии и использовании репрессивных методов укрепления власти. Прежние члены СДПГ, которые еще до 1933 г. указывали на опасные тенденции установления единоличного правления советского руководителя, решительно выступали за пересмотр нарративов о «лучшем друге немецкого народа» и были озадачены вопросом: «Сталины приходят и уходят, а социализм возникает, несмотря на данное обстоятельство?»¹

Костяк второго полюса – апологетов советского лидера – составили бывшие члены КППГ. В их реакциях на критику культа личности Сталина доминировали аргументы защиты «вождя» по причине его «непогрешимости», «высокого авторитета» и «безграничного доверия»². Представители данной группы отстаивали прежний образ Сталина, несмотря на явные сигналы о ревизии имиджа «вождя» из Москвы. Основная же масса членов СЕПГ была вынуждена лавировать между двумя крайними позициями в оценках Сталина. Десталинизация обернулась кризисом дискурса власти, принуждая рядовых членов партии к выжидательной позиции, к молчанию и изворотливости в стремительно менявшихся политических реалиях.

5.2. Популярные реакции на десталинизацию и ее влияние на восточных немцев

Публикация Ульбрихта от 4 марта 1956 г. взбудоражила все восточногерманское общество. Специфика восточногерманского варианта ревизии образа советского руководителя заключалась, по словам корреспондента газеты «Правда» М. В. Подключникова, в отсутствии «психологической подготовки» немцев к решениям XX съезда КПСС³. Если в Советском Союзе пересмотр сталинского

¹ Kettner P. Die Fragen und die Freiheit, in: Hilse T., Winkler D. (Hg.). Die Fragen und die Freiheit. Schubladentexte aus der DDR. Berlin, 1999. S. 17–52, hier S. 22. Наиболее известную в то время концепцию, предусматривавшую реформирование социализма и либерализацию в ГДР, разработал В. Харих. См.: Harich W. Keine Schwierigkeiten mit der Wahrheit. Berlin, 1993. S. 123.

² См.: Neue Argumente zum XX. Parteitag der KPdSU (5. Bericht). Bl. 42.

³ Информационное письмо корреспондента газеты «Правда» в ГДР М. В. Подключникова в редакцию газеты о реакции в ГДР на сообщения о работе XX съезда КПСС // Доклад Н. С. Хрущева. С. 629.

политического курса можно было наблюдать сразу же после смерти «вождя»¹, то в ГДР в это время наблюдался, наоборот, расцвет культа Сталина. 8 мая 1953 г. местечко Фюрстенберг-на-Одере было переименовано в Сталинштадт. В 1955 г. в Бабельсберге в доме, в котором проживал советский лидер во время Потсдамской конференции, был открыт музей. Данный объект был внесен в список важнейших достопримечательностей ГДР под названием «Дом Сталина». Кроме того, был продолжен курс сталинизации публичного пространства: открывались новые памятники и бюсты советского лидера, присваивалось имя «вождя» улицам и площадям, предприятиям и учебным заведениям. Вплоть до секретного доклада Хрущева авторитет Сталина не мог быть подвергнут сомнению публично. Еще в феврале 1956 г. – накануне XX съезда КПСС – социалистическая печать в ГДР активно использовала риторику культа личности для восхваления «вождя»². Поэтому не удивительно, что для многих современников инициированная в Москве ревизия официального знания о советском руководителе вызвала как минимум состояние растерянности и замешательства.

Одно из первых последствий после публикации статьи Ульбрихта – сбой в воспроизводстве официальных нарративов культа Сталина. Показателен случай, произошедший во время лекции на медицинском факультете университета в Грайфсвальде. 5 марта 1956 г. студенты поинтересовались у преподавателя, можно ли считать Сталина классиком марксизма-ленинизма. Доцент, еще и не подозревая о существовании ревизионистской статьи В. Ульбрихта от 4 марта, дал утвердительный ответ, вызвав бурные аплодисменты

¹ Новый курс КПСС обернулся первыми сигналами критики в отношении локальных культов партийных руководителей на периферии советской империи. Осуждению Москвы подвергся генеральный секретарь Коммунистической партии Болгарии Вилко Червенков. Он обвинялся в утверждении собственного культа личности, выражавшегося в чрезмерном восхвалении в печати, на собраниях и в повсеместном распространении его изображений. По инициативе ЦК КПСС был рассмотрен вопрос о разделении постов председателя Совета министра и руководителя партии, занимаемых Болеславом Берутом в Польше. Во время мартовского визита в Москву в 1953 г. резкой критике подверглась политика Матьяша Ракоши. Чутко реагируя на московские сигналы, Политбюро ЦК СЕПГ приостановило подготовку дня рождения Ульбрихта и начало проверку готовящейся к выпуску печатной продукции о немецком руководителе. См.: Советский фактор в Восточной Европе. Документы. 1944–1953 гг.: В 2 т. Т. 2.: 1949–1953 гг. / под ред. Т. В. Волокитиной. М., 2002. С. 853–854, 876; Hegedüs A. B., Wilke M. (Hg.). Satelliten nach Stalins Tod. Der "Neue Kurs", 17. Juni 1953 in der DDR. Ungarische Revolution 1956. Berlin, 2000. S. 48.

² Из сопроводительного письма заместителя начальника 1-го управления КГБ при СМ СССР А. М. Сахаровского секретарю ЦК КПСС Б. Н. Пономареву о направлении в ЦК КПСС документов СДПГ // Доклад Н. С. Хрущева. С. 705–709, особенно с. 706.

аудитории. Лишь после этого преподавателю была показана публикация Первого секретаря ЦК СЕПГ, повергшая лектора в состояние изумления и шока¹. Этот случай не являлся единичным. Повсеместно преподаватели и учителя признавались в желании отмолчаться, избегали даже упоминаний имени «вождя» из-за страха репрессий, а также угрозы краха партийной и научной карьеры². Данные настроения остороженности и страх подпитывали слухи о намерении властей «выявить и посадить под замок за железную дверь всех непослушных режиму лиц»³.

Согласно официальным сводкам о настроениях населения, наиболее резко и негативно на заявление Ульбрихта отреагировала молодежь. В неожиданном отказе от культа Сталина вчерашнее «поколение Гитлерюгенд» усматривало новое предательство властей, так как в очередной раз режим СЕПГ требовал отрешения от мифов и ритуалов «советского фюрера» по аналогии с культом Гитлера после войны. Поэтому заявления Ульбрихта вызвали волну протеста в молодежных массовых организациях и учебных заведениях. Как правило, защита советского лидера оборачивалась резкой критикой восточногерманского руководства. Например, группа старших школьников в городе Заальфельде округа Эрфурт выражала возмущение необоснованным очернением «лучшего друга немецкого народа»: «Это же просто свинство, что в настоящее время Сталина представляют исключительно плохим для того, чтобы выставить других членов партии в лучшем свете». Старшеклассники города Эрфурта обращались с коллективным письмом в окружное управление СЕПГ, в котором осуждали практику снятия портретов «вождя». Школьники из Гольцова округа Зеелов/Франкфурт даже оправдывали репрессивную политику Сталина тем аргументом, что революцию можно делать лишь с применением оружия и насилия, то есть с принесением жертв на алтарь коммунизма. Они потребовали от директора учебного заведения подробного объяснения решений XX съезда и реабилитации имени Сталина⁴.

Аналогичное сопротивление десталинизации присутствовало в высказываниях людей, интегрированных в структуры и институты власти. Представители государственных учреждений, политических партий, массовых организаций продолжали артикулировать язык государства пропаганды и защищать прежний образ «вождя».

¹ Neue Argumente zum XX. Parteitag der KPdSU (5. Bericht). Bl. 43.

² BStU, ZS MfS-AS Nr. 216 / 56. Bl. 66.

³ Stimmung zum XX. Parteitag der KPdSU (6. Bericht). Bl. 61.

⁴ Neue Argumente zum XX. Parteitag der KPdSU (5. Bericht). Bl. 43.

Например, учитель берлинского района Лихтенберг, член ХДС, в ответ на слова Ульбрихта заявил: «По моему мнению, Сталин сделал очень много полезного, и я хотел здесь вспомнить лишь Вторую мировую войну. Считаю абсолютно справедливым, что он за свои заслуги был почитаем людьми, и это нельзя назвать культом личности. Если сегодня утверждается, что Сталин возвысил себя над партией, то это не является его виной. Это вина всего партийного руководства»¹. Служащий из Цвикау продолжал называть Сталина «очень умным военным предводителем»². А врач из Торгау в беседе с учителем защищал «вождя» в роли классика марксизма-ленинизма, называя неправильным отказ от научных теорий «вождя»³.

Мартовская статья Ульбрихта, как уже можно было заметить в предыдущих примерах, оказалась в центре дискуссий на собраниях рабочих коллективов. Например, педагогический состав Высшей школы экономики и планирования в Дрездене единогласно принял резолюцию с опровержением статьи Ульбрихта. Собравшиеся постановили, во-первых, по-прежнему считать Сталина классиком марксизма-ленинизма, так как все его труды прошли процедуру одобрения в ЦК КПСС; во-вторых, отказаться от огульных обвинений и перечеркивания всех заслуг советского лидера; в-третьих, повременить с дискуссиями до «нормализации обстановки»⁴. Также массовые организации выступали с призывом приостановить все обсуждения столь щекотливого для политической культуры Восточной Германии вопроса. Так, руководство Общества германо-советской дружбы высказалось о бессмысленности публичных дискуссий об ошибках Сталина, которые «оборачиваются лишь нарушениями общественного порядка»⁵.

Сбои в дискурсивном порядке диктатуры приводили к постановке вопросов о том, каким языком и какими категориями стоит описывать и характеризовать Сталина: «Можно ли называть Сталина классиком? Считать ли его великим полководцем и верным учеником Ленина?»⁶ Резкая смена официальной риторики вызывала реакции недоумения, как, например, в словах фотографа из Гревесмюлена:

¹ BStU, ZS MfS-AS Nr. 216 / 56. Bl. 80.

² Ibid. Bl. 129.

³ Ibid. Bl. 56.

⁴ Stimmung zum XX. Parteitag der KPdSU (6. Bericht). Bl. 60.

⁵ BStU, ZS MfS-AS Nr. 89 / 59. Bl. 117.

⁶ Neue Argumente zum XX. Parteitag der KPdSU. Berlin, den 14.3.1956, in: BStU, ZS MfS-AS Nr. 216 / 56, Bl. 37; Stimmung zur Veröffentlichung des Genossen Walter Ulbricht über den XX. Parteitag (1. Bericht). Bl. 22.

«Все эти годы Сталин был спасителем человечества, гениальным последователем идей Ленина, нашим идеалом. И за один раз все это стерто. Это для меня необъяснимо. Что же происходит?»¹

Именно этот вопрос волновал все восточногерманское общество. На фоне отсутствия ясной линии партии по управлению дискурсом десталинизации члены массовых организаций пытались самостоятельно интерпретировать происходящее. В округе Кенигсвустерхаузен в результате дискуссий об итогах XX съезда КПСС члены ССНМ постановили, «что марксизм не является догмой, а товарищ Сталин ошибался в характеристике мирового развития»². В Магдебурге представители ССНМ подняли на собрании вопрос о том, стоит ли считать Сталина таким же врагом партии, как и Берия, который поставил себя выше принципов коллективного руководства³. На одном из собраний молодежи были проведены прямые параллели культа Сталина с культом Ульбрихта. Как следствие, были озвучены требования ухода В. Ульбрихта с поста Первого секретаря ЦК СЕПГ, так как он являлся главным проводником сталинской политики в ГДР⁴.

Сводки о настроениях населения документируют не только смуту и разброд мнений среди населения. Проанализированные мной документы отмечают качественно новый характер публичной риторики: дискуссии стали более «острыми», «открытыми» и «свободными». Источники рассказывают нам о высказываниях мужчин и женщин, членов партий и беспартийных, представителей различных профессий и вероисповеданий, в риторике и поведении которых отсутствовал страх перед нарушением установленных ранее дискурсивных табу. Впервые отмечалось, что молодежь открыто дискутировала на улице, разговаривала о преимуществах жизни на Западе и высмеивала антисталинскую кампанию⁵. Повсеместно обсуждались и поднимались вопросы о необходимости освобождения политических заключенных⁶. Один из чиновников округа Потсдам, исключенный в период чисток из СЕПГ, заявлял, что «впервые можно открыто критиковать работу Сталина и само время доказало, что Сталин был диктатором»⁷.

¹ BStU, MfS-AS, Nr. 216 / 56. Bl. 152.

² Ibid. Bl. 70.

³ Stimmung zur Veröffentlichung des Genossen Walter Ulbricht über den XX. Parteitag (1. Bericht). Bl. 23.

⁴ BStU, ZS MfS-AS Nr. 216 / 56. Bl. 21.

⁵ Anti-Stalin-Kurs. Berlin, 02.05.1956, in: AdS, SPD-PV-Ostbüro 0257 II, unpag.

⁶ Ibid.

⁷ BStU, ZS MfS-AS Nr. 216 / 56. Bl. 43.

Открытое нарушение установленных диктатурой риторических табу ощущалось сильнее всего в крупных промышленных центрах. Рабочие предприятий Вильдау не стеснялись называть советского лидера «диктатором» и «советским Гитлером», спрашивая друг друга, есть ли западные газеты с разоблачающими материалами¹. Домохозяйка из округа Кенигсвустерхаузен в разговоре с подружкой называла Сталина преступником, заслуживающим самого сурового наказания². Публичное использование терминов «диктатор», «враг», «преступник» при характеристике Сталина стало индикатором серьезных сдвигов в дискурсивном порядке Восточной Германии. Новая риторика описания «вождя» вступала в конкуренцию с нормативным языком пропаганды, указывая на дихотомичный раскол имиджа Сталина и активирование негативных стереотипов восприятия советского лидера из времен Веймарской республики и Третьего рейха. Одна из женщин в Панкоу утверждала, что у немцев давно было «плохое мнение» о Сталине, которое им, однако, было запрещено публично выражать в ГДР³.

С началом проникновения дискурса десталинизации в Восточную Германию общество охватила эпидемия слухов. Можно сказать, что слухи стали мотором процесса десталинизации в ГДР. В них население искало ответы на причины столь внезапного дистанцирования СЕПГ от культа Сталина, пыталось компенсировать дефицит имеющейся у них информации и смоделировать возможные сценарии будущего. Например, народная молва передавала ложную информацию о якобы официальном запрете читать и хранить произведения Сталина. Данные догадки базировались на слухах о некоем распоряжении Булганина уничтожить все сталинские книги и портреты, переработать в макулатуру все произведения «вождя»⁴. Следствием таких слухов стал кризис сбыта сталинских произведений в розничной и оптовой торговле, поставивший книжные издательства на грань банкротства⁵. Продавцы книжных магазинов отмечали резкий спад и без того малого спроса на произведения Сталина, указывая на необходимость их полного изъятия из торгового оборота⁶. Кроме того,

¹ Informationsbericht "Die Lage und Stimmung in den Industrie- und Verkehrsbetrieben in Potsdam", 27. Februar 1956, in: BStU, ZS MfS-AS Nr. 216 / 56. Bl. 73.

² BStU, ZS MfS-AS Nr. 216 / 56. Bl. 70.

³ Stimmung zur Veröffentlichung des Genossen Walter Ulbricht über den XX. Parteitag der KPdSU (2. Bericht). Bl. 25.

⁴ Ibid. Bl. 24, 125.

⁵ Neue Argumente zum XX. Parteitag der KPdSU (5. Bericht). Bl. 42.

⁶ Stimmung zur Veröffentlichung des Genossen Walter Ulbricht über den XX. Parteitag (1. Bericht). Bl. 23.

повсеместно стали фиксироваться случаи сдачи произведений «вождя» в макулатуру и даже их сожжения¹. В слухах о десталинизации прогнозировались изменения культурно-символического ландшафта Восточной Германии. Так, среди жителей Сталинштадта курсировали разговоры о скором переименовании города и удалении всех табличек с именем советского лидера². В одном из ресторанов района Лихтенберг в Берлине собеседники, анализируя изменения политического курса, предрекали переименование Аллеи Сталина в Аллею Ульбрихта или Аллею Хрущева³.

Отчеты Штази с тревогой описывали топографию «распространения вражеских слухов»: железнодорожные вокзалы, поезда и общественный транспорт, отели и рестораны, магазины и очереди, то есть места массового и анонимного скопления людей. Особенно в домохозяйках, домработницах и пенсионерах власть видела главные источники распространения слухов, сеявших панику и недоверие к режиму. Уличные слухи о далеко идущих последствиях десталинизации суммировал в своем высказывании пенсионер из Лауша округа Нойхауз. Он рассказывал жителям дома услышанную в магазине информацию о скором освобождении политических заключенных и снятии изображений «вождя» в Лейпциге⁴. Домохозяйки из округов Бранденбург, Науен, Притцвальк судачили о повальной практике снятия сталинских портретов, об отмене дней памяти в честь «вождя» в СССР и о посмертном приговоре к казни за установление культа личности⁵. Эти слухи стали результатом наблюдения населением ГДР семантических изменений в публичном пространстве: внезапного и сначала мало кем объясняемого исчезновения портретов и плакатов Сталина из административных зданий, с площадей и улиц городов.

Слухи в совокупности с наблюдениями изменений репрезентаций власти в публичных местах стали для населения первыми весточками десталинизации. Они дали начало новой волне иконоборчества, ставшего одной из самых популярных реакций на ревизию культа личности в виде зачистки публичного пространства от официальной иконографии режима. Дискуссии о снятии портретов Сталина, Ульбрихта, Пика и Гротеволья⁶ наряду с инициативами по уничтоже-

¹ BStU, MfS-AS, Nr. 216 / 56. Bl. 156.

² Ibid. Bl. 140.

³ Ibid. Bl. 81.

⁴ Ibid. Bl. 155.

⁵ Ibid. Bl. 95.

⁶ Neue Argumente zum XX. Parteitag der KPdSU (5. Bericht). Bl. 39–40.

нию бюстов советского диктатора приобрели массовый характер¹. Так, во время собраний население пыталось выяснить изменение норм обращения с портретами, плакатами и бюстами «вождей», превратившихся неожиданно для многих в опальные символы власти. Например, в статистической службе Зондерсхагена сотрудники задавали руководству такой вопрос: «Что надо делать с плакатами Сталина, которые мы обязаны покупать и вывешивать у себя дома. По этому вопросу необходимо дать централизованное указание, чтобы на нас не смотрели косо, когда мы снимем сталинские портреты и повесим другие»². На одном из собраний инженер поинтересовался у президиума, долго ли будет находиться в зале столовой «гипсовая голова преступника»³. А служащие магистрата Карл-Маркс-Штадта дискутировали об абсурдности публичного использования «изображения четырех голов – Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина»⁴. Один из технических служащих в городе Ростоке назвал вывешивание портретов государственных лидеров проявлением культа личности. Он предлагал решительно бороться с данной практикой и покончить с ней раз и навсегда⁵.

Вскоре население от дискуссий переходит к действиям. Иконоборчество приобретает более радикальный характер и охватывает всю Восточную Германию. Например, на призыв одной из служащих администрации округа Зоннеберг в Зуле уничтожить все изображения Сталина коллеги ответили демонстративным снятием портретов Пика, Гротевоя и Ульбрихта⁶. Из округа Потсдам пришло сообщение, что сотрудник администрации снял со стены портрет Сталина с замечанием, что «ему нечего здесь больше делать»⁷. В центральной школе города Штернберга округа Шверин во многих учебниках по русскому языку изображение Сталина оказалось вырезанным или частично зарисованным решетками⁸.

В других случаях реакции учителей и школьников были еще более смелыми. Например, в школе города Рюдерсдорфа окру-

¹ Die Stimmung der Bevölkerung zum XX. Parteitag der KPdSU, 26. Mai 1956, in: BStU, ZS MfS-AS Nr. 216 / 56. Bl. 75–76.

² Stimmung zur Veröffentlichung des Genossen Walter Ulbricht über den XX. Parteitag (1. Bericht). Bl. 23.

³ AdsD, SPD-PV-Ostbüro 0322 II, unpag.

⁴ BStU, ZS MfS-AS Nr. 216 / 56. Bl. 129.

⁵ Neue Argumente zum XX. Parteitag der KPdSU (5. Bericht). Bl. 39.

⁶ Hetze gegen den Genossen Walter Ulbricht. Berlin, den 7.5.1956, in: BStU, ZS MfS-AS Nr. 89 / 59. Bl. 104.

⁷ Neue Argumente zum XX. Parteitag der KPdSU (5. Bericht). Bl. 39–40.

⁸ Stimmung zum XX. Parteitag der KPdSU (6. Bericht). Bl. 61.

га Фюрстенвальде после собрания учителей портрет «вождя» был обнаружен в корзине для бумаг¹. На сталелитейном предприятии Максхютте портрет Сталина был разорван на клочки, а сохранившееся изображение лица приколочено гвоздями к трибуне для ораторов². На предприятиях Геры споры о культе личности приобрели настолько острый характер, что руководство ССНМ дало указание перенести венки, возложенные к бюсту советского лидера в парке имени Сталина, к другим мемориалам, заменив ленточки-посвящения³. Таким образом, эскалация иконоборческих практик наиболее ярко обнажила кризис репрезентаций власти. Символы и предметы культа личности, призванные до 1956 г. служить целям визуализации, легитимации и укрепления режима, становились центральной мишенью выражения народной агрессии и наиболее уязвимым местом всей политической системы.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в популярном дискурсе десталинизации происходит отделение фигуры Ленина от персоны Сталина. В нем Ленин наделяется положительными качествами при одновременном приписывании всей вины за культ личности исключительно Сталину. Одна из домработниц берлинского врача раскритиковала Сталина, выстраивая свои аргументы по защите истинного «вождя» – Ленина – следующим образом: «Сталин был большой свиньей. Во время болезни Ленина он лишил его возможности участвовать в партийной жизни, запретил многие произведения, которые до сих пор остаются неопубликованными. Только благодаря этому он взшел на вершину государственного аппарата и стал Первым секретарем партии»⁴. О символическом разрушении пропагандистского нарратива о двух вождях Октябрьской революции свидетельствовали слухи, в которых артикулировалось ожидание выноса тела Сталина из сакральной зоны коммунизма – Мавзолея Ленина⁵.

Более того, в популярном дискурсе десталинизации предпринималась попытка полного отречения от советских «вождей»: как Сталина, так и Ленина. Население высказывало мнения о том, что при построении социализма в ГДР необходимо вернуться на теоретиче-

¹ BStU, ZS MfS-AS Nr. 216 / 56. Bl. 156.

² Stimmung zum XX. Parteitag der KPdSU (6. Bericht). Bl. 61.

³ Ibid. Bl. 85.

⁴ BStU, ZS MfS-AS Nr. 216 / 56. Bl. 74.

⁵ Stimmung zur Veröffentlichung des Genossen Walter Ulbricht über den XX. Parteitag. (1. Bericht). Bl. 23; также см.: Из справки консульства СССР во Франкфурте-на-Одере «Отклики населения округов Франкфурт-на-Одере и Коттбус на итоги XX съезда КПСС», 26 марта 1956 г. // Доклад Н. С. Хрущева. С. 650–653.

ские основы марксизма как истинно немецкого учения, учитывающего потребности и интересы немецкого народа¹. Подобные дискуссии хорошо отражены в использованных мной источниках. Например, студент Клаус Прибе в разговоре с сокурсниками утверждал: «Ленин был таким же диктатором, как и Сталин, который фальсифицировал учение Маркса и Энгельса о строительстве социализма, точно таким же образом, как и Сталин. Именно Ленин был тем, кто подготовил восхождение Сталина. [...] Если мы искренне заботимся о построении социализма, тогда мы должны возвратиться назад и начать там, где закончил Маркс»².

Активную роль во включении населения в практики переоценки Сталина сыграло Восточное бюро СДПГ. Неожиданно трансформируемый из Москвы негативный имидж советского лидера рассматривался социал-демократами как шанс к ослаблению режима СЕПГ. СДПГ приступила к осуществлению собственной стратегии антисталинской пропаганды в ГДР. Распространение антиправительственных листовок среди населения являлось их главным методом политической борьбы. При этом особое внимание уделялось системности пропаганды, «материалы которой не должны были быть случайными, а должны были создавать информационный ряд». Мобилизация населения преследовала конкретные цели, к которым относилось и ослабление режима СЕПГ за счет выхода крестьян и рабочих из партии и массовых организаций. В своих отчетах Восточное бюро СДПГ с удовлетворением отмечало позитивные результаты собственной пропагандистской работы среди населения на фоне возрастающего недоверия к СЕПГ³.

Другим центральным актором в политической мобилизации восточногерманского населения стали западные средства массовой информации. В то время как СЕПГ бездействовала, дожидаясь московских директив об управлении процессом десталинизации, западная пресса обрушились с обвинениями в пропаганде культа Сталина в ГДР и насаждении культа Ульбрихта в СЕПГ. Их главный аргумент заключался в придании широкой огласке тотальной зависимости Первого секретаря ЦК СЕПГ от Кремля. В программах РИАС циркулировали такие комментарии: «Ульбрихт – Сталин в ГДР», «Вальтер Ульбрихт не имеет собственного мнения и собственной воли, всегда ориентируется только на Москву»; «Ульбрихт совершил поворот на

¹ BStU, ZS MfS-AS Nr. 216 / 56. Bl. 142.

² Veterinär-Medizinische Fakultät der Humboldt-Universität. Berlin, den 8.4.1956 // AdsD, SPD-PV-Ostbüro 0383 O, unpag.

³ AdsD, SPD-PV-Ostbüro 0257 II, unpag.

180 градусов»; «Невероятно, что именно Вальтер Ульбрихт, который всегда положительно отзывался о Сталине, теперь озвучивает прямо противоположное мнение»¹. Советский дискурс десталинизации использовался западными средствами массовой информации для установления очевидных параллелей в культах Сталина и Ульбрихта с целью дискредитации режима СЕПГ не только в глазах немецкого населения, но и всей мировой общественности. Как следствие, радио Лондона прорицало завершение карьеры Первого секретаря СЕПГ в связи с «политической смертью Сталина»².

Каким образом функционировала политическая мобилизация населения через западные массмедиа, демонстрирует следующий пример. После публикации статьи Ульбрихта газета «Дер Таг» опубликовала ряд вопросов, которые населению рекомендовалось задавать повсюду с целью дискредитации режима: «С какого момента Ульбрихт считает Сталина вредителем и по каким причинам он не высказал публично это важное мнение раньше? Можно также спросить, почему он так жестко осудил Сталина, если незадолго до этого превозносил Сталина как гениального, великого и мудрого вождя народов? Или же подобный вопрос о внезапной смене политических убеждений Ульбрихта опасен?»³ В статьях и передачах Ульбрихт обвинялся в использовании большевистских методов утверждения режима личной власти: репрессивном устранении политических конкурентов, введении цензуры и ослаблении коллективных органов власти. Западное радио дискутировало идею о возможности организации публичного судебного процесса, на котором Ульбрихт смог бы ответить за все преступления перед немецким народом⁴. Критика немецкого лидера, сконцентрировавшего в своих руках важнейшие рычаги власти, бросала тень на все политические и партийные структуры Восточной Германии. Та же газета «Дер Таг» указывала, что «ни одна из коммунистических партий мира не была так сильно и догматично построена на учении Сталина, как СЕПГ. [...] Ни в одной стране, кроме СССР, культ Сталина не отправлялся в таких масштабах, как в ГДР»⁵.

¹ Hetze gegen den Genossen W. Ulbricht und andere. Berlin, den 25.4.1956 // BStU, Archiv der Zentralstelle, MfS-AS Nr. 89 / 59, Bl. 105; Stimmung zur Veröffentlichung des Genossen Walter Ulbricht über den XX. Parteitag der KPdSU (2. Bericht). Bl. 25–26.

² Feindpropaganda zum XX. Parteitag der KPdSU. Berlin, den 9.3.1956 // BStU, ZS MfS-AS Nr. 216 / 56. Bl. 27–28.

³ Ibid. Bl. 31.

⁴ Feindpropaganda zum XX. Parteitag der KPdSU (5. Bericht). Bl. 54.

⁵ Feindpropaganda zum XX. Parteitag der KPdSU. Berlin, den 5.3.56 // BStU, ZS MfS-AS Nr. 216 / 56. Bl. 17.

В целом западная составляющая дискурса десталинизации апеллировала к восточным немцам с призывом к свержению советского протектората и режима СЕПГ как базовых предпосылок, необходимых для строительства сильной, независимой, экономически процветающей Германии. В частности, западные средства массовой информации призывали население ГДР к организации нового народного восстания по аналогии с массовыми волнениями в июне 1953 г. В радиопередачах из ФРГ звучали политические, экономические и социальные требования к руководителям ГДР. Например, накануне Третьей партийной конференции СЕПГ были озвучены призывы к «смещению Ульбрихта и всего сталинистского правительства», проведению свободных выборов, провозглашению свободы слова, полной реабилитации рабочей оппозиции, арестованной в июньские дни 1953 г., а также к замене террористического аппарата полицией, упразднению колхозов, принятию рабочего и социального законодательства¹. Экономические требования касались введения семичасового рабочего дня, улучшения условий труда, усовершенствования системы социального страхования.

Вопрос об отмене колхозов был чрезвычайно важен, так как позволял втянуть в дискурс десталинизации работников сельскохозяйственной отрасли, проживавших за чертой больших городов. Антиколхозные настроения в ГДР были чрезвычайно сильны. Поэтому критика Сталина использовалась данной группой населения для выхода из колхозов и для пропаганды развития индивидуального хозяйства². Однако дискурс десталинизации не ограничивался для них только антиколхозными настроениями. Работники сельского хозяйства сформулировали ряд политических требований к руководителям ГДР, обвиняя их в сопричастности к сталинским преступлениям. Один из крестьян делал простой и логичный вывод: виновен Сталин – виновны и его соратники³. Как следствие, желание свержения диктатуры и требование свободных выборов были сформулированы в высказывании крестьянина из округа Франкфурт-на-Одере на собрании колхозников: «Что сделала для нас партия? Они только хотят, чтобы мы зарабатывали для них деньги. Но скоро мы будем обходиться с ними по-другому. Мы свободные крестьяне и не желаем жить при диктатуре. Вы хотите нас всех видеть в колхозах, но

¹ Feindpropaganda zum XX. Parteitag der KPdSU. Berlin, den 5.3.56 // BStU, ZS MfS-AS Nr. 216 / 56. Bl. 48–49.

² Neue Argumente zum XX. Parteitag der KPdSU (5. Bericht). Bl. 39–40.

³ Der Widerstand der ländlichen Bevölkerung. Berlin, 23.05.1956 // AdsD, SPD-PV-Ostbüro 0257 II, unpag.

нам с вами не по пути. Мы требуем свободных выборов, которые покажут, кто придет к власти»¹.

Новой вехой в динамике процесса десталинизации стали народные восстания в Польше и Венгрии осенью 1956 г. Реакции на них в ГДР характеризуются двумя особенностями: новым витком оппозиционной активности населения, с одной стороны, и одновременным переходом государства к политике «закручивания гаек»: ограничению свободы слова и преследованию инакомыслящих – с другой. Вновь западные массмедиа информировали восточных немцев о динамике и результатах народных протестов на периферии советской империи. Например, РИАС распространяло информацию, что под нажимом восстания в Польше была проведена всеобщая амнистия польских коммунистов и освобождено 30 тыс. заключенных². В качестве противоположного примера приводились цифры «20 тыс. невинных жертв сталинской юстиции в ГДР, которые до сих пор находятся в тюремном заключении»³. В данном случае резкой критике подверглась министр юстиции Х. Беньямин, прозванная в народе «красная гильотина». Она публично отказалась признать ошибки своего аппарата в осуждении невинных людей и отвергла десталинизацию как повод к либерализации политического порядка⁴.

Восстание в Венгрии способствовало радикализации антирусских настроений. Прежде всего, кровавые методы расправы с повстанцами пробудили воспоминания о советских танках на улицах Восточного Берлина в июне 1953 г. Так, в округе Гримма распространялись слухи о прибытии в Германию подразделений советских вооруженных сил. Среди населения курсировали разговоры об опасности выходить из дома в вечерние часы, так как со стороны советских солдат участились случаи разбоя и домогания женщин⁵. Подобные слухи наряду с разговорами о нарушении поставок продуктов питания из Восточной Европы сеяли панику, приводя к скупанию товаров первой необходимости и пустоте улиц в вечернее время⁶. Данные обстоятельства под-

¹ Hetze gegen den Genossen W. Ulbricht und andere. Bl. 106.

² Feindpropaganda zu den Problemen des XX. Parteitages der KPdSU und der III. Parteikonferenz der SED. Berlin, den 22.5.1956 // BStU, ZS MfS-AS Nr. 89 / 59. Bl. 84.

³ Ibid. Bl. 86.

⁴ Тем не менее к осени 1956 г. около 21 тыс. политических заключенных вышли на свободу, сотни жертв режима СЕПГ были реабилитированы. См.: Kowalczuk I.-S. Zwischen Hoffnungen und Krisen: Das Jahr 1956 und seine Rückwirkungen auf die DDR, in: Jahrbuch für Historische Kommunismusforschung. 2006. S. 15–33, hier S. 25.

⁵ SAPMO-BArch, DY 30 / IV 2 / 5 / 282. Bl. 439.

⁶ Situationsbericht aus Leipzig. Berlin, 15.11.1956 // AdS, SPD-PV-Ostbüro 0361 IV, unpag.

питывали чувство ненависти к русским. Так, студенты университетов требовали отмены изучения русского языка в качестве обязательного предмета¹. А на вагонах, перевозивших немецкие товары в Советский Союз, делались надписи: «Свобода для Венгрии!» и «Иван, прочь!»²

Немецкое общество демонстрировало солидарность с венгерским народом не с помощью открытого протеста, а через комплекс непрямых, или символических, практик выражения несогласия. Так, к негласному, но всеми однозначно распознаваемому жесту солидарности с венгерским народом относился выход из Общества германосоветской дружбы и отказ уплачивать членские взносы в прочих массовых организациях. На заводе в Людвигсфельде рабочие единодушно проигнорировали участие в лотерее, в которой разыгрывалось путешествие в Советский Союз³. Повсюду на публичных собраниях референтам задавались вопросы о том, по какому праву СССР вторгся в Венгрию?⁴ Эхо венгерского протеста в ГДР привело к новой постановке вопроса об отставке правительства и прежде всего Ульбрихта⁵. Первый секретарь ЦК СЕПГ обвинялся в замалчивании ошибок Сталина, о которых не мог не знать во время проживания в политэмиграции в московской гостинице «Люкс». Данное обстоятельство легло в основу политической конфронтации Ульбрихта с К. Ширдеваном, развернувшейся в Политбюро ЦК СЕПГ после XX съезда КПСС и закончившейся поражением последнего⁶.

Как я уже отметил ранее, венгерское восстание положило конец тем либеральным тенденциям, которые принесла с собой десталинизация в ГДР. Режим СЕПГ переходит к более жесткому контролю над публичным дискурсом и вновь приступает к репрессивной политике исключения инакомыслящих. Так, в октябре 1956 г. по Восточной Германии прокатилась волна арестов среди интеллектуалов и студентов, оказавшихся жертвами сфабрикованных обвине-

¹ Stimmungsbericht aus Berlin-Leipzig-Böhlen, den 5.11.56 // AdsD, SPD-PV-Ostbüro 0361 IV, unpag.

² AdsD, SPD-PV-Ostbüro, 0361 IV, unpag.

³ Stimmung im Industrie-Werk Ludwigsfelde, 18.11.1956 // AdsD, SPD-PV-Ostbüro 0257 / II, unpag.

⁴ SAPMO-BArch, DY 30 / IV 2 / 5 / 282. Bl. 366.

⁵ О реакции населения ГДР на восстание в Венгрии см.: Granville J. Ulbricht in October 1956: Survival of the Spitzbart during Destalinization, in: *Journal of Contemporary History*. 2006. Vol. 41 (3). P. 477–502, here p. 478–480.

⁶ В январе 1958 г. К. Ширдеван был исключен из ЦК СЕПГ. См.: Foitzik. Die parteiinterne Behandlung der Geheimrede Chruschtschows. S. 80. О динамике внутрипартийного противостояния Ульбрихта и Ширдевана см.: Granville, Ulbricht in October 1956.

ний¹. Одновременно наблюдалось расширение полномочий органов полиции и Штази. Серия показательных судебных процессов над «нарушителями общественного порядка» и «врагами народа» должна была снова приучить население к жестко ритуализированному использованию языка государства и партии. Чуть позже, 20 ноября 1956 г., Политбюро ЦК СЕПГ принимает постановление о подавлении всех вражеских вылазок и провокационных групп в университетах, за которым последовали аресты студентов в Лейпциге и Йене, Дрездене и Берлине.

Несмотря на репрессивный финал десталинизации в Восточной Германии, стоит отметить и ее важный терапевтический эффект для послевоенного немецкого общества. Ситуация хаоса в дискурсивном порядке диктатуры позволила населению впервые нарушить предписанное государством молчание и открыто заговорить о наиболее болезненных проблемах. Так, с пересмотром имиджа Сталина вновь на повестке дня оказался болезненный для немцев территориальный вопрос о восточной границе по Одеру и Нейсе. Установление германопольской границы после Второй мировой войны, повлекшее за собой массовые выселения немецкого населения из Силезии, оставило в памяти жителей приграничных областей глубокую травму. Однако до 1956 г. данная тема, хотя порой и поднималась очень робко, но оставалась риторическим табу. Лишь после XX съезда КПСС в приграничных с Польшей районах были зафиксированы открытые призывы к пересмотру границы, которая в новых условиях стала называться не иначе как «очередная ошибка сталинской национальной политики»². В округах Коттбуса и Франкфурта-на-Одере распространялись разговоры, в которых «установление границы по Одеру и Нейсе имело своей целью окончательно посорить поляков и немцев и создать новый очаг постоянных раздоров в Восточной Европе»³.

Более того, десталинизация использовалась населением для примирения с собственным прошлым, что вело к преодолению навязываемых советской пропагандой чувства вины и стыда за преступления в ходе Второй мировой войны. Критика культа Сталина позволила немцам по-новому взглянуть на собственный опыт культа Гитлера и

¹ Ansorg L. Kinder im Klassenkampf: die Geschichte der Pionierorganisation von 1948 bis Ende der fünfziger Jahre. Berlin, 1997. S. 152–153. Kowalczuk. Zwischen Hoffnungen und Krisen. S. 28–29.

² Neue Argumente zum XX. Parteitag der KPdSU (5. Bericht). Bl. 38.

³ Из справки консульства СССР во Франкфурте-на-Одере «Отклики населения округов Франкфурт-на-Одере и Коттбус на итоги XX съезда КПСС» // Доклад Н. С. Хрущева. С. 650.

отказаться от ярлыка «немецкой предрасположенности» к культуре лидера. «Нас немцев упрекают, что мы участвовали в отправлении культуры Гитлера, а ведь советские люди сами делали то же самое со Сталиным», – рассуждал студент в одном из разговоров с сокурсниками¹. Также рост антирусских настроений позволил бывшим в советском плену немцам, возвратившимся в Восточную Германию с ярлыком «военный преступник», впервые нарушить политику официального молчания и открыто поделиться своими воспоминаниями о пребывании в СССР². Таким образом, официальная ревизия имиджа Сталина сделала возможным начало коллективной эмоциональной работы с травматичным для немцев опытом депортаций, насилия и территориальных потерь.

Подведем итоги. Практически все слои восточногерманского общества оказались втянутыми в дискурс десталинизации и приняли участие в ревизии имиджа Сталина. Наблюдая безмолвие и несостоятельность режима в управлении дискурсом десталинизации, население использовало московскую ревизию образа «вождя» для расширения границ дозволенной риторики и поведения: от артикулирования личных обид в адрес власти до выплеска ранее табуированных коллективных эмоций и опыта. Западные массмедиа и Восточное бюро СДПГ попытались управлять умонастроениями восточных немцев. Созданный ими в ГДР альтернативный информационный фон привел к формулировке политических, экономических, социальных требований, сводившихся к отставке Ульбрихта и необходимости проведения либеральных реформ. Как следствие, главным результатом десакрализации Сталина стало, по меткому замечанию домохозяйки из Шмалькальдена, «политическое банкротство СЕПГ»³. Масштабы и характер дискуссий о Сталине обнажили кризис доверия населения к власти: не только по отношению к политической элите, но и к восточногерманской государственности в целом. Демонстрация этого недоверия охватывала широкий спектр практик: от выхода из партии и массовых организаций до игнорирования партийных собра-

¹ Stimmung zur Veröffentlichung des Genossen Walter Ulbricht über den XX. Parteitag der KPdSU (2: Bericht). Bl. 24.

² Stimmungsbericht aus Brikettfabrik Senftenberg. Berlin, den 12.11. 1956 // AdSD. SPD-PV-Ostbüro 0361 IV, unpag. См. также: Morina C. Instructed Silence, Constructed Memory: The SED and the Return of German Prisoner of War as “War Criminals” from the Soviet Union to East Germany, 1950–1956, in: Contemporary European History. 13, 3. (2004). P. 323–343.

³ Hetze gegen den Genossen Walter Ulbricht. Bl. 104.

ний, от сжигания сталинских произведений до бегства в Западную Германию¹.

Лишение ореола сакральности персоны Сталина способствовало росту тревоги перед будущим, так как «вождь» пропагандировался в роли патрона немецкого народа и гаранта мира, стабильности и процветания. Исчезновение сакрального центра из символической политики Восточной Германии обернулось крахом ожиданий и надежд, инвестируемых населением в режим СЕПГ и создававших хотя и малый, но все же кредит доверия к диктатуре. Население задавалось вопросами о том, суждено ли вообще сбыться надеждам, что будет решен германский вопрос, создано единое государство, улучшатся потребительские стандарты – теми вопросами, которые в пропаганде ранней ГДР связывались с именем советского лидера. Десталинизация одним махом перечеркнула не только все усилия пропаганды, но и ожидания населения. Поэтому общество приступает к поиску новых носителей коллективных надежд – политических фигур, способных аккумулировать доверие населения. Возможно, коллективную базовую потребность в ощущении защиты и покровительства отражало сообщение о том, что на место снятых портретов Сталина в местечке Бинц были вывешены портреты новых советских лидеров – Булганина и Хрущева². Об изменениях в культурно-символическом ландшафте Восточной Германии и поиске антикризисных репрезентаций власти в условиях десталинизации пойдет речь в завершающей части книги.

5.3. Кризис публичного символизма и поиск антикризисных репрезентаций власти

Десталинизация вызвала кризис и глобальную перестройку культурно-символического ландшафта Восточной Германии. Ярким показателем этого кризиса стало празднование Первой 1956 г. Впервые после завершения войны Москва по собственной инициативе выступила не за централизацию репрезентаций власти

¹ Процесс десталинизации спровоцировал массовое бегство восточных немцев в Западную Германию. Только в первом квартале 1956 г. цифра выбывших из ГДР достигла 75 200 человек. Приблизительно 40 % уезжавших находились в возрасте от 15 до 35 лет, около 14 % из них являлись членами политических партий и массовых организаций. Найти новую родину в ФРГ решилось около 25 тысяч членов ССНМ и более 8 тысяч членов СЕПГ. См.: Staritz D. Geschichte der DDR. Frankfurt a.M., 1996. S. 149.

² BStU, ZS MfS–AS Nr. 216 / 56, Bl. 160.

на периферии, а делегировала социалистическим странам право на самоопределение по одному из принципиально важных вопросов – оставить портреты Сталина в колоннах демонстраций или нет¹. Как следствие, организация главного праздника солидарности трудящихся показала асинхронность и центробежные тенденции в послевоенной советской империи. В ГДР особого распоряжения об оформлении колонн демонстрантов издано не было. В Китае изображения «вождя всех народов» по-прежнему присутствовали в декорациях праздника. А в Польше колонны демонстрантов были украшены портретами не только нынешних руководителей, но и репрессированных Сталиным в 1930-е гг. польских коммунистов². Таким образом, Москва впервые позволила Периферии определенную долю самостоятельности в осуществлении символической политики, которая была использована «странами народной демократии» для начала спонтанной, а впоследствии все более организованной десталинизации в сфере публичного символизма.

К лету 1956 г., после первых реакций шока и растерянности, режим СЕПГ приступает к реализации политики забвения советского лидера, которая заключалась в удалении всех репрезентаций культа Сталина из публичного пространства. Так, в июле 1956 г. Аллея Сталина в Лейпциге была переименована в Людвиг-Ян-Аллею. Месяц спустя там же с площади имени Карла Маркса исчезла статуя советского лидера. Официальной причиной удаления памятника стало строительство нового спортивного комплекса. В августе 1956 г. в Восточном Берлине при выходе из здания станции городской железной дороги «Аллея Сталина» был снят портрет «вождя». Наряду с удалением всех знаков – напоминаний о культе Сталина из публичных зон в адрес ЦК СЕПГ шел поток писем, в которых промышленные предприятия и учебные заведения, ранее с почетом носившие имя И. В. Сталина, просили избавить их от опального имени *чужого* «вождя». Уже первые инициативы власти по очищению публичного пространства были позитивно встречены населением. Например, солдаты народной полиции радовались избавлению от репрезентаций «абсолютно чуждого государства» и призывали вернуться к почитанию Э. Тельмана, аргументируя это тем, что «как минимум этот

¹ Постановление Президиума ЦК КПСС «Проект сообщения для ЦК коммунистических и рабочих партий стран народной демократии о порядке оформления первомайских демонстраций», 18 апреля 1956 г. // Доклад Н. С. Хрущева. С. 295–296.

² Прозуменщиков. «Секретный» доклад Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС. С. 23.

вождь был немцем»¹. Таким образом, начиная с лета 1956 г. наблюдается новое отторжение населением советизированного публичного пространства. Вновь происходит дифференцирование культов на *своих* (немецких) и *чужих* (советских).

Постепенно режим СЕПГ приступает к всеохватывающему табуированию воспоминаний о Сталине. В первую очередь, было необходимо провести ревизию официального дискурса власти. Так, Институт Маркса – Энгельса – Ленина – Сталина при ЦК СЕПГ был переименован в Институт марксизма-ленинизма. Издание полного собрания сочинений советского лидера было прекращено. В сентябре 1956 г. переименованный институт представил партийным авторитетам документ, в котором была собрана подборка малоизвестных цитат из трудов Маркса и Энгельса, Р. Люксембург и К. Цеткин, К. Либкнехта и А. Бебеля о принципах коллективного руководства и критике культа личности². Появление данного документа свидетельствовало о глубоком кризисе официального дискурса власти, с одной стороны, и указывало на острую потребность СЕПГ в новой риторике «коллективного управления» из работ именно *немецких* лидеров рабочего и революционного движения – с другой.

Ревизия дискурса власти требовала проведения дальнейших чисток в различных сферах повседневной жизни немцев. Например, экскурсии по дворцовому комплексу Цецилиенхоф – месте проведения Потсдамской конференции в августе 1945 г. – с традиционным рассказом «о великой роли Сталина в немецкой истории» отменялись. Книга «Нас воспитал Сталин» изымалась из продажи, а ее выдача в библиотеках запрещалась. Письменное сообщение о запрете на чтение, продажу и выдачу данной книги было разослано самим издательством во все книжные магазины и библиотеки. В целом продажа всех сталинских произведений приостанавливалась, а сами книги складировались в запасниках издательств. Также из кинопроката изымались традиционные для пропаганды советских «вождей» киноэпопеи: «Клятва», «Падение Берлина», «Встреча на Эльбе». А всем школам к началу нового учебного года предписывалось удалить портреты Сталина и заклеить, вырезать или вырвать все тексты о «вожде» в школьных учебниках³.

¹ Nachrichten aus Torgelow, 3.9.1956 // AdsD, SPD–PV–Ostbüro 0043 L, unpag.

² Angaben und Auszüge zu Fragen des innerpolitischen Lebens der Partei, von Marx, Engels, Bebel, Luxemburg, Libknecht, Zetkin. Zusammengestellt von der Marx-Engels-Abteilung des Instituts für Marxismus-Leninismus. Berlin, den 19.09.1956 // SAPMO–BArch, DY 30 / IV 2 / 9.03 / 35. Bl. 63–65.

³ AdsD, SPD–PV–Ostbüro 0322 II, unpag.

Предметы культа личности, являвшиеся вплоть до февраля 1956 г. символами режима, перемещаются из центра в теневые зоны публичного пространства – удаляются с видных мест, убираются в кладовые и запасники, скапливаются на складах в виде не востребовавшей макулатуры, прикрываются материей, скрываются в подсобных помещениях – под лестницами, в подвалах, неприметных углах и закоулках, то есть в скрытых от глаз широкой общественности местах¹. Внезапное исчезновение репрезентаций культа личности: отсутствие изображений «вождей» в декорациях трибун партийных съездов, демонстраций и митингов, повсеместный демонтаж красных уголков, закрытие кабинетов «вождей», снятие портретов и лозунгов с цитатами привело к образованию пустот. Первоначально власть пыталась заполнить или замаскировать пустые места более нейтральными, непersonифицированными, национальными и имперскими символами. Вместо портретов размещаются в больших количествах восточногерманские и советские флаги, цветы, эмблемы партии и массовых организаций. В визуальной культуре социализма появляются коллективные изображения рабочих, крестьян и интеллигенции, публичные репрезентации которых соответствовали пропагандируемому принципу «коллективного управления» (ил. 35).

С опустением публичного пространства вследствие исчезновения персонифицированных символов власти аппарат пропаганды был озабочен поиском новых антикризисных репрезентаций, существенная доля которых затрагивала реформирование традиции культа личности. В целях заполнения образовавшихся на волне десталинизации пустот была проведена перестановка фигур в пантеоне вождей. После командировки в Москву директор Института марксизма-ленинизма представил 1-му секретарю советского посольства А. Е. Каретникову план, согласно которому отныне пропаганде идей марксизма-ленинизма отводилось центральное место. В ней большое внимание уделялось популяризации немецких фигур, призванных укреплять национальную идентичность немцев. В июле 1957 г. в связи со 100-летием со дня рождения предполагалось от-

¹ Начавшийся процесс десталинизации в Восточной Германии мгновенно отразился на работе издательства, выпустивших к моменту публичной критики Сталина портретов «вождя» на несколько лет вперед. Отсутствие спроса привело к скоплению 16 тыс. портретов Сталина и 13 тыс. портретов Маленкова в издательстве «Ди Кунст». Несмотря на то, что тиражи произведений «вождя» сдавались в макулатуру, на складах издательства «Дитц» «лучших времен ожидало 491 тыс. экземпляров собрания сочинений Сталина». См.: Barck, Langemann, Lokatis. „Jedes Buch ein Abenteuer“. S. 67–68.

крыть музей К. Цеткин в Биркенвердере (Потсдамский округ). Всем окружным и районным комитетам партии Отдел пропаганды и агитации при ЦК СЕПГ предписывал провести 5 июля 1957 г. лекцию о роли Цеткин в борьбе за права женщин и о демократических правах женщин в ГДР¹. Далее в Берлине было запланировано создание музея Эрнста Тельмана². В мае и июле 1960 г. Директор Института марксизма-ленинизма Л. Эйнике обращается к директору Отдела агитации и пропаганды, пытаясь ускорить издание произведений Р. Люксембург³. В июле 1961 г. партия начинает кампанию по подготовке празднования 90-летия со дня рождения Карла Либкнехта, которая должна была увенчаться открытием музея⁴. Новое открытие национальных культов личности было призвано компенсировать исчезновение Сталина из пантеона вождей и апеллировать к национальным чувствам немцев.

Для сохранения имперской иерархии и персонифицированного мотива германо-советской дружбы было провозглашено возвращение к «ленинским нормам», обернувшееся утверждением культа Ленина. Еще до начала десталинизации, в феврале 1956 г., СЕПГ заявила о необходимости издания полного собрания сочинений Ленина на немецкой языке⁵. После разоблачения преступлений советского диктатора международная сталинская премия была переименована в Международную ленинскую премию за укрепление мира между народами. Утверждение культа Ленина завершалось к 90-летию со дня его рождения в 1960 г. Подготовка праздника проходила по традиционной схеме: предусматривалась установка памятников и бюстов, издание полного собрания сочинений, выпуск портретов и плакатов, организация выставок и размещение мемориальных памятных досок, издание серии почтовых марок и открытие музеев в

¹ 100. Geburtstag von Clara Zetkin. Berlin, den 24.06.1957 // SAPMO-BArch, DY 30 / IV 2 / 9.02 / 48. Bl. 85.

² Из дневника 1-го секретаря Посольства СССР в ГДР А. Е. Каретникова: Запись беседы с директором института марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ Людвигом Эйнике // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 27. Л. 62.

³ Neuauflage von R. Luxemburg, Ausgewählte Reden und Schriften. Berlin, den 14.07.1960 // SAPMO-BArch, DY 30 / IV 2 / 9.02 / 32. Bl. 27.

⁴ SAPMO-BArch, DY 30 / IV 2 / 9.02 / 55. Bl. 15–16 (Dresden, den 25. Juli 1961): Konzeption zur Neugestaltung der August-Bebel-Wilhelm-Liebknecht-Gedenkstätte im Schloss Hubertusburg in Wermisdorf. Oschatz, den 4.05.1963 // SAPMO-BArch, DY 30 / IV A 2 / 9.03 / 71, unpag.

⁵ Werke W. I. Lenins vollständig herausgeben, in: Neues Deutschland. 24. Februar 1956. Nr. 47. S. 4.

Лейпциге и Берлине¹. Отдел агитации и пропаганды при ЦК СЕПГ выпустил методические материалы, в которых давал детальные рекомендации для проведения праздника, предоставлял лекторам материалы для выступления на собраниях, лекциях и торжественных заседаниях². Вся работа органов пропаганды была подчинена цели создания ленинского имиджа «вождя и учителя международного рабочего движения».

Москва с тревогой следила за процессами десталинизации за границами Советского Союза. Наблюдая многоголосие интерпретаций и неуправляемость дискурса десталинизации как в СССР, так и за его пределами, руководители КПСС принимают ряд мер, нацеленных на дисциплинирование населения и приведение широкого спектра мнений о Сталине к единому партийно-государственному знаменателю. 30 июня 1956 г. Президиум ЦК КПСС утверждает «Проект постановления ЦК КПСС о преодолении культа личности и его последствий»³. В начале июля этот документ был переведен и опубликован в «Нойес Дойчланд». В нем ЦК КПСС признавал наличие явлений культа личности, осуждал репрессии, но самое главное – подчеркивал сплоченность партии и народа на пути к избавлению от подобных ошибок⁴. Возвращение на позиции марксизма-ленинизма объявлялось главной стратегией в преодолении культа личности на пути утверждения принципов коллективного руководства. «Грубой ошибкой» и «абсолютно неправильными» назывались мнения о влиянии культа личности на деформацию советской политической системы и на поиск источника культа личности в природе большевистской власти⁵. Власть использовала риторику обострения классово-борьбы и холодной войны, чтобы приписать все выходящие за рамки этого документа мнения врагам советского строя. Документ заканчивался призывом соблюдать установленные государством и партией риторические нормы, мобилизовать усилия для строительства социализма и укреплять единство стран народной демократии.

¹ Vorbereitungen zum 60. Geburtstag von W. I. Lenin am 22. April 1960 // SAPMO–BArch, DY 30 / IV 2 / 9.02 / 32. Bl. 17–18. Об аналогичных тенденциях возрождения культа Ленина в СССР см.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 55. Д. 6–7. Л. 66.

² Vorbereitung und Durchführung des 90. Geburtstages von W. I. Lenin am 22. April 1960. Berlin, den 21.12.1959 // SAPMO–BArch, DY 30 / IV 2 / 9.02 / 16. Bl. 160–164.

³ Постановление Президиума ЦК КПСС «Проект постановления ЦК КПСС о преодолении культа личности и его последствий», 30 июня 1956 г. // Доклад Н. С. Хрущева. С. 352–368.

⁴ Там же. С. 355.

⁵ Там же. С. 361.

Таким образом, настоящий документ являлся одной из первых попыток с советской стороны взять под контроль дискурс десталинизации за пределами СССР.

Отныне московский текст должен был стать основой для ведения всех дискуссий по вопросу о Сталине в ГДР. Тотчас же в рядах СЕПГ прозвучало официальное признание о наличии явлений культа личности в партии. Обвинения в установлении собственного культа личности посыпались в адрес В. Ульбрихта. 3 июля 1956 г. на заседании Политбюро Ф. Эльснер обрушился с критикой на Первого секретаря ЦК СЕПГ: «До настоящего времени мы все еще так и не начали правильное подведение итогов XX съезда. [...] В связи с этим возникает важный для нас вопрос: существует ли в СЕПГ культ личности. Да, конечно, он существует и базируется на режиме единоличной власти, установленном Вальтером Ульбрихтом»¹. Также советский посол в Берлине делился своими наблюдениями о негативных проявлениях культа Ульбрихта в СЕПГ: излишнем цитировании и самоцитировании, повсеместном вывешивании его изображений и плакатов. Но, несмотря на внутрипартийную критику, позиции и статус Ульбрихта остались непоколебимы.

Более того, на XXX конференции ЦК СЕПГ в феврале 1957 г. Ульбрихт начинает ограничение дискурса десталинизации и выступает за частичную реабилитацию Сталина: «Неприятель намеренно критиковал определенные ошибки товарища Сталина для осуждения всей его деятельности. [...] Доклад на закрытом заседании XX съезда КПСС касался исключительно вопросов культа личности и его последствий, в особенности нарушений советского законодательства. Цель доклада не заключалась в том, чтобы дать оценку прошлому, заслугам и определенным ошибкам товарища Сталина. [...] Было правильно, что советское правительство и товарищ Сталин после захвата власти Гитлером приняли необходимые меры безопасности. При этом товарищ Сталин в определенное время злоупотребил советскими законами»². Данное заявление Ульбрихта отвечало духу времени, то есть постепенному свертыванию десталинизации, открывая путь к преследованию политического инакомыслия и утверждению культа Первого секретаря партии.

1958 г. стал периодом окончательного утверждения культа Ульбрихта. Ему наконец-то удалось с широким размахом и государ-

¹ Цит. по: Ansgor. Kinder im Klassenkampf. S. 150.

² Ulbricht W. Grundfragen der Politik der SED, in: Neues Deutschland. 5. Februar 1957. S. 1.

ственными почестями отпраздновать свой 65-й день рождения. Как отмечалось ранее, подготовка к празднованию его 60-летия в 1953 г. была свернута вследствие июньского восстания. Но на этот раз юбилейные торжества отличались особым пафосом. Газеты печатали многочисленные обещания верности, преданности и любви к Ульбрихту. Й. Бехер написал биографию «сына рабочего класса», назвав его примером нового человека. А. Абуш назвал Ульбрихта «воплощением витальной силы партии, последовательно борющейся с немецким империализмом»¹. П. Вернер охарактеризовал руководителя ГДР в качестве «примера и образца всей трудящейся молодежи и всего молодого поколения»². Во второй раз Ульбрихт получил титул «герой труда», добавив его в свою копилку высших государственных наград и званий, в том числе к ордену за заслуги перед отечеством, ордену Карла Маркса и званию почетного гражданина Берлина. Явные знаки утверждения культа Ульбрихта нашли отражение в словах рабочего из округа Ауэ: «У нас продолжается осуществление политики культа личности. Мне не встречались советские почтовые марки, на которых был бы изображен Хрущев, а также не известны заводы и стадионы, носившие бы его имя. Напротив, в ГДР повсюду можно встретить имя Вальтера Ульбрихта и даже на почтовых марках находится его изображение»³.

Следующий шаг на пути к возвращению пропаганды культа государственного лидера был сделан годом позже в связи с празднованием 10-летия со дня основания ГДР. Работа органов пропаганды сосредоточилась на популяризации Пика, Ульбрихта и Гротевоя как центральных лиц – репрезентантов восточногерманской государственности. Их изображения заняли центральное место в оформлении публичного пространства, их имена звучали повсюду в лозунгах и в печати, на радио и на телевидении в связи с первым значительным государственным юбилеем⁴. Следующий 1960 г. – год подготовки и празднования больших юбилеев В. Пика и В. Ленина – окончательно утвердил возвращение культа личности в символическую поли-

¹ Abusch A. Über die revolutionären Methoden des Genossen Walter Ulbricht, in: Einheit. Nr. 6, 1958.

² Verner P. Leben und Kampf des Genossen Walter Ulbricht, Vorbild für jedes Parteimitglied, in: Neuer Weg. Nr. 12, 1958.

³ Stimmung der Bevölkerung zum XXII. Parteitag der KPdSU. Karl-Marx-Stadt, den 5.11.1961 // BStU, AS Chemnitz, CAKG-24, Pl 266 / 61. Bl. 298.

⁴ Например, см.: Lösungen des ZK der SED, des Ministerrates der DDR und des Nationalrates der Nationalen Front des Demokratischen Deutschlands zum 10. Jahrestag der Gründung der DDR // SAPMO-BArch, DY 30 / IV 2 / 9.02 / 16. Bl. 99.

тику как средства легитимации коммунистических режимов власти¹. В апреле 1960 г. Отдел пропаганды и агитации при ЦК СЕПГ обращается в редакции окружных газет с призывом провести поиск всех статей, текстов речей и стенограмм выступлений руководителей ГДР, а также фотографий и картин о Пике, Ульбрихте и Гротевале и переслать их в ЦК для разработки истории немецкого рабочего движения после 1945 г.² Собранные материалы предписывалось заархивировать в Институте марксизма-ленинизма в качестве достояния национальной памяти. Отныне их использование подлежало контролю со стороны партии и стало показателем роста их символического значения в обосновании легитимности восточногерманской государственности.

В данном контексте реставрации культов государственных лидеров в Восточной Германии вновь несколькими неожиданными выглядят решения XXII съезда КПСС, давшие новый импульс десталинизации. В ночь с 31 октября на 1 ноября 1961 г. тело Сталина было вынесено из Мавзолея Ленина и захоронено у Кремлевской стены. Этот глубоко символичный жест стал знаком «политической смерти» советского диктатора и послужил сигналом к окончательному удалению репрезентаций культа Сталина из публичного пространства ГДР. В ночь с 13 на 14 ноября в Восточном Берлине был демонтирован памятник Сталину. В Веймаре и Виттенберге улицы, носящие имя Сталина, получили другие названия³. По наблюдению одного из рабочих берлинского предприятия имени И. В. Сталина в Трептове, все портреты и бюсты «вождя» были окончательно сняты и складированы в небольшой будке неподалеку от заводского стадиона. На табличках и этикетках товаров, предназначенных для экспорта, имя Сталина исчезло без каких-либо объяснений со стороны руководства⁴.

Кризис доверия к власти, усиленный второй волной десталинизации, привел к утрате веры в жизнеспособность, ресурсы и будущее режима. Так, сама идея коммунизма представлялась абстрактной и непонятной в рассуждении женщины из Плауе округа Флена, сказавшей на поводу постановления XXII съезда КПСС о программе строительства коммунизма до 1980 г. следующее: «Я не могу себе

¹ Anlage Nr. 3 zum Protokoll Nr. 41 vom 9.9.1960 // SAPMO-BArch, DY 30 J IV 2 / 2 / 722, Bl. 10–11. См. также: Behrends J. C. Nach dem Führerkult. Repräsentationen des Generalsekretärs im kommunistischen Polen und in der DDR (1956–1989), in: Münkler, Seegers. Medien und Imagepolitik im 20. Jahrhundert, S. 57–83.

² An alle Chefredaktionen der Bezirkszeitungen. Berlin, den 19.04.1960 // SAPMO-BArch, DY 30 / IV 2 / 9.02 / 32. Bl. 22.

³ Telegraf. 26. November 1961.

⁴ Stimmungsbericht aus VEB-EAW-“J. W. Stalin” in Berlin Treptow. Berlin, den 9.11.1956 // AdsD, SPD-PV-Ostbüro 0361 IV, unpag.

представить, что же будет, когда наступит коммунизм и эпоха изобилия. Отменят ли тогда работу? Закроют ли заводы? Что будет с рабочими силами? Как общество будет развиваться дальше или же наступит конец света?»¹ Новые инициативы властей скорее вызывали у населения настороженность, нежели рождали ощущение стабильности и защищенности. Большинство восточных немцев вопрос о том, что же будет в далеком и судьбоносном 1980 г., просто не интересовал. Осенью 1961 г. население привыкало к организации будней с Берлинской стеной и, согласно отчетам Штази, было озабочено решением бытовых проблем, остро стоявших на повестке дня: «вопросом о снабжении картофелем, обеспечении моющими средствами, мясными изделиями и лампочками»². Повседневность заставляла бороться за выживание и нормализацию жизни, что очевидно и привело к рождению фразы: «Хрущев навредил нам больше Сталина, потому что он построил стену»³.

Обратимся к выводам. Лишь после первого внутривластного послания о пересмотре образа Сталина из Москвы в феврале 1956 г. режим СЕПГ переходит к политике забвения и табуированию воспоминаний о советском «вожде». Этот процесс завершается в 1961 г. после политической смерти «вождя» – выноса его тела из Мавзолея и захоронения у Кремлевской стены. Периферия реагировала в унисон Центру, удаляя все репрезентации Сталина из публичного пространства. Имя Сталина исчезло из имперского дискурса. Портреты, памятники, бюсты «вождя» демонтировались. Ритуалы культа Сталина отменялись. Волна иконоборчества привела к вспышке антисоветских народных восстаний, наиболее ярко проявившихся в Польше и Венгрии. Десталинизация привела к кризису системы публичного символизма, заставив власть искать новые антикризисные репрезентации режима. Как следствие, происходит расцвет малых национальных культов и культа Ленина. Однако попытки расставить новые акценты в пропаганде «выдающихся личностей» не снискали популярности не только среди населения, но и у самой власти. После второго сигнала десталинизации из Москвы, прозвучавшего на

¹ Stimmung der Bevölkerung zum XXII. Parteitag der KPdSU. Karl-Marx-Stadt, den 2.11.1961 // BStU, Außenstelle Chemnitz, Informationen an den 1. Sekretär der SED-Bezirksleitung, САКГ–26, PI 265 / 61. Bl. 302.

² Stimmung der Bevölkerung zum XXII. Parteitag der KPdSU. Karl-Marx-Stadt, den 15.11.1961, in: BStU, Außenstelle Chemnitz, Informationen an den 1. Sekretär der SED-Bezirksleitung, САКГ–26, PI 282 / 61. Bl. 251. Также см.: SAPMO–BArch, DY 30 / IV 2 / 9.02 / 6. Bl. 39–42.

³ Отчет о поездке в ГДР Б. Браинина с 17 ноября по 16 декабря 1964 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 55. Д. 131. Л. 79.

XXII съезде КПСС, в ноябре 1961 г. ночью исчез берлинский памятник Сталину. Можно сказать, что, убрав памятник советскому диктатору, Восточная Германия осталась с голым пьедесталом, оказавшись в тупике партийно-государственных репрезентаций. Двойная десакрализация Сталина в 1956 и 1961 годах привела к краху проекта по конструированию сакрального центра послевоенной советской империи. Провал данного транснационального проекта символической политики сталинизма отражен в признании одного из секретарей ЦК КПСС Аверкия Аристов: «Хотели сделать бога, а получился черт»¹.

¹ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т. 1: Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы / гл. ред. А. А. Фурсенко. М., 2004. С. 98–103, здесь с. 102.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Настоящая книга представляет собой первый комплексный анализ культа Сталина на периферии послевоенной советской империи – Восточной Германии – в широком хронологическом срезе с 1945 по 1961 г. Культ личности «вождя» являлся главным проектом символической политики в послевоенной советской империи, нацеленным на объединение различных наций, этнических групп и государств в единое политическое тело – культовое сообщество с интеграционным центром в образе Сталина. Сама послевоенная советская империя представляла собой воображаемое культовое сообщество, территориальные и символические границы которого охватывали содружество социалистических стран в отграничении от западного капиталистического мира. Миф о «вожде» представлял собой интеграционный нарратив, предлагая участникам проекта новые значения и смыслы послевоенного строительства, организации повседневности и концептуализации «нового человека» для «нового времени». Гомогенность культового сообщества поддерживалась за счет формирования единого дискурсивного и ритуального порядка, способствовавшего синхронизации политической жизни в странах Центральной и Восточной Европы. Особенно в период наивысшего развития сталинизма с 1949 по 1953 г. культ Сталина представлял собой действенный инструмент символической политики для подчинения периферийных режимов Центру и провозглашения имперской иерархии, ее закрепления в визуально-дискурсивных репрезентациях и экспансии идеологии в повседневные практики.

Как показывают исследования о коммунистических культах лидеров как в СССР, так и в европейских обществах советского типа, советизация содержала в себе сильный компонент символической политики, нацеленный на формирование единого пространственного измерения. Создание послевоенной советской империи базировалось на принципе организации концентрических кругов, расходящихся от сакрального центра, который был локализован в Москве и персо-

нифицирован в образе Сталина¹. Поэтому созданию репрезентаций близости периферийных политических режимов к Кремлю и лично к Сталину уделялось большое внимание, что стало двигателем советизации Центральной, Южной и Восточной Европы. На конструирование близости к сакральному центру, то есть к персоне Сталина, работали как воспроизводство нарративов и имиджей пропаганды в массмедиа, изобразительном и театральном искусстве, кино и архитектуре, так и организация ритуалов культа и кампаний пропаганды в официальных публичных сферах. Данная политика символизма преследовала двойную цель: перенесение сакральности советского лидера на локальные правительства и партии за счет инсценировки тесной сплоченности с Центром, с одной стороны, и легитимирование периферийных режимов с помощью культа вождя через организацию гомогенной пространственной и временной, ритуальной и дискурсивной сферы послевоенной советской империи – с другой. Оформление единой системы публичного символизма по советскому образцу содействовало ритуализации публичной жизни и политики, стимулировало советизацию политических ритуалов и языка, обращившись политизацией повседневности. Другими словами, культ Сталина содействовал советизации Восточной Германии, заставляя население говорить, действовать и чувствовать «по-советски».

2. Специфика восточногерманского варианта советизации заключалась в столкновении советских властных структур с вчерашним врагом. Перед СВАГ стояла задача перевоспитания немецкого общества, идентичность которого в Третьем рейхе определялась массовым участием в культе Гитлера. Поэтому трудно было поверить, что спустя лишь несколько лет после завершения войны репрезентации Сталина оккупировали публичное пространство и официальный дискурс, а рядовые немцы становились лояльными участниками культовых практик и ритуалов почитания советского лидера. Проведенный мной анализ позволяет сделать заключение, что именно безоговорочная капитуляция и поражение немцев во Второй мировой войне сделали возможным утверждение культа Сталина в ГДР. Его функционирование в Восточной Германии опиралось на поддержание коллективного чувства вины и одновременное предложение искупить вину, заслужить прощение через приобщение к культовым практикам и

¹ См.: Brooks. Thank you, comrade Stalin!, chapter 3; Dobrenko, Naiman. The Landscape of Stalinism, especially chapters of C. Klark and J. Plamper; Rolf. Working Towards the Centre: Leader Cults and Spatial Politics; Apor B. Spatial Aspects of the Communist Leader Cult: The Case of Matyas Rakosi in Hungary, in: Apor, Apor, Rees. The Sovietization of Eastern Europe. P. 149–169; Плампер. Алхимия власти. С. 136–179.

установление «дружбы» с Советским Союзом. Мобилизация чувства вины и стыда за военные преступления со стороны оккупационных властей и руководителей СЕПГ позволили совершить невозможное: представить Сталина не врагом, а «лучшим другом», «учителем» и «покровителем» немецкого народа, наделенным высшим моральным правом прощения немецкой нации и избавления граждан от угрызений совести.

Култ советского лидера обещал немцам стать «победителями истории», а не проигравшей стороной. Вместо памяти о позоре поражения, стыде и потере чести немецкой нации культ советского вождя содержал в себе предложение установить новые традиции германо-советской дружбы и риторику антифашистского сопротивления. Новый метанарратив был призван порвать с национал-социалистическим прошлым, сделать из немцев «друзей» Советского Союза и указать пути к достижению «светлого будущего». С образованием «второго немецкого государства» – Германской Демократической Республики – культ Сталина был объявлен делом чести каждого немецкого патриота и общенациональным проектом, представлялся пропагандой центральным интеграционным символом, призванным легитимировать восточногерманское государство, генерировать новые коллективные смыслы и компенсировать чувство национальной идентичности за счет принадлежности к культурному сообществу – блоку социалистических государств. Поклонение Сталину предлагало переосмысление концепций национальной гордости, чести и патриотизма, табуированных вследствие падения Третьего рейха, но получивших шанс на реабилитацию и новое смысловое наполнение в практиках выражения солидарности с Советским Союзом.

Култ Сталина был нацелен на создание «нового человека» в «новой, антифашистской, демократической и миролюбивой Германии». Он предлагал идеальный стиль жизни для верных режиму лиц, определял гендерные роли и телесные практики, способствуя дисциплинированию субъекта и его включению в систему властных отношений. Култ Сталина создавал смысловую систему координат, принятие которой открывало доступ к пространствам, механизмам и ролям, обещавшим индивиду успешную интеграцию в политизированную повседневность социалистической диктатуры. Включение в матрицу публичного символизма стимулировало самосоветизацию индивида за счет возможности усвоения официального языка, предписанных моделей поведения и пропагандируемых эмоций. Но, несмотря на мобилизацию ресурсов пропаганды и террора, в популярном восприятии немцев Сталин по-прежнему персонифицировал

«еврейско-большевистскую угрозу» и опасность панславизма для западной цивилизации. Советский лидер на протяжении всей ранней истории ГДР являлся символом поражения и напоминанием о бесчестии немецкой нации, а потому так охотно подвергся забвению и осквернению на волнах десталинизации в 1956 и 1961 гг.

3. В отличие от авторитетных исследований феномена иконоборчества, рассматривающих его как исключительный признак революционных эпох¹, я анализирую иконоборчество в качестве нормального способа повседневного поведения акторов в авторитарных обществах. Через практики иконоборчества субъект интерпретировал окружающий мир и генерировал смыслы для жизни в чрезвычайно изменчивых пространствах и контекстах. Одновременно мое исследование – это дальнейшая попытка предложить модель изучения силы воздействия и модальностей восприятия культов личности в обществах советского типа. В то время как большинство исследований о культах лидеров не выходит за рамки рассмотрения вопросов о конструировании культов, их продуцентах и создании официальных репрезентаций сверху, я делаю шаг вперед и предлагаю совершенно новый взгляд на значение культов личности и иконоборчества в механизмах стабилизации политического порядка диктатуры.

В настоящей книге я исследовал феномен иконоборчества в отношении символов власти в двух направлениях: иконоборчество *сверху* как политика государства и партии, с одной стороны, и иконоборчество *снизу* как социальная практика населения – с другой. Комбинация данных уровней анализа чрезвычайно важна, так как позволяет посмотреть на феномен иконоборчества в авторитарных системах как взаимообусловленный торг между властью и обществом по поводу основ совместного существования. Иконоборчество создавало пространство символической визуальной коммуникации, в котором власть и население сталкивались друг с другом «лицом к лицу». При этом субъекты находили ресурсы изменять смыслы и значения пропаганды, пересматривать официальные дискурсивные границы, устанавливать барьеры на пути советского культурного трансфера в Восточную Германию. В отличие от исследований о доминирующей и репрессивной роли диктатуры в организации частной и публичной

¹ Например, см.: Gleason A., Kenez P., States R. (ed.). *Bolshevik Culture. Experiment and Order in the Russian Revolution*. Bloomington, Indianapolis, 1985; Kelly C., Sheperd D. (ed.). *Constructing Russian Culture in the Age of Revolution: 1881–1940*. New York, 1998; Figs O., Kolonitskii B. *Interpreting the Russian Revolution: the Language and Symbols of 1917*. New Haven, 1999; Boldrick S. (ed.). *Iconoclasm: Contested Objects, Contested Terms*. Burlington, 2007.

жизни общества я доказываю, что даже контролируемые и создаваемые властью общие места и публичные сферы являлись территорией поиска населением *Eigen-Sinn*¹ – ограниченных сфер относительной автономности субъекта, обладавшего способностью рационально действовать и артикулировать эмоции, приспособлять и подгонять насаждаемую сверху идеологию под собственные интересы и потребности, бороться за право изменять официальную семантику символов власти и устанавливать границы власти этих символов.

Я выделяю несколько этапов в динамике иконоборческих актов, которые показывают изменения во взаимоотношениях власти и населения с 1945 по 1961 г. В первые послевоенные годы и для новой власти, и для побежденного немецкого общества иконоборчество являлось составной частью процесса переосмысления прошлого. Советские оккупационные власти проводили зачистку публичного пространства от символов Третьего рейха и кайзеровской Германии при одновременном насыщении пространства символами победы во Второй мировой войне. Как следствие, иконоборческие жесты восточных немцев в 1945–1946 гг. – это реакции на первый визуальный контакт с советскими символами, коннотировавшими для населения поражение, оккупацию, апокалипсис немецкой нации и государства. Они демонстрировали стремление населения к примирению и ностальгии, дистанцированию или полному отказу от нацистского прошлого.

Иконоборчество в период с 1947–1948 по 1953 г. – это интерпретация настоящего: практики осмысления и понимания, приспособления и вживания в советизированную реальность. Одним из результатов советизации стало оформление системы публичного символизма. Новые символы власти формировали публичные сферы, в которых власть не только заявляла о своей легитимности, но и делала себя видимой, переживаемой и усваиваемой в каждодневном опыте индивида. Но новые символы и культы лидеров приживались с трудом. Не случайно данный период отличается наиболее сильным противостоянием власти и общества. На него приходится наибольшее упоминание практик иконоборчества в использованных мной источниках. Особенность практик иконоборчества на данном этапе состояла в проявлении коллективной работы над эмоциями: начала публичной демонстрации эмоциональной солидарности за счет дис-

¹ Lüdtke A. Geschichte und Eigensinn, in: Alltagskultur, Subjektivität und Geschichte: Zur Theorie und Praxis von Alltagsgeschichte, ed. by Berliner Geschichtswerkstatt. Münster, 1994. S. 139–153; Lindenberger T. Die Diktatur der Grenzen: Sabrow. Herrschaft und Alltag in der DDR.

танцирования от советских символов, дискурсов и ритуалов. Этот процесс свидетельствовал о постепенной реабилитации населения от груза поражения и потребности в эмоциональном конструировании национальной идентичности.

1953 г. стал вехой в восприятии иконоборчества населением и государством. Смерть Сталина в марте 1953 г., первые сигналы десталинизации из Москвы, июньское народное восстание по всей Восточной Германии заставили власть переосмыслить стратегии реагирования на антиправительственные выступления и перейти к более мягкой политике публичного символизма. Одним из результатов данного курса стало ситуативное насыщение публичного пространства символами власти с учетом опыта, популярных мнений и эмоций населения. В то же время население начинает более осознанно, смело и нацеленно использовать иконоборческие акции для давления на власть, артикулирования коллективных интересов и потребностей. Таким образом, после 1953 г. иконоборчество превращается в важный инструмент стабилизации диктатуры за счет переговоров населения с государством и договаривания о принципах совместного сосуществования. Данный механизм укрепления легитимности власти в ГДР был продемонстрирован на волне двойной десталинизации в 1956 и 1961 гг.: государственная политика иконоборчества относительно культа Сталина соответствовала популярным настроениям населения за счет укрепления национальных чувств немцев в пропаганде национальных культов личности при одновременном сохранении имперской иерархии во главе с Москвой за счет возрождения культа Ленина.

4. В современных исследованиях о культах личности вопросу о восприятии лидеров сквозь призму поколений и возрастных когорт не уделялось достаточного внимания. Проведенный мной анализ культа Сталина в Восточной Германии позволяет сделать ряд важных выводов о том, как структура поколений в послевоенной Германии повлияла на становление культа советского лидера, с одной стороны, и каким образом культ Сталина повлиял на оформление поколений в Восточной Германии – с другой.

Как уже упоминалось во второй главе книги, главным инициатором трансфера культа Сталина в Восточную Германию являлось «поколение патриархов». Оно состояло из представителей восточногерманской политической элиты, которым к 1949 г. было от 40 до 60 лет. В утверждении культа они видели гарантию осуществления собственных планов и легитимность артикулирования претензий на власть. В культе Сталина они усматривали возможность укрепления патронажных связей лично со Сталиным, а также оформление канала

идеологического трансфера из Советского Союза в ГДР для создания нового политического порядка при полном разрыве с прошлым кайзеровской Германии и Третьего рейха. «Поколение патриархов» прилагало все усилия, чтобы представить Сталина в роли «лучшего друга, учителя и покровителя немецкого народа» в совокупности с призывом выполнить моральный долг искупления немецкой вины за соучастие в военных преступлениях нацистов. Но принимался ли конструируемый «поколением патриархов» культ Сталина прочими поколениями восточногерманского общества?

Исследователи выделяют два поколения, сыгравших ключевую роль в формировании социальной базы режима СЕПГ. Речь идет о «поколении послевоенного восстановления» и «поколении детей ГДР». Могли ли они поверить в утверждение пропаганды о том, что советский лидер – «лучший друг немецкого народа»? Представители «поколения восстановления», родившиеся в конце 1920-х – середине 1930-х гг., оказались в наиболее щекотливой ситуации. С одной стороны, они верили в Гитлера, были членами массовых организаций Третьего рейха и солдатами на Восточном фронте в ходе войны. В 1945 г. они пережили крах планов на будущее, успешные сценарии реализации которых предлагал им нацистский режим. С другой стороны, именно в этом молодом поколении режим СЕПГ был заинтересован для экономического и политического возрождения Германии. Как следствие, к представителям именно этого поколения апеллировала пропаганда. Им были предоставлены шансы стремительного восхождения по социальной лестнице. Они получили возможность превратить поражение в победу, разочарование в восторг строительства социализма, ностальгию по «хорошему прошлому» в веру в «светлое будущее» и, наконец, Сталина из «врага» в «друга». Поклонение Сталину предоставляло им шансы получения образования и работы, доступа к дефицитным товарам и привилегиям. Как минимум публично представители «поколения послевоенного восстановления» инсценировали себя сторонниками режима СЕПГ: «они приспособлялись, интегрировались, разговаривали на языке партии, но одновременно сохраняли внутреннюю дистанцию от прокламируемых норм»¹. Опыт жизни при национал-социализме и стремление не просто выжить, а вести нормальную жизнь в другой, на этот раз в социалистической диктатуре требовали от них публичной поддержки режима СЕПГ. Они участвовали в дискурсах и практиках культа Сталина при одновременном дистанцировании от

¹ Ahbe G. Gesellschaftsgeschichte als Generationengeschichte. S. 502–518.

государства в частных, частных и анонимных нишах повседневности. Дома и на даче, в пивной и в кругу друзей, родственников или семьи исторический субъект формировал собственный опыт жизни в советизированной реальности: интерпретировал и реагировал на образ советского лидера, отстаивал собственные права и интересы, искал примирения с прошлым и смыслы существования в настоящем, боролся за восстановление индивидуальной и коллективной чести в противовес навязываемым чувствам вины и стыда.

Вторым поколением, которому режим СЕПГ уделял пристальное внимание в пропаганде культа Сталина, было «поколение детей ГДР»¹. Забота о нем со стороны власти была связана с проблемой обеспечения строительства социализма на долгосрочную перспективу. Поколение охватывало возрастную когорту родившихся в середине 1930-х – конце 1940-х гг. Они должны были стать преданными гражданами – «новыми людьми» для «новой Германии» – «антифашистского, демократического, миролюбивого государства в содружестве социалистических стран». Поколение детей являлось первым поколением граждан ГДР, которые выросли и социализировались во «втором немецком государстве», усвоили язык партии и государства, довели участие в официальных публичных сферах и ритуалах до автоматизма. Они выполняли важную мобилизационную функцию для «поколения послевоенного восстановления», налагая на родителей морально-нравственный долг построить социалистическую родину и заложить основы социалистического строительства в Восточной Германии для будущих поколений и прежде всего для подрастающего «поколения детей». Поэтому от «поколения восстановления» режим требовал мобилизации всех сил здесь и сейчас для построения миролюбивой Германии под покровительством Сталина.

Подводя итог, можно сделать вывод, что пропаганда культа Сталина подразумевала определенную поколенческую составляющую, нацеленную на формирование поколений и использование их ресурсов для стабилизации режима СЕПГ. «Поколение патриархов» предлагало «поколению послевоенного восстановления» и «поколению детей ГДР» заключение некоего символического пакта о социальном консенсусе: они требовали верности, подчинения и лояльности за предоставляемые шансы социальной и политической мобильности, доступ к материальным и символическим ресурсам диктатуры. Культ Сталина предлагал им вариант решения актуальных проблем: выхода из кризиса личной и национальной идентичности, получения

¹ Ahbe G. Gesellschaftsgeschichte als Generationengeschichte. S. 518–531.

позитивных и жизнеутверждающих смыслов за счет интеграции в культовое сообщество послевоенной советской империи. Из данного пакта были исключены бывшие военнопленные и бывшие члены НСДАП. Социалистическая пропаганда едва апеллировала к ним. Этим акторам предоставлялось минимум шансов на успешную интеграцию в социалистическое общество. Данная группа представляла собой резервуар для создания «врагов народа» и «врагов Сталина». Кроме того, из культа Сталина были исключены, как правило, домохозяйки, старики или пенсионеры, а также все те, кто не старался аккумулировать политический капитал и не мог представлять пользы для строительства социалистической Германии. Попытка установления поколенческого пакта о социальном консенсусе с помощью культа Сталина была завершена после XX съезда КПСС, когда «поколение патриархов» было вынуждено перенять московскую риторику десталинизации и перейти к деконструкции образа «лучшего друга немецкого народа».

5. В основе всех современных работ о культах личности и культах политических лидеров лежат три ключевых подхода: 1) социологические и антропологические концепции о харизматическом и сакральном характере власти; 2) концепции власти как политической религии; 3) концепции социальной истории с вопросами о продуцентах, меценатах и потребителях культов в совокупности с анализом интеграционных смыслов культов и семантики соучастия населения в культовых практиках¹. В настоящей работе обнаруживаются следы всех трех направлений анализа, хотя скепсис относительно эффективной харизмы, сакральности и веры в персону Сталина среди восточных немцев, за исключением узкой группы восточногерманской политической и творческой элиты, по-прежнему присутствует. Постараюсь еще раз суммировать мои заключения по вопросам о том, что же произошло в Восточной Германии, что сделало культ Сталина неотъемлемой частью политической культуры в ранней ГДР? Каким образом культу Сталина на периферии послевоенной советской империи удалось достичь определенных результатов в производстве толерантности и лояльности к режиму, несмотря на очевидную непопулярность и отсутствие широкой поддержки снизу? И, наконец, почему восточные немцы принимали участие в партийно-государственных ритуалах культа, несмотря на очевидное отсутствие доверия к «лучшему другу»?

¹ Подробный анализ данных историографических направлений в изучении культов лидеров см.: Plamper. Introduction: Modern Personality Cults. P. 33–41, here p. 13.

Аналогичные вопросы были поставлены политологом Л. Видин при анализе культа сирийского президента Хафеза Асада. Живучесть и эффективность сирийского культа исследовательница объясняет способностью авторитарных режимов проводить мобилизацию граждан за счет их принуждения к участию в практиках символической политики и превращения культа в форму социального контроля, индоктринирования и мобилизации через «дисциплинарно-символическую политику» государства¹. Вслед за исследованием Видин о культе сирийского президента можно сделать вывод, что и культ Сталина в Восточной Германии представлял собой результат «дисциплинарно-символической политики» режима СЕПГ, которая опиралась в гораздо большей степени на практики вовлечения и мобилизации населения, чем на концепцию легитимности власти². По аналогии с культом Асада поклонение персоне Сталина в ГДР происходило на фоне очевидного для всех лицемерия. Но, несмотря на публичный фарс, подобная политика цинизма оказывалась достаточно эффективной, так как позволяла достичь иллюзорности социального консенсуса: привлечение населения к практикам культа при очевидной для всех непопулярности пропагандируемого лидера³.

Пожалуй, празднование дней рождения советского лидера и участие в траурных мероприятиях в связи со смертью Сталина в Восточной Германии наиболее ярко иллюстрировали высокий мобилизационный потенциал культа в краткосрочном активировании и привлечении населения на сторону режима. Навряд ли данные кампании пропаганды можно назвать средствами социальной интеграции, каковыми они являлись в классических тоталитарных режимах: фашизма в Италии, национал-социализма в Германии и сталинизма в Советском Союзе. Ритуалы культа Сталина в ГДР представляли собой инструмент политической мобилизации населения, которое предпочитало несколько раз в год публично продемонстрировать лояльность к режиму, отстаивая ниши автономности и приватности в прочее время. Далеко не все восточные немцы участвовали в официальных церемониях, а в случае участия отличались верой, фанатизмом и рвением. Следование ритуальному

¹ Wedeen L. *Ambiguities of Domination: Politics, Rhetoric, and Symbols in Contemporary Syria*. Chicago, London, 1999. P. 145–152. Аналогичные наблюдения сделаны в работах: Plamper. "The Hitlers Come and Go...". P. 326–327; Leese, *Mao Cult*. P. 18–19.

² *Ambiguities of Domination*. P. 6.

³ О взаимосвязи цинизма и повседневности в позднем СССР см.: Yurchak. *Everything Was Forever, Until It Was No More*.

порядку культового сообщества не требовало искренности политических убеждений. Гораздо важнее для слабых режимов власти являлось принуждение граждан к формальному участию и исполнению прописанных правил игры. Как следствие, ритуалы культа Сталина рассказывают нам не столько о популярности советского лидера среди восточных немцев, сколько о техниках мобилизации населения в обществах советского типа с целью инсценировки социального консенсуса и провозглашения легитимности власти в публичном пространстве диктатуры.

В данном свете культ Сталина являлся действенным политическим инструментом утверждения слабых/непопулярных авторитарных режимов за счет формирования системы публичного символизма и публичных сфер, насыщения их риторикой, символами и ритуалами культа вождя, диктуя населению правила, нормы и идеалы жизни в условиях диктатуры. С одной стороны, государство нуждалось в поддержке и лояльности граждан для стабилизации политического порядка, а общество использовало эту потребность власти и ресурсы диктатуры для оптимизации личных планов и нормализации повседневности – с другой. Таким образом, культ Сталина как точка пересечения государственного и частного способствовал установлению феномена взаимозависимости: невозможности существования диктатуры без общества и общества без диктатуры.

Мой анализ не нацелен на отрицание роли насилия и репрессий в укреплении авторитарных режимов власти. Но так как данный аспект достаточно хорошо изучен, то мне хотелось бы обратить внимание на маргинальный в современных исследованиях аспект символической политики в производстве социального консенсуса, в оформлении механизмов подчинения и обеспечении лояльности населения к власти в послевоенных обществах советского типа. Пример культа Сталина в Восточной Германии показывает, что, несмотря на проблематичную легитимность режима и очевидное отсутствие искренности в почитании советского лидера, культ Сталина выполнял важную стабилизирующую функцию: он формировал эмоциональные связи населения и власти, позволявшие избавиться от чувства вины, стыда и угрызений совести за счет озвучивания позитивной эмоциональной риторики уважения и благодарности, гордости и любви к Советскому Союзу. Эта эмоциональная привязка граждан к режиму с апелляцией к совести индивида, коллективной морали и потребности в восстановлении поврежденной чести приводили к парадоксу, когда люди вели себя послушно и лояльно по отношению к авторитарному режиму, несмотря на очевидное несогласие с ним и/или явную нело-

ьяльность к провозглашаемым идеалам, нормам и ценностям¹. Кроме того, мобилизационный потенциал культа Сталина усиливался за счет апелляции пропаганды к национальной риторике и национальным чувствам немцев, обещая скорые пути решения государственного и национального вопросов.

В заключение необходимо отметить, что участие в культе личности ограничивалось, как правило, лишь использованием публичной риторики и следованием ритуальным действиям в официальных сферах, которые требовали от субъекта нормативного поведения за счет контроля со стороны государства и партии. При усвоении правил публичного поведения и риторики запускался внутренний механизм самоконтроля субъекта в условиях диктатуры: необходимость разговаривать на языке партии и государства, участвовать в официальных ритуалах, то есть публично демонстрировать подчинение режиму, чтобы сохранять определенную степень автономности и не провоцировать репрессивного вмешательства государства в частную сферу индивида. Субъект намеренно инсценировал себя объектом большой политики, чтобы сохранить определенную степень автономности с собственными интересами и мнениями, потребностями и надеждами, индивидуальным опытом и памятью. Иными словами, в Восточной Германии мы наблюдаем парадокс публичной политизации субъекта ради сохранения приватного пространства и деполитизации частных ниш жизни. Данное обстоятельство свидетельствует о гибридности поведения субъекта, который приспосабливался, договаривался и сопротивлялся в условиях диктатуры одновременно. Эта ментальная изворотливость способствовала формальной стабилизации диктатуры, с одной стороны, при сохранении пространств и ниш автономности – с другой. О данной гармонии амбивалентностей в качестве аналитического ключа к объяснению функционирования обществ советского типа рассказывает анекдот первых лет существования ГДР:

Советская школьная инспекция прибыла в Берлин. Глава делегации остался очень доволен результатами проверки школы, делая удовлетворительный вывод о высоком уровне идеологического просвещения и политического воспитания у юных немцев. Под конец проверки он остановил одного из пробежавших мимо мальчиков и спросил:

¹ О взаимосвязи цинизма и повседневности в позднем СССР см.: Yurchak. *Everything Was Forever, Until It Was No More*. P. 10–11.

– Ну, вот скажи мне, кто является твоим отцом?

– Наш любимый вождь Иосиф Виссарионович Сталин! – отвечает ученик как из пистолета.

– Хорошо. А кто твоя мать?

– Великий и непобедимый Советский Союз, – вновь, не задумываясь, рапортует школьник.

– Очень хорошо. А скажи мне, пожалуйста, кем ты мечтаешь стать?

На этот раз ребенок немного повременил с ответом и, потупив глаза, ответил:

– Сиротой!¹

¹ AdsD, SPD–PV–Ostbüro 0350, unpag.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВП РФ	Архив внешней политики Российской Федерации
ВОКС	Всесоюзное общество культурной связи с заграницей
ГА РФ	Государственный архив Российской Федерации
ГДР	Германская Демократическая Республика
ИМЭЛ	Институт Маркса – Энгельса – Ленина
КПГ	Коммунистическая партия Германии
КПСС	Коммунистическая партия Советского Союза
ЛДПГ	Либерально-демократическая партия Германии
МГБ	Министерство государственной безопасности
НСДАП	Национал-социалистическая рабочая партия Германии
ОГСД	Общество германо-советской дружбы
ОСНП	Объединение свободных немецких профсоюзов
РГАНИ	Российский государственный архив новейшей истории
РГАСПИ	Российский государственный архив социально-политической истории
СВАГ	Советская военная администрация в Германии
СДПГ	Социал-демократическая партия Германии
СЕПГ	Социалистическая единая партия Германии
СКК	Советская контрольная комиссия в Германии
СОЗГ	Советская оккупационная зона в Германии
ССНМ	Союз свободной немецкой молодежи
СССР	Союз Советских Социалистических Республик
ЦК ВКП(б)	Центральный Комитет Всесоюзной коммунистической партии большевиков
ХДС	Христианско-демократический союз
ХСС	Христианско-социальный союз

БИБЛИОГРАФИЯ

I. Источники

Архивные материалы

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ)

Ф. 5283. ВОКС (Всесоюзное общество культурной связи с заграницей)

Ф. Р-7077. Управление Советской военной администрации провинции Бранденбург

Ф. Р-7103. Управление Советской военной администрации провинции Мекленбург

Ф. Р-7133. Управление Советской военной администрации земли Саксония-Ангальт

Ф. Р-7212. Управление Советской военной администрации земли Саксонии

Ф. Р-7184. Управление Советской военной администрации земли Тюрингия

Ф. Р-7317. Советская военная администрация в Германии

Ф. Р-9401сг. Особая папка товарища Сталина

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)

Ф. 17. ЦК ВКП(б), Отдел пропаганды и агитации

Ф. 17. ЦК КПСС, Отдел пропаганды и агитации

Ф. 558. Опись личного фонда Сталина И. В. 21.XII.1879 – 5.III.1953

Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ)

Ф. 1. Съезды КПСС (1955–1986)

Ф. 5. Аппарат ЦК КПСС (1952–1984)

Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ)

Ф. 7. Секретариат тов. Вышинского

Ф. 742 (082). Референтура по Германии МИД СССР

Ф. 166. Посольство СССР в ГДР

Archiv der sozialen Demokratie der Friedrich-Ebert-Stiftung (AdsD)
SPD–PV–Ostbüro

Archiv der Akademie der Künste
Bildarchiv des Bundesarchivs Deutschlands (Koblenz)
Bildarchiv im Deutschen Historischen Museum (DHM)

Stiftung Archiv der Parteien und Massenorganisationen der ehemaligen DDR im Bundesarchiv (SAPMO–BArch)

Abteilung Agitation des ZK der SED, 1946–1962
Bildarchiv (Berlin und Koblenz)
Demokratischer Frauenbund Deutschlands (DFD)
Erinnerungen, Personalien
Freie Deutsche Jugend (FDJ)
Freier deutscher Gewerkschaftsbund (FDGB)
Gesellschaft für deutsch-sowjetische Freundschaft (GDSF)
Kulturbund der DDR
Politbüro des ZK der SED (Protokolle), 1949–1960
Tagungen des Parteivorstandes bzw. des ZK der SED, 1946–1989
Zentralvorstand, Unterricht und Erziehung, Abt. Kader
ZK der SED, Parteiorgane

Der Bundesbeauftragte für die Unterlagen des Staatssicherheitsdienstes der ehemaligen Deutschen Demokratischen Republik (BStU)

Ministerium für Staatssicherheit, Zentralstelle
Aussenstelle Gera
Aussenstelle Leipzig
Aussenstelle Karl-Marx Stadt
Aussenstelle Suhl
Aussenstelle Chemnitz

Deutsches Rundfunkarchiv (Babelsberg, Potsdam)

Filmarchiv im Bundesarchiv (Berlin)

Das Sächsische Hauptstaatsarchiv Dresden

Thüringisches Hauptstaatsarchiv, Weimar (ThHStAW) ~

Land Thüringen 1945–1952: Amt für Information; Büro des Ministerpräsidenten; Ministerium des Innern

Пик В. Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1956.

Гротеволь О. Избранные статьи и речи (1945–1959). М.: Госполитиздат, 1961.

Доклад Н. С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС: Документы. М.: РОССПЭН, 2002.

За советами в Кремль. Запись беседы И. В. Сталина с руководителями СЕПГ. Март 1948 г. // Исторический архив. 2002. № 2. С. 3–27.

«Мероприятия отличаются большой скромностью»: О подготовке к 70-летию И. В. Сталина // Источник. 1996. № 5. С. 72–80.

«Нужно идти к социализму не прямо, а зигзагами». Запись беседы И. В. Сталина с руководителями СЕПГ. Декабрь 1948 г. // Исторический архив. 2002. № 5. С. 3–21.

Политика СВАГ в области культуры, науки и образования: цели, методы, результаты. 1945–1949: Сборник документов. М.: РОССПЭН, 2006.

СВАГ и немецкие органы самоуправления, 1945–1949 / отв. ред. и отв. составитель Н. В. Петров. М.: РОССПЭН, 2006.

СВАГ. Управление пропаганды (информации) и С. И. Тюльпанов: Сб. документов под ред. Б. Бонвеча, Г. Бордюгова, М. Неймарка. М.: Россия Молодая, 1994.

«Скостить половину суммы репараций... мы можем». Встречи Сталина с руководством СЕПГ // Источник. 2003. № 3. С. 100–128.

СССР и германский вопрос. 1941–1949: Документы из Архива внешней политики Российской Федерации: В 3 т. Т. I: 22 июня 1941 г. – 8 мая 1945 г. / сост. Г. П. Кынин и Й. Лауфер. М.: Международные отношения, 1996.

СССР и германский вопрос. 1941–1949: Документы из Архива внешней политики Российской Федерации: В 3 т. Т. II: 9 мая 1945 г. – 3 октября 1946 г. / сост. Г. П. Кынин и Й. Лауфер. М.: Международные отношения, 2000.

СССР и германский вопрос. 1941–1949: Документы из Архива внешней политики Российской Федерации: В 3 т. Т. III: 6 октября 1946 г. – 15 июня 1948 г. / сост. Г. П. Кынин и Й. Лауфер. М.: Международные отношения, 2003.

Badstübner R., Loth W. (Hg.). Wilhelm Pieck: Aufzeichnungen zur Deutschlandpolitik: 1945–1953. Berlin: Akademie-Verlag, 1994.

Bonwetsch B., Bordjugov G., Naimark N. M. (Hg.). Sowjetische Politik in der SBZ, 1945–1949. Dokumente zur Tätigkeit der Propagandaverwaltung

(Informationsverwaltung) der SMAD unter Sergej Tjulpanov. Bonn: J. H.W. Dietz Nachfolger, 1998.

DDR-Geschichte in Dokumenten. Beschlüsse, Berichte, interne Materialien und Alltagszeugnisse / Hg. von M. Judt. Bonn: bpb, 1998.

Dokumentation: Der Tod des Diktators – ein Circulus vitiosus für die SED, in: UTOPIE kreativ. 2003. № 149. S. 209–220.

Dokumente zur Deutschlandpolitik: II. Reihe / Band I, Die Konferenz von Potsdam, 3 Bände / Hg. vom Bundesminister des Innern. Frankfurt a. M.: Alfred Metzner Verlag, 1992.

Foitzik J. Inventar der Befehle des Obersten Chefs der Sowjetischen Militäradministration in Deutschland (SMAD) 1945–1949. München: Saur, 1995.

Gabert J., Prieß L. (Hg.). SED und Stalinismus: Dokumente aus dem Jahre 1956. Berlin: Dietz, 1990.

Judick G., Steinhaus K. (Hg.). Stalin bewältigen: sowjetische Dokumente und Aufsätze der 50er, 60er und 80er Jahre. Düsseldorf: Ed. Marxist Blätter, 1989.

“Nach Hitler kommen wir”. Dokumente zur Programmatik der Moskauer KPD-Führung 1944/45 für Nachkriegsdeutschland / Hg. von P. Erler, H. Laude, M. Wilke. Berlin: Akademie-Verlag, 1994.

Литература органов пропаганды

Троцкий Л. Сталинская школа фальсификаций. Берлин: Гранит, 1932.

Abusch A. Stalin und die Schicksalsfragen der deutschen Nation. Berlin: Aufbau Verlag, 1952.

Barbusse H. Stalin – eine neue Welt. Paris: Editions Du Carrefour, 1935.

Begegnungen mit Stalin. Aussagen sowjetischer und deutscher Autoren. Berlin: Verlag Kultur und Fortschritt, 1953.

Busch E. (Hg.). Lieder der UdSSR. Lieder um Stalin. Berlin: Lied der Zeit, 1949.

Du Welt im Licht. J. W. Stalin im Werk deutscher Schriftsteller. Berlin: Aufbau-Verlag, 1954.

Grotewohl O. An die Jugend. Berlin: Neues Leben, 1955.

Grotewohl O. Im Kampf um die einige Deutsche Demokratische Republik. Reden und Aufsätze. Auswahl aus den Jahren 1945–1953, Band I (1945–1949), Band II (1950 und 1951). Berlin: Dietz, 1954.

Jaroslawski J. Aus dem Leben und Wirken des Genossen Stalin. Moskau: Verlag für fremdsprachige Literatur, 1940.

J. Stalin. Kurze Lebensbeschreibung. Marx-Engels-Lenin Institut Moskau. Berlin: Verlag Neuer Weg, 1945.

Josef Wissarionowitsch Stalin. Kurze Lebensbeschreibung / Verfasser: G. F. Alexandrow, M. P. Galaktionov, W. S. Krushkow, M. B. Mitin, W. D. Motschalow, P. N. Pospelow. Berlin: Dietz Verlag, 1951 und 1953.

Josef Wissarionowitsch Stalin zum Gedenken, in: Einheit: Zeitschrift für Theorie und Praxis des wissenschaftlichen Sozialismus / Hg. vom ZK der SED. März 1953. № 8.

Josef Wissarionowitsch Stalin. Zu seinem 70. Geburtstag am 21. Dezember 1949. Bearbeitet von G. W. Lehbruck. Hrsg. zur Ausgestaltung der Schulfeiern im Auftrage des Ministeriums für Volksbildung der Deutschen Demokratischen Republik. Berlin, Leipzig: Volk und Wissen, 1949.

Josef Wissarionowitsch Stalin. Zu seinem 70. Geburtstag. Referentenmaterial. Hg. vom Demokratischen Frauenbund Deutschlands (DFD). Berlin 1949.

Just A. Josef Wissarionowitsch Dschugaschwili-Stalin. Lübeck: Charles Coleman, 1932.

J. W. Stalin. Baumeister des Sozialismus-Kommunismus. Berlin: Junge Welt. Ohne Erscheinungsdatum.

J. W. Stalin. Hamburg, Berlin: Verlag Carl Hoym, 1930.

J. W. Stalin: Zur Vorbereitung des 71. Geburtstages des Genossen Stalin / Hg. von der Abteilung Propaganda der Landesleitung SED Sachsen-Anhalt. Halle, 1950.

Kaprinskij W. A. Die Gesellschafts- und Staatsordnung der UdSSR. Das Sowjetland – 3. Berlin: SWA-Verlag, 1947.

Kuba. Gedichte. Rostock, 1961.

Michajlow N. N. Die weiten und Reichtümer des Sowjetlandes. Das Sowjetland – 5. Berlin: SWA-Verlag, 1947.

Minz I. I., Rasgon I. M., Sidorov A. L. Der große vaterländische Krieg der Sowjetunion. Das Sowjetland – 4. Berlin: SWA-Verlag, 1947.

Mutter von Gori wie gross ist dein Sohn. Deutsche Dichter singen von Stalin. Berlin: Kultur und Fortschritt, 1952.

Pase M. Stalin im Blitzlicht der Presse und Karikatur. Dresden: Erlanghaus, 1941.

Stalin, der beste Freund des deutschen Volkes. Anleitung für die Schulung der Aufklärungsgruppen in der 2. Hälfte des Monats Dezember 1952 / Hg. vom Büro des Präsidiums des Nationalrates der Nationalen Front des demokratischen Deutschland. Berlin, 1952.

Stalin, der große Feldherr und Organisator des Sieges über den Faschismus. Leseheft für den Zirkel zum Studium der Biographie J. W. Stalins. Verlag Junge Welt. Ohne Erscheinungsjahr.

Stalin, der große Fortsetzer des Werkes Lenins. Moskau: Verlag für fremdsprachige Literatur, 1940.

Stalin J. Über Lenin. Moskau: Verlag für fremdsprachige Literatur, 1946.

Stalin-Sonderheft, in: Die Neue Gesellschaft: Monatszeitschrift der Gesellschaft für deutsch-sowjetische Freundschaft. Dezember 1949.

Stalin und die Jugend. Leseheft für den Zirkel zum Studium der Biographie J. W. Stalins / Hg. vom Zentralrat der Freien Deutschen Jugend, Abt. Propaganda. Verlag Junge Welt, 1953.

Stalin zum Gedenken. Die Entstehungsgeschichte des ersten in Deutschland geschaffenen Stalin-Denkmal / Hg. Rat des Kreises Riesa. Riesa, 1954.

Unserem Freund und Lehrer. J. W. Stalin: zum siebzigsten Geburtstag. Berlin: Dietz Verlag, 1949.

Uns hat Stalin erzogen. Sowjetische Stalinspreisträger erzählen aus ihrem Leben. Berlin: Verlag Kultur und Fortschritt, 1953.

Unter dem Banner Lenins und Stalins schreitet das Sowjetvolk zum Kommunismus. Lehrheft für den Zirkel zum Studium der Biographie J. W. Stalins. Verlag Junge Welt, 1953.

Weinert E. Lieder um Stalin. Nachdichtungen aus Dichtungen der Völker der Sowjetunion. Potsdam: Potsdamer Verlagsgesellschaft, 1949.

Windecke Ch. Der rote Zar. Genosse Stalins Weg zur Macht. Leipzig: Quelle & Meyer, 1932.

Woroschilow K. J. Stalin und die Streitkräfte der UdSSR / Hrsg. mit Unterstützung des Kulturfonds der DDR. Berlin: Kultur und Fortschritt, 1953.

Мемуары и воспоминания

Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. СПб.: Всемирное слово, 1992.

Джилас М. Лицо тоталитаризма. М.: Новости, 1992.

Коваль К. И. Последний свидетель. «Германская карта» в холодной войне. М.: РОССПЭН, 1997.

Колесниченко И. С. Битва после войны. М.: Военное издательство, 1987.

Симонов К. М. Глазами человека моего поколения: Размышления о И. В. Сталине / предисл. Л. Лазарева. М.: Книга, 1990.

Тюльпанов С. И. В первые послевоенные годы на немецкой земле // Новая и новейшая история. 1984. № 2. С. 121–136; № 4. С. 104–124.

Фалин В. М. Без скидок на обстоятельства: Политические воспоминания. М.: Современник, 1999.

Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева / предисл. С. Кулешова. М.: ТЕРРА, 1991.

Axen H. Ich war ein Diener der Partei: autobiographische Gespräche / Hermann Axen mit Harald Neubert. Berlin: edition ost, 1996.

Claudius E. Notizen nebenbei. Berlin: Kultur und Fortschritt, 1948.

Falin V. Politische Erinnerungen. München: Droemer Knaur, 1993.

Gniffke E. W. Jahre mit Ulbricht. Köln: Wissen und Politik, 1966.

Harich W. Keine Schwierigkeiten mit der Wahrheit: zur nationalkommunistischen Opposition 1956 in der DDR. Berlin: Dietz Verlag, 1993.

Hermlin S. Russische Eindrücke. Berlin: Kultur und Fortschritt, 1948.

Kantorowicz A. Deutsches Tagebuch. Erster Teil. München: Kindler, 1959.

Klemperer V. So sitze ich denn zwischen allen Stühlen. Tagebücher 1945–1959, Band 1 und 2, Hrsg. von W. Nowojski. Berlin: Aufbau Verlag, 1999.

Kuby E. Die Russen in Berlin. Rastatt: Verlag Arthur Moewing, 1980.

Leonhard W. Die Revolution Entlässt Ihre Kinder. 23. Auflage. Köln: Kiepenheuer & Witsch, 2006.

Semjonow W. S. Von Stalin bis Gorbatschow. Ein halbes Jahrhundert in diplomatischer Mission 1939–1991. Berlin: Nicolai, 1995.

Tjulpanow S. I. Deutschland nach dem Kriege (1945–1949): Erinnerungen eines Offiziers der Sowjetarmee. Berlin: Dietz, 1987.

Trotzki L. Stalins Verbrechen. Zürich: Jean-Christophe-Verl., 1937.

Пресса и периодические издания

Газеты (комплекты)

Правда, 1946–1956

Bauern Echo, 1949–1956

Junge Welt, 1949–1953

Neues Deutschland, 1946–1956

Журналы (комплекты)

Der Spiegel

Die Frau von heute

Für Dich

Neue Berliner Illustrierte

1945 – Kapitulation und Wiederaufbau. Eine Produktion des Deutschen Historischen Museums Berlin und des Deutschen Rundfunkarchivs Frankfurt/M. und Potsdam – Babelsberg, 1995.

Für Frieden und Sozialismus. Plakate der Parteien und Massenorganisationen der DDR. Hrsg. vom Bundesarchiv, Stiftung Archiv der Parteien und Massenorganisationen der DDR. 2006.

“Stalinallee-Stalinstadt”: die erste sozialistische Strasse und die erste sozialistische Stadt in Tondokumenten 1952–1955. Eine Produktion des Deutschen Historischen Museums Berlin und des Deutschen Rundfunkarchivs Frankfurt/M. und Potsdam – Babelsberg, 1997.

Stimmen des 20. Jahrhunderts: Parteiauftrag: Ein neues Deutschland I – Die frühe DDR in Tondokumenten 1949–1959. Eine Produktion des Deutschen Historischen Museums Berlin und des Deutschen Rundfunkarchivs Frankfurt/M. und Potsdam – Babelsberg, 1996.

Stimmen des 20. Jahrhunderts: Parteiauftrag: Ein neues Deutschland II – Die frühe DDR in Tondokumenten 1949–1958. Eine Produktion des Deutschen Historischen Museums Berlin und des Deutschen Rundfunkarchivs Frankfurt/M. und Potsdam – Babelsberg, 1997.

II. Исследования

Монографии и сборники научных трудов

Аксютин Ю. В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М.: РОССПЭН, 2004.

Антонов-Овсеенко А. В. Сталин без маски. М.: Вся Москва, 1990.

Антонов-Овсеенко А. В. Театр Иосифа Сталина. М.: Грэгори-Пэйдж, 1995.

Бим-Бад Б. М. Сталин: исследование жизненного стиля. М.: Изд-во УРАО, 2002.

Борев Ю. Б. Сталиниада. М.: ООО «Агентство «КРПА Олимп», 2003.

Безыменский Л. Гитлер и Сталин перед схваткой. М.: Вече, 2000.

Буллок А. Гитлер и Сталин: Жизнь и власть. Сравнительное жизнеописание. Т. I. Смоленск: Русич, 1998.

Вайскопф М. Писатель Сталин. М.: Новое литературное обозрение, 2001.

Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Гайдено. М.: Прогресс, 1990.

Вебер М. Избранное. Образ общества / пер. с нем. М.: Юрист, 1994.

- Владыкин-Бескудников А. Двойники Сталина. М.: Эслан, 1999.
- Вождь. Хозяин. Диктатор: Сборник / сост. А. М. Разумихин. М.: Патриот, 1990.
- Волков В. К. Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2000.
- Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия. Политический портрет И. В. Сталина: В 2 кн. М.: «Новости», 1990.
- Глебкин В. В. Ритуал в советской культуре. М.: Янус-К, 1998.
- Громов Е. С. Сталин: власть и искусство. М.: Республика, 1998.
- Грушин Б. А. Массовое сознание. Опыт определения проблемы исследования. М.: Политиздат, 1987.
- Гусляров Е. Н. Сталин в жизни. Систематизированный свод воспоминаний современников, документов эпохи, версий историков. М.: ОЛМА-ПРЕСС; Звездный мир, 2003.
- Дмитриев А. В. Социология политического юмора: Очерки. М.: РОССПЭН, 1998.
- Добренко Е. Метафора власти. Литература сталинской эпохи в историческом освещении. München: Otto Sagner, 1993.
- Емельянов Ю. В. Сталин. На вершине власти. М.: Вече, 2002.
- Емельянов Ю. В. Сталин. Путь к власти. М.: Вече, 2002.
- Енко К., Енко Т. Ленин. Сталин. Троцкий. М.: Центрполиграф, 2000.
- Жухрай В. М. Сталин. Из политической биографии. М.: Сварогъ, 1999.
- Жухрай В. М. Сталин: правда и ложь. М.: Сварогъ, 1996.
- Зевелев А. И. Истоки сталинизма. М.: Высшая школа, 1990.
- Зубкова Е. Ю. Общество и реформы 1945–1964. М.: Россия молодая, 1993.
- Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М.: РОССПЭН, 1999.
- Измозик В. С. Глаза и уши режима. Государственный и политический контроль за населением Советской России в 1918–1928. СПб.: Изд-во СПбУЭФ, 1995.
- Илизаров Б. С. Тайная жизнь Сталина. По материалам его библиотеки и архива. К историософии сталинизма. М.: Вече, 2003.
- Историки спорят. Тринадцать бесед / под общ. ред. В. С. Лельчука. М.: Политиздат, 1988.
- История и сталинизм / сост. А. Н. Мерцалов. М.: Политиздат, 1991.
- Карпов В. В. Генералиссимус: Историко-док. изд.: В 2 кн. Калининград: Янтарный сказ, 2004.
- Квинтэссенция: Философский альманах / сост. В. И. Мудрагей, В. И. Усанов. М.: Политиздат, 1990.

Козлова Н. Н. Горизонты повседневности советской эпохи. М., 1996.

Колесов Д. В. И. В. Сталин: загадки личности. М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта, 2000.

Колесов Д. В. И. В. Сталин: Право на власть. М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта, 2000.

Левада Ю. А. Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х гг. М.: Наука, 1993.

Лившин А. Я., Орлов И. Б. Власть и общество: Диалог в письмах. М.: РОССПЭН, 2002.

Липартелиани Г. Сталин Великий. Частные попытки исследования феномена личности И. В. Сталина. СПб.: Роза мира, 2000.

Медведев Ж. А., Медведев Р. А. Неизвестный Сталин. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2004.

Медведев Р. А. О Сталине и сталинизме. М.: Прогресс, 1990.

Морозов В. А., Антишин А. Я. Хрущевская оттепель: Учебное пособие. Йошкар-Ола: МГПИ, 2001.

Московичи С. Машина, творящая богов / пер. с фр. М.: Центр психологии и психотерапии, 1998.

Николаев В. Д. Сталин, Гитлер и мы. М.: Права человека, 2002.

Новик С. И. «Оттепель» и инерция холодной войны (Германская политика СССР в 1953–1955 гг.). М.: ИРИ РАН, 2001.

Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания / пер. с нем.; общ. ред. и предисл. Мансурова Н. С. М.: Прогресс-Академия; Весь мир, 1996.

Ольшанский Д. В. Психология масс. СПб.: Питер, 2001.

Осмыслить культ Сталина. М.: Прогресс, 1989.

Паперный В. Культура «Два». М.: НЛО, 1996.

Плампер Я. Алхимия власти. Культ Сталина в изобразительном искусстве. М.: НЛО, 2010.

Похлебкин В. В. Великий псевдоним. М.: Юдит, 1996.

Пыжиков А. В. Хрущевская «оттепель». М.: Олма-Пресс, 2002.

Радзинский Э. С. Сталин. М.: Вагриус, 1997.

Ранкур-Лаферриер Д. Психика Сталина. Психоаналитическое исследование. М.: Прогресс-Академия, 1996.

Розанов Г. Л. Сталин и Гитлер. Документальный очерк советско-германских дипломатических отношений, 1939–1941 гг. М.: Международные отношения, 1991.

Мальте Р. Советский массовый праздник в Воронеже и Центрально-Черноземной области России (1927–1932). Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2000.

Семанов С. Н. Сталин: уроки жизни и деятельности. М.: Эксмо, 2002.

Семиряга М. И. Как мы управляли Германией. Политика и жизнь. М.: Российская политическая энциклопедия, 1995.

Соловьев Б., Суходеев В. Полководец Сталин. М.: Палея, 1998.

Такер Р. Сталин у власти. 1928–1941. История и личность / пер. с англ. М.: Весь мир, 1997.

Фельштинский Ю. Г. Вожди в законе. М.: ТЕРРА, 1999.

Филитов А. М. Германский вопрос: от раскола к объединению. Новое прочтение. М.: Международные отношения, 1993.

Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е гг.: город. М.: РОССПЭН, 2001.

Фром Э. Бегство от свободы. М.: АСТ, 2004.

Ackermann V. Nationale Totenfeiern in Deutschland: von Wilhelm I. bis Franz Josef Strauss. Eine Studie zur politischen Semiotik. Stuttgart: Klett-Cotta, 1990.

Allinson M. Politics and Popular Opinion in East Germany 1945–1968. Manchester: Manchester University Press, 2000.

Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London, 1983.

Ansorg L. Kinder im Klassenkampf: die Geschichte der Pionierorganisation von 1948 bis Ende der fünfziger Jahre. Berlin: Akademie-Verlag, 1997.

Apor B., Behrends J. C., Jones P., Rees E. A. (ed.). The Leader Cult in Communist Dictatorship: Stalin and the Eastern Bloc. Basingstoke: Palgrave, 2004.

Arnold S., Fuhrmeister Ch., Schiller D. (Hg.). Politische Inszenierung im 20. Jahrhundert: zur Sinnlichkeit der Macht. Wien; Köln; Weimar: Böhlau, 1998.

Assmann A. Erinnerungsräume. Formen und Wandlungen des kulturellen Gedächtnisses. München: Beck, 2006.

Assmann A., Frevert U. Geschichtsvergessenheit – Geschichtsversessenheit: vom Umgang mit deutschen Vergangenheiten nach 1945. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1999.

Atze M. "Unser Hitler". Der Hitler-Mythos im Spiegel der deutschsprachigen Literatur nach 1945. Göttingen: Wallstein Verlag, 2003.

Azaryahu M. Von Wilhelmplatz zu Thälmannplatz: politische Symbole im öffentlichen Leben der DDR. Gerlingen: Bleicher, 1991.

Baberowski J. Der rote Terror. Die Geschichte des Stalinismus. München: DVA, 2003.

Baberowski J. Verbrannte Erde. Stalins Herrschaft der Gewalt. München: C. H. Beck, 2012.

Badstübner E. (Hg.). Befremdlich anders. Leben in der DDR. Mit Nachbetrachtungen von Dietrich Mühlberg. Berlin: Dietz, 2000.

Bankier D. Die öffentliche Meinung im Hitler-Staat: die "Endlösung" und die Deutschen; eine Berichtigung. Berlin: Spitz, 1995.

Barck S., Lagermann M., Lokatis S. (Hg.). Zwischen "Mosaik" und "Einheit". Zeitschriften in der DDR. Berlin: Links, 1999.

Barck S., Langermann M., Lokatis S. "Jedes Buch ein Abenteuer". Zensur-System und literarische Öffentlichkeit in der DDR bis Ende der sechziger Jahre. Berlin: Akad.-Verl., 1997.

Bauerkämper A., Sabrow M., Stöver B. (Hg.). Doppelte Zeitgeschichte. Deutsch-deutsche Beziehungen 1945–1990. Bonn: Dietz, 1998.

Behrends J. C. Die erfundene Freundschaft. Propaganda für die Sowjetunion in Polen und in der DDR. Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 2006.

Behrends J. C., Lindenberger Th., Poutrus P. G. (Hg.). Fremde und Fremdsein in der DDR: zu historischen Ursachen der Fremdenfeindlichkeit in Ostdeutschland. Berlin: Metropol, 2003.

Belting H. Bild und Kult: eine Geschichte des Bildes vor dem Zeitalter der Kunst. München: Beck, 1990.

Benthien C. (Hg.). Emotionalität: zur Geschichte der Gefühle. Köln; Weimar; Wien: Boehlau, 2000.

Bessel R., Jessen R. (Hg.). Die Grenzen der Diktatur. Staat und Gesellschaft in der DDR. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1996.

Beyrau D., Bock I. (Hg.). Das Tauwetter und die Folgen. Kultur und Politik in Osteuropa nach 1956. Bremen: Ed. Temmen, 1988.

Beyrau D. Schlachtfeld der Diktatoren. Osteuropa im Schatten von Hitler und Stalin. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2000.

Bizeul Y. (Hg.). Politische Mythen und Rituale in Deutschland, Frankreich und Polen. Berlin: Duncker & Humboldt, 2000.

Blaum V. Kunst und Politik im SONNTAG 1946–1958. Eine historische Inhaltsanalyse zum deutschen Journalismus der Nachkriegszeit. Köln: Verl. Wissen und Politik, 1992.

Blumberg H. Arbeit am Mythos. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1996.

Börrnert R. Ernst Thälmann als Leitfigur der kommunistischen Erziehung in der DDR. Braunschweig: Universitätsbibliothek Braunschweig, 2003.

Bortoli G. Als Stalin starb. Kult und Wirklichkeit / Aus dem Französischen von Joachim Nehring. Stuttgart: Seewald, 1974.

Bourdieu P. Das politische Feld: Zur Kritik der politischen Vernunft. Konstanz: UVK, 2001.

Bouvier B. Ausgeschaltet!: Sozialdemokraten in der sowjetischen Besatzungszone und in der DDR 1945–1953. Bonn: Dietz, 1996.

Brackman R. The Secret File of Josef Stalin: a Hidden Life. London: Frank Cass, 2001.

Brooks J. Thank You, Comrade Stalin! Soviet Public Culture from Revolution to Cold War. Princeton: Princeton University Press, 2000.

Broszat M., Weber H. (Hg.). SBZ-Handbuch: Staatliche Verwaltungen, Parteien, gesellschaftliche Organisationen und ihre Führungskräfte in der Sowjetischen Besatzungszone Deutschlands 1945–1949. München: Oldenbourg, 1990.

Bruce G. Resistance with People. Repression and Resistance in Eastern Germany, 1945–1955, Lanham, Boulder, New York, Oxford: Rowman & Littlefield Publishers, 2003.

Brüggemann K. Von Krieg zu Krieg, von Sieg zu Sieg: Motive des sowjetischen Mythos im Massenlied der 1930er Jahre; Einführung, Texte, Übersetzung. – Hamburg: Kovac, 2002.

Büschel H. Untertanenliebe. Der Kult um deutsche Monarchen 1770–1830. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2006.

Busse M.-Ch. v. Faszination und Desillusionierung: Stalinismusbilder von sympathisierenden und abtrünnigen Intellektuellen. – Pfaffenweiler: Centaurus Verl.-Ges., 2000.

Czech H.-J., Doll N. (Hg.). Kunst und Propaganda im Streit der Nationen 1930–1945. Katalog der Ausstellung im Deutschen Historischen Museum, Dresden: Sandstein Verlag, 2007.

Dale G. Popular Protest in East Germany, 1945–1989. London, New York: Routledge, 2005.

Daniel U., Siemann W. (Hg.). Propaganda. Meinungskampf, Verführung und politische Sinnstiftung (1789–1989). Frankfurt a. M.: Fischer-Taschenbuch-Verlag, 1994.

Davies S. Popular Opinion in Stalin's Russia: Terror, Propaganda and Dissent, 1934–1941. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

Hirschfeld G., Kettenacker L. (Hg.). Der "Führerstaat": Mythos und Realität: Studien zur Struktur und Politik des Dritten Reiches. Stuttgart: Klett-Cotta, 1981.

Der Tod des Diktators. Hoffnungen und Enttäuschungen / Rosa-Luxemburg-Stiftung. Berlin: Dietz, 2003.

Kocka J., Sabrow M. (Hg.). Die DDR als Geschichte: Fragen – Hypothesen – Perspektiven. Berlin: Akad.-Verl., 1994.

Diesener G., Gries R. (Hg.). Propaganda in Deutschland. Zur Geschichte der politischen Massenbeeinflussung im 20. Jahrhundert. Darmstadt: Primus-Verlag, 1996.

Dobrenko E., Naiman E. (ed.). The Landscape of Stalinism: The Art and Ideology of Soviet Space. Seattle: University of Washington Press, 2003.

Dörner A. Politischer Mythos und symbolische Politik: Sinnstiftung durch symbolische Formen am Beispiel des Hermannsmythos. Opladen: Westdt. Verl., 1995.

Eibach J., Lottes G. (Hg.). Kompass der Geschichtswissenschaft: Ein Handbuch. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2002.

Eisenhüttenstadt. "Erste sozialistische Stadt Deutschlands" / Hrsg. von der Arbeitsgruppe Stadtgeschichte. Berlin, Brandenburg: be.bra, 1999.

Ennker B., Hein-Kircher H. (Hg.). Der Führer im Europa des 20. Jahrhunderts, Marburg: Herder-Institut, 2010.

Eppelmann R., Faulenbach B., Mähler U. (Hg.). Bilanz und Perspektiven der DDR-Forschung. Paderborn, München, Wien, Zürich: Schöningh, 2003.

Foitzik J. (Hg.). Entstalinisierungskrise in Ostmitteleuropa 1953–1956. Vom 17. Juni bis zum ungarischen Volksaufstand; politische, militärische und nationale Dimensionen. Paderborn, München, Wien, Zürich: Schöningh, 2001.

Filtzer D. Die Chruschtschow-Ära. Entstalinisierung und die Grenzen der Reform in der UdSSR, 1953–1964. Mainz: Decaton-Verl., 1995.

Fischer R. Stalin und der deutsche Kommunismus. Berlin: Dietz, 1991.

Flam H. Soziologie der Emotionen: eine Einführung. Konstanz: UVK, 2002.

Foitzik J. Sowjetische Militäradministration in Deutschland (SMAD), 1945–1949: Struktur und Funktion. Berlin: Akademie-Verlag, 1999.

Frank M. Walter Ulbricht. Eine deutsche Biographie. Berlin: Siedler, 2001.

Frankel R. E. Bismarck's Shadow. The Cult of Leadership and the Transformation of the German Right, 1898–1945. Oxford, New York: Berg, 2005.

Frevert U., Emotions in History – Lost and Found, Budapest, New York: Central European University Press, 2011.

Friedrich Th. "Welch eine Kraft es gab, als Stalin sprach". Personenkult und SED. Mainz: PDS Rheinland-Pfalz, Linke Liste, 1992.

Fromm E. Der Kult der großen Männer. Berlin: Dietz, 1991.

Loiperdinger M., Herz R., Pohlmann U. (Hg.). Führerbilder. Hitler, Mussolini, Roosevelt, Stalin in Fotografie und Film. München: Piper, 1995.

Fulbrook M. Anatomy of a Dictatorship. Inside the GDR 1949–1989. Oxford, New York: Oxford University Press, 1995.

Fulbrook M. The People's State. East German Society from Hitler to Honecker. New Haven, London: Yale University Press, 2005.

Gebhardt W. Charisma als Lebensform: zur Soziologie des alternativen Lebens. Berlin: Reimer, 1994.

Geertz C. Dichte Beschreibung. Beiträge zum Verstehen kultureller Systeme. Übersetzt von Brigitte Luchesi und Rolf Bindemann. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1994.

Gerwarth R. The Bismarck Myth. Weimar Germany and the Legacy of the Iron Chancellor. Oxford: Clarendon Press, 2005.

Geyer M., Fitzpatrick Sh. (ed.). Beyond Totalitarianism. Stalinism and Nazism Compared, Cambridge: Cambridge University Press, 2009.

Gibas M., Gries R., Jakoby B., Müller D. (Hg.). Wiedergeburten. Zur Geschichte der runden Jahrestage der DDR. Leipzig: Leipziger Universitätsverlag, 1999.

Gill G., Symbols and Legitimacy in Soviet Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.

Grieder P. The East German Leadership 1946–1973. Conflict and Crisis. Manchester: Manchester University Press, 1999.

Groys B. Gesamtkunstwerk Stalin: die gespaltene Kultur in der Sowjetunion. München 1996.

Groys B., Hollein M. (Hg.). Traumfabrik Kommunismus: die visuelle Kultur der Stalinzeit. Schirn Kunsthalle Frankfurt: Hatje Cantz, 2003.

Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit: Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1990.

Hahn H., Olschowsky H. (Hg.). Das Jahr 1956 in Ostmitteleuropa. Berlin: Akademie-Verlag, 1996.

Hanuschek S.v., Hörnigk Th., Malende Ch. (Hg.). Schriftsteller als Intellektuelle: Politik und Literatur im Kalten Krieg. Tübingen: Niemeyer, 2000.

Hartewig K., Lütke A. (Hg.). Die DDR im Bild. Zum Gebrauch der Fotografie im anderen deutschen Staat. Göttingen: Wallstein, 2004.

Hartewig K. Das Auge der Partei. Fotografie und Staatssicherheit. Berlin: Ch. Links, 2004.

Hartmann A., Eggeling W. Die Gesellschaft für Deutsch-Sowjetische Freundschaft: Analysen. Berlin: Akademie-Verlag, 1993.

Häusermann J. (Hg.). Inszeniertes Charisma. Medien und Persönlichkeit. Tübingen: Niemeyer, 2001.

Hein H. Der Pilsudski-Kult und seine Bedeutung für den polnischen Staat 1926–1939. Marburg: Herder-Institut, 2002.

Heinemann W., Wiggershaus N. (Hg.). Das internationale Krisenjahr 1956. Polen, Ungarn, Suez. München: Oldenbourg, 1999.

Heller K., Plamper J. (Hg.). Personality Cults in Stalinism – Personenkulte im Stalinismus. Göttingen: V & R unipress, 2004.

Heydemann G., Oberreuter H. (Hg.). Diktaturen in Deutschland – Vergleichsaspekte. Strukturen, Institutionen, Verhaltensweisen. Bonn: bpb, 2003.

Hickethier K. Geschichte des deutschen Fernsehens. Stuttgart/Weimar: Metzler, 1998.

Hockerts H. G. (Hg.). Das Adenauer-Bild in der DDR. Bonn: Bouvier, 1996.

Holzweißig G. "Die schärfste Waffe der Partei": eine Mediengeschichte der DDR. Köln, Weimar, Wien: Böhlau, 2002.

Holzweißig G. Zensur ohne Zensor. Die SED-Informationsdiktatur. Bonn: Bouvier, 1997.

Hurwitz H. Die Stalinisierung der SED: zum Verlust von Freiräumen und sozialdemokratischer Identität in den Vorständen 1946–1949. Opladen: Westdt. Verl., 1997.

Hunt L. Symbole der Macht. Macht der Symbole. Die Französische Revolution und der Entwurf einer politischen Kultur. Aus dem Amerikanischen von Michael Bischoff. Frankfurt am Main: Fischer, 1989.

Jäger J. Photographie: Bilder der Neuzeit. Einführung in die Historische Bildforschung. Tübingen: edition diskord, 2000.

Jarausch K. H., Siegrist H. (Hg.). Amerikanisierung und Sowjetisierung in Deutschland 1945–1970. Frankfurt a. M., New York: Campus Verlag, 1997.

Jesse E. (Hg.). Totalitarismus im 20. Jahrhundert. Eine Bilanz der internationalen Forschung. Bonn: bpb, 1996.

Jessen R. Akademische Elite und kommunistische Diktatur. Die ostdeutsche Hochschullehrerschaft in der Ulbricht-Ära. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1999.

Jones P. (ed.). The Dilemmas of De-Stalinization. Negotiating Cultural and Social Change in the Khrushchev Era. London, New York: Routledge, 2006.

Jones P., Myth, Memory, Trauma: Rethinking the Stalinist Past in the Soviet Union, 1953–1970, New Haven, London: Yale University Press, 2013.

Jüngst P. Territorialität und Psychodynamik: eine Einführung in die Psychogeographie. Gießen: Psychosozial-Verl., 2000.

Kaelbe H., Kocka J., Zwahr H. (Hg.). Sozialgeschichte der DDR. Stuttgart: Klett-Cotta, 1994.

Kahle G. (Hg.). Logik des Herzens: die soziale Dimension der Gefühle. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1981.

Kerber W. (Hg.). Personenkult und Heiligenverehrung. München: Kindt, 1997.

Kershaw I. Der Hitler-Mythos: Volksmeinung und Propaganda im Dritten Reich. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1980.

Kershaw I., Lewin M. (ed.). Stalinism and Nazism. Dictatorships in Comparison. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

Kesting H. Öffentlichkeit und Propaganda. Zur Theorie der öffentlichen Meinung. Bruchsal: San-Casciano-Verl., 1995.

Kirchheisen I. (Hg.). Tauwetter ohne Frühling. Das Jahr 1956 im Spiegel blockinterner Wandlungen und internationaler Krisen. Berlin: Berliner Debatte/GSFP, 1995.

Kivelitz Ch., Die Propagandaausstellung in europäischen Diktaturen. Konfrontation und Vergleich: Nationalismus in Deutschland, Faschismus in Italien und die UdSSR der Stalinzeit. Bochum: Dr. Dieter Winkler, 1999.

Kleßman Ch., Stöver B. (Hg.). 1953–Kriesenjahr des Kalten Krieges in Europa. Köln: Böhlau, 1999.

Kleßman Ch. Zwei Staaten, eine Nation. Deutsche Geschichte 1955–1970. Bonn: bpb, 1997.

Klotz K. Das politische Plakat der SBZ/DDR 1945–1963. Zur politischen Ikonographie des sozialistischen Sichtagitation. Aachen: Shaker Verlag, 2006.

Koenen G. Die großen Gesänge: Lenin, Stalin, Mao Tse Tung: Führerkulte und Heldenmythen des 20. Jahrhunderts. Frankfurt a. M.: Eichborn, 1991.

Körner K. "Die rote Gefahr". Antikommunistische Propaganda in der Bundesrepublik 1950–2000. Hamburg: Konkret-Literatur-Verlag, 2003.

Koselleck R., Jeismann M. (Hg.). Der politische Totenkult. Kriegerdenkmäler in der Moderne. München: Wilhelm Fink Verlag, 1994.

Kowalczyk I.-S. Geist im Dienste der Macht. Hochschulpolitik in der SBZ/DDR 1945 bis 1961. Berlin: Christoph Links, 2003.

Creuzberger S., Die sowjetische Besatzungsmacht und das politische System der SBZ. Weimar, Köln, Wien: Böhlau, 1996.

Hardtwig W., Wehler H.-U. (Hg), Kulturgeschichte Heute. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1996.

Lemke M. (Hg.). Sowjetisierung und Eigenständigkeit in der SBZ/DDR (1945–1953). Köln, Weimar, Wien: Böhlau, 1999.

Lemke M. Die Berlinkrise 1958 bis 1963. Interessen und Handlungsspielräume der SED im Ost-West-Konflikt. Berlin: Akademie-Verlag, 1995.

Lindenberger Th. (Hg.). Herrschaft und Eigen-Sinn in der Diktatur. Studien zur Gesellschaftsgeschichte der DDR. Köln, Weimar, Wien: Böhlau, 1999.

Löhmman R. Der Stalinmythos. Studien zur Sozialgeschichte des Personenkultes in der Sowjetunion (1929–1935). Münster: Lit, 1990.

Loth W. Stalins ungeliebtes Kind: warum Moskau die DDR nicht wollte. Berlin: Rowohlt, 1994.

Lüdtke A., Becker P. (Hg.). Akten. Eingaben. Schaufenster: Die DDR und ihre Texte: Erkundungen zu Herrschaft und Alltag. Berlin: Akademie-Verlag, 1997.

Lüdtke A. (Hg.). Alltagsgeschichte: zur Rekonstruktion historischer Erfahrungen. Frankfurt a. M.: Campus, 1989.

Lüdtke A. (Hg.). Herrschaft als soziale Praxis. Historische und sozialanthropologische Studien. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1991.

Mählert U. Blaue Hemden – Rote Fahnen. Die Geschichte der Freien Deutschen Jugend. Opladen: Leske + Budrich, 1996.

Mählert U. Die Freie Deutsche Jugend. 1945–1949. Paderborn, München, Wien, Zürich: Ferdinand Schöningh, 1995.

Malycha A. Die SED. Geschichte ihrer Stalinisierung 1946–1953. Paderborn: Schöningh, 2000.

Malycha A. Partei von Stalins Gnaden? Die Entwicklung der SED zur Partei neuen Typs in den Jahren 1946 bis 1950. Berlin: Dietz, 1996.

Marßolek I. Radiozeiten. Herrschaft, Alltag, Gesellschaft (1924–1960). Potsdam: Verl. für Berlin-Brandenburg, 1999.

Marsh R. Images of dictatorship: Portraits of Stalin in literature. London/NY: Routledge, 1990.

Merkel I. (Hg.). "Wir sind doch nicht die Meckerecke der Nation". Briefe an das Fernsehen der DDR. – Berlin: Schwarzkopf-Schwarzkopf, 2000.

Merl S., Politische Kommunikation in der Diktatur. Deutschland und die Sowjetunion im Vergleich, Göttingen: Wallstein, 2012.

Meuschel S. Legitimation und Parteiherrschaft in der DDR. Zum Paradox von Stabilität und Revolution in der DDR 1945–1989. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1992.

Meyer Th., Ontrup R., Schina Ch. Die Inszenierung des Politischen. Zur Theatralität von Mediendiskursen. Wiesbaden: Westdeutscher-Verl., 2000.

Möller F. (Hg.). Charismatische Führer der deutschen Nation. München: Oldenbourg, 2004.

Mosse G. L. Die Nationalisierung der Massen. Politische Symbolik und Massenbewegungen in Deutschland von den Napoleonischen Kriegen bis zum Dritten Reich. Frankfurt a. M., Berlin: Ullstein, 1976.

Mussijenko N., Vatlin A. Schule der Träume. Die Karl-Liebnecht-Schule in Moskau (1924–1938). Bad Heilbrunn: Klinkhardt, 2005.

Naimark N. M. Die Russen in Deutschland: die sowjetische Besatzungszone 1945 bis 1949 / Aus dem Amerikan. von H.-U. Seebohm und H.-J. Maas. Berlin: Ullstein, 1999.

Niethammer L., Plato A.v., Wierling D. Die Volkseigene Erfahrung. Eine Archäologie des Lebens in der Industrieprovinz der DDR. Berlin: Rowohlt, 1991.

Niemann H. Meinungsforschung in der DDR: die geheimen Berichte des Instituts für Meinungsforschung an das Politbüro des SED. Köln: Bund-Verlag, 1993.

Nippel W. Virtuosen der Macht: Herrschaft und Charisma von Perikles bis Mao. München: Beck, 2000.

Vorsteher D. (Hg.). Parteiauftrag: Ein neues Deutschland. Bilder, Rituale und Symbole der frühen DDR. Berlin: Koehler & Amelang, 1996.

Pence K., Betts P. (ed.). *Socialist Modern: East German Everyday Culture and Politics*. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 2008.

Picaper J.-P. *Kommunikation und Propaganda in der DDR*. Stuttgart: Bonn Aktuell, 1976.

Plaggenborg S. *Revolutionskultur: Menschenbilder und kulturelle Praxis in Sowjetrußland zwischen Oktoberrevolution und Stalinismus*. Köln, Weimar, Wien: Böhlau, 1996.

Plato A.v., Leh A. "Ein unglaublicher Frühling": *Erfahrene Geschichte im Nachkriegsdeutschland 1945–1948*. Bonn: bpb, 1997.

Podewin N. *Walter Ulbricht. Eine neue Biographie*. Berlin: Dietz, 1995.

Podewin N. *Ulbrichts Weg an die Spitze der Macht. Stationen zwischen 1945 und 1954*. Berlin: Gesellschaftswiss. Forum, 1998.

Port A. *Conflict and Stability in the German Democratic Republic*. Cambridge: Harvard University Press, 2009.

Pritchard G. *The Making of the GDR 1945–1953. From Antifascism to Stalinism*. Manchester: Manchester University Press, 2000.

Rausch H. *Kultfigur und Nation. Öffentliche Denkmäler in Paris, Berlin und London 1848–1914*. München: R. Oldenbourg, 2006.

Reichel P. *Der schöne Schein des Dritten Reiches. Gewalt und Faszination des deutschen Faschismus*. Hamburg: Ellert Et Richter Verlag, 2006.

Rittersporn G. T., Rolf M., Behrends J. C. (Hg.). *Sphären von Öffentlichkeit in Gesellschaften sowjetischen Typs. Zwischen parteistaatliche Selbstinszenierung und kirchlichen Gegenwelten*. Frankfurt a. M.: Peter Lang, 2003.

Rolf M. *Das sowjetische Massenfest*. Hamburg: Hamburger Edition, 2006.

Ross C. *Constructing Socialism at the Grass-Roots. The Transformation of East Germany, 1945–65*. London: Macmillan, 2000.

Ruhl A. *Stalin-Kult und Rotes Woodstock. Die Weltjugendfestspiele 1951 und 1973 in Ostberlin*. Marburg: Tectum Verlag, 2009.

Sabrow M. (Hg.). *Geschichte als Herrschaftsdiskurs: Der Umgang mit der Vergangenheit in der DDR*. Köln, Weimar, Wien: Boehla, 2000.

Sänger J. *Heldenkult und Heimatliebe. Straßen- und Ehrennamen im offiziellen Gedächtnis der DDR*. Berlin: Ch. Links Verlag, 2006.

Saldern A.v., Marßolek I., Münkkel D. *Radio in der DDR der fünfziger Jahre: zwischen Lenkung und Ablenkung*. Tübingen: Ed. Diskord, 1998.

Saldern A.v. (Hg.). *Mythen in Geschichte und Geschichtsschreibung aus polnischer und deutscher Sicht*. Münster: Lit, 1996.

Satjukow S. *Befreiung? Die Ostdeutschen und 1945*, Leipzig: Leipziger Universitaetsverlag, 2009.

Satjukow S. *Besatzer. "Die Russen" in Deutschland 1945 bis 1994*, Goettingen 2008.

Satjukow S., Gries R. (Hg.). Sozialistische Helden: eine Kulturgeschichte von Propagandafiguren in Osteuropa und der DDR. Berlin: Links, 2002.

Satjukow S., Gries R. (Hg.). Unsere Feinde. Konstruktionen des Anderen im Sozialismus. Leipzig: Leipziger Universitätsverlag, 2004.

Schüle A., Ahbe Th., Gries R. (Hg.). Die DDR aus generationengeschichtlicher Perspektive. Eine Inventur. Leipzig: Leipziger Universitätsverlag, 2006.

Plaggenborg S. (Hg.). Stalinismus: neue Forschungen und Konzepte. Berlin: Berlin-Verl. Spitz, 1998.

King D. Stalins Retuschen: Foto- und Kunstmanipulationen in der Sowjetunion. Hamburg: Hamburger Ed., 1997.

Neubert H. (Hg.). Stalin wollte ein anderes Europa: Moskaus Außenpolitik 1940 bis 1968 und die Folgen. Eine Dokumentation von W. K. Wolkow. Berlin: Ed. Ost, 2003.

Staritz D. Geschichte der DDR. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1996.

Staritz D. Die Gründung der DDR: von der sowjetischen Besatzungsherrschaft zum sozialistischen Staat. München: Dt. Taschenbuch-Verl., 1995.

Stern F. Dogma und Widerspruch: SED und Stalinismus in den Jahren 1946 bis 1958. München: tuduv, 1995.

Strunk P. Zensur und Zensoren. Medienkontrolle und Propagandapolitik unter sowjetischer Besatzungsherrschaft in Deutschland. Berlin: Akademie-Verlag, 1996.

Suckut S. Parteien in der SBZ/DDR 1945–1952. Bonn: bpb, 2000.

Pribersky A., Unfried B. (Hg.). Symbole und Rituale des Politischen: Ost- und Westeuropa im Vergleich. Frankfurt a. M.: Lang, 1999.

Tacke Ch. Nationale Symbole in Deutschland und Frankreich im 19. Jahrhundert. Göttingen: V & R, 1995.

Timmermann H. (Hg.). Diktaturen in Europa im 20. Jahrhundert – der Fall DDR. Berlin: Duncker & Humboldt, 1996.

Maeder E., Lohm Ch. Utopie und Terror. Josef Stalin und seine Zeit. Zürich: Chronos, 2003.

Velikanova O. The Public Perception of the Cult of Lenin Based on Archival Materials. Lewiston: Mellen, 2001.

Voigt R. Des Staates neue Kleider: Entwicklungslinien moderner Staatlichkeit. Baden-Baden: Nomos, 1996.

Volkman H.-E. (Hg.). Das Russlandbild im Dritten Reich. Köln, Weimar, Wien: Böhlau, 1994.

Hoffmann D., Schwartz M., Wentker H. (Hg.). Vor dem Mauerbau: Politik und Gesellschaft in der DDR der fünfziger Jahre. München: Oldenbourg, 2003.

Weber J. (Hg.). Der SED-Staat: Neues über eine vergangene Diktatur. München: Olzog, 1994.

Weber H. Geschichte der DDR. München: Dt. Taschenbuch Verlag, 2000.

Wierling D. Geboren im Jahr Eins. Der Jahrgang 1949 in der DDR. Versuch einer Kollektivbiographie. Berlin: Links, 2002.

Wolle S. Die heile Welt der Diktatur: Alltag und Herrschaft in der DDR 1971–1989. Berlin: Links, 1998.

Zagatta M. Informationspolitik und Öffentlichkeit. Zur Theorie der politischen Kommunikation in der DDR. Köln: Verl. Wissenschaft und Politik, 1984.

Zarusky J. (Hg.). Die Stalin-Note vom 10. März 1952. Neue Quellen und Analysen. München: Oldenbourg, 2002.

Zimmering R. Mythen in der Politik der DDR. Ein Beitrag zur Erforschung politischer Mythen. Opladen: Leske + Budrich, 2000.

Статьи

Барсуков Н. А. XX съезд в ретроспективе Хрущева // Отечественная история. 1996. № 6. С. 169–177.

Гвоздев С. А. Смерть Сталина и настроения в советском обществе / Вопросы отечественной и зарубежной истории: Материалы конференции «Чтения Ушинского». Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2003. С. 72–81.

Гловинский М. «Не пускать прошлого на самотек»: «Краткий курс ВКП(б)» как мифическое сказание // Новое литературное обозрение. 1996. № 22. С. 142–160.

Гозман Л., Эткинд А. Культ власти. Структура тоталитарного сознания // Осмыслить культ Сталина. М.: Прогресс, 1989. С. 337–371.

Зубкова Е. Ю. Общество, вышедшее из войны: русские и немцы в 1945 году // Отечественная история. 1995. № 3. С. 90–100.

Зубкова Е. Ю. Сталин и общественное мнение в СССР. 1945–1953 // Сталинское десятилетие холодной войны: факты и гипотезы. М.: Наука, 1999. С. 151–170.

Илизаров Б. С. Сталин. Болезни, смерть и «бессмертие» // Сталин. Сталинизм. Советское общество: К 70-летию В. С. Лельчука. М.: ИРИ РАН, 2000. С. 291–317.

Итвел Р. Возрождение харизмы? Теория и проблемы операционализации понятий // Социологические исследования. 2003. № 3. С. 9–19.

Кларк К. Положительный герой как вербальная икона / Соцреалистический канон. Сборник статей под общ. ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. С. 569–584.

Медведев Р. А. Как сделан «Краткий курс» // Свободная мысль. 2004. № 2. С. 130–153.

Филитов А. М. «Новый курс». Германский вопрос в советской политике, 1953 год // Россия и Германия. Вып. 2. М.: Наука, 2001. С. 263–277.

Филитов А. М. СССР и ГДР: год 1953-й // Новая и новейшая история. 2000. № 7. С. 123–135.

Филитов А. М. СССР и германский вопрос: поворотные пункты (1941–1961 гг.) // Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива: Сб. ст. Рос. акад. наук. Ин-т всеобщей истории / отв. ред. Н. И. Егорова, А. О. Чубарьян. М.: ОЛМА–ПРЕСС, 2003. С. 223–256.

Чередниченко Т. В. О роли имиджа в истории // Социологические исследования. 1993. № 9. С. 93–98.

Эннкер Б. Советский культ вождей: между мифом, харизмой, общественным мнением. – «Вождь и народ». – Понятие и следствия одного образца политической культуры в условиях диктатуры // Вестник Московского университета. Серия 12: Социально-политические исследования. 1994. № 5. С. 13–24.

Юстус У. Возвращение в рай: соцреализм и фольклор // Соцреалистический канон. Сборник статей под общ. ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. С. 70–86.

Aksjutin J. Der XX. Parteitag der KPdSU, in: Jahrbuch für Historische Kommunismusforschung. Berlin: Akademie Verlag, 1996. S. 36–68.

Azaryahu M. Zurück zur Vergangenheit? Die Straßennamen Ost-Berlins 1990–1994, in: Speitkamp W. (Hg.). Denkmalsturz: zur Konfliktgeschichte politischer Symbolik. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1997. S. 137–154.

Badstübner R. “Beratungen” bei Stalin. Neue Dokumente, in: Utopie kreativ. 1991. H. 7. S. 99–116.

Barber J., The Image of Stalin in Soviet Propaganda and Public Opinion during World War 2, in: Garrad J., Garrard C. (ed.). World War 2 and the Soviet People, Basingstoke: St. Martin’s Press, 1993. P. 38–49.

Barck S., Langermann M., Requate J. Kommunikative Strukturen, Medien und Öffentlichkeiten in der DDR, in: Berliner Debatte INITIAL. 1995. H. 4/5. S. 25–38.

Behrenbeck S. “Der Führer”: Die Einführung eines politischen Markenartikels, in: Diesener G., Gries R. (Hg.). Propaganda in Deutschland. Zur Geschichte der politischen Massenbeeinflussung im 20. Jahrhundert. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1996. S. 51–78.

Behrends J. C. Exporting the Leader. The Stalin Cult in Poland and East Germany, in: Apor, Behrends, Jones, Rees (ed.). The Leader Cult in Communist Dictatorship. P. 161–178.

Behrends J. C. Soll und Haben. Freundschaftsdiskurs und Vertrauensressourcen in der staatssozialistischen Diktatur, in: Frevert U. (Hg.). Vertrauen. Historische Annäherung. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2003. S. 336–364.

Behrends J. C., Sowjetische “Freunde” und fremde “Russen”. Deutsch-Sowjetische Freundschaft zwischen Ideologie und Alltag (1949–1990),

in: Ders., Lindenberger Th., Poutrus P. G. (Hg.). Fremde und Fremdsein in der DDR: zu historischen Ursachen der Fremdenfeindlichkeit in Ostdeutschland. Berlin: Metropol, 2003. S. 75–98.

Bonwetsch B., Bordjugow G. Stalin und die SBZ: Ein Besuch der SED-Führung in Moskau vom 30. Januar – 7. Februar 1947, in: Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 42 (1994) 3. S. 279–303.

Daschitschew W. Deutschland in der Politik Stalins, in: Deutschland Archiv. 2000. H. 33. S. 391–398.

Diedrich T., Ehlert H. “Moderne Diktatur” – “Erziehungsdiktatur” – “Fürsorgediktatur” oder was sonst? – Das Herrschaftssystem der DDR und der Versuch seiner Definition. Ein Tagungsbericht, in: Potsdamer Bulletin für Zeithistorische Studien. 1998. H. 12. S. 17–25.

Eghigian G. Der Kalte Krieg im Kopf. Ein Fall von Schizophrenie und die Geschichte des Selbst in der sowjetischen Besatzungszone, in: Historische Anthropologie. 11 (2003) 1. S. 101–120.

Eisenberg B. Gerüchteküche DDR – Die Desinformationspolitik des Ministeriums für Staatssicherheit, in: Werkstatt Geschichte. 1996. H. 15. S. 41–53.

Ennker B. Führerdiktatur – Sozialdynamik und Ideologie. Stalinistische Herrschaft in vergleichender Perspektive, in: Vetter M. (Hg.). Terroristische Diktaturen im 20. Jahrhundert: Strukturelemente der nationalsozialistischen und stalinistischen Herrschaft. Opladen: Westdt. Verl., 1996. S. 85–117.

Ennker B. Leninkult und mythisches Denken in der sowjetischen Öffentlichkeit 1924, in: Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, 44 (1996). S. 431–455.

Fischer J.-U., Illustrierte Trauer – staatliche Totenfeiern: Symbolische Inszenierung der Trauer in der DDR–Illustrierten, in: SOWI: DDR–Bilder: Staat–Stadt–Heimat. 2004. № 1. S. 35–44.

Fischer J.-U. Stalins Geburtstag im ostdeutschen Rundfunk (1945–1956), in: Rundfunk und Geschichte. 21 (1995) 4. S. 247–253.

Foitzik J. Die parteiinterne Behandlung der Geheimrede Chruschtschows auf dem XX. Parteitag der KPdSU durch die SED, die PVAP und die KPTsch, in: Kircheisen I. (Hg.). Tauwetter ohne Frühling: das Jahr 1956 im Spiegel blockinternen Wandlungen und internationaler Krisen. Berlin: Berliner Debatte, 1995. S. 60–83.

Frevert U. Die Sprache des Volkes und die Rhetorik der Nation. Identitätssplitter in der deutschen Nachkriegszeit, in: Bauerkämper A., Sabrow M., Stöver B. (Hg.). Doppelte Zeitgeschichte. Deutsch-deutsche Beziehungen 1945–1990. Bonn: Dietz, 1998. S. 18–31.

Fuehrer K.Ch., Hickethier K., Schildt A. Öffentlichkeit – Medien – Geschichte. Konzepte der modernen Öffentlichkeit und Zugänge zu ihrer Erforschung, in: Archiv für Sozialgeschichte. 41 (2001). S. 1–38.

Gestwa K., Sowjetische Landschaften als Panorama von Macht und Ohnmacht. Historische Spurensuche auf den "Großbauten des Kommunismus" und in dörflicher Idylle, in: Historische Anthropologie. 11 (2003) 1. S. 72–100.

Gibas M. Die "einheitliche öffentliche Meinung". Zur Kampagnenpolitik und Kommunikationspraxis, in: Barck S., Lagermann M., Lokatis S. (Hg.). Zwischen "Mosaik" und "Einheit". Zeitschriften in der DDR. Berlin: Links, 1999. S. 540–549.

Gibas M., Gries R. Die Inszenierung des sozialistischen Deutschlands. Geschichte und Dramaturgie der Dezennienfeiern in der DDR, in: Gibas M., Gries R., Jakoby B., Müller D. (Hg.). Wiedergeburten. Zur Geschichte der runden Jahrestage der DDR, Leipzig: Leipziger Universitätsverlag, 1999. S. 11–35.

Gibas M., Gries R. "Vorschlag für den Ersten Mai: die Führung zieht am Volk vorbei!" Überlegungen zur Geschichte der Tribüne in der DDR, in: Deutschland Archiv. 28 (1995) 5. S. 481–494.

Gries R. Propagandageschichte als Kulturgeschichte. Methodische Erwartungen und Erfahrungen, in: Deutschland Archiv. 33 (2000) 4. S. 558–570.

Gries R., Satjukow S. Von Feinden und Helden. Inszenierte Politik im realen Sozialismus, in: Aus Politik und Zeitgeschichte. B 53/2003. S. 20–29.

Gries R., Satjukow S. Von Menschen und Übermenschen. Der "Alltag" und "Außeralltägliche" der "sozialistischen Helden", in: Aus Politik und Zeitgeschichte. B 17/2002. S. 39–46.

Gries R. "Walter Ulbricht – das sind wir alle!" Inszenierungsstrategien einer charismatischen Kommunikation, in: Möller F. (Hg.). Charismatische Führer der deutschen Nation. München, 2004. S. 193–218.

Günter H. Held und Feind als Archetyp des totalitären Mythos, in: Vetter M. (Hg.). Terroristische Diktaturen im 20. Jahrhundert: Strukturelemente der nationalsozialistischen und stalinistischen Herrschaft. Opladen: Westdt. Verl., 1996. S. 42–63.

Hartmann A. Schriftsteller als kulturpolitische Kader: Auswirkungen der sowjetischen Präsenz auf das kulturelle Leben in der SBZ, in: Hanuschek S., Hörnigk T., Malende C. (Hg.). Schriftsteller als Intellektuelle: Politik und Literatur im Kalten Krieg. Tübingen: Niemeyer, 2000. S. 159–172.

Hein H. Der Pilsudski-Kult. Entwicklungsstufen und Elemente eines politischen Kultes, in: Osteuropa. 2001. № 11/12. S. 1470–1479.

Jessen R. Die Gesellschaft im Staatssozialismus. Probleme einer Sozialgeschichte der DDR, in: Geschichte und Gesellschaft. 21 (1995) 1. S. 96–110.

Kershaw I. Nationalsozialistische und stalinistische Herrschaft. Möglichkeiten und Grenzen des Vergleichs, in: Jesse E. (Hg.). Totali-

tarismus im 20. Jh. Eine Bilanz der internationalen Forschung. Bonn: bpb, 1999. S. 213–222.

Klein A. Zwischen Entstalinisierung und neostalinistischer Erstarrung: Die SED – Parteiorganisation Halle nach dem XX. Parteitag der KPdSU (eine Fallstudie), in: Kircheisen I. (Hg.). Tauwetter ohne Frühling. Das Jahr 1956 im Spiegel blockinterner Wandlungen und internationaler Krisen. Berlin: Berliner Debatte / GSFP, 1995. S. 113–125.

Kuhn K. Von der Gesellschaft zum Studium der Kultur der Sowjetunion für Deutsch-Sowjetische Freundschaft und zum Stalin-Kult, in: Jahrbuch für historische Kommunismusforschung. Berlin: Dietz, 2003. S. 131–139.

Landwehr A. Diskurs-Macht-Wissen. Perspektiven einer Kulturgeschichte des Politischen, in: Archiv für Kulturgeschichte. 85 (2003) 1. S. 71–117.

Lindenberger Th. Neue Heimat im Kalten Krieg – Potemkinsche Dörfer der DEFA im Friedenskampf, in: Zuckermann M. (Hg.). Medien-Politik-Geschichte. Tel Aviver Jahrbuch für deutsche Geschichte. XXXI (2003). Göttingen: Wallstein Verlag, 2003. S. 103–124.

Lütke A. Die DDR als Geschichte. Zur Geschichtsschreibung über die DDR, in: Aus Politik und Zeitgeschichte. B 36/1998. S. 3–16.

Mählert U. “Die gesamte junge Generation für den Sozialismus begeistern”: Zur Geschichte der Freien Deutschen Jugend, in: Weber J. (Hg.). Der SED-Staat: Neues über eine vergangene Diktatur. München: Olzog, 1994. S. 73–98.

MarBolek I. Radio in Deutschland 1923–1960. Zur Sozialgeschichte eines Mediums, in: Geschichte und Gesellschaft. 27 (2001). S. 207–239.

Mergel Th. Überlegungen zu einer Kulturgeschichte der Politik, in: Geschichte und Gesellschaft. 28 (2002) 4. S. 574–606.

Meissner J. Die Partei- und Staatsführung im Bild: politische Fotografie in der DDR, in: SOWI: DDR-Bilder: Staat-Stadt-Heimat. 1/2004. S. 4–12.

Meuschel S. Überlegungen zu einer Herrschafts- und Gesellschaftsgeschichte der DDR, in: Geschichte und Gesellschaft. 19 (1993). S. 5–14.

Neidhardt F. Öffentlichkeit, öffentliche Meinung, soziale Bewegungen, in: Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. Sonderheft. 1994. S. 7–42.

Nicklas T. Macht-Politik-Diskurs. Möglichkeiten und Grenzen einer Politischen Kulturgeschichte, in: Archiv für Kulturgeschichte. 86 (2004) 1. S. 1–25.

Rytlewski R., Kraa D. Politische Rituale in der Sowjetunion und der DDR, in: Aus Politik und Zeitgeschichte. B3/1987. S. 33–48.

Plamper J. “The Hitlers Come and Go...”, the Führer Stays: The Stalin Cult in East Germany, in: Heller K., Plamper J. (Hg.). Personality Cults in Stalinism – Personenkulte im Stalinismus. Göttingen, 2004. P. 301–329.

Requate J. Öffentlichkeit und Medien als Gegenstände historischer Analyse, in: *Geschichte und Gesellschaft*. 25 (1999). S. 5–32.

Sabrow M. Sozialismus als Sinnwelt. Diktatorische Herrschaft in kulturhistorischer Perspektive, in: *Potsdamer Bulletin für Zeithistorische Studien*. H. 40/41. 2007. S. 9–23.

Saldern A.v. Öffentlichkeiten in Diktaturen. Zu den Herrschaftspraktiken im Deutschland des 20. Jahrhunderts, in: Heydemann G., Oberreuther H. (Hg.). *Diktaturen in Deutschland – Vergleichsaspekte. Strukturen, Institutionen und Verhaltensweisen*. Bonn: bpb, 2003. S. 442–475.

Satjukow S., Gries R. Sozialistische Helden: Figuren der Propaganda und Personen des Vertrauens, in: *Deutschland Archiv*. 35 (2002) 5. S. 782–792.

Scherstjanoi E. Die sowjetische Deutschlandpolitik nach Stalins Tod 1953. Neue Dokumente aus dem Archiv des Moskauer Ministeriums, in: *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*. 46 (1998). S. 497–549.

Scherstjanoi E., Semmelmann R. Die Gespräche Stalins mit der SED-Führung im Dezember 1948 und im April 1952, in: *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*. 52 (2004) 2. S. 138–166.

Schildt A. Das Jahrhundert der Massenmedien. Ansichten zu einer künftigen Geschichte der Öffentlichkeit, in: *Geschichte und Gesellschaft*. 27 (2001). S. 177–206.

Schmidt K.-H. Als Stalin starb. Die Reaktion des SED-Regimes und der Bevölkerung im Spiegel interner Berichte, in: Schroeder K. (Hg.). *Geschichte und Transformation des SED-Staates: Beiträge und Analysen*. Berlin: Akademie Verlag, 1994. S. 85–111.

Staritz D. Die SED, Stalin und die Gründung der DDR, in: *Aus Politik und Zeitgeschichte*. B5/1991. S. 3–16.

Tikhomirov A. Stalin-Bild(er) in der SBZ/DDR: die deutsche Nachkriegsgesellschaft im Spannungsfeld zwischen Propaganda und Erfahrung, in: Timmermann H. (Hg.). *Historische Erinnerung im Wandel. Neuere Forschungen zur deutschen Zeitgeschichte unter besonderer Berücksichtigung der DDR-Forschung*. Münster: LIT, 2007. S. 467–509.

Tikhomirov A. Symbols of Power in Rituals of Violence: The Personality Cult and Iconoclasm on the Soviet Empire's Periphery (East Germany, 1945–61), in: *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 13. No.1 (Winter 2012). P. 47–88.

Tikhomirov A. The Stalin Cult Between Center and Periphery: Structures of the Cult Community in the Empire of Socialism, 1949–1956 – the Case of GDR, in: Ennker B., Hein-Kircher H. (Hg.). *Der Führer im Europa des 20. Jahrhunderts*. Marburg: Herder-Institut, 2010. S. 297–321.

Velikanova O. Berichte zur Stimmungslage. Zu den Quellen politischer Beobachtung der Bevölkerung in der Sowjetunion, in: *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 47 (1999) 2. S. 227–243.

Voigt R. Mythen, Rituale und Symbole in der Politik, in: Pribersky A., Unfried B. (Hg.). Symbole und Rituale des Politischen: Ost- und Westeuropa im Vergleich. Frankfurt a. M.: Lang, 1999. S. 55–72.

Warnke M. Politische Ikonographie. Hinweise auf eine sichtbare Politik, in: Leggewie C. (Hg.). Wozu Politikwissenschaft? Über das Neue in der Politik. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1994. S. 170–178.

Weisbrod B. Medien als symbolische Form der Massengesellschaft. Die medialen Bedingungen von Öffentlichkeit im 20. Jahrhundert, in: Historische Anthropologie, 9 (2001) 2. S. 270–283.

Wierling D. Über die Liebe zum Staat – der Fall DDR, in: Historische Anthropologie, 8 (2000) 2. S. 236–263.

Zagladin V. Der erste Erneuerungsimpuls. Eine Betrachtung zum 40. Jahrestag des XX. Parteitages der KpdSU, in: Jahrbuch für Historische Kommunismusforschung. Berlin: Akademie Verlag, 1996. S. 11–35.

Словари и справочники

Материалы по истории советской военной администрации в Германии в 1945–1949 гг. Научно-справочное издание. Выпуск 1. (Политические структуры СВАГ) М.: Джангар, 1998.

Постмодернизм. Энциклопедия. Минск: Интерпрессервис, 2001.

Suckut S. (Hg.). Das Wörterbuch der Staatssicherheit. Definitionen zur “politisch-operativen Arbeit”. Berlin: Links, 1996.

Müller-Enbergs H., Wiehlgohs J., Hoffmann D. (Hg.). Wer war wer in der DDR? Ein biographisches Lexikon. Berlin: Links, 2000.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
----------------	---

Глава 1. Империя сталинизма: СССР и Восточная Германия после 1945 г.

1.1. Культ Сталина между Центром и Периферией: советизация как символическая политика	38
1.2. Восточная Германия как лаборатория социализма: диктатура как социальная практика	42
1.3. Границы диктатуры дискурса: пути формирования единого дискурсивного поля сталинизма	48

Глава 2. От «красного тирана» к «лучшему другу немецкого народа»: образ Сталина в Советской оккупационной зоне Германии (1945 по 1949 г.)

2.1. «Освободитель» вместо «победителя»: мифы начала в послевоенной Германии	68
2.2. Сталин в роли гаранта мира, духовного отца и наставника: репрезентации комплекса вины и вопрос о чести немецкой нации	76
2.3. Культ Сталина в СЕПГ: советизация политической культуры Восточной Германии	84
2.4. Культ Сталина в публичном пространстве диктатуры: зачистка и оккупация немецкой территории советскими символами власти	100
2.5. В очереди и в пивной: толки о Сталине в неофициальных публичных сферах	110

Глава 3. «Лучший друг немецкого народа»: интегративные структуры культового сообщества в ГДР (1949–1956 гг.)

3.1. Экспорт культа Сталина в Восточную Германию: логистика, методы и агенты идеологического трансфера.	123
--	-----

3.2. Уважать, благодарить, любить: эмоции и чувства в империи сталинизма	139
3.3. Ритуалы культа Сталина: модели и алгоритмы символической коммуникации	145
3.4. Жить и работать по-социалистически: Аллея Сталина и Сталинштадт	190

Глава 4. «Лютый враг немецкого народа»: культ личности и иконоборчество в Восточной Германии

4.1. Конфликтный потенциал в официальных публичных сферах	204
4.2. Пространственно-временные измерения иконаборчества	211
4.3. Формы обесчещивания власти и эмоциональная работа общества	216
4.4. Символическая конкуренция культа Гитлера с культом Сталина	223

Глава 5. «Хотели сделать бога, а получился черт»: политика и практики десталинизации в ГДР (1956–1961 гг.)

5.1. Вальтер Ульбрихт и внутрипартийные реакции в СЕПГ на доклад Хрущева	229
5.2. Популярные реакции на десталинизацию и ее влияние на восточных немцев	241
5.3. Кризис публичного символизма и поиск антикризисных репрезентаций власти	257
Заключение	268
Список сокращений	281
Библиография	282

Научное издание

История сталинизма

Тихомиров Алексей Александрович

**«Лучший друг немецкого народа»:
культ Сталина в Восточной Германии
(1945–1961 гг.)**

Ведущий редактор *Н. А. Волынчик*

Редактор *Е. А. Кочанова*

Художественный редактор *А. К. Сорокин*

Художественное оформление *А. Ю. Никулин*

Технический редактор *М. М. Ветрова*

Выпускающий редактор *Н. Н. Доломанова*

Компьютерная верстка *Т. Т. Богданова*

Корректор *Е. Л. Бородина*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 19.03.2014.

Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 19,5.

Тираж 1000 экз. Заказ 1593.

Издательство «Политическая энциклопедия»

127018, Москва, 3-й проезд Марьиной Рощи, д. 40, стр. 1

Тел.: 8(499) 685-15-75 (общий, факс), 8(499)709-72-95 (отдел реализации)

Отпечатано способом ролевой струйной печати

в ОАО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru,

8(495)988-63-76, т/ф. 8(496)726-54-10

«ЛУЧШИЙ ДРУГ НЕМЕЦКОГО НАРОДА»

КУЛЬТ СТАЛИНА
В ВОСТОЧНОЙ ГЕРМАНИИ
(1945–1961 гг.)

Алексей Тихомиров – кандидат исторических наук, научный сотрудник Университета имени Гёте (Франкфурт-на-Майне).

Выпускник исторического факультета Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского.

Работал в Школе славянских и восточно-европейских исследований Университетского колледжа Лондона.

Проходил научные стажировки в немецких университетах Тюбингена, Карлсруэ, Йены и Кемница. Являлся стипендиатом Института европейской истории в Майнце и Германского исторического института в Москве.

Сфера научных интересов охватывает историю Советского Союза и Германской Демократической республики с ключевым вопросом о том, как функционировали диктатуры современности и обеспечивалась жизнеспособность закрытых обществ.

Научные работы были опубликованы в ведущих журналах *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian Studies* (2012), *Slavonic and East European Review* (2013) и *Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре* (2013). В настоящее время работает над монографией «*Forced Trust: Emotional Bonds between People and State in Soviet Russia (1917–1991), A History of Trust and Distrust*».

Библио-Глобус
ООО «Беркут»
г. Челябинск, Мичуринский пр. 114 | Тел. (315) 799-22-05.
КТК:
9 785824 318616
Тихомиров А.А. "Лучший др
Цена: 409,00